

ТЗ(2)722
Г-36

ГЕРОИЧЕСКАЯ

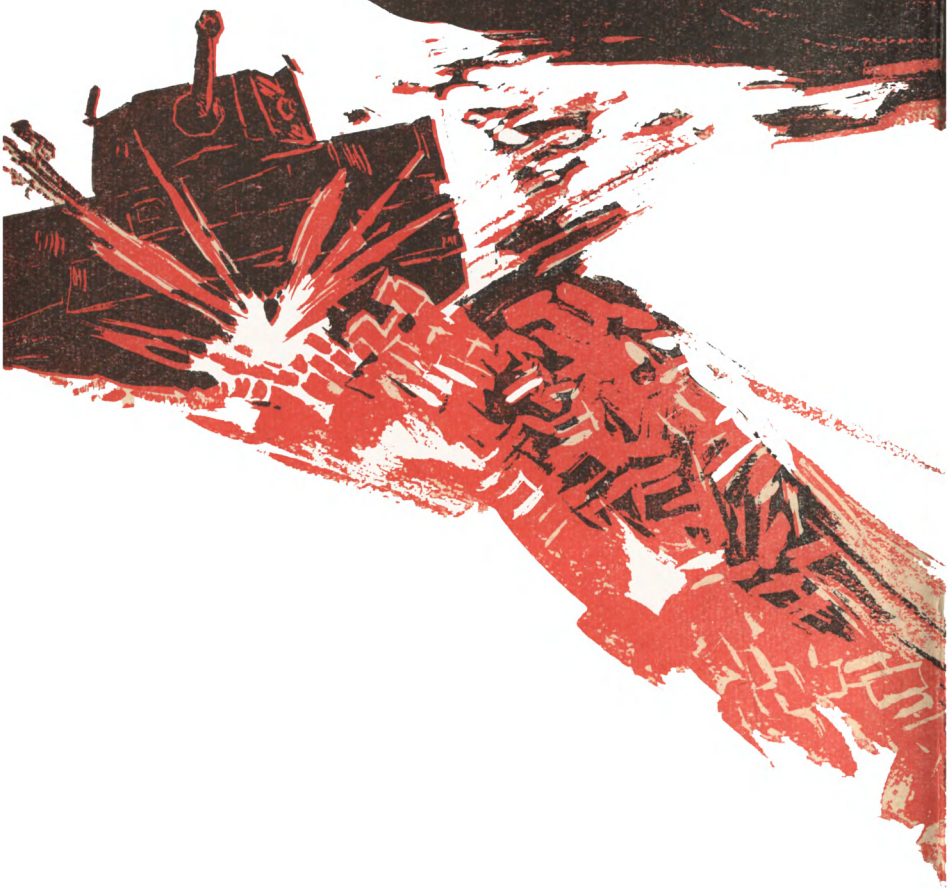
ОБОРОНА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК БССР

МУЗЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ
БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

Государственное издательство БССР
Редакция социально-экономической литературы
Минск 1963

ГЕРОИЧЕСКОЕ

**Сборник воспоминаний
об обороне Брестской крепости
в июне — июле 1941 г.**

ЖАЯ ОБОРОНА

Второе дополненное издание

Составители:

**М. И. ГЛАЗЕР, Г. И. ОЛЕХНОВИЧ,
Т. М. ХОДЦЕВА, Л. В. КИСЕЛЕВА.**

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН БССР, доктор исторических наук **И. С. Кравченко;** **Н. И. Красовский;** майор **А. А. Крупеников;** участник обороны Брестской крепости, член Союза писателей СССР **А. И. Махнач.**

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателя сборник воспоминаний является вторым переработанным и дополненным изданием. Он написан участниками героической обороны Брестской крепости. В своих воспоминаниях они рассказывают о бессмертных, незабываемых подвигах гарнизона советской пограничной крепости в начале Великой Отечественной войны.

Оборона Брестской крепости вошла в историю Великой Отечественной войны как пример исключительной стойкости, мужества и героизма советских людей, их самоотверженного служения делу социалистической Родины и Коммунистической партии.

Брестская крепость была построена царской Россией в 1833—1842 годах.

Выбор Бреста как места для строительства крепости обуславливался его важным военным и торговым положением. Город находится на старейшем Днепро-Бугском водном пути и на кратчайшей сухопутной дороге из Варшавы в Москву. Необходимость создания крепости в этом районе объяснялась еще и тем, что к юго-востоку от Бреста на протяжении нескольких сот километров простирались непроходимые полесские болота, которые как бы делили приграничную территорию западных районов России на Южный и Северный театры военных действий, Брест же был с запада связующим звеном между ними.

Центром и наиболее защищенной частью крепости являлась Цитадель, расположенная на острове, образованном рукавами реки Мухавец при ее впадении в Западный Буг. Двухэтажная оборонительная казарма Цитадели длиной около 1,8 км, со стенами почти 2-метровой толщины, кольцом опоясывала остров и имела более 500 укрытых от огня артиллерии казематов. Четверо ворот вели во двор Цитадели, где размещались здания арсенала, Инженерного управления крепости и коменданта, Белого дворца, офицерской столовой, крепостной церкви.

Подступы к Цитадели прикрывали предмостные укрепления. В отличие от центральной части крепости они были защищены земляным валом, высота которого достигала 10 метров. Кроме того, Волынское и Кобринское укрепления окаймлялись рвами с водой, а самое западное — Тереспольское — нешироким рукавом Буга.

Таким образом, крепость располагалась как бы на четырех островах. Ее площадь равнялась 4 кв. километрам, а длина оборонительной линии по земляному валу достигала 6,5 километра.

Работы по дальнейшему усилению крепости и ее модернизации продолжались с перерывами вплоть до первой мировой войны. При этом с целью ослабить воздействие на крепость огня артиллерии в 1878—1888 годах вокруг нее были сооружены железобетонные укрепления — форты.

В 1912 году приступили к строительству фортов второго пояса.

С началом первой мировой войны крепость стала базой для развертывания частей Западного фронта. В августе 1915 года русские войска были вынуждены оставить город Брест. При отходе они взорвали часть крепостных укреплений. Сооружения крепости получили серьезные повреждения и во время гражданской войны. В 1939 году при нападении фашистской Германии на Польшу на участке более 150 метров была разрушена казарма Цитадели, разбита одна из ее полубашен, пострадали здания Белого дворца и Инженерного управления.

После воссоединения западных областей Белоруссии в едином Белорусском Советском Социалистическом государстве граница нашей Родины прошла по реке Западный Буг. Система укреплений, опоясывавших крепость, оказалась полураскрытой на запад, так как форты за Бугом попали в руки немецко-фашистской армии. К этому времени крепость уже потеряла свое бывшее военное значение и использовалась для расквартирования частей Советской Армии.

Перед Великой Отечественной войной в крепости располагались 84-й, 125-й и 333-й стрелковые полки 6-й Орловской Краснознаменной стрелковой дивизии (командир полковник М. А. Попсуй-Шапко), 44-й и 455-й стрелковые полки 42-й стрелковой дивизии (командир генерал-майор И. С. Лазаренко). Эти дивизии входили в состав 28-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор В. С. Попов) 4-й армии (командующий генерал-майор А. А. Коробков). Здесь же дислоцировались некоторые спецчасти этих дивизий и корпуса, несли службу подразделения 17-го Краснознаменного погранотряда. Отдельные части 6-й и 42-й стрелковых дивизий размещались вне крепости — в городе и близко расположенных к нему населенных пунктах.

6-я Орловская Краснознаменная стрелковая дивизия была создана пролетариями Петрограда в 1918 году. Полки, вошедшие в дивизию, участвовали в боях под Псковом и Нарвой, а затем на южном и западном фронтах. Дивизия была награждена Почетным Революционным Красным знаменем ВЦИК и ЦИК СССР.

42-я стрелковая дивизия, сформированная в начале 1940 года, с 11 февраля по 13 марта 1940 года участвовала в боях с белофиннами. За героизм и мужество большая группа красноармейцев и командиров дивизии была награждена орденами и медалями, в том числе 88 коммунистов и 79 комсомольцев¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 6577, оп. 507038, д. 1, л. 11.

Боевых наград были удостоены и многие командиры 6-й стрелковой дивизии, принимавшие участие в боях.

В напряженной учебе протекали будни пограничного гарнизона. Солдаты и командиры осваивали новую боевую технику, совершенствовали свои военные и политические знания. Ключом была армейская жизнь.

В это время в глубокой тайне гитлеровцы готовили свое разбойничье нападение на нашу Родину.

С принятием решения о нападении на Советский Союз гитлеровское командование активизировало шпионско-диверсионную деятельность своей разведки, в том числе и в районе Бреста. Агенты врага часто действовали, маскируясь формой бойцов Красной Армии. Об этом рассказывает в воспоминаниях младшего сержанта С. Т. Бобренка. Как правило, вражеские лазутчики были снабжены новейшими средствами сигнализации и связи. При обнаружении они нередко оказывали вооруженное сопротивление.

Для сбора необходимых шпионских данных гитлеровская разведка включала своих агентов в разного рода комиссии, учрежденные при подписании договора о ненападении между СССР и Германией, в том числе и в комиссию Красного Креста по отысканию и переносу на родину останков немецких солдат, погибших в предшествующих войнах. Широко применялся воздушный шпионаж. Германские самолеты систематически нарушали советские воздушные границы, особенно накануне войны. Об этом пишут в своих воспоминаниях А. И. Махнач, И. Ф. Хваталин, Я. И. Коломиец, Н. М. Контровская и др. Предатель Берия еще в марте 1940 года категорически запретил пограничным войскам открывать огонь по германским самолетам-нарушителям. Чувствуя свою безнаказанность, гитлеровцы совсем обнаглели. Их самолеты все чаще залетали на нашу сторону. В ряде случаев они открывали огонь по нашим истребителям, которые требовали от них немедленного приземления. Рядовой В. К. Зайцев

в своих воспоминаниях пишет, что 19 июня 1941 года он был ранен огнем немецкого самолета-нарушителя, стрелявшего по нашим истребителям над районом, где работала их рота.

На рассвете 22 июня 1941 года группы вражеских диверсантов нарушили связь в районе Бреста и способствовали захвату противником мостов и некоторых других важных объектов крепости и города.

Немецко-фашистское командование придавало особое значение нанесению внезапного удара по войскам советских пограничных округов. Наиболее мощная группировка противника была сконцентрирована против Западного особого военного округа (командующий — генерал армии Д. Г. Павлов), прикрывавшего рубежи нашей Родины на важнейшем, московском направлении. Гитлеровцы рассчитывали, что быстрый разгром советских войск на территории Белоруссии откроет их армиям дорогу для беспрепятственного наступления на Смоленск и далее на Москву.

Основные силы немецкой армейской группы «Центр» (командующий — фельдмаршал фон Бок) имели задачу окружить и уничтожить войска Западного особого военного округа. При этом из 50 дивизий и 2 моторизованных бригад, входивших в состав группы армий «Центр», 29 дивизий и 2 бригады были развернуты на правом фланге, т. е. западнее и северо-западнее города Бреста. С воздуха действия группы армий «Центр» прикрывались 2-м воздушным флотом, насчитывавшим свыше 1 600 боевых самолетов.

Таким образом, Брест оказался на направлении главного удара сильнейшей группировки немецко-фашистской армии. Генерал-полковник Л. М. Сандалов, бывший начальник штаба 4-й армии, в своих мемуарах пишет: «На стопятидесятикилометровом фронте против 4-й армии Западного особого военного округа разворачивались основные силы 4-й немецкой армии под командованием фельдмаршала Клюге. Подготавливая удар в направлении Брест — Пружаны — Барановичи, она имела в своем составе две-

надцать пехотных дивизий и одну кавалерийскую, т. е. превосходила нашу 4-ю армию более чем в три раза.

Но это еще не все. Армии Клюге была придана 2-я танковая группа Гудериана, состоявшая из 3-х корпусов, называвшихся в то время моторизованными. Они имели по две танковые и одной моторизованной дивизии. Группа Гудериана превосходила оперативно подчиненный нашей армии 14-й механизированный корпус примерно в три раза¹.

В авиации превосходство противника было еще большим.

Немецко-фашистское командование придавало особое значение быстрому захвату Бреста и крепости. Эта задача была возложена на усиленный 12-й армейский пехотный корпус (командир генерал-лейтенант Шрот) 4-й армии. В состав корпуса входили 31-я, 34-я и 45-я пехотные дивизии. Для нанесения первого удара корпус был придан 2-й танковой группе, которой командовал генерал-полковник Г. Гудериан. Он поставил перед корпусом задачу — захватить город и крепость с ходу. Гитлеровцы сделали все для того, чтобы их нападение было как можно более внезапным и ошеломляющим.

Непосредственно против крепости, в центре боевых порядков корпуса, была 45-я пехотная дивизия. Личный состав этой дивизии, как и всей немецко-фашистской армии, был воспитан в духе милитаризма и шовинизма, расовой ненависти и презрения к другим народам. Так как дивизия формировалась на родине Гитлера, в горах Верхней Австрии, в ней культивировалась личная преданность фюреру и убеждение в особой миссии, якобы выпавшей на ее долю. В 1939 году полки дивизии «отличались» расправами над мирным населением Польши, в 1940 году она участвовала в оккупации Франции.

Дивизии были приданы специальные штурмовые части и осадная артиллерия. Не считая собственной

¹ Л. М. С а н д а л о в. Пережитое. Москва, Воениздат, 1961 г., стр. 72.

артиллерии (12 батарей, в т. ч. 3 тяжелые), на участке дивизии были развернуты 4-й химический полк особого назначения (9 тяжелых батарей), 2 дивизиона мортир, 9 мортир калибром 210 мм, а также несколько новых сверхмощных установок системы «Тор» калибром 540—600 мм, стрелявших снарядами весом в 1 250 и 2 200 кг¹. В первый день военных действий дивизию должна была поддерживать артиллерия 12-го армейского корпуса.

Вместе с 45-й пехотной дивизией против крепости действовали частью своих сил и две другие дивизии корпуса.

Внезапное нападение тщательно подготовленного, значительно превосходящего по силам противника застало врасплох наши войска, дислоцировавшиеся в районе Бреста, поставило их в крайне трудное положение.

Как известно, многие ошибки и упущения того периода объясняются тем, что войска не были своевременно предупреждены о возможности нападения фашистской Германии.

Из воспоминаний защитников видно, что в канун нападения гитлеровцев наши войска находились на казарменном положении. На 22 июня 1941 года на Брестском полигоне были назначены показательные гарнизонные учения². Проводились учебные сборы, строительные работы в УРе и др. мероприятия, без которых немислима жизнь войск в мирное время.

Советские войска располагались в новом для них районе, до 1939 года занимаемом войсками буржуазной Польши. Он отличался недостаточно развитой и приспособленной для нужд армии системой дорог и тылового хозяйства. Его оборонительные сооружения были либо построены еще в царское время и уже

¹ «Боевое донесение о занятии Брест-Литовска». Архив МО СССР, оп. 7514, д. 1. «Итоги второй мировой войны». Сборник статей. Москва, Издательство иностранной литературы, 1957 г., стр. 310.

² Архив МО СССР, ф. 776, оп. 197368, д. 2, лл. 1—3.

безнадёжно устарели, либо, сооруженные буржуазной Польшей, нацелены на восток и поэтому не могли быть использованы.

В течение 1940 года и первой половины 1941 года военному командованию, местным советским и партийным органам удалось осуществить ряд мероприятий, усиливавших нашу обороноспособность и способствовавших повышению боеготовности. На границе шло строительство укрепленных районов с оборонительными сооружениями, приспособленными к ведению боевых действий в современных условиях. В войсках шла замена устаревшей боевой техники и оружия на более совершенные образцы. Проводились работы по восстановлению и дальнейшему развитию сети железных и шоссейных дорог, при этом узкая железнодорожная колея была перестроена на широкую. Сооружались новые железнодорожные и шоссейные мосты, разворачивалось складское хозяйство, предпринимались меры по обезвреживанию профашистской агентуры.

Однако многие из военно-оборонительных мероприятий, осуществлявшихся в приграничной зоне, к моменту нападения гитлеровской Германии не были завершены. Большая часть железобетонных укреплений вдоль границы еще только сооружалась, а из построенных далеко не все были заняты войсками и вооружены. Кроме того, недостаточно хорошо была продумана дислокация частей на границе, планы их действий по боевой тревоге. Серьезным упущением являлась также большая раздробленность войск, выполнявших разного рода работы.

В связи с отсутствием достаточного количества помещений в районе Бреста в крепости были размещены такие весьма далекие от нужд ближнего боя подразделения и части, как автобат, школа шоферов пограничных войск, госпиталь, полевая армейская хлебопекарня и т. п. 131-й артиллерийский полк 6-й стрелковой дивизии располагался на внешнем обводе крепости по берегу реки Западный Буг. Лишь полоса воды шириною около 100 м отделяла ка-

зармы полка от передовых частей немецко-фашистской армии. К тому же на территории крепости проживало около трехсот семей командиров и сверхсрочнослужащих. Все это усугубляло возникшую путаницу и неразбериху в первые минуты вражеского нападения. В самом начале боевых действий загорелись и вышли из строя машины автобата, подверглись сильному разрушению здания госпиталя. Заместитель командира 6-й стрелковой дивизии по политической части полковой комиссар М. Н. Бутин в донесении командующему 4-й армии докладывал, что материальная часть находившегося на месте 1-го дивизиона 131-го артиллерийского полка была уничтожена или захвачена противником, а личный состав понес значительные потери¹.

Весной 1941 года крепость была сильно перегружена войсками. Только из состава 6-й и 42-й сд здесь располагались 5 стрелковых полков и ряд спецчастей. В мае 1941 года командование гарнизона предложило вывести 6-ю сд на летнее время в лагеря, оставив в крепости 1—2 полностью укомплектованных полка 42-й стрелковой дивизии. Но командующий Западным особым военным округом генерал армии Павлов это предложение отклонил².

В то же время в течение мая — июня 1941 года для выполнения различных заданий части располагавшегося в районе Бреста 28-го стрелкового корпуса были разбросаны, как правило, побатальонно, а нередко и более мелкими подразделениями, на очень большой территории. Часть подразделений корпуса (9 стрелковых батальонов из 27-ми, 3 артдивизиона, а также все саперные части) находились на строительстве укрепленного района в погранзоне к северо-западу и югу от Бреста. Зенитный дивизион корпуса был на стрельбах под Минском. Школы саперных батальонов и батальоны связи располагались в лагерях. Кроме того, часть артиллерийских

¹ Архив МО СССР, ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 54.

² Там же, д. 8, л. 52.

и стрелковых подразделений находилась на полигоне, готовясь к показательным занятиям и стрельбам. «Для сбора этих подразделений...— докладывал командир корпуса,— потребовалось бы не менее 1—1,5 дней»¹. Если из состава корпуса отсутствовала треть его сил, то в крепости дело обстояло еще хуже. На месте находилось немногим более одной трети личного состава дислоцировавшихся здесь частей. В основном это были хозяйственные, штабные и тыловые подразделения, а также полковые школы с только что набранным составом курсантов. Таким образом, «исключительно упорное и ожесточенное сопротивление» в крепости оказывали не «отборные части ГПУ», как об этом докладывало 26 июня 1941 года командование 4-й армии противника, а в основном бойцы и командиры нелинейных подразделений.

Такая разбросанность наших частей в значительной степени ослабила их боевую готовность и боеспособность, отрицательно сказалась на ходе боевых действий как в районе Бреста, так и при обороне Брестской крепости. Кроме того, командиры и многие офицеры штабов частей находились со своими подразделениями в укрепленном районе, на учениях и т. п., большинство оставшихся на месте командиров проживало в городе и его окрестностях, и не все из них смогли прорваться в крепость.

Нереальными оказались и планы выхода частей в районы сосредоточения по боевой тревоге. В них не учитывалась возможность внезапного нападения фашистских захватчиков, особенно опасного для гарнизона приграничной крепости, находящейся в зоне непосредственного воздействия не только артиллерийско-минометного, но и ружейно-пулеметного огня.

С первых же минут войны вся территория крепости буквально кипела от разрывов мин, снарядов, авиабомб. Многие участки простреливались ружейно-пулеметным огнем. По казармам и жилым домам,

¹ Архив МО СССР, ф. 318, оп. 4631, д. 8, л. 51.

паркам и коновязям, мостам и воротам, ведущим в крепость, огонь был особенно плотным.

Для частей и подразделений, которые по боевой тревоге должны были занять оборону вне крепости, крепость явилась своего рода каменным мешком, так как пропускная способность ворот и мостов была крайне мала.

И теперь, через много лет, мы преклоняемся перед подвигами героев первых часов войны. Они сумели сделать, казалось бы, невозможное — вывести из крепости и включить в состав отходивших с боями 6-й и 42-й стрелковых дивизий значительную часть личного состава¹. Правда, отдельные части понесли при этом большие потери в людях и особенно в вооружении. Так, в донесении Отдела политической пропаганды 6-й стрелковой дивизии о частях, выводимых из крепости, говорилось: «В район сосредоточения части соединения после провокационного артобстрела, произведенного со стороны Германии 22/VI 1941 года в 4.00, компактно выведены быть не могли. Люди прибывали поодиночке, в полураздетом виде...»². Далее в этом донесении сообщается, что особенно большие потери понесла материальная часть артиллерии.

Какова же была численность оборонявшихся в крепости?

В ночь на 22 июня 1941 года в крепости располагалось 7 стрелковых батальонов 6-й и 42-й стрелковых дивизий, полковые школы и спецподразделения полков, штабные и хозяйственные подразделения некоторых спецчастей 28-го стрелкового корпуса, подразделения 17-го погранотряда, а также сборы приписного состава. Некоторые подразделения имели некомплект, доходящий до 15—20%. Исходя из довоенного штата частей и учитывая некомплект, можно полагать, что в предвоенную ночь в крепости

¹Эти соединения героически дрались с врагом летом и осенью 1941 г. Сообщение противника от 24/VI 1941 г. об уничтожении 6-й и 42-й стрелковых дивизий (см. Архив МО СССР, оп. 725110, д. 10, л. 234) является лживым.

² Архив МО СССР, ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 54.

оставалось от 7 до 8 тысяч человек. Около половины из них с началом войны удалось вывести в районы сосредоточения.

В боевом донесении начальника Отдела политической пропаганды 42-й стрелковой дивизии полкового комиссара И. Н. Богатикова указывалось, что «из числа расквартированных в Брестской крепости было выведено до двух батальонов 44-го и 455-го оп, часть из них была без оружия; этот состав, а также Отдельный разведывательный батальон, который вывел 7 бронемашин и мотострелковую роту, отошли в район Жабинки и заняли оборону... 393-й Отдельный зенитно-артиллерийский дивизион вышел с тремя пушками без снарядов»¹. Учитывая, что из 44-го и 455-го сп в крепости в ночь на 22 июня находилось лишь по одному стрелковому батальону и спецподразделения, можно полагать, что большая часть их личного состава была выведена. Особенно в тяжелом положении оказались подразделения 6-й стрелковой дивизии, располагавшиеся в центре крепости или непосредственно у границы. Но и из их состава значительная часть сил сумела выйти из крепости.

В трудных условиях первых дней боевых действий некоторые подразделения и группы бойцов действовали самостоятельно. Отступая из района Бреста и крепости, не все из них смогли соединиться со своими войсками или же соединились с ними не сразу. Другие, оказавшись в тылу противника, продолжили борьбу партизанскими методами. Пулеметная рота 3-го батальона 125-го стрелкового полка 6 стрелковой дивизии, которой командовал лейтенант С. С. Шиканов, после ожесточенного боя на границе оказалась в окружении. В последующие дни остатки роты и примкнувшие к ней бойцы других частей прорвались в Старосельский лес под Брестом. Вместе с укрывшимися здесь крестьянами соседних селений, которыми руководил председатель сельсовета д. Старое Село М. Н. Чернак, 27 июня 1941 года было решено создать партизанский отряд во главе

¹ Архив МО СССР, ф. 318, оп. 4631, д. 42, л. 65.

с С. С. Шикановым и М. Н. Чернаком. Летом 1941 года в Шебринском и Сычевском лесах под Брестом местными жителями и бойцами Красной Армии организируются также партизанские группы во главе с крестьянами И. П. Солейко и И. Ф. Селивоником и военнослужащими А. П. Зелениным и С. А. Китьяном¹. Так возникли первые партизанские группы, ставшие ядром двух партизанских бригад и включившие в зону своих действий большую группу районов юго-запада Брестской области.

Многие подразделения, отошедшие из Бреста и крепости, были собраны заместителем командира 6-й сд полковником Ф. А. Остащенко и офицером штаба 28-го стрелкового корпуса майором Г. К. Дмитриевым. В докладных на имя начальника штаба 4-й армии полковника Л. М. Сандалова они сообщали, что под их командованием из района Бреста отходили до 3 060 солдат и офицеров «в основном из состава 6-й, 42-й и 75-й стрелковых дивизий»². Сводный отряд полковника Ф. А. Остащенко 23—26 июня 1941 года героически сражался против гитлеровцев вместе с танкистами 22-й танковой дивизии. «В общей сложности,— докладывал командир 28-го стрелкового корпуса командующему 4-й армии,— из находившихся в крепости 5 батальонов 6-й сд и 2 батальонов 42-й сд со спецподразделениями было выведено предположительно до 50% личного состава»³. Нужно учесть также потери убитыми и тяжелоранеными от варварского обстрела и бомбежки крепости в первые часы войны. Все это дает основание считать, что в защите Брестской крепости участвовало примерно 3,5 тысячи человек.

Крепость обороняли подразделения разных частей, не успевшие выйти в районы сосредоточения или сразу же оказавшиеся в соприкосновении с противником и вынужденные втянуться в бой. Нужно иметь в виду, что у большинства из них не было ка-

¹ Архив ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 305, лл. 2, 251.

² Архив МО СССР, ф. 318, оп. 4631, д. 16, лл. 135, 137 и 138.

³ Там же, д. 42, л. 65.

ких-либо заранее разработанных планов обороны крепости¹. Более того, личный состав, по причинам, изложенным выше, оказался без штабов, а в ряде случаев и без командиров. Опыта ведения боевых действий у наших частей не было, к тому же в момент начала войны солдаты спали в казармах, материальная часть, артиллерия и другая боевая техника стояла в парках.

Тем более величественным предстает перед нами подвиг воинов гарнизона. Окруженные врагом, в условиях острой нехватки, а потом и отсутствия боеприпасов, медикаментов, продовольствия и воды, они сдерживали многократные яростные атаки врага. Это объясняется исключительной храбростью и стойкостью советского солдата, его пламенной любовью к своей социалистической Родине и Коммунистической партии, глубокой убежденностью в правоте своего дела и верой в непобедимость идей марксизма-ленинизма.

Оборона Брестской крепости — это маленькая капля в великом море подвигов, совершенных советскими воинами в годы Великой Отечественной войны. Но в ней в полной мере отразились изумительное мужество, моральная стойкость советских людей, сила и могущество советского общественного и государственного строя, приведшие в итоге к полной победе Советского государства в Великой Отечественной войне.

Здесь, под стенами Бреста, проявились тот высокий патриотизм и воинское мастерство советского солдата, которые позднее столь блестяще развернулись и приумножились в подвигах защитников Москвы и Ленинграда, в битвах на Волге и на Курской дуге, в сражениях на полях Европы и под Берлином. «Советские Вооруженные Силы, весь советский народ, поднявшийся на священную Отече-

¹ Как сообщает генерал-полковник Сандалов, по плану ЗОВО для обороны крепости предусматривался один стрелковый батальон, усиленный артиллерийским дивизионом. Л. М. Сандалов. Пережитое. Москва, Воениздат, 1961, стр. 62.

ственную войну, — говорит Н. С. Хрущев, — сломали хребет фашистскому зверю, разбили гитлеровские армии и тем самым еще раз показали, какая участь ожидает тех, кто строит свои авантюристические расчеты на непрочности социалистического строя»¹.

Даже враг вынужден был признать героизм защитников Брестской крепости, их верность Родине и долгу, высокую выучку советских бойцов. С этим теперь не могут не считаться новые претенденты на мировое господство — империалисты США. Рассуждая о «загадочной» сущности русского солдата, американские военные идеологи в статье, опубликованной министерством армии США в 1950 году, пишут, что никогда нельзя сказать о советском солдате, «как он будет вести себя в той или иной обстановке». В качестве примера они приводят Брестскую крепость: «Подвал в центре Брест-Литовской крепости удерживался в течение многих дней, выдерживая наступление немецкой дивизии при очень сильной огневой поддержке».

Оборона Брестской крепости не являлась чем-то исключительным. Первые дни Великой Отечественной войны полны примерами изумительного героизма и замечательных подвигов, совершенных солдатами и офицерами Советской Армии, имена которых во многих случаях неизвестны.

Самоотверженно дрались пограничники 17-го Краснознаменного погранотряда. Заставы приняли неравный бой с врагом, и многие погибли в полном составе, защищая границу. Смертью героев пали бойцы 10-й заставы, начальником которой был лейтенант М. К. Ишков, Страдичской заставы во главе с начальником лейтенантом П. Щеголевым. Бойцы 4-й заставы с гранатами в руках бились против вражеских танков, а когда кончились боеприпасы, воины приняли смерть с пением «Интернационала».

От огня вражеских огнеметов погиб гарнизон дота, западнее поселка Речица, в составе 23 бойцов

¹ Н. С. Хрущев. К победе в мирном соревновании с капитализмом. Москва, Госполитиздат, 1959 г., стр. 32.

18-го Отдельного пулеметно-артиллерийского батальона во главе с коммунистами младшими лейтенантами П. П. Селезневым, Н. Г. Зиминим и старшиной И. Ф. Рехиным. Около двух суток они вели бой с врагом, мешая его переправе через реку Западный Буг.

В районе форта «Граф Берг» отважно боролись с врагом 26 бойцов и командиров. Неизвестны их имена, но, когда осенью 1957 года в одном из засыпанных рвов недалеко от границы нашли останки этих людей, сразу стало ясно, что воины погибли в жестоком бою: хваткой мертвых сжимали они оружие. В закостеневших руках у некоторых из них были штыки от немецких винтовок и малые лопатки, взятые в бою у врага и использованные в борьбе.

Упорные бои шли и на улицах Бреста. Только к концу первого дня фашисты смогли овладеть зданием Облвоенкомата. Горстка защитников этого здания во главе с облвоенкомом майором М. Я. Стафеевым отклонила предложение врага о капитуляции. Тогда гитлеровцы огнем штурмовой артиллерии разрушили здание.

Стойко дрались защитники Брестского вокзала. Бойцы роты связи 45-й авиабазы 74-го штурмового авиаполка, находившиеся здесь проездом, с первыми выстрелами заняли оборону на западных подступах к станции. Воинов возглавил старшина П. П. Баснев. Вместе с ними сражались дежурившие на вокзале пограничники, работники милиции, железнодорожники. Когда гитлеровцы прорвались к зданию вокзала, бойцы укрылись в его глубоких подвалах и на протяжении многих суток успешно защищались. В ночь на 2-е июля около 80 бойцов, сняв вражеских часовых, выбрались из полузатопленных врагом подвалов и ушли в леса Белоруссии, где позже влились в партизанский отряд.

С первых же часов войны смело вступили в тяжелый неравный бой советские летчики.

Невзирая на то, что им приходилось сражаться на машинах устаревших марок, они храбро бились с врагом, нанося ему большие потери.

123-й истребительный авиаполк прикрывал наши части в районе Брест — Кобрин. Летчики совершали по 10, 14 и даже по 17 боевых вылетов в день. Только за 22 июня они сбили 30 вражеских самолетов, потеряв в воздухе 9 своих машин. В этот день погиб командир полка майор Б. Н. Сурин. Перед своей гибелью он провел 4 воздушные схватки, уничтожив три самолета противника. Отлично действовали летчики-истребители капитан Н. П. Можаяев, лейтенанты Г. Н. Жидов, П. С. Рябцев, И. Н. Калабушкин¹, коммиссар эскадрильи старший политрук Корчагин, старший политрук Сиротин и другие.

Около 10 часов утра в бою над Брестом командир звена коммунист Петр Сергеевич Рябцев совершил воздушный таран. Это был один из первых воздушных таранов, совершенных летчиками в годы Великой Отечественной войны. Вот выдержка из боевой истории 123-го истребительного авиаполка: «22/VI 1941 года 4 истребителя — капитана Можаяева, лейтенантов Жидова, Рябцева и Назарова — вступили в бой с восемью «ME-109». Самолет лейтенанта Жидова был подбит и пошел на снижение. Три фашиста, увидя легкую добычу, сверху стали атаковать его. Но капитан Можаяев, давая выход из боя лейтенанту Жидову, меткой пулеметной очередью срезал одного «мессершмитта», а второй фашист был подхвачен лейтенантом Жидовым и подожжен. В конце боя у лейтенанта Рябцева был израсходован весь боекомплект. Не считаясь с опасностью для жизни, он повел свой самолет на противника и ударом тарана заставил его обломками рухнуть на землю. В этом бою были подбиты три фашистских истребителя при одной своей потере»².

Свидетелями этого воздушного боя были многие защитники Брестской крепости. О нем упоминает в своих воспоминаниях И. Ф. Хваталин и другие участники обороны.

¹ За боевые подвиги на фронтах Великой Отечественной войны лейтенанты Г. Н. Жидов и И. Н. Калабушкин удостоены звания Героя Советского Союза.

² Архив МО СССР, ф. 985, оп. 459796, д. 1, л. 9.

Но наиболее сильные и продолжительные бои на границе развернулись за Брестскую крепость.

После массовой артиллерийской и авиационной подготовки, начавшейся в 3 ч. 15 м. по местному времени (4.15 московское время), передовые части 45-й пехотной дивизии врага перешли в наступление. Используя внезапность нападения, противник поставил себе цель: с ходу захватить Цитадель и принудить гарнизон остальных укреплений крепости к капитуляции. В передовом отряде следовал 135-й пехотный полк. Прикрываясь валом артиллерийского огня, 3-й батальон этого полка форсировал рукав реки Западный Буг и, смяв пограничные наряды, ворвался на Тереспольское укрепление (см. схему). Обойдя образовавшиеся здесь крупные узлы обороны, гитлеровцы вышли к основному руслу реки Западный Буг. При активной поддержке подошедшего по Бугу десанта противник захватил мост, Тереспольские ворота и проник в Цитадель, заняв господствующие здесь здания церкви (использовалось под клуб) и комсоставской столовой. Продвижение остальных сил 135-го пехотного полка, вынужденного ввязаться в бой на Тереспольском и Волынском укреплениях, было приостановлено. Это предопределило гибель передового отряда и сорвало расчеты врага на захват крепости с ходу.

Будучи отрезанными от своих основных сил, гитлеровцы пытались захватить в Цитадели Брестские и Холмские ворота. На короткое время им удалось занять несколько отсеков казармы у Брестских ворот и приблизиться к зданию Инженерного управления. Но дальнейшее развитие событий пошло совершенно не так, как предполагали враги. Наши бойцы и командиры, растерявшиеся в первые минуты, вскоре пришли в себя и с разных сторон контратаковали врага. Первыми в атаку пошли бойцы 3-го батальона и управления 84-го стрелкового полка под руководством ответственного секретаря комсомольского бюро полка замполитрука Самвела Матвояна. Их организовал принявший на себя коман-

дование заместитель командира 84-го стрелкового полка по политчасти полковой комиссар Е. М. Фомин. Атаку дружно поддержали воины других частей. Смятые единым ударом, гитлеровцы в панике обратились в бегство. Но путь назад уже был закрыт, так как к этому времени бойцы 333-го стрелкового полка и 9-й погранзаставы отбили Тереспольские ворота и закрепились в них. Мост через реку Западный Буг вновь оказался под контролем наших воинов. Врагу так и не удалось захватить его. В ходе дальнейших боев за крепость мост взорвали. Остатки вражеского батальона были блокированы в здании церкви и комсоставской столовой. Эти здания уже в первый день неоднократно переходили из рук в руки.

Другие части 45-й пехотной дивизии вели переправу через реку Западный Буг на примыкающие к границе выступы Кобринского и Волынского укреплений. Зацепившись за восточный берег реки, несмотря на огромные потери, они постепенно продвигались, охватывая в полукольцо Цитадель крепости.

На Волынском укреплении к 12.00 гитлеровцам удалось ворваться на территорию госпиталя, многие здания которого к этому времени уже лежали в руинах. Враг учинил зверскую расправу над больными и ранеными. Часть из них и медицинский персонал противник использовал как прикрытие для своих атак в районе Холмских ворот. Об этом вспоминают защитники Л. А. Кочин, Ф. Е. Забирко, И. А. Дорофеев и другие.

На Кобринском укреплении в первые дни боев гитлеровцы смогли занять лишь его западный участок, а в остальной части укрепления — в Восточном форту¹ и в районе Восточных ворот образовались боевые группы, которые надолго приковали к себе силы врага и нанесли ему большие потери.

¹ Правильное наименование укрепления — «редюит». Мы придерживаемся названия «Восточный форт», поскольку оно прочно укоренилось.

Одновременно с частями 45-й пехотной дивизии реку Западный Буг форсировали действовавшие на флангах 31-я и 34-я пехотные дивизии. Обтекая крепость с севера и юга, они продвинулись к городу Бресту.

Уже в первой половине дня Брестская крепость была окружена. К этому времени боевые действия охватили всю ее территорию — они шли не только на главных валах и у ворот, но и на ряде участков внутри крепости. Так как мосты через реки фактически были выведены из строя, защита крепости с самого начала приобрела характер обороны отдельных ее укреплений. Между ними отсутствовали связь и взаимодействие. Не было единого штаба и командования. Но попытка противника внезапным ударом ошеломить гарнизон крепости и с ходу занять ее была сорвана. Крепость сражалась. Оборонявшихся возглавили командиры и политработники, а в ряде случаев — принявшие на себя командование рядовые бойцы. Они сделали все для того, чтобы в кратчайший срок сплотить силы и организовать отпор врагу.

Во второй половине дня на многих участках наши части восстановили положение. При этом отход фашистов нередко превращался в бегство. Только в Цитадели 22 июня бойцы отразили 8 атак, захватив пленных и трофеи. В результате непрерывных контратак противник был отброшен с главного вала у Северных ворот Кобринского укрепления, с валов в северо-западной и юго-западной части Тереспольского укрепления. Врагу удалось удержаться в своих руках плацдарм на северо-западе Кобринского укрепления, центральную часть Тереспольского и некоторые здания госпиталя на Волынском укреплении. Однако свою основную задачу — овладеть крепостью и к исходу 22 июня продвинуться на рубеж восточнее Бреста — 45-я пехотная дивизия не выполнила.

В записях о боях в крепости уже по результатам первых часов боевых действий гитлеровцы отмечали, что русские «удивительно быстро справились,

сформировались в боевые группы позади наших проравшихся вперед рот и начали организовывать отчаянную и упорную оборону... Наши потери в людях, а особенно в офицерах, приняли скоро очень прискорбные размеры»¹. «Внезапность нападения на противника,— писал Гудериан,— была достигнута на всем фронте танковой группы... Однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест...»².

Оборону Брестской крепости можно подразделить на два периода: первый — с 22 июня 1941 года до конца месяца; второй — с конца июня до середины июля.

В первый период боевые действия в крепости практически охватывали всю ее территорию. Противник применял все виды оружия, включая танки, штурмовые орудия, артиллерию и авиацию. Защитникам крепости не удалось слить воедино свои силы, однако они сделали в этом направлении все, что было возможно. Группы, образовавшиеся в 1-й день войны, в последующие 2—3 дня боев объединяются в более крупные отряды. В Цитадели, например, к вечеру 24 июня 1941 года состоялось совещание командиров боевых групп, на котором был создан штаб и единое командование.

Сильные боевые группы сложились также в Восточном форту Кобринского укрепления, у Восточных ворот того же укрепления, на Волынском и Тереспольском укреплениях.

Более полное описание боев на каждом из участков дается в справках об укреплениях, открывающих воспоминания защитников.

29—30 июня гитлеровцы предприняли генеральный штурм. Они нанесли несколько мощных бомбовых ударов. Батареи вражеской артиллерии кольцом

¹ Dr. R. Gschöpf. «Mein Weg mit der 45. Infanterische Division». Osterreich. Linz, 1955 j, s. 150.

² Heinz Cuderian. «Erinnerungen eines Soldaten». Heidelberg, 1951 j, s. 146

окружали крепость и вели интенсивный огонь. Жители Бреста вспоминают, что орудия и минометы были установлены даже на улицах города. В результате кровопролитных боев этих дней врагу удалось занять большую часть территории крепости и на ряде ее участков подавить оборонявшихся.

Начался второй период обороны, продолжавшийся примерно до середины июля 1941 года. В это время сопротивление врагу оказывали отдельные группы наших бойцов, еще удерживавших некоторые сооружения крепости, ее глубокие подземелья и переходы. Последние очаги обороны находились на Центральном и Кобринском укреплениях. Именно здесь были найдены надписи, оставленные защитниками крепости.

Голод, жажда, кровоточащие раны вконец истощали силы людей. Порою лишь штык да приклад были их единственным оружием. Лишь постепенно гитлеровцам удавалось занимать одно сооружение за другим.

Советский солдат, воспитанный Коммунистической партией, проявил в этих боях образцы мужества и героизма, подтвердив свое право называться храбрейшим солдатом в мире.

Нужно отметить, что, обороняясь, защитники неоднократно предпринимали попытки прорваться из окружения. Лишь после того как стала ясна безрезультатность этих попыток, подразделения закрепились в занимаемых ими помещениях и стали на смерть.

Душой обороны и могучей организующей силой были коммунисты. Следует особо отметить деятельность таких коммунистов, как полковой комиссар Е. М. Фомин и капитан И. Н. Зубачев, возглавивших оборону Цитадели крепости, майор П. М. Гаврилов и политрук С. С. Скрипник, руководивших защитой Восточного форта на Кобринском укреплении. На своих участках они сумели сплотить силы воинов, сформировать из них сводные взводы, роты, боевые группы, назначить командиров, создать штабы, указать места обороны. Коммунисты отважно сража-

лись с врагом, и многие из них погибли смертью героев.

В неравной схватке погиб заместитель начальника госпиталя батальонный комиссар А. С. Богатеев. С помощью больных и персонала он пытался организовать сопротивление врагу. Но силы были слишком неравны, и к исходу первого дня войны противник занял госпиталь. Секретарь партийного бюро 333-го стрелкового полка старший политрук И. М. Почерников принял бой с гитлеровцами в своей квартире. Он расстрелял по врагу весь боезапас, а последним патроном покончил с собою.

Большую роль в организации обороны Цитадели и оказании практической помощи Зубачеву и Фомину сыграл политрук П. П. Кошкарлов. Выдержка и мужество этого человека сделали его одним из руководителей боевых действий в районе Брестских ворот. Образцы стойкости и героизма в боях с врагом проявили коммунисты сержант Т. Г. Гребенюк, сержант А. Д. Романов, рядовой Ф. Ф. Журавлев, комсомольцы старшина Александр и сержант Николай Дорохины, заместитель политрука А. Н. Деревянко, заместитель политрука С. М. Матевосян, рядовой А. К. Шугуров и многие другие. Пример коммунистов и комсомольцев звал воинов на героические дела. На многих участках обороны крепости проходили партийные собрания. О их работе говорят в своих воспоминаниях участники боев П. М. Гаврилов, С. Т. Бобренок, И. И. Тихий, Г. С. Макаров и другие. На своих собраниях коммунисты обсуждали боевые действия. Отличившихся в боях воинов принимали в ряды партии.

Фашистское командование трижды докладывало о взятии крепости, каждый раз называя новые даты — 24, 27 и, наконец, 29 июня. Однако, как свидетельствуют многочисленные факты и документы, и эта последняя дата не соответствует действительности.

3 июля 1941 года, когда, как мы уже отмечали, оборона крепости распалась на ряд изолированных один от другого очагов сопротивления и бои в кре-

пости постепенно затихали, командование группы армий «Центр» в телефонном разговоре испрашивало у командования сухопутных войск разрешения оставить часть сил 45-й пехотной дивизии в Бресте. Вот запись этого разговора:

«...в городе и Цитадели Брест-Литовск командир дивизии считает необходимым держать один пехотный полк до тех пор, пока полицейские силы или ландверные батальоны смогут взять на себя службу по поддержанию порядка и охранения»¹.

Известны и другие документы с аналогичными просьбами. Но так как к этому времени о падении крепости было уже неоднократно доложено, причем первый обман повлек за собой серьезное расследование, опровергать сообщение о взятии крепости, видимо, не решились. Вот почему просьбы о задержке войск в Бресте мотивируют то необходимостью охраны аэродромов, то необходимостью охраны и учета трофеев, то вообще не объясняют.

Можно предположить, что была оставлена под крепостью и артиллерия, так как только в конце июля 1941 года командование 2-й армии противника, в состав которой входила к этому времени 45-я пехотная дивизия, испрашивало разрешения у оперативного отдела группы армий «Центр» на отгрузку железной дорогой 29 июля 1941 года из района Бреста (Кобрин) в Бобруйск тяжелого артдивизиона этой дивизии вместе с тяжелым артиллерийским дивизионом 293-й пехотной дивизии².

Возникает вопрос, чем были заняты здесь эти части, в то время как основные силы 45-й пехотной дивизии находились уже восточнее Пинска?

Из всех материалов, а также из публикуемых в сборнике воспоминаний видно, что дата 29 июня, преподносимая в донесении 45-й пехотной дивизии как последний день боев за крепость, не соответствует действительности. Показательно, что и само донесение написано лишь 8 июля 1941 года.

¹ Архив МО СССР, оп. 725110, д. 24, л. 14.

² Там же, д. 23, л. 81.

Дальнейшее изучение документов противника, без сомнения, даст еще более полные и ценные сведения о боях в крепости.

Конечно, ни по срокам, ни по своим размерам оборона Брестской крепости не могла заметно отразиться на ходе Великой Отечественной войны.

Это событие выделяется массовым героизмом советских людей, проявлением их высоких патриотических чувств. Оно стало в нашей военной истории символом советской воинской доблести. Вместе с тем то обстоятельство, что в боях под крепостью были скованы силы одной из лучших пехотных дивизий врага с приданными ей вспомогательными частями, сыграло в начальный период Отечественной войны определенную положительную роль. На протяжении всего времени активных боевых действий в крепости враг не мог в полной мере использовать стратегически важный Брестский узел железных и шоссейных дорог. Это затрудняло продвижение противника через район Бреста, задерживало подвоз боеприпасов и подкреплений и в какой-то, пусть незначительной степени, снижало темп наступления правого крыла армейской группы противника «Центр». Огибая сражавшуюся крепость, войска противника уже на первых метрах советской земли слышали гул ожесточенного боя. Это говорило им о том, что затеянный Гитлером «поход в Советскую Россию» не будет легкой и победоносной кампанией, к каким они привыкли на Западе.

Наконец, под стенами крепости противник имел большие потери. В донесении «О занятии Брест-Литовска» командование 45-й пехотной дивизии значительно преуменьшило свои потери, назвав цифру в 1 121 человек убитыми и ранеными.

Бывший пастор этой дивизии Рудольф Гшопф в своей книге «Мой путь с 45-й пехотной дивизией» сообщает, что только их дивизия под крепостью Бреста потеряла более 1 500 человек¹. Но и цифра, ко-

¹ Dr. R. Gschöpf. «Mein Weg mit der 45. Infanterische Division». Osterreich, Linz, 1955 j., s. 158.

тору приводит Р. Гшопф, является сильно заниженной. О том, что противник понес здесь большие потери, свидетельствуют авторы приводимых в сборнике воспоминаний. Об этом же говорят и многочисленные документы противника. Известный гитлеровский диверсант и обер-шпион Отто Скорцени в своей книге «Специальные задания» писал: «Русские в центральной крепости города продолжали оказывать отчаянное сопротивление. Мы захватили все внешние оборонительные сооружения, но мне приходилось пробираться ползком, ибо вражеские снайперы били без промаха. Русские отвергли все предложения о капитуляции и прекращении бесполезного сопротивления. Несколько попыток подкрасться к крепости и завладеть ею штурмом закончились неудачей. Мертвые солдаты в серо-зеленых мундирах, усеявшие пространство перед крепостью, были красноречивым тому свидетельством... Русские сражались до последней минуты и до последнего человека»¹.

О потерях, более значительных, чем указано в донесении, можно судить и по показаниям военнопленных солдат и офицеров 45-й пехотной дивизии. Все они заявляли, что наибольшие потери в 1941 году их дивизия несла под Брестом и Яготинном.

Старший ефрейтор 133-го пехотного полка Альфред Криванок показал, что «первый раз в 1941 году дивизия пополнялась уже тотчас после боев под Брест-Литовском».

Фельдфебель санитарной службы роты полевого дивизионного госпиталя 45-й пехотной дивизии Иозеф Фехтангер, плененный 9/XII 1941 года в районе Стрелецкое, в своих показаниях 13/XII 1941 года сообщил: «В начале войны лазарет 45-й пехотной дивизии был в районе Бяла-Подляска. Там было 860 раненых из 45-й пехотной дивизии, убитых 460 человек...» Общее число раненых точно не знает,

¹ Skorzeny, Otto. «Skorzeny's special missions». By Otto Skorzeny, London, 1957, p. 18.

так как, «кроме лазарета, работали еще две санитарные роты».

Унтер-офицер Г. Трайндль заявил, что «дивизия имела много потерь, особенно у Брест-Литовска».

Необходимо также иметь в виду, что большое число раненых из 45-й пехотной дивизии и поддерживавших ее частей вывозилось в тыл, минуя лазарет дивизии в Бяла-Подляске, или же размещалось в госпитале города Бреста. Бывший ординарец при штабе 3-го батальона 133-го пехотного полка лейтенант Людвиг Мозер, взятый в плен в районе Нижние Куначи 27/XII 1941 года, показал, что 24/VI 1941 года он был тяжело ранен в Брестской крепости. Его поместили в военном лазарете города Брест-Литовск, где «было очень много раненых и все время поступали новые». Кроме этого, сообщает Л. Мозер, «многих тяжелораненых отправляли в тыл самолетом».

Ефрейтор Иозеф Резничек — старший показал: «Особенно большие потери 45-я пехотная дивизия понесла у Брест-Литовска и Яготина. В полках были потери примерно по целому батальону».

В Бресте 45-я немецкая пехотная дивизия разместила три больших военных кладбища.

В телефонном разговоре командования группы армий «Центр» с командованием сухопутных сил от 3/VII 1941 года боеспособными из состава дивизии признаны лишь «разведотряд, противотанковый дивизион, артиллерийский полк и тыловые службы»¹.

Эти и другие документы позволяют сделать вывод, что потери 45-й пехотной дивизии убитыми и ранеными в боях за крепость преуменьшены более чем вдвое. К тому же приданные дивизии части усиления также понесли значительные потери, что не нашло отражения в документации 45 пд.

Так как Брестская крепость была окружена в первые часы войны и уже через несколько дней оказалась в глубоком тылу наступавших немецко-фашистских войск, то, естественно, что никаких све-

¹ Архив МО СССР, оп. 725110, д. 24, л. 14.

дений о героической борьбе ее гарнизона командованию Советской Армии не поступало. Территория крепости постепенно захватывалась врагом, и все, что не было заранее укрыто или в ходе боев не оказалось под руинами, уничтожалось им. Наконец, оборона крепости сложилась так, что с первых же минут войны, все кто мог держать оружие, были втянуты в напряженный ближний бой.

В результате имеется крайне мало документов о ходе боевых действий в крепости, о положении блокированного гарнизона и т. п., написанных во время боев. Известные в настоящее время материалы в основном обнаружены после войны при разборке завалов крепостных сооружений, в личных вещах погибших воинов.

Первые сведения о героической обороне Брестской крепости были получены из документации немецко-фашистской армии. В марте 1942 года в боях в районе северо-западнее города Ливны наши войска разгромили 45-ю пехотную дивизию противника третьего формирования. В ее архиве было обнаружено «Боевое донесение о занятии Брест-Литовска». В нем, написанном явно с целью выгородить себя за тяжелую неудачу, командование фашистской дивизии невольно признавало изумительное мужество и героизм защитников Брестской крепости: «Наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Эта простая истина еще раз доказана при взятии Брест-Литовска... Русские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво. Они показали превосходную выучку пехоты и замечательную волю к борьбе»¹. По материалам этого донесения в газете «Красная Звезда» за 21 июня 1942 года была опубликована статья полковника М. Толченова «Год тому назад в Бресте».

После освобождения города Бреста материалы о событиях в Брестской крепости начал собирать Н. И. Красовский. В журнале «Беларусь» № 2 за

¹ Архив МО СССР, опись 7514, д. 1, л. 234.

1948 год была помещена его статья об обороне Брестской крепости. Потом появились очерки и сообщения М. Л. Златогорова, А. И. Белошеева, Т. К. Никоновой.

Убедительную и образную картину нарисовал в своих книгах писатель С. С. Смирнов. Несколько лет он посвятил собиранию материалов о защитниках Брестской крепости, установил личные контакты со многими людьми, которые внесли свой вклад в историю славной обороны. Его книги «Брестская крепость», «В поисках героев Брестской крепости» и пьеса «Крепость над Бугом» написаны на основе большого фактического материала, собранного писателем в результате кропотливой работы.

Отдельные упоминания об обороне Брестской крепости имеются и в книгах немецко-фашистских военных деятелей, в частности в мемуарах Г. Гудериана «Воспоминание солдата» и О. Скорцени «Специальные задания», в статьях Э. Шнейдера «Развитие артиллерии и техники в войне» и Г. Флюментритта «Московская битва», опубликованных в сборниках «Итоги второй мировой войны» и «Рокковые решения». Характерно признание бывшего начальника штаба 4-й немецкой армии генерала Блюментритта, сделанное уже после войны и приведенное в своей книге английским военным историком Лиддел Гартом: «Начальная битва в июне 1941 года впервые показала нам Красную Армию. Наши потери доходили до 50 процентов. ОГПУ (по-видимому, имеются в виду пограничники) и женский батальон (очевидно, жены начсостава) защищали старую крепость в Бресте... до последнего, несмотря на тяжелейшие бомбежки и обстрел из крупнокалиберных орудий. Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу...» (Цитируется по книге Л. М. Сандалова «Пережитое», М. Воениздат, 1961, стр. 140). Наиболее подробное описание боевых действий на территории Брестской крепости дается в книге Р. Гшопфа «Мой путь с 45-й пехотной дивизией». Она написана в духе восхваления «подви-

гов» гитлеровских солдат и почти полностью, где текстуально, а где в пересказе автора, воспроизводит «Донесение о занятии Брест-Литовска». Как и в донесении, Р. Гшопф сокращает время, на протяжении которого дивизия вела бои за отдельные участки на территории крепости, а также время обороны крепости в целом.

И в донесении, и у Гшопфа преувеличены цифры трофеев, взятых 45-й пехотной дивизией, хотя следует отметить, что они все же были значительными. Застигнутые врасплох внезапным нападением противника, наши части не смогли вывезти полностью свою технику и склады, а последние были и в Бресте и в окружающей его разветвленной системе фортов. Характерно, однако, что все это оказалось под рубрикой «взятого в Брестской крепости».

Явно надуманными являются и цифры пленных, так как известно, что в обороне Брестской крепости участвовало около 3,5 тысячи человек. Из этого числа значительное количество защитников крепости погибло, часть смогла вырваться из вражеского кольца и только часть ранеными и контуженными была схвачена врагом.

Оказавшаяся в тылу своих войск, 45-я пехотная дивизия врага с первого дня боев безраздельно господствовала в районе Бреста и его окружении, включая крепость. Для того чтобы как-то оправдать свои большие потери и объяснить длительный срок боев за крепость, командование дивизии с молчаливого согласия вышестоящего начальства придумало миф об огромном по численности и до зубов вооруженном гарнизоне крепости, а Гшопф умудрился даже найти в крепости многочисленные «бронированные колпаки и закопанные в землю танки». Гитлеровцы включили в общую группу военнопленных, «взятых в боях на территории Брестской крепости», несколько тысяч членов семей командного состава, а также схваченных в районе Бреста военных и гражданских лиц обоего пола. Имеются многочисленные свидетельства этого. Так, И. М. Раклисов пишет, что в одном из отделений лагеря для воен-

нопленных он видел жителя города Бреста Восетинского с сыном и других гражданских лиц¹. Аналогичные факты приводит защитник Брестской крепости С. Б. Нуридджанян. Позднее некоторые из них были выпущены из лагерей и тюрем, но как бы затем, чтобы через некоторое время вновь быть арестованными. Осенью 1941 года и в 1942 году в районе Бреста было арестовано несколько тысяч человек — детей, стариков и женщин — только за то, что их кормильцами были командиры Советской Армии. Большинство арестованных было расстреляно в поселке Жабинка и других местечках под Брестом. «Летом 1942 года, — пишет Е. С. Костякова, — почти все семьи военных были расстреляны. Лишь случайно я и еще 2—3 семьи остались живы»². В 1943 году фашистскими палачами была зверски расстреляна семья героя обороны крепости, начальника 9-й заставы А. М. Кижеватова — жена Екатерина Ивановна, дети Ваня, Нюра, Галя и престарелая мать. Зимой 1943/44 года гитлеровцы замучили Галину Корнеевну Шабловскую — жену храбреца-командира капитана В. В. Шабловского, мать четверых детей. Таких фактов много.

Зверства, издевательства и массовые убийства мирного населения на оккупированной советской территории производились гитлеровцами по указанию палача и военного преступника Адольфа Хойзингера, бывшего начальника оперативного управления Генерального штаба сухопутных сил Германии, ныне одного из высокопоставленных генералов НАТО³.

Для гитлеровцев, руководствовавшихся приказами, директивами и инструкциями, в которых преобладают слова «действовать беспощадно и бессердечно, не расстреливать, а вешать... отправлять в лагерь для пленных всех бродячих лиц мужского пола от 16 до 60 лет, всех неместных жителей, вклю-

¹ ОФ МГОВК, оп. 333, д. 54, лл. 60—62.

² ОФ МГОВК, оп. 98, д. 13, л. 5.

³ Л. Лещинский. Статья «Гитлеровский палач во главе бундесвера» в газете «Красная Звезда» от 5/VIII 1960 г.

чая и женщин, за которых бургомистр не ручается своей жизнью»¹, набрать из гражданских людей нужное для доклада начальству количество «военнопленных», разумеется, не представляло труда.

Наряду с указанными искажениями и передержками, нужно отметить, что Гшопф в ряде случаев дает правдивую картину боевых действий в Брестской крепости. Он вынужден привести факты мужества и героизма ее защитников.

Многонационален состав защитников крепости. Среди них были русские и украинцы, белорусы и казахи, азербайджанцы и армяне, евреи и дагестанцы, мордва и татары, калмыки и грузины, узбеки и ингуши, карелы и молдаване. Всех их объединяло чувство любви и верности своей социалистической Родине, великому делу Коммунистической партии. В настоящее время Музею известны имена немногих оставшихся в живых участников обороны. По-разному сложились их судьбы, но через самые трудные испытания пронесли они незапятнанной честь и достоинство советского солдата и гражданина. Часть их, вырвавшись из вражеского кольца, достигла линии фронта или ушла в партизаны (лейтенант Пискарев, рядовые Мясников, Сухоруков, Никулин, Гудым, Исполатов и другие). Многих, раненых и контуженых, врагу удалось захватить в плен. Но и в плену, перенося неимоверные лишения и жертвы, они боролись с врагом, входили в подпольные антифашистские организации, устраивая восстания и побеги (политрук Кошкаров, лейтенант Виноградов, замполитрука Кюнг, сержант Романов, рядовой Сухолецкий и др.). Некоторые, бежав из вражеского плена, продолжили борьбу с врагом на временно оккупированной территории Советского Союза или в движении Сопротивления в разных странах Европы (младший политрук Каландадзе, младший лейтенант Ивушкин, замполитруки Кастрялин и Матевосян, старшие сержанты Лаенков и Абдуллаев, рядовые Еремеев, Журавлев,

¹ Архив МО СССР, оп. 724438, д. 337, лл. 39—40.

Кузнецов, Пискун, Пузаков, Нуридджанян и другие). Рассказ о дальнейших судьбах героев Брестской крепости в годы войны — дело нового большого труда.

Для более удобного пользования сборником воспоминания сведены в разделы, соответствующие сложившимся в крепости участкам обороны. В то же время необходимо иметь в виду, что некоторые защитники крепости, чьи воспоминания включены в сборник, в ходе боев вынуждены были перемещаться на другие участки. Наряду с рассказами участников боев представлены и свидетельства очевидцев — воспоминания медицинских работников, членов семей военнослужащих. В воспоминаниях простым, бесхитрым языком поведена правда о мужественной борьбе и стойкости солдат блокированного гарнизона. В них рассказано об ужасах войны, развязанной гитлеровцами, о ее первых жертвах и разрушениях. Каждая строка этих воспоминаний — обвинительный акт против фашизма и милитаризма, войны и агрессии.

А. КРУПЕННИКОВ

Бои на Тереспольском укреплении

Сраженье кипит на границе —
ни шагу нельзя отступить...

Вл. Гурьян

Пограничное Тереспольское укрепление¹ прикрывает Цитадель с запада. На его территории располагались курсы шоферов Белорусского пограничного округа, транспортная рота, саперный взвод, небольшой сбор кавалеристов и наряды 9-й заставы 17-го Краснознаменного пограничного отряда. Таким образом, можно предположить, что на Тереспольском укреплении было до 300 человек пограничников. Гитлеровцам удалось ворваться на укрепление сразу же после начала военных действий. Несколько групп пограничников с исключительным мужеством и стойкостью защищали эти первые метры советской земли.

В северо-западной части острова оборонялась группа старшего лейтенанта Ф. М. Мельникова, в которую входили курсанты-шоферы.

На правом фланге этой группы (место слияния левого и правого рукавов реки Западный Буг) сражались пограничники во главе с лейтенантом А. П. Ждановым.

Упорно дрались бойцы транспортной роты во главе со своим командиром старшим лейтенантом А. С. Черным², кавалеристы, наряды 9-й заставы.

¹ Многие защитники крепости называют это укрепление Западным островом.

² Воспоминания А. С. Черного см. на стр. 49.

Уже через несколько часов после начала боевых действий большая часть укрепления была очищена от врага. Пастор 45-й немецкой дивизии Рудольф Гшопф в своих воспоминаниях «Мой путь с 45-й пехотной дивизией» пишет: «Наши потери в людях, а особенно в офицерах, вскоре приняли очень при- скорбные размеры... Многочисленные «кукушки» и бойцы, замаскировавшиеся в кустарниках на Западном острове, не пропускали теперь наших пополнений». Далее он сообщает, что уже в первый день войны участниками обороны Брестской крепости были окружены и разгромлены штабы 3-го батальона 135-го пехотного полка и 1-го дивизиона 99-го артиллерийского полка, убиты командиры этих частей.

В непрерывных боях прошло несколько дней. Пограничники удерживали позиции, однако ряды их заметно поредели.

В ночь с 24 на 25 июня, когда стал остро ощущаться недостаток боеприпасов и продовольствия, объединенная группа старших лейтенантов Мельникова и Черного совершила прорыв на Кобринское укрепление. 30 июня курсанты во главе с лейтенантом Ждановым прорвались в Цитадель.

В настоящее время нам известны только четверо защитников укрепления, оставшихся в живых, — старший лейтенант А. С. Черный, сержант И. Ф. Тютюник¹, рядовые М. И. Мясников² и В. Д. Чудаков³.

¹ Сержант И. Ф. Тютюник — командир автоотделения транспортной роты 17-го Краснознаменного пограничного отряда. В настоящее время живет и работает в г. Днепропетровске.

² Воспоминания М. И. Мясникова см. на стр. 41.

³ Рядовой В. Д. Чудаков — электрик транспортной роты 17-го Краснознаменного пограничного отряда. Ныне живет и работает в г. Егорьевске, Московской области. Награжден орденом Отечественной войны II степени и двумя медалями.

МЯСНИКОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ, курсант окружных курсов шоферов погранвойск.

Сражался на Тереспольском укреплении и в Цитадели Брестской крепости до 5 июля 1941 года. С группой пограничников прорвался из вражеского кольца и, отходя белорусскими лесами, соединился с частями Советской Армии.

За героизм, проявленный в боях при освобождении города Севастополя, старшему лейтенанту Мясникову в мае 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и шестью медалями. Член КПСС.

В настоящее время полковник М. И. Мясников служит в одной из частей Советской Армии.

Крепость над Бугом... При одном упоминании о ней в памяти неизменно встают ожесточенные атаки врага, которые сменялись ураганным артиллерийским огнем, изнурительной бомбежкой. И так в течение многих дней. Они ничем не отличались один от другого, эти дни, разве только после каждого боя все меньше и меньше оставалось наших бойцов, таяли ряды оборонявшихся.

В ночь с 21 на 22 июня я вместе с пограничником Щербиной находился в секрете. Мы залегли в районе стыка рукавов реки Буга. В полночь с противоположного берега стал доноситься сильный шум: передвигались автомашины, танки. Как старший секрета, я доложил на заставу. В ответ получил приказ усилить наблюдение.

На рассвете мы заметили приближающийся к железнодорожному мосту бронепоезд. Не успел я сообщить об этом на заставу, как бронепоезд открыл огонь по крепости и вокзалу.

Одновременно начался артиллерийский обстрел и бомбежка, причем огонь по нашей казарме велся прямой наводкой. В результате здание было разрушено, возник пожар. После артиллерийской и авиационной подготовки моторные лодки противника с десантом стали форсировать реку Буг, а по железнодорожному мосту двинулись фашистская пехота

и танки. Появление врага пограничники встретили дружным ружейным и пулеметным огнем. Многочисленные попытки неприятеля высадить 22 июня свой десант на нашем участке вначале не имели успеха. Бойцы мужественно отбивали натиск противника, неоднократно переходили в штыковые атаки.

В полдень я попытался доложить об обстановке на заставу, но связь уже не работала. С самого утра мы вели непрерывные бои, израсходовали почти все боеприпасы. В середине дня гитлеровцам удалось высадиться на нашем участке, и они начали теснить нас. Уничтожив гранатами около 30 фашистов, используя складки местности, мы отступили к дзоту и там соединились с группой лейтенанта Жданова. Это был один из командиров нашей школы шоферов — высокий, статный, красивый москвич. Он пользовался у нас большим авторитетом и любовью. С ним находилось около 80 человек. Совместными усилиями мы очистили от врага наш участок. По приказу лейтенанта Жданова, принявшего на себя командование, бойцы заняли оборону вдоль вала над Бугом. Я с группой в 15 человек оборонялся в северной части Западного острова. Мы вели бои с превосходящими силами противника, пытавшегося под покровом ночи высадить десант.

Ночью 22 июня лейтенант Жданов и младший техник-лейтенант (фамилии его не помню) сообщили, что мост через реку взорван, а остров окружен.

Лейтенант Жданов оборудовал командный пункт в дзоте. Там же мы сосредоточили и весь запас продовольствия. А боеприпасы распределили между бойцами. По распоряжению Жданова заняли круговую оборону. Все было подготовлено для отпора врагу.

Утром 23 июня немцы вновь пытались форсировать Буг и высадить десант; бой длился более 2 часов. Потеряв надежду на успех, гитлеровцы возобновили сильную бомбежку и артиллерийский обстрел. Однако наши бойцы удерживали свои позиции,

отражая штыковым ударом натиск озверевших фашистов.

Ночью 24 июня к нам вновь пришел лейтенант Жданов и рассказал, что на острове обороняется несколько групп пограничников, о борьбе которых я, к сожалению, очень мало знаю. Помню только, как товарищи говорили, что недалеко от нас сражается группа под командованием не то старшего лейтенанта, не то капитана Мельника¹. С противоположного берега, из Цитадели, доносился грохот ожесточенного боя, однако связи с бойцами, сражавшимися там, не было. Лейтенант Жданов отдал приказ двум пограничникам проникнуть в Цитадель, но они были обнаружены немцами и в неравном бою погибли. Жданов нам сообщил, что установлена связь с пограничниками, которые вели оборонительные бои в районе аэродрома, но каким образом она осуществлялась — я не знаю.

Утром 25 июня фашисты со стороны крепости начали сильный прицельный огонь по острову и оборонительным сооружениям². Загорелся гараж, склады и столовая. Мы отбили более 6 атак. Враг нес большие потери, но и с нашей стороны имелись убитые и раненые. В рукопашном бою погиб младший техник-лейтенант.

Обстановка была тяжелой: не хватало боеприпасов, продовольствия и воды, но бойцы были полны решимости сражаться, пока их руки в состоянии сжимать оружие.

27 июня снова сильная бомбежка острова и Цитадели. Взрывы зажигательных бомб вызвали большие пожары, горело все, что не успело сгореть раньше. В этот день мы потеряли более половины своих бойцов.

Воспользовавшись передышкой, бойцы взяли уцелевшие боеприпасы, воду, продовольствие, которое имелось в столовой на острове, и перенесли все

¹ Старший лейтенант Ф. М. Мельников.

² Огонь велся со стороны Кобринского укрепления, западная часть которого к тому времени была захвачена врагом.

это в дзот; вдобавок были собраны овощи с огородного участка при школе шоферов. Пищу выдавали в первую очередь раненым, да и то небольшими порциями.

Оставаться в северо-западной части Западного острова было теперь бессмысленно. Лейтенант Жданов приказал отойти в глубь острова, в район пороховых складов, и обороняться там. Под покровом ночи мы должны были переплыть реку и соединиться с подразделениями, находившимися в Цитадели.

В ночь на 30 июня группа в составе шести человек, куда входил и я, по приказу лейтенанта Жданова ушла в разведку. Старшим назначили сержанта Баранова. Нам предстояло выяснить, где удобнее переплыть Буг, как легче пробиться в Цитадель. Бесшумно плыли бойцы, стараясь ни единым всплеском не выдать себя. До кольцевой казармы Цитадели оставалось метров 40—50. Мы уже надеялись, что доберемся незамеченными. И вдруг в воздухе повисло много осветительных ракет, стало светло. Гитлеровцы, обнаружив нас, открыли огонь. Однако задание лейтенанта Жданова было выполнено.

Разведав местность, мы решили, что безопасней всего будет переправиться в Цитадель, держа курс на юго-западную часть кольцевой казармы. В эту же ночь я и Щербина получили приказание сержанта Баранова вернуться на наш остров и доложить обстановку.

Выслушав нас, лейтенант Жданов приказал, используя предрассветную темноту, оставить обороняемый участок и плыть к Цитадели. Группа тронулась в путь. Гитлеровцы снова заметили наше передвижение и открыли огонь. Только 18 бойцов из 45 достигли противоположного берега, причем трое получили тяжелые ранения.

Все мы были сильно переутомлены боями; отсутствие продовольствия и воды истощило наши силы; обмундирование почти у всех изодралось, покрылось копотью и пылью.

В ходе боев в Цитадели в течение первых дней июля погибло еще несколько наших товарищей. Но мы не теряли мужества. Днем 2 июля, во время боя, рядовой Щербина, несмотря на то, что был дважды ранен, забросал гранатами группу гитлеровцев. Щербина был ранен в третий раз, но так и не ушел с поля боя.

Много мужества и выдержки проявил при обороне крепости и лейтенант Жданов. Личным примером он увлекал бойцов за собой.

К 3 июля нас осталось 8 человек. Мы имели несколько десятков патронов и несколько гранат. Все тяжелее становилось вести бои с врагом, раненые слабели, медицинскую помощь оказать было нечем.

Учитывая сложившуюся обстановку, лейтенант Жданов принял решение вывести из крепости оставшихся людей с тем, чтобы, отходя лесами, соединиться с частями Красной Армии. В ночь на 5 июля мы стали скрытно пробираться в сторону бывшей церкви. Гитлеровцы открыли огонь. Короткими перебежками добрались мы до подвалов церкви и обнаружили там трех обессиленных бойцов. Один из них рассказал нам, что они обороняли церковь. Почти вся их группа погибла в неравных боях. Бойцы решили пробираться вместе с нами к своим частям.

В церкви мы пробыли минут 15—20. За это время лейтенант Жданов продумал план выхода из окружения и дал нам дополнительные указания. Путь наш лежал в направлении южной части кольцевой казармы, левее Холмских ворот, через левый рукав Мухавца, высокие земляные валы Южного укрепления¹ и оттуда в поле. Бойцы двигались почти бесшумно, но гитлеровцы вскоре обнаружили нас, ибо местность непрерывно освещалась вспышками ракет.

¹ «Южное укрепление», «Южный остров» — так многие защитники крепости называют Волынское укрепление.

Завязался бой, длившийся около часа. Немцы пытались окружить нас, но мы упорно продолжали продвигаться в южном направлении.

Ночь затрудняла совместные действия, отсутствовала связь между бойцами, поэтому из крепости нас вышло только четверо. Судьба остальных моих боевых товарищей неизвестна. Оказались ли они в результате боя отрезанными от нас, пробились ли в другом направлении, или погибли — не знаю. Было очень больно сознавать, что нас так мало. Но времени для размышлений не оставалось. Используя предрассветное время, мы постарались укрыться в посевах пшеницы, недалеко от крепости. К исходу дня тяжелораненый боец, пробившийся вместе с нами, умер. Теперь нас осталось трое: пограничник Никулин из Крымской области, Сухоруков из Курска и я. На всех была только одна граната и автомат, да и тот без патронов. Израненные и ослабевшие, без продовольствия и воды, почти босые, мы настойчиво пробирались к своим. Первоначально решили двигаться в направлении Минска, но, подумав, пошли на Пинск.

В ночь с 5 на 6 июля через посеы зерновых, заросли кустарника начался наш нелегкий путь. Шли полесскими болотами, иногда днем, но чаще ночью. Населенные пункты обходили. К вечеру 10 июля мы вышли юго-восточнее Пинска, но наши войска к этому времени уже оставили город. Двигаться становилось все труднее: болели раны, опасность подстерегала на каждом шагу. Утром мы обнаружили в зарослях на берегу Припяти лодку с подвесным мотором; в ней лежала топографическая карта и какие-то документы Пинской флотилии. Очевидно, моторная лодка принадлежала ей. Укрывшись, мы в течение дня знакомимся с устройством мотора, а в ночь с 12 на 13 июля поплыли. Так продолжалось две ночи, потом бензин кончился, и мы вновь пошли пешком.

22 июля на северо-востоке показался Мозырь. Ночью мы стали переходить линию фронта, попали под огонь врага, в результате чего Сухоруков был

вторично ранен. Скоро мы были задержаны нашим боевым охранением. После оказания первой медицинской помощи нас сразу же отправили в госпиталь.

Судьбу своих друзей, к сожалению, не знаю.

ОФ МГОВК, оп. 17, д. 9, лл. 7—16.

ЧЕРНЫЙ АКИМ СТЕПАНОВИЧ, старший лейтенант, командир транспортной роты 17-го Краснознаменного пограничного отряда. Один из руководителей обороны на Тереспольском укреплении. В ночь на 25 июня вместе с группой старшего лейтенанта Мельникова пробился на Кобринское укрепление. 28 июня контуженным был захвачен в плен.

Прошел фашистские лагеря: Бяла-Подляска, Хаммельбург. Принимал участие в деятельности подпольного антифашистского комитета в лагере Нюрнберг.

Освобожден из плена в апреле 1945 года. Ныне живет и работает в г. Сумы, УССР.

Проснувшись от взрывов, я увидел, что деревянные постройки уже объаты пламенем. Зарево освещало большую часть острова. Я дал несколько советов жене и, наскоро простившись с ней, отправился в расположение роты.

Воздух был настолько насыщен дымом и гарью, что затруднялось дыхание, появился мучительный кашель.

К моему приходу здание, где располагался личный состав роты, было значительно повреждено, среди бойцов оказались убитые и раненые, а кое-кто решил пробраться в Цитадель. В этой обстановке мне удалось собрать около тридцати военнослужащих своей роты: это были Васильев¹, Одинокий², Серебренников³, Черкашин, Кащев⁴, Зотов, Юдин⁵, Михайлов, Мещеряков, Степанов и другие.

Связь с отрядом была прервана с первыми вражескими выстрелами. Я считал, что основная наша задача заключается в том, чтобы немедленно вывести весь автомобильный транспорт и подать его

¹ Рядовой П. В. Васильев — старший писарь роты.

² Старший сержант А. Г. Одинокий — старшина роты.

³ Сержант А. И. Серебренников — командир автоотделения роты.

⁴ Техник-интендант 2-го ранга А. И. Кащев — делопроизводитель роты.

⁵ Рядовой Н. А. Юдин — пекарь роты.

в распоряжение командования пограничного отряда. С таким намерением мы поспешно отправились в гараж. В здании роты остались лишь Кащев для наведения соответствующего порядка в документации да Одинокий — для оказания помощи раненым.

В пути мы встретили начальника окружных курсов шоферов старшего лейтенанта Мельника¹, который направлялся в расположение казарм. Я сообщил ему о своем решении, а также разъяснил создавшуюся обстановку. Мельник обещал оказать нам необходимую помощь. При подходе к развилке дороги мы заметили, что гараж и здание курсов шоферов окружены вражескими автоматчиками. Как позже выяснилось, их было там 12—15 человек. Враг, по-видимому, еще до начала артиллерийской подготовки перебрался через р. Буг. Здание курсов шоферов с западной стороны прикрыто валом, и поразить его прямой наводкой невозможно. Гитлеровцы окружили его и начали безжалостно уничтожать выбегающих из казарм курсантов.

Оставить товарищей без помощи я не мог. Здесь же, в кустарнике, мы установили два ручных пулемета. Старшим этого пулеметного гнезда был назначен сержант не то Тютюник, не то Серебреников (сейчас уже не помню). А я с группой бойцов обошел здание с тыльной стороны. В это время, как было условлено, из кустов, находившихся между пулеметчиками и нашей группой, рядовой Васильев выстрелил из ракетницы. По этому сигналу пулеметчики открыли огонь по врагам. Гитлеровцы, как я и предполагал, все свое внимание сосредоточили на пулеметном гнезде. Мы не замедлили воспользоваться этим и в рукопашной схватке ликвидировали фашистов.

На эту операцию затратили порядочно времени. По прибытии в гараж выяснилось, что все ближайшие дороги усиленно простреливаются вражескими пулеметами и артиллерией. Поэтому автомашины, покинувшие гараж, тотчас же выходили из строя.

¹ Старший лейтенант Ф. М. Мельников.

Оружия, с помощью которого мы могли бы подавить огневые точки, сковывавшие наши действия, не было. Противник почти на наших плечах ворвался в гараж, и мы встретили его не вполне подготовленными. Но несмотря на это, непрошенные пришельцы были уничтожены. Приходилось отбиваться от беспрерывно наседавшего врага и одновременно производить те или иные улучшения в своих укрытиях. Неприятель настойчиво стремился овладеть гаражом. Были такие дни, когда гитлеровцы по нескольку раз врываются в него. Мы их отбивали, но за это расплачивались дорогой ценой.

В районе, где дорога от Тереспольских ворот подходит к рукаву Буга, оборонялась группа во главе со старшим лейтенантом Мельником. Натиск врага был силен, ибо гитлеровцы значительно превосходили эту группу в живой силе и технике. В результате фашистам удалось расчленить ее.

Между отдельными группами защитников непосредственной связи не было. По возможности мы старались друг друга поддерживать огнем. Каждый был убежден в том, что все это носит временный характер и очень скоро враг будет отброшен. Поэтому мы стремились продержаться как можно дольше, скрывая своими действиями вражеские силы и уничтожая их. А между тем положение становилось все труднее. Отсутствие продовольствия и недостаток боеприпасов отрицательно сказывались на ходе обороны. Приходилось экономить имевшиеся патроны, тщательно обыскивать ночью убитых гитлеровцев в надежде найти боеприпасы.

Стало ясно, что фронт значительно удалился от крепости и придется длительное время находиться во вражеском окружении, а для этого необходимо было объединить силы оборонявшихся. Кроме того, мы думали, что у других лучше обстоят дела с продовольствием и боеприпасами. Решили прорываться к своим.

Вечером 24 или 25 июня к нам примкнул старший лейтенант Мельник с курсантами. Было назначено время и место сосредоточения бойцов для

атаки. Перед отходом все уцелевшие машины облили бензином и подожгли. Богатая растительность на острове служила прекрасной маскировкой, что значительно облегчало наше передвижение. Энергично атакуя противника в направлении моста и дамбы, мы опрокинули и уничтожили находившихся там гитлеровцев. Тяжело был ранен в ногу старший лейтенант Мельник, он потерял возможность свободно передвигаться. Ползком я вернулся назад, отыскал его и вынес на обочину дороги. Поспешно наложили ему на ногу жгут и отправились в дальнейший путь. С большим трудом мы добрались до одного из казематов в земляном валу северо-восточной части крепости, хозяевами которого была группа защитников, руководимая старшим лейтенантом Смирновым (фамилию припоминаю не точно, в мирное время тов. Смирнов был начальником штаба одного из отдельных батальонов связи).

Из 40 бойцов группы прорыва до каземата добралось 13 человек, из них только 9 были в строю, остальные имели тяжелые ранения. Оборонявшиеся товарищи рассказали нам об обстановке в этом районе крепости и сообщили, что вблизи от нас находятся другие оборонительные группы, в частности группа, руководимая тов. Нестеренко.

Утром, после 2- или 3-часового отдыха, я поднялся на выложенную из камня подставку и через окно над дверью стал уничтожать появляющегося врага. Через некоторое время фашист, подобравшийся с фланга, забросил в наш каземат гранату, которая упала возле лежавшего на полу Мельника. Мгновенно созрело решение выбросить эту гранату. Я прыгаю с подставки, но неудачно: нога попала на камень, я упал. Поднимаясь, решил, что время потеряно, и граната может взорваться в руках. Толкаю ее ногой на выход; она на лету у входа взрывается, ее взрывом я и еще два или три товарища получили легкие ранения. Мельник остался невредим.

Медикаментов у нас уже не было. Поэтому раны залечивали с помощью сока из листьев растения, ко-

торое в народе называют раннином. Правда, доставали мы его с трудом.

Занимаемый нами каземат был мало пригоден для обороны. Посоветовавшись, я решил оставить в каземате раненых и двух товарищей для их защиты. Все остальные были выведены из каземата и расположены в развалинах, находившихся вблизи какого-то здания.

В завершение хочу сказать, что все время мы были твердо убеждены в том, что враг имеет временный успех и что дальше старой линии государственной границы ему не пройти. В Брестской крепости погибли моя жена, ждавшая ребенка, сестра, тяжелое нервное потрясение перенесла мать.

ОФ МГОВК, оп. 17, д. 9, лл. 7—16.

Безымянный герой

(Из воспоминаний П. С. Клыпы ¹)

На Западном острове, примерно на девятый день обороны, мы встретили в кустах одного нашего пограничника. Он лежал с ручным пулеметом. Возле него валялись сотни стреляных гильз и запасные диски к пулемету, а неподалеку — десятки фашистских трупов. Видимо, это был один из секретных постов погранзаставы. Здесь его застала война в ночь на 22 июня, и все эти дни он оставался на месте, ведя бой с врагом. Вид его был ужасен: воспаленные глаза, серое осунувшееся лицо, костлявые руки крепко сжимали пулемет. Уже несколько суток он не спал и не брал в рот пищи. Казалось, боец лежит без сознания. Но вот он поднял голову и посмотрел на нас. Мы предложили ему прорываться вместе. Пограничник с трудом открыл потрескавшиеся губы и с ожесточением сказал:

— Никуда я отсюда не уйду.

И безымянный герой, так поразивший меня своей силой духа, самоотверженностью, патриотизмом, остался...

¹ Воспоминания П. С. Клыпы см. на стр. 551.

Защита Волынского укрепления

...Для них уместилась Россия
На этом кусочке земли...

Лев Ошанин

Примыкая к автомагистралям Варшава — Москва и Брест — Ковель, Волынское укрепление прикрывает Цитадель Брестской крепости с юга. На его территории располагались полковая школа 84-го стрелкового полка (большая часть курсантов находилась на артиллерийском полигоне), 95-й медико-санитарный батальон 6-й стрелковой дивизии и госпитали. В пограничной части острова находились наряды 9-й заставы 17-го Краснознаменного пограничного отряда.

В результате жестокой бомбардировки в первые часы войны на Волынском укреплении были разрушены госпитальные здания, на одном из которых явственно просматривался красный крест.

Заместитель начальника госпиталя по политической части батальонный комиссар Н. С. Богатеев с первых же часов войны организовал четкую работу медперсонала. Несмотря на шквальный огонь врага, Н. С. Богатеев и его товарищи самоотверженно переводили больных из горевших зданий в укрытия (накануне войны была начата передислокация госпиталя, но часть больных еще находилась на старом месте).

Однако к 12 часам дня 22 июня солдаты 130-го полка 45-й немецкой пехотной дивизии захватили часть помещений госпиталя и учинили там зверскую

расправу над больными и ранеными. Н. С. Богатеев погиб в рукопашной схватке с фашистами.

На подступах к Южным воротам сдерживали натиск врага курсанты полковой школы 84-го стрелкового полка под командованием старшего политрука Л. Е. Кислицкого¹.

Окруженные врагом, испытывая острую нехватку боеприпасов, медикаментов, продовольствия и воды, курсанты героически отражали многократные атаки.

Геройски вели себя воины-пограничники.

Сопrotивление на Волынском укреплении было настолько сильным, что противник вынужден был уже к середине дня ввести в бой здесь и на Тереспольском укреплении свой резерв.

В донесений врага «О занятии Брест-Литовска» говорилось: «Введение в бой новых сил 133-го пехотного полка (до этого резерв корпуса) на Южном и Западном островах с 13.14 также не внесло изменения в положение. Там, где русские были отброшены или выкурены, через короткий промежуток времени из подвалов, водосточных труб и других укрытий появлялись новые силы, которые стреляли так превосходно, что наши потери значительно увеличивались»².

Если основную часть укрепления гитлеровцы заняли к исходу третьего дня войны, то на внешних валах и у Южных ворот несколько групп держалось значительно дольше. В течение 6 дней оборонялась группа помощника начальника полковой школы 84-го стрелкового полка лейтенанта М. Е. Пискарева³.

Под напором гитлеровцев часть воинов, мужественно оборонявших Волынское укрепление, отошла

¹ Старший политрук Л. Е. Кислицкий — заместитель начальника полковой школы 84-го стрелкового полка по политической части.

² Архив МО СССР, оп. 7514, д. 1, л. 228.

³ Лейтенант М. Е. Пискарев — заместитель начальника полковой школы 84-го стрелкового полка. В настоящее время живет и работает в г. Вязьме.

в Цитадель крепости. Там, вместе с другими группами защитников, они продолжали борьбу.

Некоторым бойцам удалось выбраться из вражеского кольца. Позже они соединились с частями Красной Армии или сражались в партизанских отрядах. Но большинство защитников Волынского укрепления героически погибло.

КЮНГ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ, заместитель политрука полковой школы 84-го стрелкового полка.

22—23 июня обороняет подступы к южной части главного вала Волынского укрепления. Затем в составе группы прорывается в сторону города Ковеля и соединяется с частями Красной Армии.

В ноябре 1941 года раненый попадает в плен. Первоначально находится в лагере № 304 в Саксонии, затем вывезен в Бельгию. За организацию саботажей на шахтах и побегов Кюнга бросают в концлагерь Бухенвальд, где он принимает участие в антифашистской борьбе пленных, являясь руководителем отдела безопасности подпольной организации; участвовал в восстании заключенных 11 апреля 1945 года.

В настоящее время Н. Ф. Кюнг — председатель секции бывших военнопленных Советского комитета ветеранов войны, работает завучем СШ № 3 в пос. Щербинка, Подольского района, Московской области. Член КПСС.

Награжден орденом Отечественной войны I степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

На подступах к крепости

7-9 мая 1941 года гарнизон Брестской крепости, поднятый по тревоге, занял свои «боевые позиции» и был готов к отражению противника. Готовность гарнизона проверял начальник боевой подготовки Генерального Штаба РККА генерал-лейтенант Курдюков¹. Он дал нам хорошую оценку. Мы были довольны. Дан отбой — все успокоились.

Новым в жизни гарнизона, в частности 84-го стрелкового полка и полковой школы, было известие о предстоящих учебных маневрах², которые назначались на воскресенье 22 июня 1941 года юго-восточнее деревни Волынка, в районе стрелкового или артиллерийского полигона 6-й стрелковой дивизии. К ним готовились со всем старанием. Как замполитрук полковой школы, я несколько раз бывал у полкового комиссара Фомина, который только что прибыл из Прибалтийского военного округа. Он еще не имел квартиры и жил, вернее ночевал, в своем кабинете, в штабе 84-го стрелкового полка. Полковой комиссар только осваивался, но его влияние уже

¹ Это не точно. боеготовность гарнизона в это время проверял заместитель командующего Западного особого военного округа генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов.

² Автор имеет в виду показное двухстороннее учение в составе усиленной стрелковой роты (в обороне) и усиленного стрелкового батальона (в наступлении), назначенное на 22 июня 1941 года.

чувствовалось; он отличался большой чуткостью, был очень внимателен к людям, к их запросам и почти всегда угадывал намерения пришедшего к нему собеседника. Часто он задерживал меня и часами беседовал, стремясь познакомиться с людьми части, в которую прибыл. Его нередко можно было видеть в полковой столовой, когда бойцы садились за обеденные столы.

За короткое время Е. М. Фомин лично провел 3 или 4 инструктажа, участвовал в полковом комсомольском собрании.

Я очень хорошо помню секретаря комсомольской организации Самвела Минасовича Матевосяна¹. Не раз мы беседовали с ним о будущем Родины, готовясь к демобилизации, строили различные планы. 21 июня, в субботу, партийное бюро приняло меня кандидатом в члены КПСС. Матевосян был одним из тех, кто давал мне рекомендацию².

Никогда не забуду я школьного товарища Ивана Грибоедова, замполита батареи нашей полковой артиллерии и одного из самых способных, подготовленных политработников. Погиб Грибоедов в первые часы войны: гитлеровцы обрушили шквальный огонь на артиллеристов 84-го полка, расквартированных западнее Холмских ворот.

Георгия Беляева знали в полку как хорошего повара. Любили мы и Николая Горина из хлебопекарни. Они были друзьями, сражались в крепости до 2 июля 1941 года; раненые, попали в плен. Оба являлись свидетелями расстрела полкового комиссара Фомина.

Уже потом, в фашистском плену, дороги свели нас, некоторых бойцов и командиров, в лагере № 304-Н. Этот лагерь находился в Саксонии у станции Якобстель, севернее Дрездена, в 3—4 км от Эльбы. Георгий Беляев и Николай Горин работали в лагерной кухне. Тяжелой была наша встреча.

¹ Воспоминания С. М. Матевосяна см. на стр. 291.

² Как ответственный секретарь бюро ВЛКСМ полка, Матевосян подписал рекомендацию, выданную Кюнгю комсомольской организацией.

Я попал в плен позже, уже в конце 1941 года, и знал о боевых действиях войск значительно больше. Мы устраивали тайные вечера, где я рассказывал о положении в нашей стране, о начавшемся нашем наступлении под Москвой. И тогда у Жорика Беляева зародилась мысль о побеге из лагеря. До этого он оказывал посильную помощь товарищам, ранее бежавшим отсюда.

Весной 1942 года я изготовил карту районов Германии и Польши, по которым должен был проходить маршрут побега. С Беляевым убежал и Горинов. Перед побегом Георгий Беляев рассказал мне о том, что он, лично хранивший на груди одно из знамен 84-го полка, закопал его в конце июня под камнем на берегу Мухавца, в 20—30 метрах правее Трехарочных ворот¹.

Оба друга были пойманы, жестоко избиты, но это не помешало им летом 1942 года совершить второй побег. Дальнейшей их судьбы не знаю, в лагерь они не вернулись.

В августе 1942 года я с большой партией военнопленных был вывезен в Бельгию для работы на каменноугольной шахте. За организацию саботажа и побегов был брошен в концлагерь Бухенвальд. И вот в Бухенвальде я тоже встретил защитников крепости. Среди них узнал младшего сержанта Трифона Андреева из Велижского района, Смоленской области, Александра Нехлюдова² — лейтенанта, командира одной из рот 84-го полка, и Володина — заместителя политрука 5-й или 6-й роты нашего полка. Находясь в концлагерях врага, защитники Бреста не сдавались. Они вели непрекращавшуюся священную борьбу. И мне кажется, что Андреев и Володин погибли в этой неравной борьбе.

Павел Назаров, Иван Мягков и Владислав Филипчук — все из Смоленской области, младшие командиры, раненые в боях за крепость, были

¹ Так защитники крепости называют Брестские ворота Цитадели.

² Лейтенант А. Н. Нехлюдов — командир пулеметного взвода 84-го стрелкового полка, член ВЛКСМ.

захвачены фашистами и направлены на ка- торжные работы. Я их встречал в 304 лагере, но и по сегодняшний день больше о них ничего не слышал.

22 июня 1941 года навсегда врезалось в память. Многие из товарищей так и не увидели этого роково- го дня. Мы спали, завернувшись в плащ-палатки и шинели. В небе засверкали зарницы. Потом они разрослись в сплошную завесу. Снаряды точно ло- жились в расположении нашей школы. В первые же минуты среди курсантов были убитые и раненые. Всем стало ясно, что началась война, но никто не верил, что она долго продлится. Утешались мыслью, что вот-вот Наркоминдел уладит все, и настанет ти- шина.

Первым желанием каждого из нас было про- рваться за валы и укрыться за кирпичной стеной Цитадели. Но жестокий артиллерийский огонь пре- градил туда путь. В руках винтовка СВТ, пять холо- стых патронов и три взрывпакета. И так у каждого. У командиров пустые кобуры. И все-таки 19—20 че- ловек, в числе которых я помню Кислицкого, Тарасо- ва, Негодяева, Пушкарева, Алексея Кропачева, Мак- сима Карповича, Чомаева, прорвались. Минуя Во- лынку вышли к валам и недалеко от перекрестка заняли оборону. Много ушло времени на поиски бое- припасов и разведку. Хорошо действовал младший сержант Чомаев. Часам к 9—10 мы могли уже встре- чать пехоту врага огнем.

Брестская крепость в первый же день была бло- кирована. Нам было хорошо видно, как за лесом, восточнее химгородка, фашистские самолеты выбра- сывали парашютистов.

Часам к 11 я был выслан в разведку в направ- лении города Бреста. Когда достиг железнодорож- ного полотна, то увидел, что вдоль дороги движутся люди (около роты). Впереди, метрах в 120—150 от них, шла старая женщина. Встретившись со мной, она сказала: «Родненький, куда ты идешь,— ведь это же не наши, это другие какие-то, уходи отсюда».

Я всмотрелся и действительно различил другой цвет формы, другие ее контуры, совсем другие, незнакомые силуэты солдат.

Трудно сейчас передать, как мне стало не по себе. И все-таки я по инерции шел вперед, винтовка «на-ремень». Только когда стали видны длинные козырьки парашютистов и их темно-коричневая форма, я повернулся «кругом» и таким же шагом двинулся обратно, обогнав женщину. Добравшись до низкорослого кустарника, я быстро пополз. Враги, конечно, видели меня, как и я видел их, но они не приняли никаких мер, очевидно посчитав меня за своего или же не сообразив еще в чем дело. С трудом достигнув нашего расположения, я стал убеждать старшего политрука Кислицкого, что едва не встретился с немцами. Кислицкий не верил, что враг здесь, что он уже топчет нашу землю. Однако спустя полчаса появилась цепочка фашистов. Они шли, ничего не подозревая. Нас укрывали кустарники. Гитлеровцы шли уверенно, впереди — офицер.

Никогда не забуду я этого момента — нужно было нажать спусковой крючок, целясь в живого человека, убить его. Вот у кого-то сорвался выстрел. Офицер что-то закричал, обернувшись назад. Но поздно — меткие выстрелы один за другим разили вражеских солдат. Только теперь гитлеровцы поняли, что этот участок обороняется, и стали время от времени посыпать его минами.

Ночь с 22 на 23 июня была душной. Не помню всех, кто находился в моей группе. Пушкарев, Кропачев, я и еще несколько человек должны были разведать дорогу в направлении Волынки. Шли обочиной. По дороге изредка двигались наряды врага по 5—6 человек. Чувствовалось, что наших войск поблизости нет, так как гитлеровцы вели себя спокойно и без особой осторожности. По крайней мере, до самого перекрестка железной и шоссеиной дорог за химгородком в направлении к Романовским хуторам (кажется, 12 км от крепости) мы видели немцев. Там, дальше, на востоке, полыхали отсветы пожаров.

Наше известие не обрадовало товарищей. Весь второй день войны прошел в напряженной перестрелке. Патронов не хватало, а гранат и мин вовсе не было. К вечеру старший политрук Кислицкий дал указание группе готовиться к прорыву по разведанному прошлой ночью пути. По шоссе Варшава — Минск колоннами двигались вражеские танки, автомашины. В первый день мы приняли эти танки за свои, потому что на них развевались красные флажки. И... потеряли часть своих товарищей, выскочивших из укрытий навстречу им.

Земля содрогалась от гула тысяч моторов. А сзади слышались беспрерывные взрывы, как будто падал большой водопад — это гитлеровцы обстреливали из минометов и гаубиц Цитадель нашей крепости. На Южном же острове только изредка раздавались пулеметные и автоматные очереди. Госпиталь, по словам разведчиков, лежал в развалинах, полковая школа наша была цела, но вокруг нее виднелись фашистские пехотинцы. А ведь там 20 июня оставались больные курсанты вместе с младшим сержантом Иваном Долгоновым — командиром отделения пулеметного взвода.

Во второй половине ночи наша группа во главе с Кислицким вытянулась в обход Волынки, мимо кирпичного завода, в направлении стрельбища на Ковельском шоссе. Утро застало нас у Романовских хуторов. Фашисты встретили нас в упор. Одним из первых пал Негодяев — молодой курсант, вторым — младший сержант Иван Тарасов. До лесу оставалось не более 700—800 метров, перед ним кустарник, в котором и засели враги. Отбиваться было бесполезно, и мы пошли напролом, оградив себя редкими выстрелами.

Опомнились уже в лесу. Немного осталось нас: Карпович, Пушкарев, Кропачев, я... Продираясь в течение 2 или 3 дней по лесу, мы вышли на Ковельское шоссе и где-то, севернее Ковеля, соединились с частями нашего гарнизона. Нас включили в одну из батарей 204-го гаубичного полка 6-й дивизии. Мы участвовали в боях под Бобруйском, на пе-

реправе у Лоева, под Прилуками, захищали Киев. Максим Карпович был убит в разведке, а 6 ноября 1941 года, при выходе из окружения, меня ранило в ногу и при переправе через реку Десну я был захвачен гитлеровцами в плен.

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 66, лл. 3—5.

ГУБАРЬ ИВАН ЛАВРЕНТЬЕВИЧ, сержант, фельдшер срочной службы 95-го медико-санитарного батальона.

Сражался на Волынском укреплении. Оглушенный взрывом, попал в плен. Находился в лагерях для военнопленных в Польше, затем в Австрии. В мае 1945 года освобожден войсками 3-го Украинского фронта. После демобилизации из армии в 1946 году фельдшер И. Л. Губарь работает в селе Большое Пучинское, Владимирской области.

Член КПСС, награжден орденом Отечественной войны I степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Летом 1941 года основной состав медико-санитарного батальона выехал в лагерь. Остались только бойцы для несения караула, санитары, писаря, дежурный врач, сестра и вольнонаемные няни. Больные находились в верхнем этаже. В нижнем этаже помещения располагались клиническая лаборатория, где я работал, аптека, кухня, столовая и штаб батальона. В апреле я сдал окружные экзамены и был зачислен кандидатом для поступления в Ленинградскую Военно-Медицинскую академию им. С. М. Кирова. В середине июня 1941 года прибыл вызов, и меня откомандировали в Академию для прохождения курсов. 19 июня 1941 года начальник комиссии по приему нам объявил, чтобы мы получили предписания и, разъехавшись по своим частям, ждали особого вызова.

...Прошло уже немало лет, с тех пор как отгремели залпы второй мировой войны. За плечами почти у каждого из нас тяжелые дороги боевых сражений. Но память моя цепко хранит события, разыгравшиеся в Брестской крепости, участником которых мне довелось быть. Словно вчера, встают передо мной дни, наполненные ожесточенными схватками с наседавшим врагом; дорогие черты моих товарищей по оружию, с которыми плечом к плечу отбивались мы от гитлеровцев в те памятные июньские дни 1941 года...

Вечером 21 июня я доложил дежурному врачу о прибытии и пошел отдохнуть в натянутую брезентовую палатку, что стояла неподалеку от нашего корпуса. Усталость быстро сморила меня. Когда я проснулся, то не мог сразу прийти в себя: дрожала земля, вокруг раздавались стоны и крики. Товарищи, находившиеся рядом, погибли от осколков снарядов и авиабомб. Меня ранило в руку. Озверевшие фашисты не пощадили даже госпитальных корпусов, на крыше которых ясно видны были красные кресты, бомбили нас с самолетов, обстреливали из орудий. Здания госпиталя рушились, горели. Погибло много больных.

Когда я под огнем добрался до своего корпуса, то там уже находились раненые, больные, медицинские сестры, вольнонаемные няни и один военврач 2-го ранга, прибывший накануне в командировку в нашу часть; он был ранен в голову¹.

После краткого совещания мы решили немедленно подобрать раненых, унести в укрытие и перевязать. Я знал, где находятся индивидуальные пакеты, и принес их.

Больше всего я боялся попасть в руки врага. Мне приходилось несколько раз ходить в разведку с целью пробраться к центру крепости, чтобы сообщить сражавшимся там нашим частям о больных и раненых и просить помощи, но я везде натыкался на пулеметные и автоматные очереди врага. На нашем острове, хотя он и находился близко к границе, боевых частей не было. Находились лишь пограничники и небольшие караулы каких-то пехотинцев².

Все-таки из каждого разбитого корпуса ожесточенно стреляли во врага, стреляли пограничники в натальном белье и полураздетые женщины, жены командиров. Если винтовка доставалась больному, лишь два дня назад перенесшему операцию, он тоже

¹ Интендант 2-го ранга А. В. Банников — помощник начальника санитарной службы 4-й армии. Жил и работал в Псковской области. Умер в августе 1960 г.

² Это были курсанты полковой школы 84-го стрелкового полка.

стрелял, чтобы и его пуля поразила врага. Немцы боялись заходить в разрушенные помещения, так как из-под развалин почти непрерывно стреляли. Мы были отрезаны от внешнего мира, но твердо верили, что вот-вот подойдут из лагерей свои и освободят нас.

Дни смешались в моем представлении. Снова и снова видели мы перед собою цепи атакующих врагов.

Кругом гремело; густой дым пожарища застилал горизонт.

В один из этих дней недалеко от меня разорвался снаряд. Оглушенный, я упал, потеряв сознание.

Фонд Военно-Медицинского музея Министерства Обороны
Союза ССР, 55291/14.

ТКАЧЕВА ПРАСКОВЬЯ ЛЕОНТЬЕВНА, старшая медсестра хирургического отделения госпиталя. Находилась на Волынском укреплении до 25 июня. Летом 1942 года стала связной в партизанском отряде имени Черняка, Брестского соединения.

В настоящее время живет и работает в городе Бресте.

На территории госпиталя

В сентябре 1939 года вместе с воинами Красной Армии я принимала участие в освободительном походе в Западную Белоруссию. 26 сентября 1939 года наш госпиталь расположился в Брестской крепости. Когда в 1940 году проводилась демобилизация, мне предложили остаться работать вольнонаемной сестрой. Через некоторое время я была избрана председателем местного комитета. Наша профсоюзная организация насчитывала около 200 человек. Незадолго до войны меня назначили старшей сестрой хирургического отделения.

21 июня, в субботу, около 12 дня, меня вызвал комиссар госпиталя Богатеев и предупредил, что в течение двух часов нужно подготовить больных к отправке (наш армейский госпиталь расформировывался). Богатеева я хорошо знала. Николай Семенович был добрым, чутким, душевным человеком, хорошим воспитателем, часто бывал на наших комсомольских собраниях. Он всегда мог по-отцовски побеседовать, дать родительский совет. Фельдшер в прошлом, он хорошо разбирался в медицине, вникал во все тонкости работы наших отделений и в минуту страшной опасности тоже оказался впереди.

Но вернусь к последнему мирному дню. Нужно было подготовить 80 больных к переезду. В воскресенье медперсонал должен был вслед за больными выехать в Пинск. Часть больных к этому времени

уже была передана 95-му медико-санитарному батальону. Богатеев сказал, чтобы я подумала, кого из прежнего штата возьмем с собой. Потом комиссар ушел домой, а я — в парк имени Первого мая.

Домой вернулась поздно. В крепости стояла необычная тишина. Я жила вместе с Вишневской — старшей сестрой терапевтического отделения и Ровнягиной Дусей — старшей сестрой инфекционного отделения. Дел у меня было много, тем более, что Богатеев поручил продумать, кого возьмем с собой из прежнего штата. Все же я решила вначале отдохнуть, а уж потом завершить оформление документов. Не успела я заснуть, как раздался страшный грохот. Вначале мне показалось, что это гроза, но выглянув в окно, я увидела, что горит терапевтическое отделение. Тогда все стало ясно. С криком «Война!» я разбудила девушек. Мы кое-как оделись и выбежали. Госпиталь сильно бомбили. Жертв уже было много. Здание хирургического корпуса также оказалось разбитым. На территории госпиталя бушевал пожар. Дежурный медперсонал начал эвакуацию больных из госпитальных зданий в более безопасное место — казематы, находившиеся в валу. Первую партию нам удалось благополучно перевести в эти укрытия. Я решила подняться на второй этаж. На лестнице встретила батальонного комиссара Богатеева. Он был ранен (на щеке виднелась кровь) и оглушен. Оказывается, Богатеев успел к этому времени побывать в нескольких отделениях. Он сжег документы, организовал перевод раненых из горящих зданий. Но не успел Богатеев выбраться из здания, как навстречу ему выскочило несколько немцев. Завязался рукопашный бой. Богатеев погиб в неравной схватке.

Среди раненых, которых мы подобрали, был пограничник Родионов¹. Он рассказывал, что на Тереспольском укреплении оборонялись три группы пограничников. Одной группой руководил Кукушкин;

¹ И. Р. Родионов — стрелок 3-й резервной заставы 3-й комендатуры 17-го Краснознаменного пограничного отряда.

той, где находился Родионов,— Русаков; кто руководил третьей — не помню.

Мы верили, что вот-вот подойдут свои. Неожиданно рядом появились немцы. Помню, Вера Хорецкая как раз перевязывала в это время раненого Кукушкина. Гитлеровцы безжалостно пристрелили их обоих. Логинов, Русаков и другие мужчины, имевшие трофейное оружие, встретили врагов огнем. Немцы отступили. Минут через 20 они снова подошли, уже большим отрядом. Снова бой. Погибла Ровнягина. Из 28 человек нас осталось четверо. Лейтенант Иванов — наш делопроизводитель — бросился в воду, чтобы не попасть в плен. Его пристрелили.

Фашисты обследовали помещение и приняли нас за убитых. Ведь убитых было много, а нас только четыре человека. Нас даже толкнули, но мы не шелохнулись. Когда все стихло, все решили, что надо перейти в другие подвалы и там переждать. Не успели мы заскочить в подвал, как услышали, что поблизости кто-то ходит. Притаились. Вдруг до нашего слуха донесся родной русский голос. Оказывается, это был начальник армейского госпиталя военврач 2-го ранга Маслов. Он перевел нас в другой подвал. Перед уходом Маслов подошел к убитым, поцеловал Дусю Ровнягину и Веру Хорецкую.

Обстановка сложилась тяжелая: дети просят пить, воды нет, кругом крики. Утром вновь появились фашисты. Маслов хорошо говорил по-немецки. Он что-то объяснил им. Гитлеровцы отделили женщин и детей. Раненых и больных увезли, а мы ждали решения своей участи. Очень запомнился мне сын врача Григорьева, смышленный, четырехлетний мальчик. Он все время повторял: «Пусть уж добивают».

Во время наступления на Цитадель враги прикрывались женщинами и детьми. Женщины кричали нашим бойцам, чтобы они стреляли, не считаясь с тем, что их гнали впереди вражеской цепи...

Бои на Кобринском укреплении

...И пусть погибли воины в боях,
В бессмертном сердце нашего народа
Они живут и будут жить в веках.

Иван Шамов

Кобринское укрепление — самое большое по площади¹. С началом боевых действий, используя момент внезапности и сильное огневое прикрытие, на западную часть укрепления проник первый батальон 135-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии противника.

В ходе боев на укреплении сложилось три самостоятельно действовавших участка обороны: расположение 125-го стрелкового полка и дома комсоства, Восточный форт, Восточные валы.

В районе жилых домов командного состава боевые действия возглавил смелый, энергичный командир 2-го батальона 125-го стрелкового полка капитан В. В. Шабловский. Здесь женщины сражались рядом с мужчинами и дети помогали старшим.

24 июня по участку 125-го стрелкового полка и домов комсоства, как и по всей крепости, артиллерия противника открыла сильный огонь. К вечеру гитлеровцы овладели несколькими домами. Женщин и детей отправили в тюрьму. Среди мужчин, которых гитлеровцы гнали отдельной группой, находился и раненый Шабловский. Видимо, им овладела мысль: вырваться из рук врага или погибнуть. Когда пленных вели через мост над обводным каналом,

¹ Некоторые защитники называют Кобринское укрепление Брестской крепости Северным островом.

Шабловский крикнул: «Слушай команду. За мной!» и бросился в воду. Очередь из вражеского автомата сразила его ¹.

В районе Восточных валов бойцы продолжали сражаться еще около 10 дней. Отрезанные от других участков, красноармейцы 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона во главе со старшим политруком Нестерчуком и лейтенантом Акимочкиным создали прочную оборону.

Заместитель командира дивизиона по политической части, член партии с 1925 года Н. В. Нестерчук был не только опытным политработником, но и решительным, требовательным командиром. Он погиб в бою.

Лейтенант И. Ф. Акимочкин, начальник штаба дивизиона, накануне войны стал коммунистом. Этот высокий, широкоплечий русский богатырь, как тепло и сердечно пишут о нем участники обороны, боролся с врагом до последней возможности.

Главный вал Кобринского укрепления в районе Северных ворот обороняла часть подразделений 44-го стрелкового полка и мелкие группы бойцов 333-го, 125-го стрелковых полков, собранные в первый день войны командиром 44-го стрелкового полка майором П. М. Гавриловым ². К исходу 24 июня противнику удалось ворваться на вал и занять Северные ворота. Бойцы отошли в Восточный форт. Заместителем П. М. Гаврилова по политической части стал политрук С. С. Скрипник ³, начальником штаба — капитан К. Ф. Касаткин ⁴.

Основное ядро оборонявшихся составляли воины 393-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, располагавшегося в форту. Из бойцов разных подразделений и специальностей были сформирова-

¹ В. В. Шабловский посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Одна из улиц Бреста носит его имя.

² Воспоминания П. М. Гаврилова см. на стр. 215.

³ Политрук С. С. Скрипник — заместитель по политической части командира пулеметной роты 333-го стрелкового полка.

⁴ Воспоминания К. Ф. Касаткина см. на стр. 189.

ны роты, налажено взаимодействие участков, организованы наблюдательный и командный пункты, действовала телефонная связь. В земляных валах, опоясывающих форт, были сооружены глубокие окопы с пулеметными точками. Во внутреннем дворе бойцы установили четырехствольный зенитный пулемет. Защитники превратили форт в неприступную боевую твердыню.

«Сюда нельзя было подступиться, имея только пехотные средства,— говорилось в боевом донесении противника,— так как превосходно организованный ружейный и пулеметный огонь из глубоких окопов и из подковообразного двора скашивал каждого приближающегося. Оставалось только одно решение — голодом и жаждой принудить русских сдать в плен, а потому необходимо было прибегнуть ко всем средствам, ускоряющим их изнурение...»¹.

Положение защитников весьма осложнилось после того, как противник захватил перекресток дорог у форта и прилегающие к реке Мухавец земляные валы.

30 июня 1941 года гитлеровцы предприняли ожесточенный штурм форта. В ходе боев этого дня младший сержант Семенюк, рядовые Фольварков и Тарасов в одном из казематов закопали знамя своей части — 393-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона².

В результате длительного обстрела и бомбежки, завершившихся ожесточенной атакой, фашисты овладели большей частью форта.

Окончательно гитлеровцы захватили форт 12 июля.

Майор Гаврилов последний бой с врагами принял на 32-й день войны в каземате капонира Кобринского укрепления. В худом, заросшем человеке, схва-

¹ Архив МО СССР, оп. 7514, д. 1, л. 234.

² 27 сентября 1956 года Р. К. Семенюк откопал боевое знамя. Оно передано на вечное хранение в Музей героической обороны Брестской крепости. Воспоминания Р. К. Семенюка см. на стр. 209.

ченном гитлеровцами, едва теплилась жизнь. Ю. В. Петров¹, И. К. Маховенко², Н. И. Воронович³ и другие врачи, находившиеся в лагере военнопленных, спасли жизнь майору П. М. Гаврилову.

¹ Воспоминания Ю. В. Петрова см. на стр. 586.

² И. К. Маховенко умер в 1960 году.

³ В настоящее время Н. И. Воронович живет и работает в г. Пинске, Брестской области. Награжден орденом «Знак Почета»

ФУРСОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ, сержант, командир минометного расчета, секретарь комсомольской организации минометной батареи 125-го стрелкового полка.

Сражался в северо-западной части Кобринского укрепления. Около 10 часов 22 июня с группой бойцов пробился к железнодорожному полотну, участвовал в боях в районе Бреста, тяжело раненным попал в плен.

Прошел фашистские лагеря: Бяла-Подляска, Замостье, Торн. Освобожден советскими войсками в январе 1945 г.

В настоящее время В. И. Фурсов — кандидат биологических наук, доцент Казахского Государственного университета.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Боевое крещение

Наш полк занимал западную часть Кобринского укрепления. С первых же часов войны мы оказались в тяжелых условиях. Напротив нашего участка немцы установили артиллерийские орудия, отсечный огонь врага отрезал нас от домов комсостава. Вражеские снаряды ложились почти на каждом квадратном метре. Бойцы нашей батареи взяли винтовки (их оказалось всего около 12, да и то учебные, и несколько десятков патронов) и выскочили на улицу. В этот момент из штаба полка к нам прибежал лейтенант Полтораков¹ (командир взвода разведки) с шашкой наголо и закричал: «Товарищи, за мной, в районе конюшни немцы!». Но тут поблизости разорвался артиллерийский снаряд, и лейтенант упал.

Мы стали пробираться к конюшням, где и приняли первое боевое крещение. За трансформаторной будкой и на валах оказались немецкие автоматчики. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Оставшиеся в живых гитлеровцы бежали за вал.

Покончив с ними, мы решили пробраться в артиллерийский парк, чтобы взять минометы. Территория парка в то время не подвергалась вражескому обстрелу, это нас очень удивило. Когда мы добра-

¹ Старший лейтенант Ф. А. Полтораков умер от ран 17/IX 1942 г.

лись туда, то стало ясно: немцы устроили засаду. Дорого поплатились мы за свою оплошность: почти все бойцы батареи погибли от пулеметного огня фашистов. Я был контужен. С помощью своего друга и земляка Сыдыкова и еще одного бойца мы достигли склада боепитания, расположенного напротив парка. Здесь я немного отдохнул. В складе оказалось 40 бойцов, из них примерно половина раненых. Взяв боеприпасы, мы направились на защиту ворот. Вдруг увидели, что горит штаб полка, и бросились туда, чтобы спасти знамя. Но красноармеец, стоявший в ту ночь часовым, сказал, что замполит полка Дербенев¹ вместе с несколькими курсантами полковой школы уже взяли знамя.

На защите Северо-Западных ворот я с оставшимся расчетом батареи и бойцами других подразделений находился примерно до 10 часов утра. Затем пришел незнакомый капитан и от имени командования приказал нам выйти на железную дорогу, чтобы сдерживать врага на подступах к станции.

Во главе с капитаном нам удалось выйти через Северо-Западные ворота. Мы направились к железной дороге, которой достигли с большими потерями у самого города.

При обочине железнодорожной станции произошли два эпизода, запомнившиеся мне на всю жизнь: психические атаки немцев и бомбежка эшелонов на станции. Гитлеровцы сгруппировались за выступом полотна железной дороги. Они шли в атаку в четыре шеренги, в шахматном порядке, причем первый и третий ряды, приставив автоматы к животу, непрерывно стреляли, второй и четвертый — подавали диски. Мы подпустили их очень близко, даже виден был золотой кубик капитана, ведущего их в атаку, а затем почти всех уничтожили. Вторая атака врага тоже не увенчалась успехом.

Через некоторое время из города прибежал связной с приказанием отходить по направлению к вок-

¹ Батальонный комиссар С. В. Дербенев — заместитель командира 125-го стрелкового полка по политчасти.

залу: там собирал всех бойцов генерал. Оставив пулеметчика, мы направились туда, и действительно увидели генерала. Рядом с ним стоял полковник в кавалерийской форме и еще несколько средних командиров.

Генерал, обратясь ко всем, сказал, что железно-дорожная связь с Минском нарушена и что самая главная магистраль сейчас — шоссейная дорога. Эту дорогу нужно во что бы то ни стало удержать. Обратясь к полковнику и назвав его по фамилии, кажется Матвеев¹, генерал сказал, чтобы он взял имеющихся в наличии бойцов и командиров, пробирался к шоссейной дороге и удерживал ее до последней возможности. Генерал обещал нам прислать подкрепление.

Обходным путем, ведя бои с десантными отрядами немцев, вышли к дороге. День прошел в боях с пехотой противника. В 6 часу вечера на одной из развилок дорог нас окружили немецкие танки с автоматчиками. Мало осталось в живых после этого боя. При попытке пробиться из окружения я был ранен из крупнокалиберного пулемета в бедро правой ноги.

На следующий день меня нашли крестьяне ближней деревеньки. Они рассказали, что из нашего отряда в плен попало всего несколько бойцов, среди них был полковник, и его якобы немцы расстреляли.

ОФ МГОВК, оп. 125, д. 29, лл. 3—5.

¹ Полковник Д. И. Матвеев — командир 333-го стрелкового полка, член ВКП(б). Погиб в бою в августе 1943 г.

ЛАНДЫШЕВ ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
капитан, командир 1-го батальона 125-го стрелкового полка.

Сражался в северо-западной части Кобринского укрепления.

К исходу 22 июня его батальон с боем вышел из крепости и отошел в район Кобрина, где соединился с частями Красной Армии.

В боях под Вязьмой в октябре 1941 года попал в плен.

За политическую работу среди военнопленных был осужден на пожизненное заключение в концлагерь Маутхаузен.

Освобожден частями Советской Армии 6 мая 1945 года.

В настоящее время инженер Г. А. Ландышев работает на одном из предприятий города Владимира, награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Выполняя приказ

Жил я в одном из домов комсостава по Каштановой улице, недалеко от крепости. Еще не было четырех часов, когда жена разбудила меня криком: «Немец бомбит». Выйдя на балкон, я увидел множество трассирующих снарядов, летевших на крепость и город. В воздухе стоял сплошной гул от взрывов, шума моторов.

Кое-как одевшись, жена схватила ребенка и побежала в подвал. Когда я спустился вниз, ее там не оказалось. Ключи от квартиры отдал жене командира 84-го стрелкового полка Дородных, а сам побежал в крепость к своему батальону.

Внезапное нападение противника ошеломило расположенные в крепости войска, поэтому многие не могли сразу привести себя в боевую готовность и поддались панике. Бойцы бежали из крепости в белье, некоторые без оружия. Надо было их остановить, привести в боевой порядок. Этим я и занимался при подходе к месту расположения своего батальона. На пути следования попадались раненые бойцы, командиры, женщины. Горел автопарк. Встречавшимся мне бойцам и командирам батальона отдал распоряжение выводить коней и ликвидировать пожары. Попал в казарму, когда уже стало светло. Повсюду лежали трупы убитых бойцов и командиров. Минут через 15 после меня прибыл

командир второй роты младший лейтенант Жуков¹, проживавший на квартире в городе Бресте. В это время снарядом разбило лестницу, ведущую на второй этаж, где размещались первая и вторая роты. Бойцы, находившиеся там, спускались через окна, используя полотенца и простыни.

Приведенные в боевой порядок отделения направлялись мною на вал крепости с задачей окопаться и уничтожить живую силу противника. К этому времени уже везде шли бои: в городе, вдоль Каштановой улицы, в крепости. Сильная бомбежка и артиллерийский обстрел не прекращались весь день. Мы видели, как по мосту, на плотках, лодках и других средствах переправлялись через Буг немецкие части. По шоссе двигались вражеские войска, главным образом мотоциклы, бронемашины. По ним стреляли и те, кто находился в крепости, и те, кто был вне ее.

Еще в первой половине дня в крепость с боем вошел начальник ветеринарной службы 6-й дивизии подполковник Лапшин². С ним было до взвода стрелков и автоматчиков. Он разыскивал командиров подразделений, чтобы передать им приказ комдива о выходе из крепости и о занятии обороны на высоте Песчаной, расположенной в пяти километрах от Бреста по дороге на Кобрин. Этот приказ он передал и мне.

Подразделения мои вели огонь с вала крепости, уничтожая фашистов, напиравших со стороны кладбища. Иногда колонны вражеских мотоциклистов пытались на полном ходу ворваться через крепостные ворота, но организованный пулеметный и ручной огонь заставлял их поворачивать обратно. Зенитные установки должны были поддерживать огнем выход подразделений из крепости. Свою задачу они выполнили отлично. Кроме этого, помощь нам оказывали два взвода 2-й стрелковой роты.

¹ Младший лейтенант П. И. Жуков — командир стрелкового взвода 125-го стрелкового полка.

² Майор К. В. Лапшин был начальником снабжения дивизии. Ныне офицер запаса.

Остальным подразделениям было приказано во что бы то ни стало выйти из крепости и занять оборону на высоте Песчаной.

Старшина 2-й стрелковой роты Рахимбаев, казах по национальности, обеспечил нас ручными гранатами. Выйти из крепости оказалось не так просто. К нашему подразделению пристроилась большая группа гражданских лиц, работавших в разных тыловых подразделениях, расквартированных в крепости. Все они были без оружия. Эта группа в 150—200 человек нас демаскировала. Подполковник Лапшин находился вместе со мной. Немцев около стен крепости не было. Мы двигались стремительно. Когда передовые бойцы достигли первого дома комсостава, враги пытались нас окружить, но станковые и ручные пулеметы открыли такую стрельбу, что немцы вынуждены были залечь. Мы рассредоточились.

Однако задерживаться было нельзя. С каждой минутой гитлеровцев становилось больше и больше. Поэтому мы начали мелкими перебежками продвигаться вперед, держась правее дороги. Путь себе прокладывали ручными гранатами, а с валов Северного укрепления¹ нас поддерживали пулеметчики.

Все попытки гитлеровцев задержать нас не имели успеха, бойцы героически дрались. Немцев на близкое расстояние мы не подпускали, так как гранат было достаточно. Однако при подходе к городу не обошлось без рукопашной схватки. С криком «За Родину!» мы прорвались. Продвижение по городу происходило легче, передовые немецкие части в Бресте не задерживались, а тыловые еще не подошли. По улицам патрулировали мотоциклисты, но мы их умело обходили.

Высоты Песчаной достигла лишь половина бойцов. Не дошел и командир 2-й роты Жуков, его судьба до сих пор мне неизвестна. Своими героическими действиями в бою, решительностью, сме-

¹ Кобринское укрепление.

лостью он вдохновлял бойцов на самоотверженные поступки. Жуков как живой стоит перед моими глазами. Мужественно вел себя старший сержант Турдыев и многие другие.

На высоте Песчаной нас встретили два капитана: начальник штаба артиллерии¹ и помощник начальника 1-го отдела штаба 6-й стрелковой дивизии². По их приказу мы заняли оборону. При выходе из крепости к моему батальону присоединились и бойцы некоторых других частей, в том числе человек 10 пограничников.

По дороге на высоту нас догнала пулеметная рота нашего батальона, находившаяся на стрелковом поле, во главе с командиром роты младшим лейтенантом Исаковичем³. Но на высоте случилось несчастье: налетели фашистские самолеты. Прямым попаданием разбило повозку с двумя станковыми пулеметами из шести привезенных. Погибло много бойцов. Был убит и отброшен волной в канаву лейтенант, лишь накануне войны прибывший в батальон после окончания училища, погиб старший лейтенант А. Чемезов. На обочине дороги неподвижно сидел пулеметчик Карташов, закрыв руками окровавленные глаза.

Заняв оборону, мы вели бой с частями противника, продвигавшимися по шоссе на дороге Брест — Кобрин. Перед нами поставили задачу: навязать бой, задержать противника, чтобы отошедшие наши части смогли укрепиться на командных высотах и опорных пунктах.

В ночь на 24 июня мы отошли на новые позиции, выполняя ранее поставленную задачу, расположились километрах в 3—4 за Кобрином. Как сейчас помню, мы закрепились у высоты, на которой

¹ Начальник штаба артиллерии 6-й стрелковой дивизии капитан Барановичский.

² Помощник начальника 1-го отделения штаба 6-й стрелковой дивизии, адъютант командира дивизии старший лейтенант Д. Я. Прянишников.

³ Младший лейтенант И. В. Исакович, член ВКП(б) — командир 1-й пулеметной роты 125-го стрелкового полка.

стояла мельница. Кроме нас здесь были и воинские части, расквартированные в центральных районах Западной Белоруссии. Здесь же я встретил дивизион 204-го гаубичного артиллерийского полка нашей дивизии.

ОФ МГОВК, оп. 125, д. 14, лл. 7—18.

СИВАКОВ ПАВЕЛ ЕГОРОВИЧ, младший лейтенант, командир саперной роты 125-го стрелкового полка.

Участвовал в обороне Северо-Западных ворот Кобринского укрепления.

Отходил со своим подразделением, сражался на фронте.

В 1942 году был отозван из рядов Красной Армии и направлен на временно оккупированную территорию Белоруссии для организации партизанского отряда. Закончил войну командиром специальной группы партизанской бригады имени Железняка, действовавшей на территории Минской области.

Член КПСС. Награжден тремя медалями.

В настоящее время П. Е. Сиваков живет и работает в городе Минске.

Тан оражались твой друзья

То, что произошло тогда, до сих пор не изгладилось из памяти. Сердце обливается кровью, когда вспомнишь погибших в те памятные июньские дни 1941 года. Горькие это были дни.

В 1940 году я окончил Минское Военно-пехотное училище имени М. И. Калинина и совместно с выпускниками Черепом, Симоновым, Яхно, Синеокиным, Мартыновым, Купа¹ и другими товарищами был направлен для прохождения дальнейшей службы в распоряжение 6-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Меня, Симонова, Черепа, Мартынова направили в 125-й стрелковый полк, а остальных — в 333-й и 84-й стрелковые полки, дислоцировавшиеся в Брестской крепости. Часто по служебным делам я бывал в различных батальонах нашего полка. Совместно с командованием части и командирами батальонов мы выезжали на рекогносцировку местности во время подготовки полка к полевым учениям. Бывал я и в батальоне капитана Шабловского.

Это был высокий человек плотного телосложения, требовательный, прямой, но в то же время чуткий и отзывчивый командир, человек с добрым сердцем.

¹ Младший лейтенант П. И. Купа — командир стрелкового взвода 125-го стрелкового полка. Член ВЛКСМ.

Незадолго до войны некоторые подразделения нашего полка выехали в лагерь, располагавшиеся примерно в 5—6 километрах от крепости, южнее Бреста, недалеко от железной дороги Брест — Ковель. В числе их было и подразделение, которым командовал я. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года я был ответственным дежурным по лагерю.

Так как на 22 июня намечались полевые занятия командного состава, я, пользуясь ночной тишиной, заканчивал подготовку к ним. А утром мы попали в самую настоящую боевую обстановку. Пробуждение было страшным. Бойцы и командиры, заснувшие с мыслями о завтрашнем воскресном дне, внезапно проснулись среди огня и смерти. В первые секунды они не могли даже понять, что происходит. Вокруг рвались немецкие снаряды и бомбы, густая пелена дыма и пыли окутала территорию лагеря. Немецкая артиллерия и бомбардировщики старались разрушить полотно железной дороги, ведущей из Бреста на Ковель.

Бойцы и командиры почувствовали тревогу за свою Родину. Суровыми стали их лица, каждый дал клятву быть верным сыном своей Отчизны и с оружием в руках честно сражаться до конца против фашистских захватчиков. Нужно было действовать решительно. Мне удалось связаться с дежурным по полку, и он приказал при любых условиях пробираться в расположение крепости. Даю команду: «В ружье», и форсированным маршем мы следуем по направлению к крепости. Поддерживаю боевой дух бойцов, хотя на душе беспокойно. Бомбежка и обстрел продолжаются. Наш путь лежал через деревню Волянка, расположенную недалеко от крепости. Еще издали мы увидели, что многие дома объаты пламенем. Бежали полуодетые женщины с детишками на руках, стремясь спасти их от гибели, многие тут же падали замертво. Но помочь этим обезумевшим от страха людям мы ничем не могли.

Продвигаться становилось все труднее и труднее. Путь нам преградила группа вражеских авто-

матчи́ков. С боем и потерями прорвались вперед. Около Южных ворот¹ снова бой, и наконец мы очутились на территории крепости. Здесь шла перестрелка, в которую ввязались и мы со своим подразделением. Через некоторое время стремительными перебежками продвинулись на несколько метров вперед к мосту, что находился неподалеку от санитарной части 125-го стрелкового полка. Мост простреливался пулеметами и автоматными очередями вражеских солдат, расположившихся в густых зарослях на берегу реки. С остатками подразделения переправились через мост. Среди нас не оказалось младшего командира Селиванова, судьба его мне неизвестна. Это был отважный товарищ. На моих глазах в рукопашной схватке он уничтожил двух фашистов.

С трудом продвигаясь дальше, я встретил командира 2-го батальона 125-го стрелкового полка капитана Шабловского². По его приказанию занял оборону возле Северных ворот крепости. Здесь сосредоточились бойцы из разных частей. Среди них было незначительное количество командиров и один майор, который принял на себя командование. Фамилии его я, к сожалению, не помню. Майором были сформированы примерно 3—4 роты, которые заняли вдоль земляного вала, одна или две роты заняли оборону фронтом на запад. Там, где находились казармы нашего полка, был слышен гул ожесточенного боя и крики фашистов. Через некоторое время гитлеровцы пытались атаковать внешние валы, но все их атаки проваливались. Примерно к вечеру первого дня боев немецкие войска немного отошли. Я со своим подразделением пробился в сторону кладбища и там закрепился. В район кладбища из нашей части сумел пробиться и младший лейтенант Павел Климентьевич Конопелько. Сапер-

¹ Волынское укрепление.

² Батальон капитана Шабловского находился на строительстве укрепленного района. В субботу вечером Шабловский приехал к семье, жившей в одном из домов комсостава.

ный взвод, которым он командовал, находился на укрепрайоне. 21 июня Конопелько приехал к семье. Жили они в городе, по улице Комсомольской. Когда раздались первые разрывы немецких снарядов и бомб, Конопелько, попрощавшись с женой и малюточкой-сыном Валериком, побежал к крепости. Впоследствии я узнал, что Конопелько, спустя несколько дней, сформировал роту из бойцов разных частей и сражался у Северного городка, откуда он отошел с боями. Позже попал в плен. Бежав из плена, стал бойцом партизанской бригады «Красное знамя», действовавшей на территории Червенского района, Минской области. Погиб Конопелько в июне 1944 года при совершении диверсии на железной дороге¹.

С каждой минутой обстановка усложнялась. Вражеские автоматчики теснили нас к земляным валам крепости. На валу у Северных и Северо-западных ворот, на берегу обводного канала, а также возле бани 125-го стрелкового полка нарастала перестрелка. Бойцы укрывались в воронках от снарядов и бомб. После усиленной бомбежки, артиллерийского и минометного обстрела немцы двинулись в атаку в нашем направлении. Впереди автоматчиков двигались четыре или пять танков, обстреливавших наши позиции. Мы открыли беглый огонь. Загорелся головной танк. Среди немецко-фашистских автоматчиков поднялась паника и замешательство. Еще две вражеские машины загорелись, а остальные, сопровождаемые панически бегущими гитлеровцами, повернули обратно.

В этом бою были ранены бойцы Ходжиев, Байдовлетов, младший командир Смирнов и другие.

Я вспоминаю одного молодого пограничника, на лице которого был отпечаток пережитого: видимо, он попал под очень сильный огонь противника и сражался в неравном бою с врагом. Форма на нем была изорвана, в грязи. Он потерял речь и объяснялся жестами, показывая рукой в сторону Буга. Из своего станкового пулемета этот пограничник унич-

¹ Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

тожил не один десяток врагов. Я не успел узнать фамилии смельчака, так как во время очередной атаки он был ранен и умер, истекая кровью. А сколько других безымянных героев погибло в то время?

Утром отбили несколько атак. Кончились боеприпасы. От тяжелых ран гибли бойцы и командиры. Во время взрыва бомбы я полностью потерял слух и сознание. Что было дальше — не помню, как остался жив — тоже не знаю. Оказывается, в этом бою были очень большие потери: погиб боец Ибрагимов, контузило старшину Поташникова, пострадали другие. Нас всех подобрала медработники совместно с бойцами. С тяжелыми боями они отходили на восток, но раненых не оставили. Благодаря их самоотверженности я выжил и избежал плена.

ОФ МГОбК, оп. 125, д. 24, лл. 14—20.

ХИДИРОВ ТУРСУН, рядовой, пулеметчик 4-й роты 125-го стрелкового полка.

Сражался в западной части Кобринского укрепления. 27 июня попал в плен. Находился в лагерях военнопленных на территории Польши и Голландии. Освобожден в мае 1945 года.

В настоящее время живет и работает в Магданской области.

За свободу Отчизны

Моя воинская служба проходила в Брестской крепости. Командиром нашего взвода был младший лейтенант Купа, а командиром отделения младший сержант Хайдаров, таджик по национальности.

В субботу после ужина мы строем направились в кино. Но фильм, рассказывающий о хлопкоробах Киргизии, я не досмотрел, так как был вызван в дополнительный наряд на кухню. Часов в 12 ночи к нам явился дежурный по полку и приказал отнести ужин караульным на гауптвахте. Я и еще двое бойцов выполнили приказ. Возвращаясь, я зашел в расположение роты. Дневальный — боец Иванов попросил, чтобы я его подменил, пока он сходит покушать.

Не успел я расположиться, как начался артиллерийский обстрел и бомбежка. Роту нашу поднял по тревоге заместитель политрука, фамилии его не помню. Из казармы выйти было невозможно, так как она находилась под сильным обстрелом; нам пришлось выбираться через окна и сразу же вступать в бой.

Расположившись в левом углу нашей казармы, я открыл огонь в сторону противника из ручного пулемета. Разобраться в обстановке было очень трудно. Осколками разорвавшейся недалеко бомбы я был ранен в левую ногу и контужен, а несколько

товарищей убиты. Курсанты полковой школы в этот момент прыгали из окон 2-го этажа, большинство из них погибло. После бомбежки к нам подбежал капитан с пистолетом в руке, фамилии его не знаю. Он повел нас на прорыв в сторону железной дороги. Попытка наша не увенчалась успехом, очень уж сильным был огонь врага. По-пластунски мы подползли к продовольственно-вещевому складу и там держались до вечера. Стреляли только наверняка, ибо приходилось экономить патроны.

В этот день немцы наводили понтонный мост через реку Буг и подняли в воздух несколько аэростатов, которые, как я полагаю, корректировали артиллерийский огонь. Три из них мы сбили и обстреляли врагов, наводивших переправу. Около полудня над нами пролетели 2 наших самолета, один из них, объятый пламенем, полетел в сторону города.

Шел второй день. Положение было очень тяжелым, все время ждали подхода наших войск, но их не было.

Ночью под командованием того же капитана пробрались к клубу, что стоял недалеко от озера. Там находился склад с боеприпасами. Мы сделали небольшой запас. Затем капитан взял пустую коробку из-под дисков к ручному пулемету, вложил туда знамя, свои документы, наши комсомольские и партийные билеты. После этого в сопке мы вырыли яму и закопали коробку, обложив ее кирпичами. В это время нас заметили немцы и открыли ружейный огонь, а затем подвергли артиллерийскому обстрелу и бомбежке. Нашему капитану оторвало руку и ногу. В предсмертной агонии он бредил: звал своего сынишку Вову, подавал команду «Вперед!», «Огонь!», «Бей гадов!». Вскоре капитан скончался.

Среди нас находилось несколько средних командиров, их фамилий и званий я не помню — одеты они были не по форме. Нашу группу возглавил один старший лейтенант, позднее, в плену, он назвал себя Михаилом. Я потерял его из поля зрения в 1943 году.

Немцы бросали на нас все новые и новые силы. Во время одной из бомбежек взлетел на воздух склад с боеприпасами. Так как гранат и патронов оставалось мало, старший лейтенант повел нас на прорыв, но и эта попытка закончилась неудачей. 26 июня после очередной бомбежки и артиллерийского обстрела немецкая пехота вновь пошла в атаку. Выбрав место поудобнее, за пулемет лег командир Хорьков, я — рядом с ним, вместо второго номера. Под прикрытием огня этого пулемета, с кавалерийскими клинками, карабинами без штыков, винтовками и автоматами почти без патронов наши ринулись на врага. Многие пали в этой схватке смертью храбрых. Но и фашистов было перебито немало. Повторить в тот день атаку они не рискнули и в отместку обрушили на нас шквал огня.

К утру 27 июня нас, истекавших кровью, контуженных и оглохших, изнуренных бессонницей, жаждой и голодом, но все еще живых, оставалось около двадцати человек. И когда после этой страшной бомбежки и артиллерийского обстрела фашисты пошли в атаку, мы уже не могли оказать им сопротивления — не было ни сил, ни гранат, ни патронов...

Сильный удар в бок привел меня в чувство. Дюжий фашист пинком ноги проверял, живой я или мертвый. Он разевал рот, размахивал автоматом, плевался. Оглушенный взрывами, я ничего не слышал. Товарищи помогли мне подняться, и нас погнали ударами прикладов. У переправы задержались: навстречу непрерывным потоком двигались гитлеровская пехота, артиллерия, танки. А в противоположную сторону шли машины, увозившие раненых захватчиков.

Газета «Магаданская правда» № 97 и 98, апрель, 1957 г.

НИКИТИН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, замполитрука роты приписного состава 33-го инженерного полка.

Сражался на Кобринском укреплении. 26 июня контуженный был схвачен фашистами. Находился в лагерях военнопленных на территории Польши, Германии, Норвегии.

В ноябре 1944 г. совершил побег из лагеря военнопленных близ г. Гамерштейн и перешел линию фронта. Демобилизован из рядов Советской Армии в июне 1946 г.

Награжден орденом Славы III степени и медалью.

В настоящее время живет и работает в г. Ленинграде.

Кровавый рассвет

Приимерно с мая 1940 г. наш 33-й инженерный полк получил задание строить оборонительные сооружения — доты, которые возводились как в районе Бреста и крепости, так и в Домачевском и Высоко-Литовском районах. Учебных занятий у нас почти не было. Весь личный состав находился на этих объектах. Только подразделение, которое несло караульную службу, хоззвод да писарский состав оставались в крепости. Но, к сожалению, большинство построенных нами дотов было без оружия и боеприпасов. До боли обидно, что все пошло впустую, почти не принесло пользы. А сколько затратили средств и труда!

За 2—3 дня до начала войны меня вызвали в штаб. Замполит полка старший политрук Сухаренко назначил меня на должность политрука роты, сформированной из приписного состава. С 19 июня я начал знакомиться с ее личным составом. Рота находилась в стадии организации и одновременно заканчивала строительство двух дотов. Размещались мы в двух сводчатых казематах в земляном валу на правом берегу р. Мухавец метрах в 200—250 от Трехарочных ворот. В других казематах этого же вала были склады. Несколько левее натянули 3—4 палатки для военнослужащих приписного состава. Это — жители Брестской области, призванные

в начале июня для переподготовки. Среди них и новички, и те, кто раньше служил в польской армии.

На границе было беспокойно. По ту сторону Буга фашисты построили много деревянных вышек для наблюдения. Часто над нашей территорией появлялись вражеские самолеты.

Однажды мы работали неподалеку от кладбища на строительстве дота. Мимо нас проехал странной формы черный фургон, похожий на катафалк. Его сопровождали люди в черных одеждах, напоминавших маскировочные халаты или рясы. Рядом с нами они начали что-то выкапывать из земли. Это показалось странным и подозрительным. Но подойти близко и посмотреть, что делают люди в черном, нам не разрешили. Впоследствии мы узнали, что это были немцы. Они якобы имели разрешение выкопать останки своих солдат, чтобы увезти их в Германию.

В последнюю мирную субботу мы вернулись с работы в крепость. Каждый занялся своим делом: приводили в порядок обмундирование, обувь, пришивали чистые подворотнички (завтра воскресенье).

Как и другие, я с нетерпением ждал дня отдыха. Приятно было после многих дней службы погулять по городу, посмотреть на гражданское население, посетить городскую библиотеку. Вспоминался любимый Ленинград. Через 4—5 месяцев я вернусь в этот город...

А на утро я в нижнем белье выскочил из каземата и увидел страшную картину разрушений... Небо покрылось кроваво-красной пеленой, в которую вторгались черные столбы дыма. В воздухе пахло гарью. Вверх летели кирпичи, камни, земля, валились деревья.

Отдельных взрывов различить было невозможно, стоял сплошной гул, рушились здания, из развалин выбегали люди.

Один снаряд разорвался возле палаток. Там остались убитые и раненые. Уцелевшие искали укрытия в казематах и в зарослях у подошвы вала.

Простояв в оцепенении 2—3 минуты, я вскочил в каземат и стал быстро одеваться. Второю одел два левых сапога и чужую гимнастерку, которая оказалась мне мала, но для раздумий и переодевания не было времени. Раздался взрыв. Каземат наш сильно встряхнуло. Со сводчатого потолка посыпались на голову известка, куски кирпича. Пилотки у меня не было. Кровь потекла по лицу и шее, хотя боли сначала не почувствовал. Впотымах мне попалась чья-то пилотка и я надел ее, зажав рану.

У входа в каземат стояли в пирамиде винтовки, а рядом в ящике патроны. Мы разобрали их. Мне досталось 2 обоймы. Из матрацев и досок сделали защитный бруствер. Залегли.

Бомбардировка и артобстрел внезапно прекратились. Теперь стали слышны пулеметные очереди и разрывы мин. Доносилась стрельба из Цитадели, справа и слева от нас. Мы с напряжением ждали. Показалась группа фашистских солдат, человек 7—8. Они бежали, пригнувшись, по берегу Мухавца в сторону моста и нас не заметили. Подпустив их метров на 10—15, мы дружно открыли огонь. Два фашиста упали и остались лежать. Остальные сползли вниз к Мухавцу. В ответ на нашу стрельбу раздалась автоматные очереди. Мы зарядили по второй, последней обойме. Одному из моих товарищей перебило руку. Кто-то разорвал простыню и сделал ему перевязку. Ранило еще одного, пуля задела и мое плечо.

Я поднялся, чтобы из-за стены посмотреть, что делается вокруг. Мимо кустов пробежали 2 гитлеровца, на ходу бросив в каземат две гранаты. Я не успел даже поднять винтовку. Раздался взрыв. В дыму слышались стоны: двое убиты, остальных ранило. Начали гореть нары, матрацы. Каземат наполнился дымом. Задохнемся,— подумал я и подполз к огню, волоча раненую ногу. Схватил одеяло и начал им сбивать огонь. Рядом со мной гасил огонь боец с перекошенным от боли лицом. Ему осколком пробило спину. Минут через 5 огонь погас.

На полу, у выхода дым был реже. Мы подползли к двери, раздвинули матрацы. Умер боец с простреленной рукой, ему осколком пробито голову. Гитлеровцы по каземату больше не стреляли. Залегшие напротив нас фашисты думали, очевидно, что с нами все кончено.

Раненая нога ныла. Я собрался с силами и стащил обрывки сапога, замотал рану куском простыни. Вдруг к нам в каземат вскочили двое красноармейцев. Они были оборванные, в грязи, один босиком, и упали на пол. Дым еще не рассеялся, и нас не было видно. Я подал голос — «свои», они подползли и рассказали нам о боях в районе 125-го стрелкового полка.

Во рту сохло, мучила жажда. В опрокинувшемся бачке оказалось около двух стаканов воды. Досталось по 2—3 глотка. Жажда продолжала мучить. Сколько прошло времени — неизвестно. Из Цитадели доносился гул и сильная стрельба.

Сложилась тяжелая обстановка. Не было патронов. Кружилась голова, тошнило. Дым въедался в глаза, они слезились и больно было смотреть¹. На некоторое время я закрыл глаза, опустил голову на пол. Вдруг меня начал толкать в бок один из прибежавших к нам, что-то мне говорил, но я не слышал. Тогда он начал мне объяснять знаками, что оставаться здесь больше нельзя. Бесшумно начали выползать из каземата, я с трудом приподнялся и пополз за остальными. На дворе уже было совсем светло.

Мы решили пробираться в Цитадель: ведь там наши товарищи, там боеприпасы. У нас — ни одного патрона. Ползем к Трехарочным воротам. Уже просматривается мост. Но дорога простреливается. Рядом оказался спуск в подвал. Решили там дожидаться сумерек. В темноте легче преодолеть этот опасный рубеж.

¹ Уже много позже я узнал, что немцы забрасывали в обороняемые помещения пашки с отравляющими веществами. Очевидно, в наш каземат была заброшена такая пашка. Дым был едкий и густой. — А. Н.

Темнело... Стрельба продолжалась со всех сторон. Высоко в небе вспыхивали осветительные ракеты. Плотнo прижимаясь к камням, мы добрались до берега Мухавца. Раздалась автоматная очередь, пули звонко ударялись о камни. Мы плотнее прижались к земле. Один из нас пополз к воде и минут через десять вернулся. У него в руках фляга с водой, мы поочередно жадно начали пить.

В кольцевых казармах усилилась стрельба. Мелькали вспышки ружейных залпов. С валов Кобринского укрепления раздавались пулеметные очереди. Судя по огню, на валах было много гитлеровцев и дорога сильно простреливалась. Поэтому мы решили переползти дорогу, преодолеть вал, пробираться к выходу из крепости.

Дорогу пересекли благополучно. Начали подыматься на вал. Ползли, царапались о кусты и колючки. Взрыв!.. Нас ослепило огнем. Я покотился вниз, потерял сознание...

ИСПОЛАТОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, рядовой первой стрелковой роты 44-го стрелкового полка.

Сражался на Кобринском укреплении. 27 июня попал в плен. Прошел через фашистские лагеря: Бяла-Подляска, Новый Гамер, Аннаберг. После неудачного побега зимой 1944 года подвергся пыткам в гестапо (г. Гроссенраштц). 7 апреля 1945 года с группой заключенных, обезоружив конвой, уходит в горы, где встречается с французскими партизанами. После победы вернулся на родину.

Награжден орденом Отечественной войны I степени.

В настоящее время Н. М. Исполатов преподает в школе рабочей молодежи в городе Котельнич, Кировской области.

В крепость пришла война

Весна была в разгаре. Над головой щедро рассыпало свои лучи майское солнце. Кое-где на земле блестели лужи. На стеблях травы искрились тяжелые капли росы. Было видно, что недавно прошел дождь, и теперь от набухшей почвы поднимался густой теплый пар. Такой запомнилась мне весна 1941 года в Бресте.

Все здесь было ново, непривычно. Но солдат быстро осваивается в любой обстановке. Мы привыкли и к частым тревогам, и к тому, что на порученных постах в крепости нужно быть особенно зорким и бдительным. Стоишь, бывало, в карауле, а взгляд невольно обращается на юго-запад, где настороженно притаилась невидимая, но ясно ощутимая государственная граница.

Пришел однажды в нашу первую стрелковую роту капитан и объявил об очередном наряде. Накануне он рассказал нам о том, что недалеко от Брестского военного кладбища, на северо-западе крепости, был зверски убит советский часовой.

Нужно держать ухо востро.

Рота заступила в наряд. Мой объект находился где-то между кладбищем и домами комсостава. Спустилась ночь. Тишина.

Вдруг впереди раздался подозрительный шорох. Я прислушался. На небе ни звездочки. Уже в трех шагах не видать ни зги.

— Стой, кто идет?

Молчание и тишина.

— Стой! Кто идет? — снова тревожно бросаю.

И опять ничего. Метрах в пяти огромная гора прессованного сена. От колючей проволоки до сена рукой подать. Стоит нарушителю проползти это расстояние, и сухое сено вспыхнет, как порох. Сердце судорожно сжимается. Каждый нерв осязает, ощущает, чувствует. Снова взвизгнула проволока, как будто что-то тяжелое повалило кол.

— Стой!

Делаю шаг вперед.

— Свой.

— Пароль?

Молчание. Человек за проволокой перелез и идет прямо на меня. Лязгнул затвор. Патрон вошел в патронник.

— Курок, — произносит, наконец, человек. Я опустил винтовку.

Майор Гаврилов.

Утром следующего дня командир полка объявил мне благодарность. Я удивленно спросил: «За что? Ведь это наша священная обязанность исправно нести караульную службу».

Майор Гаврилов улыбнулся и ответил: «За то, что ты меня чуть не застрелил».

Из нашего полка в крепости оставались только отдельные дежурные подразделения, в том числе и наша первая стрелковая рота. Ей было поручено нести караульную службу в гарнизоне.

Вечером в субботу 21 июня 1941 года рота заступила в караул. Начальником караула был назначен лейтенант Терещенко¹.

Никогда мне не забыть, как, дожидаясь своей смены и скучая по брату, который ушел на пост, я бродил по плацу около дверей караульного помещения. Вдруг хлопнула дверь.

¹ Младший лейтенант А. Р. Терещенков — командир пулеметного взвода 44-го стрелкового полка, член ВЛКСМ. Погиб в плену.

— Гуляешь, а от порога ни на шаг,— улыбнулся Терещенко.

— Мечтаю, товарищ лейтенант,— ответил я.

— Мечтаешь? — Он задумался.— Хорошее это дело. Я тоже мечтаю.

— О чем? — поинтересовался я.

— На Украину мечтаю съездить. Давненько там не бывал. Все мечтаю. Да мечты, что тебе мыльный пузырь: хлоп — и нету.

Мы шли по тропинке мимо огромного, уходящего в темноту здания казармы. Миновали какую-то арку, за которой тянулась дорога, ведущая к Трехарочным воротам и в глубь Цитадели...

Я расстался с Терещенко у самого моста через Мухавец. Начальник караула поспешил в штаб, а я еще долго смотрел на засыпавшую реку и мысленно ругал себя, что не узнал у лейтенанта Терещенко, где же все-таки пост, который был поручен для охраны моему брату-близнецу Алексею. Все громче и отчетливее была слышна музыка. Играл духовой оркестр. Звуки то замирали, как будто растворялись в сумерках, то вдруг вспыхивали с новой силой прямо над головой...

Я не заметил, как подкралось утро. Нас разбудил разводящий сержант Максимов.

Построились с оружием на широком плацу. На востоке, за высокими серебристыми тополями, где-то между Брестом и химгородком, как будто запутавшись в густом тумане, лениво ворочалось солнце.

Из Цитадели мы перешли на другой берег реки. С соседних постов сменились Бачаров и Анисимов. Мне поручили охранять склад с боеприпасами. Около него под открытым небом стояли два ящика с касками. Вокруг тихо.

Впереди nepотревоженная гладь реки. На том берегу тянутся спящими громадами крепостные укрепления.

И вдруг огненный смерч разрывает небо. Дрожит земля, свистит воздух, крепость горит. А над головой летят сотни фашистских бомбарди-

ровщиков с большими черными крестами. Через мост перебегают люди. Многие полуодеты, без оружия...

Так началась война. Но не успела еще замолкнуть вражеская артиллерия, отбомбить до конца авиация, как разрозненные подразделения крепостного гарнизона, женщины, дети — все стали готовиться к отражению натиска врага.

— Занимай оборону! — крикнул сержант Максимов.

Нас 11 человек. Из нашего взвода Федоров, Прохоров, узбек Башаров и боец-краснодарец. Остальные из разных подразделений.

Появились первые фашисты. Они замаскированы ветками. В руках у каждого автомат. Мы ждем. Подпускаем на расстояние прицельного выстрела и открываем залповый огонь.

Ясно помню этот первый бой. Когда мы начали стрельбу, фашисты растерялись. Но прошла секунда, и цепь врагов рванулась вперед. На мосту осталось несколько убитых.

«Только не пропустить через мост», — думаем мы. Следующий залп заставил фашистов залечь.

— Стреляйте метко, — кричит сержант. — На одного фашиста двух пуль не положено.

— Сержант, нашего ранило, — крикнул кто-то.

— Забери патроны.

— Есть!

Из окон оборонительной казармы с того берега фашистов обстреливают из пулеметов и винтовок. С другой стороны моста тоже слышатся выстрелы. А когда фашистам все же удается перебежать его, вдруг раздается мощное раскатистое «ура». Организовавшись, бойцы стремительно переходят в контратаку...

Не хватает патронов. Берем их у раненых и убитых, достаем из горящего поблизости склада. Бой продолжается. Многие среди нас уже ранены. В окопе на шинели лежит убитый Прохоров, которого во взводе почему-то называли Прохором. Геройски вел себя этот курсант. Когда фашисты, пе-

ребежав через мост, рассыпались по берегу, Прохоров не утерпел, выскочил из канавы-окопа и спрятался за кустом. Двумя выстрелами он убил двух гитлеровцев. Но больше не оказалось патронов в магазине. Он поднялся, чтобы перебежать к нам. И в этот момент раздалась очередь из автомата. Не выпуская из рук оружия, Прохоров опустился на колени, затем упал.

Вскоре был убит еще один из нашего взвода. До сих пор стоит передо мною этот молодой вихрастый парень с голубыми глазами. Рана была смертельной. Но он еще долго цеплялся костеневшими пальцами за стенку окопа, чтобы послать последнюю смертоносную пулю в своего врага.

Положение наше ухудшилось, когда на дороге, вдоль которой мы занимали оборону, показались вражеские танки. Несмотря на ранение, поднялся сержант Максимов.

— В окоп! — скомандовал он.

У нас было несколько гранат. Сержант подозвал двоих.

— Быстро за мной! — крикнул он.

Мы побежали по канаве. Потом ползли в сторону. Ждали удобного момента. Взрыв. Крайний танк обволокло дымом.

— Молодцы, ребята, — похвалил сержант.

Теперь все смешалось в голове. Где-то взорвалась граната. Потом другая. Бежим, стреляя на ходу. Вдруг кто-то валится под ноги. Мы оба падаем в густую траву.

— За Родину! За мной! — кричат впереди.

Забрав патроны, вскакиваю. Впереди лента канавы. Тут залегли оставшиеся в живых. Горячее дыхание соседа обжигает щеку.

— Ложись!

Кажется, рвут щипцами барабанные перепонки. Земля всей безмерной тяжестью наваливается на грудь. Сверкает что-то яркое и красное.

Разгорелся день. Горячим зноем пожарищ дышал воздух. Горели камни. Ввысь стремились потоки дыма. Гремела артиллерия, строчили пулеметы,

стреляли винтовки. В крепости развертывались кровопролитные бои.

— Осторожней!

Приятный мягкий голос. Ухо отвыкло от нежностей.

— Да, да, сюда! — к нам тянется гибкая женская рука. Помогает, проводит.

— Куда ранены? — большие глаза расширены и полны участия.

— Рука отекала, — в девичьей руке зажат штык от самозарядной винтовки. Распорол рукав, перевязала... Кругом раненые, женщины, дети... Снова в строй...

Недалеко от комсоставских домов разгружали склад. В грузовик поднимали 26-килограммовые ящики. Работали совместно с гражданскими. Вдруг показались немцы-автоматчики. Машина круто развернулась, взяла курс к Северным воротам. Какая-то женщина залегла за камнями с винтовкой. Ее примеру последовали другие.

— За мной! — крикнул сержант Максимов.

Почти не целясь, стреляем на ходу. Наша задача отвлечь врага от машины. Цепь фашистов бежала прямо на нас. В этом бою сержант Максимов погиб. Пуля попала ему в шею.

День уже клонился к вечеру. Крепость продолжала гореть. На потемневшем небе все ярче вырисовывались огненные языки пламени. То здесь, то там слышались пулеметные очереди, раскаты артиллерийских орудий, взрывы. Наших самолетов не видно. И вдруг:

— Наш! Наш! Наш! — раздаются ликующие голоса.

Кто был на фронте, тот знает, сколько радости, счастья вкладывает солдат в это короткое слово «наш».

Истребитель описал дугу, пролетел над границей. Короткие крылья с родными красными звездами.

— Ястребок, — любовно говорили красноармейцы.

Последний поворот над границей, и самолет растворился в воздухе. Как будто исчезла связь с Большой землей.

— Улетел, — вздохнула какая-то женщина с ребенком на руках.

Мы с надеждой глядим в потемневшее небо.

Этой же ночью фашисты оттянули свои потрепаные за первый день боев войска. Началась артиллерийская подготовка и бомбардировка крепости. Запламенело ночное небо. Потом наступила короткая передышка, в течение которой враг забрасывал крепость ракетами, прощупывал лучами прожекторов. То и дело раздавались пулеметные очереди.

А утром над крепостью закружились «юнкерсы». Снова началась артиллерийская канонада. Когда штурмовые группы врага хлынули в крепость, их встретил шквальный огонь защитников. Казалось, стрелял каждый камень, каждая воронка. Стреляли отовсюду, где мог укрыться человек.

Посменно с Башаровым и неизвестным связистом я дежурил за одним из станковых пулеметов. Грохотали моторы танков, стреляли орудия, раздавались гулкие пулеметные очереди и одиночные выстрелы. Сраженный вражеской пулей, пал Башаров.

...24 июня через одного бойца до нас дошел приказ, в котором говорилось, что каждый боец и командир должен до конца выполнить свой долг перед Родиной.

Как-то распространился слух о том, что наши выбили гитлеровцев из Бреста. И как бы подтверждая это, в ночном небе появился советский самолет. За стенами крепости заговорили вражеские орудия. Всю ночь никто не смыкал глаз. Все выжидающе молчали. Казалось, даже раненые в темном углу стонали не так громко. Каждый надеялся. Наступала новая, четвертая ночь. Когда надежда исчезла, решили прорываться.

Хорошо помню эту последнюю ночь в Брестской крепости. В каземате нас осталось только трое. Мы ползем от камня к камню. На небе горят звезды. От них даже камень светится. А между камнями

мрак. Выбираем темноту и ползем. В воздухе пахнет гарью. Нечем дышать. Но кашлять каждый боится. Вдруг в звездном небе вспыхнула ракета. Стало светло, как днем. Мы прижались к земле. Снова спустилась ночь.

«Миновало», — подумал каждый.

В этот момент ясно обозначился яркий след трассирующих пуль. Затарахтели пулеметы. Засвистели пули. Обожгло правое ухо. Мы упорно продолжаем ползти вперед. Сверкнул огонь. Нечеловеческая сила приподняла и бросила с размаху в темноту, туда, где камни...

...Вечером 27 июня я пришел в себя. Глаза видели плохо. Слух, казалось, навсегда потерян. Мы лежали на земле, истекая кровью. А на другой стороне Буга все горело. Глухие взрывы и артиллерийские выстрелы сотрясали воздух. Крепость боролась...

Утром 28 июня нас привезли в Бяла-Подляску. Мне нужна была срочная операция. Помню, как хирург, пожилой человек, извлекая из ноги осколки, ласково говорил:

— Ты, братец, в немцев стрелял?

— Стрелял, — слабо стонал я.

— Из чего стрелял?

— Из пулемета.

— Из пулемета? — удивляется доктор. — А они тебя из пушки бабахнули...

Потом мне лили холодную воду на голову, а добрый доктор, как будто по одному, осторожно вытягивал из ноги мои нервы.

Благодаря врачу я остался жив.

Здесь, в плену, я встретился с Бараевым, моим однополчанином, который позднее работал санитаром в госпитале. Бараев сообщил мне, что в блоке видел старшину первой стрелковой роты Житкова и еще одного лейтенанта, фамилию которого он не знал. Я просил Бараева узнать фамилию лейтенанта, но Бараев не смог этого сделать. И вот однажды (это было в первых числах июля) я вдруг услышал, что меня окликнули.

— Не узнаешь? — спросил лежащий на песке человек слабым голосом.

Видел я тогда плохо, а лица заросли щетиной, изменились. Наконец узнал.

— Товарищ лейтенант!

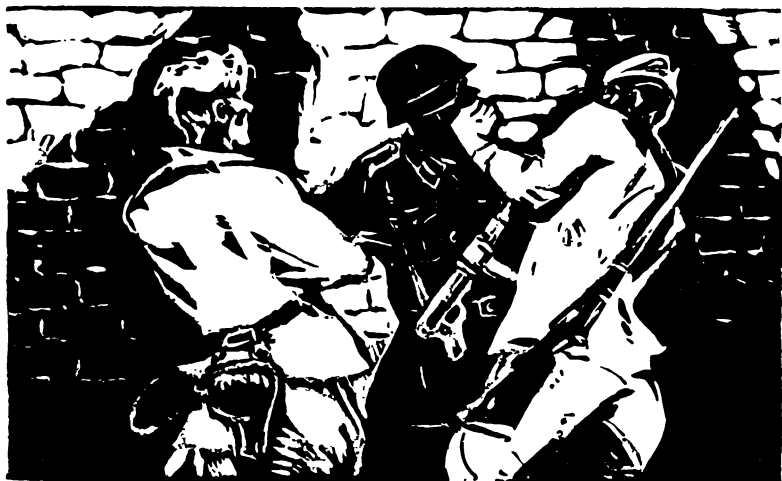
Это был Терещенко. Тот самый Терещенко, с которым я расстался вечером накануне войны. Так и не удалось ему съездить на Украину. Терещенко был контужен в голову. Говорил мало. Но мне рассказал следующее:

«Когда немцы начали обстрел Цитадели, то одним из первых загорелось здание штаба 44-го стрелкового полка. Некоторые бойцы, все еще думая, что это не больше как пограничный конфликт, бросились было тушить пожар, но тут же погибли под огнем противника.

Когда обстрел и бомбардировка кончились, фашисты уже были в Цитадели. Защитники крепости их встретили метким огнем. Около штаба собралось немало женщин и лиц в гражданской одежде. Женщин и детей укрывали в подвалах крепости. Многие не хотели уходить и, вооружившись винтовками, метко били вражеских солдат».

...Терещенко возглавил один из отрядов, который потом прорвался к бывшему костелу. Там засели гитлеровцы. Хотя их отрезали, они яростно сопротивлялись... Много дней и ночей провел лейтенант в крепости. Однажды во время ночной бомбардировки он был контужен. Так его и захватили в плен. Больше я Терещенко не видел...

ОФ МГОВК, оп. 44, д. 24, лл. 3—11.

ГОРБАТКОВ КОНСТАНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ, рядовой музыкантского взвода 125-го стрелкового полка.

Сражался в северо-западной части Кобринского укрепления.

Контуженным попал в плен. Прошел фашистские лагеря: Бяла-Подляска, Демблин, Гамерштейн, Тромзо (Норвегия) и другие.

Освобожден в 1945 году.

В настоящее время К. Г. Горбатов — учитель. Живет и работает в Оградненском районе, Красnodарского края.

Не выпускаю из рук оружия

Летом 1940 года меня перевели в музыкантский взвод, капельмейстером которого был Николай Ильич Рыжко. В конце 1940 года всех, имевших среднее и высшее образование, объединили в учебные роты для того, чтобы подготовить младших лейтенантов запаса. Но нас, музыкантов, в учебные роты не брали, мы готовились отдельно. За два дня до начала войны нам прочли приказ командира дивизии о присвоении звания младших лейтенантов запаса. Однако войну я начал рядовым бойцом. Ночью 21 июня строевые подразделения нашего полка вывели в укрепленный район. Помнится, часть подразделений 2-го батальона, хозвзвод, музвзвод, повара, штабные работники и наша полковая школа остались в крепости.

Наступил рассвет. Внезапно послышались взрывы страшной силы. Мы кинулись за оружием. Взломав дверь в склад боеприпасов, взяли пулемет «Максим», 2 ленты к нему, необходимое количество винтовок, по 15 патронов на каждого и заняли в казарме оборону. Помню, что с нами был Константин Буровой. Обязанности командира взял на себя старшина Рыжко, пославший бойцов для связи с другими подразделениями. Кроме того, им поручалось найти удобное место для прорыва из крепости.

Когда немного рассеялись дым и пыль, мы увидели, что около нашей казармы пробежал замполит полка Дербенев и его писарь Зеленов (или Зеленский, точно не помню). Писарь остался с нами, а замполит побежал вдоль крепостного вала по направлению к Бугу, где стояли зенитки. Приняв группу под свое командование, Зеленов взял пулемет и занял место у входных дверей. Раздались первые команды: «Бережь патроны и бить наверняка!», «Без команды не стрелять!». Когда бомбежка и стрельба прекратились, мы увидели гитлеровцев, которые шли строем, чеканя шаг. Не выдержав такой наглости, кто-то открыл огонь из пулемета, а мы из винтовок. От первых же выстрелов немцы повернули назад. Их было до взвода. Обнаружив нас, враги прямой наводкой начали бить по казарме из артиллерии. Мы укрылись за толстыми кирпичными стенами. Стреляли только наверняка. Бой завершился рукопашной схваткой. Своих я отличал по цвету одежды.

Опомнился только тогда, когда мы все оказались в казармах. Метрах в 30 от здания валялись трупы немцев. Появились убитые и среди нас. В этом бою был ранен мой земляк, краснодарец Михаил Иванович Шишов. К обеду мы отбили до шести атак. Патроны кончились. Зеленов с группой бойцов, среди них был и Дмитрий Менжулов, прорвался к клубу 125-го стрелкового полка. Нас осталось 38 человек.

После ухода этой группы началась артиллерийская подготовка. Осколком снаряда был ранен в ногу слесарь мастерских Складов. Получил тяжелое ранение в брюшную полость кладовщик, фамилии не помню. Но оба они не выпускали из рук оружия до тех пор, пока их совсем не оставили силы.

Рядом сражался мой близкий друг Георгий Гаврилов. Мы были все время вместе, поддерживая друг друга в бою огнем и штыком. Как-то после очередной атаки он попросил сделать ему перевязку, и только тут я обратил внимание, что вся его одежда в крови. Я наложил ему 3 повязки. А он мне говорит: «Ну, Костя, если мы и погибнем, то наши жизни гадам достанутся очень дорого». В одном из боев

Гаврилов был смертельно ранен. Большой осколок снаряда вырвал ему часть бедра, перебил тазовую кость. Жора истекал кровью. Пока ему делали перевязку, он умер...

Надеясь найти патроны, я пробрался на склад. В это время послышалась чужая речь у входной двери склада, и раздались выстрелы. Я прилег за ящичками и замер. В склад заскочили несколько немцев, выпустили очередь из автомата, пошумели, покричали и ушли. Вечером, выбравшись из своего убежища, я решил пробираться к своим вдоль крепостного вала. Местность непрерывно освещалась ракетами, приходилось быть очень осторожным. У домов комсостава встретил бойцов. Один из них доставил меня к капитану Шабловскому. По его просьбе я рассказал ему о том, что видел. Здесь встретил старшину Николая Рыжко, Георгия Ланина, Игоря Березина, молодых лейтенантов, несколько сержантов и бойцов. Были там и женщины с детьми.

Я хорошо знал капитана Шабловского в мирные дни. При выходах на ученье или на стрельбы он брал меня сигнальщиком и, отдавая планшетку, всегда говорил: «От меня не отставать». Шабловский показал себя опытным командиром. Его команды всегда были четкими и точными, мы их выполняли беспрекословно.

Весь день отбивали атаки врага. Однако к вечеру немцы все же овладели первым этажом. Мы же укрылись на втором. Ночью по приказу Шабловского 10 добровольцев (среди них были я, Рыжко, Ланин) при помощи веревок спустились на землю. Приходилось соблюдать большую осторожность, чтобы не обнаружить себя. Сосредоточившись в кустах сирени, тихо сняли часовых, при этом хорошо себя показали Ланин и Рыжко, и, ворвавшись в здание, забросали гитлеровцев гранатами. После завершения этой операции бойцы спустились на первый этаж. Капитан Шабловский вынес нам благодарность. Несколько позднее он отозвал меня и поставил задачу: добраться до склада боепита-

ния, связаться с оборонявшейся там группой бойцов и выяснить, какое у них положение, учитывая возможность длительной обороны. Если лучше, чем у нас, то мы перейдем к ним, а если хуже, пусть переходят к нам, объединим силы.

Пробравшись на склад боепитания, разыскал сержанта Ивана Чумака, руководившего обороной на этом участке, доложил ему о цели моего прихода. Обсудив все детально, мы приняли решение о том, что группа Шабловского должна перейти сюда, так как здесь были боеприпасы, вода, хороший рубеж обороны на валах. Не хватало лишь продовольствия. Здесь я остался до наступления следующей ночи, так как днем пройти было невозможно.

Мы вышли на вал. Там я увидел большую воронку, по брустверу которой защитники расставили пулеметы «Максим» с запасными лентами. Были у них гранаты и винтовки. Я влился в эту группу, и целый день мы отбивали непрерывные атаки немцев. Ночью я должен был возвратиться к капитану Шабловскому. Стемнело. Мы оставили свои рубежи, так как немцы ночью нападений не делали, а только обстреливали, и можно было немного отдохнуть. В этот день меня ранило в руку и задело немного нос. Осколок из руки вынули ножом, а нос заклеили бумагой, и я отправился в обратный путь.

Сержант Чумак вышел проводить меня. Поблизости раздался шорох. Кто-то полз навстречу. Это оказался боец из группы капитана Шабловского. От него мы узнали о том, что после тяжелого боя немцы ворвались в здание и захватили оставшихся в живых, в том числе контуженного и раненого капитана Шабловского, его жену и детей. Это было на третий день войны.

Мы дали клятву отомстить за гибель своих боевых товарищей. На других участках тоже шли сильные бои. Мы несколько раз пытались соединиться с другими группами, но безуспешно.

С каждым днем таяли наши силы, а особенно после артиллерийского огня. Всякий раз перед на-

чалом обстрела гитлеровцы предлагали нам сдаться в плен, обещая либо отравить в Германию на «вольную» жизнь, либо отпустить на все четыре стороны.

К этому времени нас осталось около 10 человек — измученных, истощенных. И, когда немцы тесным кольцом окружили нас, мы с криком: «За Родину, ура!» бросились в рукопашную. «Погибать — так с музыкой», — решили все. Что было дальше — не помню. Очнулся за Бугом. Болели раненая голова и рука, плохо слышал и почти ослеп. Так я оказался в колонне военнопленных, но тех товарищей, с которыми шел в последнюю атаку, мне так и не удалось увидеть.

ОФ МГОВК, оп. 125, д. 6, лл. 15—20.

ПИСКУН МАРК ГЕРАСИМОВИЧ, рядовой, находился на сборах приписного состава при роте связи 44-го стрелкового полка. Член Коммунистической партии Западной Белоруссии с 1934 года. За участие в подпольных кружках, распространение революционных листовок и создание партийных подпольных групп в 1935 году был приговорен польским буржуазным судом к 8 годам тюремного заключения. После освобождения Западной Белоруссии М. Г. Пискун принимает активное участие в партийно-советской работе. В 1940 году его избирают депутатом Верховного Совета БССР.

Сражался у главного вала Кобринского укрепления, севернее Восточных ворот. 26 июня, оглушенный взрывом бомбы, попал в плен. В июле 1941 года бежал и ушел в партизанский отряд. Позже участвовал в Пинском подполье.

Сейчас М. Г. Пискун работает председателем колхоза им. Суворова, Пинского района, Брестской области. Член КПСС. Награжден двумя орденами Красной Звезды и тремя медалями.

Защищая вновь обретенную Родину

Перед войной я работал заведующим Пинского райкомхоза. Утром 19 мая мне принесли из военкомата повестку.

— Ну, мать, готовь сумку на дорогу, в армию иду, — с радостью сказал я, когда узнал, что меня вызывают на трехмесячные сборы.

Так начал я свою военную жизнь рядовым 44-го стрелкового полка. Наше подразделение располагалось в палатках, разбитых в юго-восточной части Кобринского укрепления. Недалеко находился Восточный форт. А в казематах внешнего вала Кобринского укрепления, в районе Северных ворот, находился 1-й батальон нашего полка.

Шли дни за днями, наполненные обычной боевой учебой. Мы учились не только у командиров, но и у кадровых бойцов, которых в нашем подразделении было большинство.

В субботу, перед войной, смотрели документальный фильм «Военная присяга». Его демонстрировали прямо в лагере под открытым небом. После отбоя легли спать. Разбудили нас первые взрывы, донесшиеся из центральной части крепости.

— Война! Война! — закричали бойцы и в натальном белье сразу кинулись из палаток к оружию. Один из командиров хотел нас задержать.

— Куда вы? Это же маневры! Что за паника? —

кричал он. Но тут снаряды начали лететь в наш лагерь; падали палатки, пирамиды с оружием. От первых взрывов погибло несколько бойцов. Осколком убило и командира, которому так не хотелось поверить в это страшное слово: «война».

— Занять оборону на валу! — раздалась команда подбежавшего капитана.

К этому времени мы подобрали винтовки, пулелеты. Оказалось, что у нас нет ни одного патрона.

— Товарищ боец, — приказал мне капитан, — возьмите двух человек, пробирайтесь с ними в форт, доложите командованию обстановку. Попутно доставьте боеприпасы. Вас назначаю старшим.

Я повторил приказ командира, взял двух бойцов, и мы поползли. На дороге лежали убитые и раненые наши бойцы. Задерживаться возле них мы не имели права. У нас было боевое задание. Сильный огонь врага не дал нам возможности проникнуть в форт, но зато нам удалось пробраться в один из казематов, расположенных в валах. Там мы увидели тяжело раненых бойцов, женщин и детей. Среди них оказался какой-то лейтенант. Доложили ему, что нас послал капитан за патронами, рассказали о положении, которое сложилось на нашем участке обороны. Нам выдали три ящика патронов, и мы ползком потащили их под огнем врага, делая себе проходы между убитыми. Мы знали, что надо поскорее доставить в свое подразделение патроны, которых так ожидают бойцы.

Когда добрались до своего участка обороны, мы увидели, что все уже окапываются на валу. Огонь все время не затихал как со стороны Мухавца, так и со стороны города. Нас осталось всего около восьмидесяти человек. Разделили патроны. Капитан распорядился назначить командиров. Я помню, что у меня командирами отделений были сержант Чайка, а затем ефрейтор Решетняк.

Вечером, в первый день обороны, к нам присоединились новые бойцы и командиры. У многих из них были ручные гранаты.

Попытки фашистов форсировать обводной канал

и ворваться в крепость через проход, который был в валу, кончились провалом.

Капитан все время пробовал наладить связь с Центральным островом и Восточным фортом. Однако за все три дня обороны ни один наш связной не вернулся назад.

«В чем тут дело? Не может быть, чтобы никто из них не дошел»,— недоумевал на четвертый день обороны капитан и, обратившись к старшему лейтенанту Беликову или Беличенко (фамилии хорошо не помню), сказал: «Командуй тут один. Я сам иду на связь».

И он пошел пробираться на Центральный остров, но тоже погиб. Мы нашли его под вечер с пистолетом в руке. Прошел он только около двухсот метров.

26 июня боеприпасы почти кончились, питания и воды не было. Разработали план: дожидаться вечера и, использовав сумерки, прорваться с боем из окружения. Выходить решили через проход в валу, по которому ночью часто ходили к обводному каналу за водой. После прорыва мне, как человеку хорошо знавшему местность, поручили всю нашу группу вывести в Пинские леса.

Мы все с нетерпением ожидали этого вечера. Готовили гранаты, уточняли детали, связанные с прорывом. А днем, как назло, налетели немецкие самолеты. Посыпались на наши окопы бомбы. С каждым взрывом мы не досчитывались многих бойцов. Проход, которым мы собирались выйти, завалило. Близким разрывом бомбы меня оглушило и присыпало.

После этой бомбежки нас осталось около десяти человек, да и те все были раненые, оглушенные и контуженные. В таком положении нас и захватили фашисты, прорвавшиеся на вал сразу после того, как окончился налет авиации.

КОСЯКОВА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА, жена заместителя командира по политической части 3-й батареи 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона Косякова Алексея Александровича, погибшего при обороне крепости.

До 26 июня находилась в районе восточной части главного вала Кобринского укрепления. 28 июня вместе с группой женщин попадает в Брестскую тюрьму. Весной 1943 года уходит в партизанский отряд, в котором сражается до освобождения Брестской области.

Сейчас работает фельдшером в городе Бресте.

Я видела стойкость защитников

В субботу многим бойцам за строительство укреплений, которые возводили недалеко от границы, объявили благодарность. И мой муж был очень этим доволен. Мы поздно вернулись домой. В отличном настроении он сел готовиться к занятиям по истории партии, а я решила нарвать букет белой акации, которая в то время цвела и наполняла воздух своим ароматом. Было тепло и как-то особенно тихо. Так иногда бывает перед грозой или бурей. Придя домой, я сразу легла спать, а Алексей все еще занимался.

Проснулась я от страшного грохота и треска. Муж стоял уже одетый и застегивал ремешок от часов на руке. Он сказал: «Не пугайся, это рвутся снаряды у зенитчиков». Прослушав секунду, я спрыгнула с кровати и говорю ему: «Это война». Он ответил: «Да, но не пугайся, вас, женщин, всех сейчас вывезут, бегите к штабу», а сам ушел взволнованным (он боялся за меня, так как я ждала ребенка).

Еще не рассвело. Я подбежала к окну. Со стороны Буга рвались снаряды, высоко в небе подымались клубы дыма и языки пламени, грохот стоял невыносимый. Одев халат и туфли, выскочила в коридор. Снарядом пробило крышу. В коридоре свистели осколки. Женщины от штаба бежали к ремонтным

мастерским, которые располагались в валах по обе стороны Кобринских ворот¹. Добежав до недостроенной проходной, я спряталась и перевела дух. Теперь осколки ударялись в стену будки, а некоторые со свистом пролетали мимо меня. Сообразив, что здесь оставаться нельзя, я тоже побежала по направлению к ремонтным мастерским.

В мастерских находились уже многие раненые. Из нашей части был ранен в руку дежуривший в ту ночь лейтенант Новиков². Женщин было немного, человек 6—8, и около 10 детей. Некоторые прибежали полуодетыми, но с ними сейчас же поделились одеждой, кто чем мог.

Через полчаса пришел муж, немного побыл и снова ушел. В расположение батареи он пробраться не смог. Бойцы и дежурный по части выехали на тягачах с пушками по направлению к Кобринским воротам, так как по тревоге все должны были выезжать в район сосредоточения. Здесь Алексей их и встретил. Прорваться из крепости удалось лишь одному тягачу, остальные были подбиты вместе с пушками сразу за воротами на горке. Бойцы, сидевшие на тягачах, почти все погибли. Я сама это видела, когда выходила из крепости.

Бомбы рвались целый день, пушки не смолкали ни на минуту. В два часа дня пришел боец Соколов³ и сказал, что мой муж и лейтенант Басте⁴ подвозят к валам на тягачах снаряды из склада боепитания.

На второй день войны бой на валах возобновился с новой силой. Кто там еще находился — оставалось неизвестно, потому что пробраться к ним

¹ Так автор и некоторые защитники называют Восточные ворота Кобринского укрепления.

² Младший лейтенант У. С. Новиков — командир взвода 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. Погиб в бою.

³ Воспоминание Н. И. Соколова см. на стр. 145.

⁴ Лейтенант А. В. Басте — командир взвода 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона.

было невозможно. Стояла страшная жара, воздух был насыщен копотью и дымом, безумно хотелось пить, но, чтобы достать воду, нужно было выйти за Кобринские ворота, а там на наружных валах окопались немцы.

У раненых начали гноиться раны, все нижнее белье ушло на перевязки. Дети не выдерживали, у некоторых от страшной жажды начались судороги. А немцы с неослабеваемой силой обрушивали новый и новый шквал огня и металла.

Однажды ночью боец Соколов достал из подбитой возле ворот машины банки консервов. Их разделили детям и раненым, а утром не было спасения от жажды.

Мне хочется подробнее рассказать о Соколове. Он был инициатором многих полезных начинаний и вообще, глядя на него, у нас заметно поднималось настроение. Он первый предложил копать в мастерской колодец. Мы деятельно взялись за это, выкопали глубокую яму, но воды не оказалось. Тогда достали мокрый песок и начали его сосать, но у всех появилась рвота, так как земля была пропитана бензином и песок невыносимо вонял. Хуже всего было смотреть на муки детей и раненых. Мы, женщины, становились обузой. Бойцы не могли даже отстреливаться по-настоящему из этого убежища, жалея нас: туда, откуда стреляли наши, немцы направляли сильный огонь.

Поэтому нас начали уговаривать выйти из крепости. Мы не соглашались, ведь идти в руки к врагу никому не хотелось. Но бойцы настояли, и мы вышли из убежища.

«Идите, — говорили нам бойцы, — идите и будьте мужественными. Вы должны сделать это ради жизни и будущего своих детей...»

И мы пошли. Шли без слез, даже дети и те молчали. То там, то тут лежали мертвые бойцы и командиры, но своего мужа среди них я не заметила. По дороге нам попадались и бойцы, глубоко окопавшиеся в земле. Были они такие же грязные, с потрескавшимися губами, как и мы. Но они, как

могли, подбадривали нас. По дороге к нам присоединились женщины из других домов комсостава, и к выходу из крепости у ворот собралось человек 35—40 вместе с детьми.

Пока мы шли, немецкий самолет все время кружил над нами, а с крепостных валов наблюдали немцы, но они не стреляли. У выхода из Централь-ных ворот фашисты нас окружили, отвели влево, поставили на колени и направили пулемет. Человек шесть стали копать яму, затем, переговорив между собой, подняли всех нас и погнали. По дороге зачерпнула я в канаве пригоршню воды, за что получила удар прикладом по спине. Повсюду лежали трупы убитых, раздутые трупы лошадей, издававшие зловоние.

Двое суток нас продержали в конюшнях. Там было много женщин. Мужчин в военной форме держали отдельно. Я видела, как двоих завели за конюшню и расстреляли.

28 июня нас повели в Брест. Никто не знал, что гитлеровцы намерены с нами делать. Стиснув зубы, по-прежнему молча продолжали мы свой путь навстречу неизвестности.

Из крепости, не умолкая, доносились звуки боя: грохотали взрывы, раздавалась ожесточенная стрельба, изредка до нас докатывалось родное мощное «ура!».

Значит, крепость еще была жива, еще сражалась! Чувства лютой ненависти к врагу и гордости за своих трепетали в каждой из нас.

Нас привели в городскую тюрьму, где продержали неделю. Здесь мы впервые за дни плена получили скудный паек: горсточку разбухшего гороха, кусок тухлой трески и немного воды. Охраняли нас немцы.

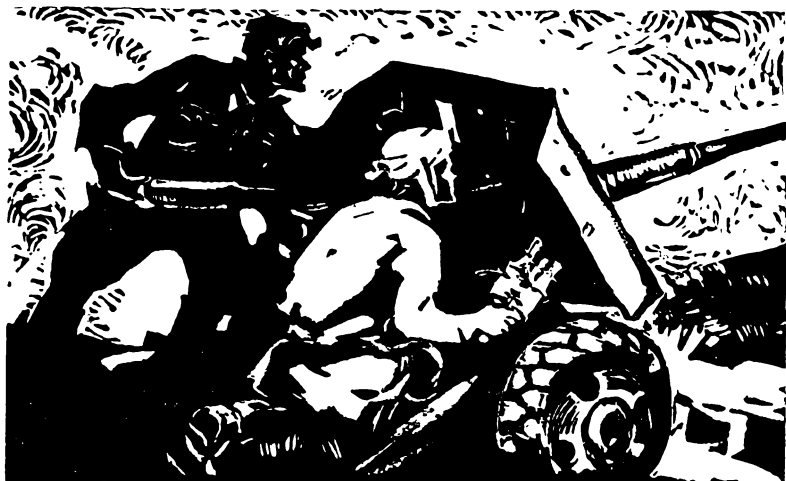
Первого июля они подняли переполох, залезли на крышу и смотрели в бинокль на крепость и в небо: видимо, появился наш самолет.

Несколько раз нас выстраивали во дворе тюрьмы и через переводчика допытывались, кто здесь жены политруков и комиссаров, но ни одна

из женщин не проронила ни слова. Через неделю нас отпустили.

Осенью у меня родился сын. Я назвала его Алексеем, в память о его отце, героически погибшем при обороне Брестской крепости.

ОФ МГОВК оп. 98, д. 13, лл. 1—5.

НИКИФОРОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ, рядовой
98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона.

Сражался в восточной части главного вала Кобринского укрепления и Восточном форту. 7 июля попал в плен. Осенью 1941 года совершил побег. Пробирался лесами на восток. В одном из районов Брестской области был задержан гитлеровским патрулем и вновь очутился в плену. Зимой 1945 года бежит вторично и в районе города Данцига соединяется с частями Советской Армии. Участвовал в форсировании Одера и взятии Шверина.

Сейчас живет и работает в городе Суворове, Тульской области. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Раненые не покидают строя

В то утро спать нам не пришлось. Оглушительные взрывы и огневое зарево быстро подняли всех на ноги. Раздалась команда боевой тревоги. Добравшись до парка, сел в боевую машину и попытался завести мотор, но не смог.

Фашисты открыли сильный огонь по парку. Со мной в машине находился еще один боец, фамилии которого уже сейчас не помню. Немцы пытались атаковать. Мы открыли огонь из пулемета. Несколько раз фашисты подходили к машинам, но безуспешно. Во время боя я был ранен в голову и плечи. Перевязав раны тряпками, немного приостановил кровотечение и вместе с товарищами продолжал стрелять.

Немцы отступили. Находившийся поблизости санитар нашей части сделал мне перевязку.

Вновь артиллерийский и минометный обстрел. Рядом со мной упал санитар, я его оттащил в сторону, за машины, думая, что он ранен, но он был убит осколком мины. Враг пошел в наступление. Но слишком неравные были силы, нам пришлось отступить и занять оборону на внешнем валу крепости, недалеко от расположения нашего дивизиона. Оставшиеся в казарме бойцы затащили пушку в парадную дверь здания и продолжали отбиваться. На валу мы вырыли небольшой окопчик. Оттуда хорошо

просматривалась дорога, по которой двигались колонны немцев. Товарищи предложили мне принять командование. Нас было человек семь, и все из разных частей. Я связался с бойцами, которые заняли оборону на валах, и мы решили действовать совместно. Наш дружный огонь вызвал среди врагов замешательство. На третий день обороны, заметив, что фашисты нас окружают, мы стали отходить в один из казематов крепостного вала.

Ночью наблюдали за сильной артиллерийской перестрелкой. Темное, озарявшееся заревом пожара небо то и дело рассекалось блестящими нитями трассирующих снарядов. Помню, что у Восточных ворот крепости боями руководил старший лейтенант Каганович¹, получивший уже в первые дни тяжелое ранение. Вскоре из казематов перешли в склад боеприпасов. Там мы увидели, что многие из защитников пробираются в Восточный форт, и мы решили уйти туда. Перед уходом я хотел взорвать склад, чтобы наши снаряды не достались врагу, но потом от этой мысли отказался: ведь все мы жили надеждой, что вот-вот подойдут наши, и эти снаряды еще пригодятся.

Под огнем неприятеля пробрались в форт.

Здесь оборонялись группы бойцов из разных подразделений. Командовал ими майор Гаврилов. Рядом с фортом стояли орудия зенитного дивизиона. Фашисты упорно старались сломить боевой дух защитников. Помню, однажды приволокли они наш броневик и водрузили на нем фашистский флаг. Мы подкрались к нему ночью и, сняв фашистский флаг, укрепили свой. Гитлеровцы неоднократно передавали свои ультиматумы о сдаче в плен; в противном случае они грозились применить газы и огнеметы.

Для уничтожения танков мы установили противотанковую пушку, правда без прицела, заготовили

¹ Лейтенант М. А. Каганович — командир 3-й батареи 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. Член ВКП(б). Погиб в крепости.

связки гранат. Ночью с двумя бойцами я пробрался в свои казармы, чтобы достать прицел, но там оказалось настолько все разгромленным, что мы ничего не нашли.

Противник все усиливал бомбежку форта. Непрерывно налетали самолеты и сбрасывали бомбы. Бывало, сидишь и думаешь: «Вот-вот будешь погребен», но бомба пролетит и где-то в стороне разорвется, и ты облегченно переводишь дух — пронесло.

Прошло много дней. Выбрав удобный момент, мы решили сделать прорыв и в случае удачи выйти в район Жабинки, так как предполагали, что именно там находится фронт. Однако, добежав до ближайших развалин, наткнулись на засаду. Завязалась рукопашная схватка. Я хотел ударить врага прикладом, но не успел: фашист опередил, и оглушительный удар свалил меня с ног.

ОФ МГОВК, оп. 98, д. 7, лл. 12—15.

ЗАЙЦЕВ ВАСИЛИЙ КУЗЬМИЧ, сержант, помощник командира взвода 2-й роты 333-го стрелкового полка.

Сражался у Восточных ворот Кобринского укрепления. Раненый был пленен 3 июля 1941 года. Находился в лагерях военнопленных: Бяла-Подляска, Южный городок (Брест), Холм. В 1944 году после побега из плена служил в рядах Советской Армии, участвовал в освобождении Варшавы, Познани, в штурме Берлина.

В настоящее время работает в колхозе имени Горького, Краснодарского края.

Награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды и тремя медалями.

Отца своего я не помню, он погиб в гражданскую войну. Меня воспитывал отчим, партизан гражданской войны Василий Егорович Буравлев. В нашей семье рос еще один мальчик-сирота, сын командира Красной гвардии Иван Губенко, погибший в Отечественную войну при освобождении Ростова-на-Дону.

Жили мы бедно. Поэтому отчим с матерью решили дать образование Ивану, поскольку у него совсем не было родных. Я после пяти классов пошел работать в колхоз, а Иван, закончив девятилетку, поступил в военное училище.

Вскоре меня призвали в ряды Красной Армии. Так попал я в Брестскую крепость.

14 июня наша рота вышла в укрепрайон, а 19 июня германский самолет в четвертом часу дня нарушил границу как раз там, где мы рыли противотанковые рвы. Как только в воздух поднялись наши истребители, самолет дал очередь и скрылся.

Я был ранен в руку, и в тот же день меня отправили в санчасть полка, в крепость.

21 июня вечером при заходе солнца над крепостью вновь появился германский самолет. Он летел так низко, что была видна черная свастика на хвосте. Сделав два круга, он улетел в свою сторону.

Стало темнеть. Я лег в постель, оставив открытым окно, выходящее как раз в сторону границы.

И вдруг раздался сильный грохот. Спросонья подумал, что это гром, и хотел закрыть окно, но не успел поднять даже голову, как вновь раздался взрыв и обрушился простенок. Товарищи, лежавшие там, погибли, а я очутился на полу.

Сомнений больше не оставалось — война. Отдышавшись, я выскочил в проходную. Хотел спуститься вниз, но мне навстречу попался старшина санчасти Воронин. Он сказал, что во двор полка выйти нельзя, снаряды ложатся один за другим. Тогда я открыл окно туалета и прыгнул вниз со второго этажа. Старшина и еще один солдат последовали за мной. Мы бросились к Восточным воротам.

Вокруг непрерывно свистели бомбы, сыпались осколки и пули.

23 июня, взбешенные нашим сопротивлением, враги подогнали к воротам танк и начали обстреливать укрепление. Но как только танк подкатил вплотную к воротам, навстречу ему со связкой гранат выскочил какой-то лейтенант, казах по национальности. Не прошло и нескольких минут, как стальная громадина загорелась. Но смельчак жил недолго — его ранило осколком в голову. Мы втащили лейтенанта в каземат, и вскоре он скончался.

26 июня, после сильнейшей артиллерийской подготовки, фашисты прорвались на нашем участке, завязался жестокий рукопашный бой. Враг отступил. Вечером этого же дня к нам вновь подошли фашистские танки и стали в упор расстреливать обороняющихся. Целую ночь по территории крепости раздавалось русское «ура». Это защитники то там, то здесь отбивали яростные атаки.

Гитлеровцы непрерывно вели огонь по казематам, подвалам, пускали слезоточивые газы. Вражеские снайперы специально охотились за теми, кто пытался наладить какую-нибудь связь или достать воды; 28 июня из нашей группы осталось 19 человек. Продуктов больше не было. Посоветовавшись, решили, что женщин с ребятишками необходимо

отправить из крепости. Так и поступили. Женщины подняли белые косынки и вышли из подземелья.

А мы продолжали обороняться. 29 июня фашисты начали забрасывать все входы и выходы в казематы гранатами, но никто из нас не сдавался. Спускаться в казематы и подземелья фашисты боялись, потому что каждый, кто рисковал сделать это, сразу же отправлялся к праотцам.

2 июля нас было уже только 9 человек. Руководил нами какой-то командир. Он приказал мне и еще нескольким бойцам зарыть два несгораемых ящика, очевидно, с секретными документами, чтобы не попали фашистам, ибо живыми остаться мы уже, конечно, не рассчитывали.

На следующее утро началась очередная бомбежка. Стены каземата сотрясались от разрывов тяжелых бомб. Во время одного из налетов я был привален грудой обломков. Моя правая рука безжизненно повисла. В конце этого же дня фашисты обнаружили нас, окружили и стали выталкивать из подземелья.

Итак, с перебитой правой рукой и раненой левой, голодный, истощенный, покидал я крепость. За всю дорогу мы не имели права даже напиться. Тех, кто бросался к болоту, убивали на месте. Многие товарищи не в силах были больше терпеть мучительную жажду, бросались к местным жителям просить воды. Пристреливали не только их, но и тех, кто давал им воду. Дорога от крепости до польского города Бяла-Подляска была усеяна трупами наших людей.

ДУБИНИН МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ, курсант, наводчик 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона.

Более двух недель сражался в восточной части главного вала Кобринского укрепления. Раненый, попал в плен. Трижды пытался бежать, но безуспешно. В марте 1945 года вновь организует побег из фашистского лагеря Плесса, переходит линию фронта и добирается до расположения Советских войск. Участвовал в боях на территории Австрии.

Сейчас литейщик Дубинин живет и работает в городе Георгиевске, Ставропольского края. Член КПСС.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В субботу 21 июня 1941 года наша учебная батарея, командиром которой был лейтенант Хавер¹, заступила в наряд. Я был назначен дежурным по штабу дивизиона, а посыльным — Василий Волокитин. Заканчивался последний мирный день. Бойцы, свободные от наряда, пошли в кино, писали письма, играли в шахматы.

В третьем часу ночи сигнал автомобиля заставил меня подняться — это приехал капитан из штаба дивизии. По его приказанию я вызвал дежурного лейтенанта Новикова. Пока они разговаривали, я сел у окна, выходящего на границу. Внезапно все вздрогнуло, всколыхнулось. За первым взрывом последовал второй, потом еще, еще. Многие бойцы, которые мирно спали, видя во сне родные села, города, свои семьи и близких, не успели даже опомниться — смерть настигла их прямо в постели. С этого часа началось наше испытание на верность Родине, выдержку, выносливость.

Вражеские снаряды и мины разрывали территорию нашего дивизиона. С воем проносились осколки. Вокруг стоял невообразимый грохот. Было жарко, от дыма слезились глаза, першило горло.

¹ Младший лейтенант Н. К. Хавер — командир батареи 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона.

По приказанию лейтенанта мы оповестили и без того проснувшихся командиров. Прибежали Никитин¹, Акимочкин, Шоряк и другие. Прежде всего организовали отправку ценных документов. Оборону возглавил начальник штаба лейтенант Акимочкин — широкоплечий, русоволосый русский богатырь. По его приказанию старший сержант Мамочкин со своим расчетом добежал до парка и развернул орудие в сторону врага. Метким огнем расчет Мамочкина уничтожал вражеские пулеметы и минометы, заставив немцев на время откатиться назад. Но снаряды кончались, и, видя минутное замешательство бойцов, фашисты кинулись к парку, стреляя на бегу из карабинов. Расчет в составе 6 человек с криком: «ура» бросился врукопашную, и после жестокой схватки все артиллеристы погибли. Помню, что среди них был курсант-отличник Петр Шевченко.

В здании, где мы оборонялись, перегородки были удалены, и поэтому мы имели связь со всеми бойцами вплоть до помещения склада боепитания и до насыпного вала, где окопалось человек 25—30. В кровавой схватке, действуя по всей линии обороны, мы отбивали атаки наседавших фашистов дотемна. Лейтенант Акимочкин установил попеременные дежурства и строго следил за отдыхом бойцов. Так закончился первый день войны. Изуродованная, истекающая кровью крепость выстояла.

На второй день повторилось то же самое. Самолеты снижались до 50 метров и поливали нас свинцом, сбрасывали пустые железные бочки и даже куски рельс, стремясь навести ужас и посеять панику среди красноармейцев. Прошло пять или более дней, связи с другими защитниками крепости мы не имели.

¹ Капитан Н. И. Никитин — командир 98-го противотанкового артиллерийского дивизиона вышел с частью сил дивизиона. Участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны. В настоящее время полковник запаса, проживает в г. Ленинграде.

Враги решили с нами покончить. Со стороны Кобринского шоссе фашисты цепью во весь рост пошли в наступление. Подпустив их к подошве вала, наши бойцы во главе с лейтенантом Хавером открыли огонь.

В этот день несколько раз фашисты упорно штурмовали вал, но хорошее местоположение и умело организованная оборона, а также хладнокровность, расчетливость каждого бойца вновь и вновь заставляли врага откатываться назад, терять убитых и раненых десятками.

Появился танк и стал медленно разворачивать башню в нашу сторону. Раздалась быстрая команда — и наводчик Василий Волокитин точным выстрелом подбил эту стальную машину. Танк остановился; из задней части машины показались длинные языки пламени. Мощное «ура!» вырвалось у измученных бойцов.

Но скоро появился второй танк и прямым попаданием разбил наше орудие. Так погибли наш лучший наводчик Василий Волокитин и его два товарища.

Немцы ринулись вперед. По команде Акимочкина, подпустив фашистов на 30—50 метров, мы открыли дружный огонь из трех ручных пулеметов, карабинов. Большая половина отчаянно наступавших гитлеровцев осталась неподвижно лежать на нашей земле.

Немцы почти непрерывно вели огонь. Каждое окно, каждая амбразура, каждый выступ подвергались вражескому обстрелу. Гитлеровские гранатометки и подрывники старались незаметно пробраться поближе к стенам казармы. Они закладывали взрывчатку, забрасывали окна помещения гранатами.

Положение защитников заметно ухудшилось: не было продуктов. Небольшим подспорьем явились сухари, консервы и сахар, которые принесли воины в одну из ночей. Голодные, раненые, изнуренные, имея небольшое количество боеприпасов, мы продержались еще несколько дней.

Помню последние дни обороны на нашем участке. Склад боепитания находился от нас на расстоянии 100—150 метров. На его чердаке установили пулемет, собрали несколько гранат и стали ждать. У пулемета залег красноармеец Магомедов. К вечеру 100—150 немцев начали перемещаться на север от нашего дивизиона (очевидно, там действовала какая-то группа советских бойцов). Подпустив их на близкое расстояние, Магомедов открыл огонь. Много врагов покосил в тот день этот отважный человек.

Ночью нас никто не тревожил, только большими светляками летали трассирующие пули. Не спалось. Разве уснешь? Лейтенант Акимочкин оброс, похудел, но всегда был подтянут и строг. Он личным примером поднимал дух бойцов, успевал повсюду побывать, руководил, стрелял, словом, был и бойцом и командиром. Под его руководством Хавер вел оборону вала.

Как-то утром, после очередной артиллерийской подготовки, стреляя и крича, фашисты ринулись на наш вал со стороны Кобринского шоссе. Хавер выстрелом из пистолета дал сигнал к бою. Стреляли прицельным огнем. Было жарко, губы потрескались до крови, а немцы все шли и шли. Нужно было отходить. Магомедов стрелял, пока не кончились патроны. Тогда, приподнявшись, он метнул во врага гранату и тут же был прошит автоматной очередью.

Мы скатились с вала в мастерскую дивизиона. Бойцы, находившиеся там, крайне нуждались в помощи, отбиваясь из последних сил от наседавшего врага. Хавер не вернулся. Мы были окружены. Гранаты попадали в окна мастерской. Кто-то, лоя их на лету, швырял назад. Обстановка накалилась до предела. Не помню фамилии старшего политрука, который в последнюю минуту сказал: «Друзья, не сдадимся врагу, умрем с честью, Родина вспомнит нас». С этими словами политрук и погиб: близко разорвавшаяся граната оборвала его речь. По приказу лейтенанта Акимочкина мы завернули доку-

менты и знамя и зарыли в яме. Немцы пошли в наступление. Хлопали выстрелы, рвались гранаты, и вдруг страшный взрыв потряс своды каземата...

Меня поднял красноармеец 333-го полка: ноги были ранены осколками гранат. С помощью этого парня я передвигался. Горько сжалось мое сердце — начинался плен...

ОФ МГОВК, оп. 98, д. 2, лл. 2—8.

СОКОЛОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, ефрейтор, киномеханик 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. Свыше двух недель участвовал в обороне восточной части главного вала Кобринского укрепления. Оглушенный взрывом, попал в плен. Находился в лагере для военнопленных близ Бяла-Подляска. Затем, после неудачной попытки бежать, увезен в Голландию. После освобождения из плена служил в действующих частях Советской Армии.

Сейчас живет и работает в городе Ярославле. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Суровое испытание

В морозный февральский вечер 1940 года мы, группа молодых призывников из села Милятина, Восточского района, Смоленской области, прибыли в Брестскую крепость на действительную службу. Учитывая мою гражданскую специальность, командование назначило меня киномехаником.

Мне часто приходилось ездить с шофером Кубасовым в город Брест на фильмобазу. Как-то я попросил его научить меня водить машину. Кубасов охотно согласился. Выезжая за пределы крепости, мы сворачивали с дороги и менялись местами. Так, втайне от командования, я стал шофером.

Жизнь в дивизионе шла строго размеренным шагом. 23 февраля 1941 года мне присвоили звание ефрейтора. При дивизионе были организованы шоферские курсы. Во второй декаде июня из городской автоинспекции приехала комиссия. Все курсанты хорошо сдали экзамены, получили права шофера, среди них был и рядовой Василий Хопунов.

Вскоре в клубе дивизиона, расположенном на правом берегу Мухавца, я установил два новых стационарных киноаппарата. Мне в помощники командование выделило Владимира Никифорова.

В субботу 21 июня 1941 года после обеденного перерыва выстроились несколько тягачей с пушками. Водители машин и расчеты получили приказ выехать за крепость на полигон для смотра техники.

В это время в клубе участники художественной самодеятельности репетировали к 22 июня пьесу. Среди них были: жена командира дивизиона Анастасия Антоновна Никитина¹ — активная, энергичная, вложившая много сил в организацию художественной самодеятельности части, жена лейтенанта Васильева, замполитрука Николая Ширяева, Деревянко², Никифоров и другие. Водитель тягача, лучший дивизионный баянист и песенник Александр Зайцев³, шофер Андрей Питько, Иван Суббота и Николай Стогний тоже готовились к предстоящему концерту.

После сеанса я поспешно закончил работу, надеясь проводить Юлю домой... Но увы... проводить мне ее на этот раз не довелось: она выходила из кино со своим дядей Николаем Васильевичем Нестерчуком. Тогда я вернулся назад в будку и принялся чистить аппаратуру.

Дежурным по части был в тот вечер лейтенант Новиков, а по штабу — Михаил Дубинин; обязанности посыльного исполнял Василий Волокитин, на кухне хозяйничал замполитрука Александр Дорохин, начальником караула был назначен Александр Косенков, а разводящим — Мишкин.

Волокитин и Косенков — мои земляки, односельчане и друзья детства.

Ужин окончился, и бойцы разошлись по своим подразделениям. Остались только те, кто дежурил на кухне. Алексей Дорохин приказал солдатам сразу сделать уборку в столовой, а сам вышел на улицу подышать свежим воздухом. Несколько минут мы с ним говорили о новом кинофильме, а затем он велел повару Оськину накормить меня сытным ужином.

¹ Воспоминания А. А. Никитиной см. на стр. 167.

² Замполитрука А. Н. Деревянко — секретарь бюро ВЛКСМ 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона.

³ Рядовой А. Зайцев был группкомсоргом одного из подразделений 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона.

Оськин был доволен и весел — ему очень понравился кинофильм. Я ел щедро политую маслом кашу, а он стоял рядом и беспрерывно задавал вопросы: «Всегда ли теперь в нашем клубе так хорошо будут демонстрироваться кинофильмы?», «А что мы посмотрим в следующий раз?» И так далее.

Бойцы уже спали, когда я вернулся в казарму. Только Петр Бондарев, склонившись над столом, писал письмо своей любимой девушке.

Москва передавала последние известия. Диктор говорил о мирном созидательном труде, об уборке урожая на Кубани. И как всегда, в 24.00 послышался бой часов Спасской башни, проиграли «Интернационал».

Кругом было тихо, спокойно, и я крепко уснул...

Страшный грохот, звон битого стекла, стоны раненых и перепуганных бойцов сразу заставили меня вскочить с постели. В лицо пахнуло гарью и пылью. По всему горизонту полыхало зарево. В помещении стало светло. Мы предполагали, что это горит нефть или керосин, но доносившийся свист снарядов, а затем оглушительные взрывы заставили нас изменить свои предположения. Кто-то крикнул: «Война!». Что она из себя представляет, — мы еще не знали, но почувствовали, что время сейчас не для раздумий.

В этом крошечном аду бойцы, словно по команде, кинулись к орудиям, тягачам, автомашинам. Некоторые бросились к водопроводным кранам, которые находились рядом с казармой, чтобы наполнить котелки и фляги водой. Но, к сожалению, воды уже не было. Начали разбирать винтовки, стоявшие в пирамиде. Часть из них уже была повреждена. Забрали противогазы, шинели, не было патронов. Точнее, они были, но дневальный не решался без командиров раздавать их. Его пытались уговорить, но он был неумолим. В суматохе и смятении мы смотрели друг другу в глаза и спрашивали: «Что же это такое? Почему не объявляют боевой тревоги?» От испуга многие тряслись словно в лихорадке. Чтобы успокоить себя, мы прижались к стене, но и она содрога-

лась от рвущихся бомб и снарядов. Бойцы, не состоявшие в расчетах, не знали, что делать. Выходить из помещения было опасно.

Еще не прекратилась артиллерийская канонада, как в подразделение, весь в пыли и копоти, с фуражкой и ремнем в руках, вбежал начальник штаба лейтенант Иван Акимочкин, оставивший дома жену и двух малолетних детей. Следом за ним прибежал и Василий Волокитин.

Лейтенант Акимочкин, узнав, что среди нас, не состоявших в расчетах, нет командиров, приказал дневальному раздать патроны, а затем стал давать различные задания.

Повара Оськина он направил на кухню, где ему надлежало собрать продукты, погрузить в автомашину и ждать указания. Рядовому Сергею Косенкову приказано было забрать ключи у жившего в городе заведующего складом боепитания. Шофер Кубасов направлялся в парк за машиной, которую надлежало подать к штабу. Рядовой Константин Синельников получил приказ заправить бензином прибывшие на склад машины. Мне лейтенант приказал вернуть в укрытие вышедшую на площадь танкетку. Это был первый для меня боевой приказ. Окутанная клубами дыма и пыли, площадь простреливалась врагом. Повторив приказание лейтенанта, я отбежал несколько метров и, запутавшись в порванных проводах, упал. В трех-четыре шагах от меня разорвалась мина, а немного подальше — снаряд. Надо мной прожужжали осколки, посыпалась земля. Пополз по-пластунски. Не получилось. Невдалеке разорвалось еще несколько снарядов. Но приказ надо было выполнить. Быстро поднялся и побежал к намеченной цели. Над головой свистели пули, за спиной раздавался треск немецкого автомата. Из-за грохота рвущихся снарядов не было слышно рокота мотора, но голубоватый дымок, подымавшийся из глушителя, показывал, что мотор заведен и работает на малых оборотах. И действительно, экипаж оказался на месте. Я передал им приказание Акимочкина. Водитель тягача тотчас развернул машину, и,

набирая скорость, она скрылась за поворотом. Я поспешил в штаб.

Штаб располагался в левом крыле приземистого помещения, протянувшегося более чем на сто метров. Там собрались женщины и дети. Многие из них были полуодеты, в одном нательном белье. Здесь же, отдавая приказания, находились старший политрук Николай Нестерчук, младший лейтенант Хавер, старшина Застелло¹ и раненые бойцы.

Желая как-нибудь успокоить перепуганных женщин и плачущих от страха детишек, Нестерчук приказал настроить приемник на Москву, но нам довелось услышать только немецкие бравурные марши: берлинские станции работали на полную мощность. За первым маршем следовал другой, третий, четвертый... Потеряв терпение, я выключил приемник. Вокруг молча стояли бойцы, женщины и дети...

Вскоре немцы предприняли несколько атак. Многих наших убило, ранило, а оставшиеся в живых едва держались на ногах от огромного физического и нервного напряжения.

В перерыве между атаками мы все смотрели на раненого командира взвода младшего лейтенанта Шоряка, удивляясь его хладнокровию. Первые гитлеровские снаряды угодили в дом, где жила его семья. У него на глазах убило сына, безмятежно спавшего в своей кровати, и жену. Оставив их в полуразрушенной квартире, со слезами на глазах Шоряк поспешил на земляной вал. Помню, как, крепко сжав в руке пистолет, он бросился сквозь мелкий кустарник и репейник к немецкому автоматчику, спрятавшемуся в густой листве дерева. Меткий выстрел — и гитлеровец упал на землю.

Хуже всего чувствовали себя женщины и дети. Последние плакали и просили пить. Чтобы удовлетворить их желание, старший политрук приказал взломать пол и копать яму. Через 2—3 метра земля

¹ Старшина П. Н. Застелло — начальник обозно-вещевого снабжения 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона.

стала влажной. От радости у детей загорелись глаза. Взяв горсть земли и подставив левую ладонь, я медленно выжимал из нее воду, но попробовав первые капли, сплонул: вода оказалась горькой. Опечаленные этой неудачей, все вновь разошлись по углам. Рядом, всего в нескольких метрах, находился искусственный обводной канал, но там уже хозяйничали немецкие солдаты...

Во второй половине дня со стороны столовой слышались глухие удары. Постепенно стук усиливался, и стало ясно, что к нам, в помещение штаба, кто-то пробирается.

Затаив дыхание, мы ждали, когда в проломе выпадет последний кирпич. Удар, еще удар, еще... Сквозь образовавшуюся щель мы увидели родную, защитного цвета гимнастерку. Тотчас, словно по команде, все хором закричали: «Свои!» и дружно бросились выламывать оставшиеся кирпичи. Это Акимочкин прислал одного из бойцов.

Через этот проем, по указанию Нестерчука, я ушел на кухню для поисков пищи и воды. Кухня была разбита. На полу валялись картофель, хлеб, крупа, масло, сахар, смешанные с кусками битого стекла, кирпича и песка. Разыскав несколько кусочков чистого сахара, я принес его детям.

Большая часть тягачей, пушек, автомашин уже была уничтожена и повреждена первыми бомбами и снарядами. Находившиеся здесь командир второй батареи Каганович, политрук Костяков, лейтенант Новиков, водители машин Никифоров, Морозов, Иван Кирков, Федор Родин, Ларешин, Петр Филюков, Мочалов, Зимин, Александр Косенков, Валентин Мосин¹, Петр Бондарев, Андрей Питько, Иван Суббота, Кубасов, Александр Зайцев, Дмитрий Ерохин и еще несколько человек вели ружейно-пулеметный огонь по немецким пехотинцам, пытавшимся вторгнуться в наш парк через земляной вал с север-

¹ Младший сержант, член ВЛКСМ В. Мосин — агитатор одного из подразделений 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона.

ной стороны. Сломить сопротивление артиллеристов гитлеровцам так и не довелось.

Не прошло и часа, как в воздухе послышались резкие пронзительные свисты, а затем огненные вспышки и глухие взрывы. На защитников посыпались осколки разорвавшихся бомб, глыбы земли, обломки из-под разбитых машин. Воздушной волной отбросило в сторону контуженного Питько. Убило Колесникова, ранило Новикова. В луже крови лежал комбат Каганович. Он стонал и просил пристрелить его, чтобы не быть лишней обузой для оборонявшихся. Глядя на мучившегося командира, которому перевязывали нательными рубашками распоротый осколком живот, невольно сжималось сердце и, хотя никто не произнес вслух ни слова, но у каждого из нас kloкотало в груди чувство мести к врагу.

Собрав несколько уцелевших тягачей и прицепив пушки, начальник штаба Акимочкин приказал выгрузить из склада боепитания снаряды. Подойти к складу было очень трудно, так как враг держал этот участок под сильным минометным огнем. Павел Головинский и Мочалов взялись взломать замок в складе боепитания.

Быстро погрузив снаряды в машины, шесть тягачей проскочили Кобринские ворота и, набирая скорость, поехали на Московскую улицу. По шоссе двигались большие колонны войск противника. Немецкая артиллерия открыла по нашим тягачам огонь. В неравном бою были убиты водители первых тягачей Кирков и Родин. Четыре тягача вынуждены были развернуться обратно в крепость.

Замаскировав машины в кустах, Акимочкин с бойцами пробрался в мастерскую, где были раненые, женщины и дети. Вслед за ними вбежал боец Хапунов и доложил: «Товарищ лейтенант, в районе второй батареи много немцев».

— За мной! — скомандовал Акимочкин и поспешно вышел.

Мы подпустили фашистов. Заработали русские трехлинейки. Добрая половина захватчиков попала, а другие бросились назад.

Через несколько минут враг, удвоив численность атакующих, стал вновь наступать. Теперь гитлеровцы уже шли двумя широкими цепями.

По всем казармам пронеслась громкая команда Акимочкина: «По вражеской колонне — огонь!» Часть «завоевателей», как подкошенные снопы, свалились на землю, остальные бросились наутек.

Собрав всех артиллеристов в группу, Акимочкин сказал: «Товарищи! Нам, малочисленной группе, удалось отразить две немецкие атаки, но надо полагать, что они не последние. Их будет, очевидно, много, и мы должны быть готовы к продолжительной борьбе».

Акимочкин приказал одному из бойцов бежать в парк к водителю Зайцеву, чтобы тот немедленно доставил пушку ко второй батарее. Прошло несколько минут, и орудие было у нас. Наводчик Василий Волокитин осмотрел пушку и навел ее на противника. Василий хотел зарядить пушку, но снарядов не оказалось. Скоро из-за угла снова показался тягач. Резко затормозив, водитель тягача комсомолец Александр Зайцев закричал: «Забирайте снаряды». Так совершал он рейсы от парка к нам и обратно. Александр прекрасно понимал, что от его оперативности зависит судьба товарищей, и рассчитывал каждую секунду времени. Гитлеровцам долго не удавалось подбить этот тягач, который ловко сновал среди рвущихся снарядов и мин.

Очередная атака... У орудия суетятся Волокитин и бойцы из расчета. Выстрел. На мгновение вражеская колонна останавливается, а затем с криками бросается на штурм, неистово паля из автоматов. Следующий снаряд разрывается в гуще зеленых мундиров. Сквозь дым и копоть видно, как вражеские молодчики откатываются назад...

Над крепостью часто кружили «юнкеры».

Временами сквозь грохот долетали непонятные и незнакомые крики, команды. Акимочкин, проверяя бойцов, залегших у оконных проемов, сказал:

— Крепитесь, артиллеристы, скоро должна подойти на помощь наша армия, и тогда будем бить

врага не только у себя. Нам первыми пришлось обогреть свою землю кровью, но придет день, когда и их кровь польется на их территории.

Гитлеровцы не успокаивались. Они прямой наводкой обстреливали бастионы. Показался танк. Акимочкин приказал Зайцеву выкатить сорокопятку. Огонь открыл орудийный расчет Волокитина. Во время этого неравного поединка, длившегося несколько минут, погиб лучший наводчик дивизиона, друг моего детства Василий Волокитин.

Видимо, израсходовав все снаряды, танк повернул назад, а в это время уже двигалась новая колонна гитлеровских автоматчиков. Они шли торжественно, свободно, с автоматами наперевес и только кое-кто из них, подойдя к бастиону, давал очереди из автомата. Идущий в середине офицер поднял руку вверх, и атака началась.

Бойцы с нетерпением ждали команды лейтенанта Акимочкина, но он почему-то медлил. Кажется, вот-вот немцы сомнут нас, но без команды никто не решался стрелять. Нервы наши были напряжены до предела: эти томительные секунды казались вечностью. Наконец, когда гитлеровцы были уже близко, команда Акимочкина: «Гранатами — огонь!» Послышались стоны и крики фашистов, часть их повернула обратно. Несколько минут мы приходили в себя от неравного боя, еще не веря в то, что нам удалось отстоять полуразрушенные казематы.

Когда солнце опустилось за горизонт, старший политрук Нестерчук принял решение соединиться с другими участками, оборонявшими крепость.

Мне дали задание разведать обстановку. Пробравшись через кирпичный проем в штабе, а затем через столовую и кухню, я дополз до второй батареи. Дальше шел земляной вал, находившийся под сильным огнем врага. Некоторое время я раздумывал, как поступить: возвращаться в штаб или перемахнуть через вал, как вдруг недалеко от меня разорвался снаряд. Я покатился кубарем вниз, сбивая руки, царапая лицо, и тут до меня донесся знакомый голос: «Кто это?» Через ми-

нута я уже докладывал обстановку лейтенанту Акимочкину.

Рассвет застал нас в помещении механической мастерской. Люди изнывали от жажды. Но никто не говорил об этом ни слова. Уж если нам тяжело, то каково было оставшимся с нами малышам и женщинам? Глядя на них, притихших от пережитых за день тяжких страданий, разрывалось сердце, закипала от гнева кровь.

Через несколько минут в механическую мастерскую пришел с группой старший политрук Н. В. Нестерчук.

Поздоровавшись за руку с лейтенантом Акимочкиным, он спросил: «Где командир дивизиона Никитин?»

Пожав плечами, Акимочкин ответил:

— Точно сказать я не могу: одни бойцы говорят, что он прорвался на тягаче в город, другие же утверждают, что его машину разбили фашисты и он погиб.

Нестерчук приказал Стогнию, Кубасову, Стоценко и мне пойти на склад боепитания, обеспечить орудия снарядами; а Антоненко, Мосин, Головинский, Бондарев, Корнев должны были занять оборону у ворот.

С восходом солнца вражеская пехота вновь начала свое вторжение. Широким фронтом шли они по обе стороны дороги.

Командир орудия Косенков ждал, пока враги сойдутся вместе, затем подал команду. Черный густой дым высоко взметнулся к небу. Снаряд угодил в середину атакующих. Гитлеровцы бросились наутек, но тут заработали наши пулеметы и винтовки, преследуя противника. А из-за вала, с северной стороны, небольшими перебежками от куста к кусту уже тянулась другая колонна вражеских автоматчиков. Артиллеристы, находившиеся у орудия, увлеклись и не сразу заметили врагов. Немцы открыли огонь. Замертво упал наводчик. Был тяжело ранен Косенков, но не обращая внимания на это, быстро развернул орудие и послал в гитлеровцев снаряд.

Старший политрук Нестерчук, видя, что одно орудие с ранеными стрелками не в состоянии будет противостоять вражеским атакам, приказал связаться с Акимочкиным.

Акимочкина я застал за пулеметом в воронке от снаряда. Выслушав меня, он подозвал лейтенанта Новикова и младшего командира Мамочкина, приказал им выделить трех бойцов, забрать в артиллерийском парке уцелевшее орудие и направиться к нам на вал.

Заканчивался второй суровый день. Наступило некоторое затишье.

Вернувшись в отсек, куда должен был вскоре прийти и лейтенант Акимочкин, я застал там группу бойцов. Они аккуратно выворачивали свои карманы, вытряхивали оставшуюся в них пыль от мажорки. Скрутили сигарку. Она переходила из рук в руки по кругу. Здесь же находился и Нестерчук, который давал какие-то распоряжения шоферу Кубасову. Вид у него был усталый, глаза воспалены.

Но вот появился Акимочкин вместе с группой своих бойцов.

Отойдя немного в сторону, Акимочкин и Нестерчук о чем-то между собой поговорили, и Нестерчук охрипшим голосом сказал: «Сейчас мы разобьемся на две группы: одна пойдет со мной, другая — с лейтенантом Акимочкиным. Будем выходить из крепости. Местом встречи назначаю окраину города у бойни»¹. Обнявшись, Нестерчук и Акимочкин вышли из отсека мастерской. Бойцы начали расходиться в разные стороны. Я попал в группу Акимочкина, куда входил также Мосин, Кубасов, Ахмед Алиев, Корнев, Ширяев, старшина третьей батареи Воробьев, водитель тягача Морозов. Мы направились вдоль земляного вала, на север, а группа Нестерчука — по дорожным кюветам к мосту.

Растянувшись редкой цепочкой, мы медленно двигались от куста к кусту, от воронки к воронке.

¹ Здесь проходил маршрут дивизиона в район сосредоточения по боевой тревоге.

То ползком, то замирали, прижавшись к земле, за-
таив дыхание.

Преодолев метров 150, наткнулись на сваленное
снарядами дерево, которое, к нашему счастью, про-
легло над водяным рвом с одного берега на другой.
Акимочкин приостановился и подождал подходи-
вших бойцов. Когда все были в сборе, он еще раз
предупредил нас об осторожности. Разводя по сто-
ронам густые ветви кустарника, лейтенант достиг
берега и спрятался в зарослях. Следующим стал пе-
ребираться по бревну Ширяев, за ним я.

Дойдя почти до самого берега, Ширяев неочи-
данно поскользнулся и полетел вниз, в воду. Затре-
щали ломавшиеся под тяжестью его тела сучья, раз-
дался всплеск; от боли он застонал. И... сразу же
в нескольких метрах от нас затарахтел вражеский
автомат, забегали немецкие солдаты, а в воздухе
запыркали лучи прожекторов. Ширяева и Акимоч-
кина с трех сторон начали осаждают фашисты. Мы
все замерли. Но Акимочкин не растерялся. Отстре-
ливаясь, он шаг за шагом отходил назад. Мы не
замедлили открыть стрельбу. Упал и застонал Али-
ев. К нему подбежал Ширяев, уже перебравшийся
к нам, и, взвалив его на спину, потащил в укрытие
за угол вала. Надо было уходить, тем более, что
время близилось к рассвету.

Через некоторое время вернулся раненый Нестер-
чук с группой. Бойцы едва передвигались от уста-
лости. Из группы Нестерчука вернулись только он
да еще четыре раненых бойца. Проснувшиеся от
шума дети начали плакать и вместе с ранеными
просили пить. Надо было что-то предпринимать.

Третий раз, обвешанный флягами и котелками,
я возвращался к раненым, которые давно томились
от непомерной жажды. У входа меня остановил
старший политрук Нестерчук. Он взял у меня пару
котелков для тяжелораненых, а остальную воду ве-
лел отнести в правый отсек и там раздать защит-
никам.

В помещении меня охватил ужас. В нос ударил
запах испарений. На полу в лужах крови лежали

бойцы, женщины и дети. Часть из них была перевязана различным тряпьем, лоскутами. Некоторые так ослабели, что не могли двигаться.

С моим приходом раненые оживились. Кто-то вслух сказал: «Смотрите, Николай пришел». Но у меня были только три фляги. Кому отдать их — я не знал. Тогда лейтенант Акимочкин сам начал раздавать воду.

Не успел я выйти из казармы, как недалеко от себя заметил немецкого офицера. Он выскочил из-за бронемашин и метнулся с гранатой в руке к левому отсеку. На мгновение я растерялся, но затем нагнулся, бесшумно положил на землю фляги, не вставая, прицелился и, затаив дыхание, спокойно потянул на себя спусковой крючок — офицер упал на землю.

Одновременно за спиной у меня раздался взрыв, крики. На крыше казарм боепитания лежал пулеметчик Чишихин. Он был несколько раз ранен, но не покидал своего поста.

Вдруг его пулемет заело. Гитлеровцы воспользовались этим и забросали бойца гранатами. Чишихин был смертельно ранен. Четыре гитлеровца подошли к нему, выстрелили, а затем, ткнув его ногой и удивившись, что пулеметчик мертв, направились к правому отсеку и начали забрасывать его гранатами. Некоторые бойцы поспешили выскочить из отсека, но немцы открыли огонь. Часть красноармейцев повернула назад. Не отползли они и десятка шагов, как сзади них оказались автоматчики. Раздалась команда: «Руки вверх!». Морозов, Зайцев и другие товарищи попали в плен.

Некоторые из бойцов, следуя за Акимочкиным, обогнали меня, перебежали в левый отсек ворот. За ними последовал я и доложил Нестерчуку о том, что видел. Акимочкин попросил осмотреть карманы убитого мной немецкого офицера и принести содержимое.

Узнав о том, что гитлеровцам удалось ворваться в наше расположение, Нестерчук принял решение: направиться на вал и выбить врага с занятых

им позиций. Несмотря на усталость, на напряженную обстановку, значительные потери в технике и живой силе, безуспешные попытки вырваться из плотного вражеского кольца и бессонные ночи, лейтенант Акимочкин был бодр и всячески старался поддержать дух защитников. Если он замечал у кого-нибудь уныние, то подходил, начинал разговаривать и рассеивал плохое настроение.

Подбирая раненых, мы заметили, что за складом боепитания на Северном валу фашисты заставили военнопленных вкопать столб, подвести к нему провода и, установив громкоговоритель, начали транслировать песни: «Катюша», «На сопках Маньчжурии» и другие. Несколько часов с перерывами передавали они хорошо знакомую нам музыку, надеясь, очевидно, деморализовать этим наших бойцов. Но бойцы еще крепче сжимали в своих руках винтовки и ожесточеннее разили врага. Помню, один из наших бойцов нашел небольшое древко, привязал к нему окровавленную тряпку и укрепил этот импровизированный флаг.

Положение становилось с каждым днем все труднее и труднее. Час казался годом, а день — десятилетием.

Шли пятые сутки. Из бойцов, посланных в штаб дивизии, никто не вернулся. Неоднократные попытки выйти за пределы крепости тоже не принесли желаемого результата. Батареи радиоприемника давно разрядились — мы были оторваны от внешнего мира. Разговаривать старались меньше. Берегли силы. Короткая летняя ночь кончалась. А на заре более двух часов бушевал огненный смерч.

Кто был на фронте, тот хорошо знает, о чем думают даже самые храбрые солдаты во время яростного обстрела. Кажется, что каждый летящий снаряд разорвется не иначе как над твоей головой.

Когда обстрел утих, Акимочкин, словно и не был с нами, весело улыбнулся и сказал:

— Ну что же, артиллеристы, еще один налет выдержали? Молодцы. Так стоять надо и дальше.

— Постоим, товарищ лейтенант,— ответили бойцы,— только бы патронов да снарядов побольше...

С боеприпасами перебивались кое-как. Когда солнце поднялось высоко, гитлеровцы вновь предъявили ультиматум. Михаил Дубинин, воспользовавшись затишьем, принес откуда-то около десятка копченых лещей и стал раздавать их. Нестерчук просил всех воздержаться от еды. Мы хорошо понимали, что от соленой рыбы появится сильная жажда, а достать воды не было возможности. Но уж очень велик был соблазн — несколько суток люди не имели ни крошки во рту. Эту рыбу мы все-таки съели, хотя потом действительно мучились от неимоверной жажды...

Время ультиматума истекало. Над крепостью закружили немецкие стервятники, сбрасывая бомбы. Они летали невысоко, и бойцы, укравшись в развалинах казарм, открыли по ним огонь. Вскоре в небе вспыхнул большой столб огня: загоревшийся «юнкерс», ковыляя в воздухе, камнем полетел вниз. Воодушевленные бойцы усилили стрельбу из винтовок. Еще не прекратилась бомбежка, а из домов комсостава, расположенных в центре Северного острова, бежали люди, ища себе убежища. Потеряв мать и брата Клина, к нам прибежала четырнадцатилетняя Лида Нестерчук. Как раз в это время в отселе находился ее отец.

Увидев дочь, Нестерчук от неожиданности замер на месте, а Лида, бросившись к нему на шею, крепко обняла его своими ручонками и плача начала целовать обросшее щетиной лицо. Молча стояли бойцы...

По стрельбе в расположении второй батареи мы поняли, что немцы осаждают горсточку защитников. Нужно было спешить им на помощь. Немцы были настолько увлечены, что сразу не заметили нас. Нестерчук скомандовал: «Огонь!» — раздались выстрелы. Уцелевшие гитлеровцы бросились назад. Артиллеристы, напрягая последние усилия, опрокидывали врага. И вдруг совершенно неожиданно слышалось знакомое «ура». Это Шоряк, Лорешин

и еще трое бойцов вышли из засады и обрушили с тыла свои штывки и приклады на врага. Человек двадцать откормленных гитлеровцев нашли свою гибель на развалинах второй батареи.

Пока бойцы подбирали трофеи, Нестерчук склонился над картой, взятой у немецкого офицера. Вокруг него стояли бойцы, собравшие гранаты, винтовки, патроны, немного мармеладу, галет и табаку. Но это ничтожное количество продовольствия лишь чуть-чуть подкрепило силы.

Младший лейтенант Шоряк все время смотрел на Нестерчука и не знал, как отблагодарить его за спасение. Ведь у них уже не было ни единого патрона. Последнюю гранату он бросил, как только гитлеровцы ворвались в помещение. В самих казармах отбивались только кирпичом, чтобы выиграть время. И действительно они его выиграли. Бойцы Нестерчука подоспели вовремя.

Старший политрук Нестерчук предложил тяжелораненым перебраться с ним обратно к Восточным воротам. Но раненые предпочли не покидать казарм, которые были для них родным домом. «Мы решили, товарищ старший политрук, сражаться до последнего патрона, до последнего вздоха», — сказал водитель тягача Лорешин.

Оставшаяся в помещении Лида Нестерчук с минуты на минуту ждала отца и сожалела, что не ушла с ним. Но вот открылась дверь и неожиданно появился отец. Лида бросилась к нему, он вынул из кармана пару маленьких галет и отдал дочери.

Бойцы с лейтенантом Акимочкиным после отражения немецких атак попали под минометный обстрел. Акимочкин приказал залечь в свежих воронках. Внезапно сзади к ним подкрались немецкие солдаты, один из которых начал вслух считать убитых. Другой громко крикнул: «Рус, капут». Бойцы разом вскочили и, не дожидаясь команды, с криком: «ура!» бросились на остолбеневших гитлеровцев. Трое из них, стоявшие сбоку, заметили Акимочкина и бросились к нему, желая схватить его.

В воздухе взметнулась рука лейтенанта, в которой был сжат пистолет, но выстрела не последовало: патроны были израсходованы. Тогда Акимочкин шагнул вперед и с размаху ударил гитлеровца рукояткой пистолета. В это время подоспели Поросенков и Стогний, ударами прикладов они заставили гитлеровцев бросить винтовки. Жизнь боевого командира была спасена.

Находившиеся в отсеке женщины забеспокоились и начали собираться в угол вокруг Елизаветы Сергеевны Костяковой, жены политрука. Ей стало плохо, она потеряла сознание. Женщины предполагали, что у нее преждевременные роды. Но оказалось, что она не имела несколько дней во рту ни крошки хлеба, ни капли воды и, кроме того, узнала, что ее муж, политрук 3-й батареи Костяков, убит на валу в штыковой схватке. Глядя на эту несчастную женщину, я решил сделать еще одну вылазку в полуразрушенные дома комсостава, чтобы поискать продовольствия.

Вместе с бойцом Корневым мы тронулись в путь и наконец достигли двухэтажного дома, похожего на обезображенный скелет. Подходить близко к нему было опасно, так как его стены были полуразрушены. Свернув немного в сторону, увидели в кустах машину нашего дивизиона. В ней кто-то копошился. Но кто? Взяв на боевой взвод винтовки, мы осторожно подошли. Внезапно Корнев громко крикнул: «Руки вверх!» Гитлеровец быстро обернулся и не целясь выстрелил из пистолета. Пули просвистели между нашими головами. Мы ответили тем же. Фриц, собиравший в сумку трофеи, захваченные в крепости, замертво растянулся возле кабины. Его вещевой мешок был набит нижним бельем, женским платьем, а на сиденье лежали консервы. Корнев взял пистолет, мешок, а я забрал консервы, и довольные трофеями мы направились обратно.

В помещении мы открыли банку гороховых консервов и в первую очередь я подал ее Костяковой, а остальное разделил среди раненых и детей. В углу на досках сидел Нестерчук с дочерью и,

внимательно глядя ей в глаза, говорил что-то ласковое, сердечное. А Лида прижалась к его жесткой, обросшей щеке и, слушая рассказ, незаметно уснула. Вскоре и самого Нестерчука одолел сон. Бойцы говорили шепотом, ходили осторожно, боясь разбудить командира. Впервые за несколько суток решили отдохнуть и артиллеристы; только дежурные не смыкали глаз, зорко охраняя подступы.

Сравнительно тихая летняя ночь продолжалась недолго. С наступлением рассвета все началось вновь.

Заметив на столбе по ту сторону обводного канала немецкого связиста, решили уничтожить его. Водитель тягача Павел Головинский, Моисеенко и орудийный мастер Иван Хабаров ушли на выполнение боевого задания. Вернувшийся Головинский рассказал, что с ними произошло.

Подкравшись к гитлеровцу, Головинский выстрелил из карабина, и тот камнем полетел вниз. Немецкая радиотелефонная связь была нарушена. Возвращаясь обратно, Хабаров заметил, что к ним приближается замаскированная немецкая бронемашина. Вступили с ней в бой и подбили ее. Бойцы поспешили к подбитой бронемашине, чтобы захватить вооружение, но на земляном валу показались немецкие автоматчики. Завязалась перестрелка. Ранен был Иван Хабаров. Враги осаждали тройку смельчаков. Вокруг артиллеристов рвались гранаты, свистели пули, но они продолжали упорно обороняться. Из двенадцати немецких автоматчиков осталось семь. Сраженный насмерть, упал Моисеенко. Тогда Хабаров, не теряя времени, схватил его карабин, но вражеская пуля опередила его. Орудийный мастер Хабаров был убит. Против трех озверевших фашистов остался один Головинский. Прижав плотнее к плечу карабин, он нажал на спусковой крючок. Корчась от боли, ткнулся лицом в землю здоровенный гитлеровец. Двое других, видимо сообразив, что из 12 остались только они одни, начали осматриваться. Павел не медля прицелился, раздался выстрел — еще один немец повалился навзничь.

Последний гитлеровец бросился бежать и скрылся за валом.

Переведа дух, еще не веря, что он остался жив, Павел смахнул с лица рукавом гимнастерки пыль и пот, поднял Хабарова и перетащил его в конюшню. Затем перенес туда же Моисеенко и похоронил обоих.

В отсеках у Восточных ворот собралось много раненых, женщин, детей. Когда положение стало угрожающим, Нестерчук предложил женщинам сдаться в плен ради спасения детей. Многие не смогли удержаться от слез. Заплакала и Лида Нестерчук. Она просила отца оставить ее, но Нестерчук был неумолим. «В моем пистолете, — сказал он, — осталось только два патрона. Один из них пущу по врагу, а другой оставлю себе, на родную дочь у меня не поднимется рука. Пусть она уходит вместе со всеми».

Лида бросилась к отцу на шею и зарыдала. Женщины и дети ушли.

В один из дней второй недели гитлеровцы продолжали осаждать артиллеристов, засевших в казармах второй батареи. В тягаче Лорешина оставалось еще немного патронов, и он метким пулеметным огнем встретил противника, подпустив его на близкое расстояние. Несколько десятков вражеских пехотинцев было уничтожено. В Лорешина полетели немецкие гранаты. Его пулемет замолчал. Но вот приоткрылся люк, рука метнула гранату. Еще несколько фашистов нашли себе могилу. «Патроны нужны», — кричал Лорешин и стал выбирать наружу. В это время в тягач угодил снаряд. Его окутало черным облаком дыма. За смерть Лорешина — своего боевого товарища — бойцы группы Шоряка и Хавера открыли по врагу огонь.

Положение было крайне тяжелым: сильно ощущался недостаток боеприпасов, не было воды, пищи. Над крепостной территорией стоял тяжелый запах разлагающихся трупов, гари. Наш маленький красный флаг гитлеровцы несколько раз пытались сбить. Однако находились смельчаки, которые подползали

к нему и вновь устанавливали на старое место. Весь изорванный осколками, он вдохновлял нас, живущих в кипящем котле, на борьбу.

В ожесточенных неравных схватках мы потеряли счет часам и дням. Как-то днем гитлеровцы предприняли на нашем участке наступление. Им удалось прорваться почти к самому зданию, в котором засели мы. Теперь они могли забрасывать нас гранатами, в упор расстреливать из пулеметов. Спасали только толстые стены. Нестерчук приказал одному из бойцов собрать сохранившиеся документы. Он первый вынул из кармана партийный билет и передал его. А за ним стали передавать и другие. Документы обернули солдатской гимнастеркой, уложили в ведро и закопали в яме посредине одного из отсеков у Восточных ворот.

Гитлеровцы подошли почти вплотную. Уже ранены Мосин, Кубасов, Бондарев.

Тогда оставшиеся с криками: «ура» вслед за Нестерчуком и Акимочкиным бросились на врага врукопашную. Со стоном упал на землю раненый Воробьев. Сильный взрыв оглушил меня. В моей винтовке оставались последние четыре патрона. Лежа на земле, я взял на прицел одного фашиста, затем другого и только начал целиться в третьего, как вдруг ощутил сильный удар по спине. Выпала из рук винтовка. Около меня на земле волчком вертелась неразорвавшаяся граната. Я еще не успел осознать происходящего, как ее быстро-быстро схватил лежавший рядом Акимочкин и метнул в подбегающих фашистов. Я сделал еще два последних выстрела. С силой нажимал на курок пистолета Акимочкин, но пистолет не стрелял — иссякли патроны.

Было ясно, что с нашими силами отогнать гитлеровцев не удастся. Акимочкин приказал отходить. Влево от меня лежал мертвый Нестерчук. Превозможная боль, я с помощью Акимочкина кое-как добрался до здания. Отыскав в углу каземата свободное место, мы, обдирая кожу рук о камни и стекла, вырыли яму и уложили в нее противогазную сумку со свернутым знаменем своего дивизиона.

В это время группа гитлеровцев уже ворвалась в помещение. Завязалась последняя рукопашная схватка. Немцы шаг за шагом загнали нас в угол. Старшина-танкист с Центрального острова вскричал: «Прощай, мама. Отомстите за меня!» — и, широко открыв рот, выстрелил. Еще несколько человек, кто успел, застрелились. В рукопашной схватке был убит гитлеровцами замполитрука Ширяев. Нас же они окружили и стали зверски избивать прикладами. Потом, подталкивая штыками, вывели на площадь, где уже стояло несколько десятков обезоруженных пленных. Вместе со мной были Акимочкин, лейтенант Герасимов, Кубасов и другие мои товарищи. Грязные, оборванные, с воспаленными глазами, впалыми, обросшими щеками, мы стояли молча, подавленные тем, что произошло. Вскоре гитлеровцы вывели из толпы военнопленных Акимочкина и, отведя его в сторону, на наших глазах расстреляли. При нем был найден партийный билет. Когда ему немцы показали партийный билет и спросили, признает ли он его, Акимочкин гордо поднял голову и, глядя немецкому офицеру прямо в глаза, сказал: «Да, это мой партийный билет».

Сердце обливалось кровью, когда мы шли по местам, где еще недавно занимались, отдыхали. Теперь они были до неузнаваемости обезображены войной. Но крепость жила: то тут, то там слышалась перестрелка. Гарнизон с честью нес выпавшие на его долю суровые испытания.

НИКИТИНА-АРШИНОВА АНАСТАСИЯ АНТОНОВНА, 12 дней находилась в осажденной крепости. Затем сражалась с врагом в рядах партизан отряда Чернака, Брестского соединения.

В настоящее время живет и работает в городе Бресте.

Самоотверженность

Жили мы в расположении дивизиона. Когда начался обстрел крепости, я с двумя детьми сразу же побежала в красноармейскую казарму. Снаряды ложились по всем главным объектам крепости. Из казармы я направилась в штаб, так как лейтенант Чесноков¹ дал во дворе команду собратся всем именно туда. Помню, что капитан Никитин приказал погрузить на одну машину секретные документы, на другую — снаряды и выводить часть из крепости. Перед штабом стояли 4 орудия, которые вели огонь по врагу. Когда появились фашистские самолеты, находившаяся рядом зенитная батарея тоже открыла огонь. У знамени части был поставлен рядовой Соколов.

Некоторые орудийные расчеты целиком погибли от прямого попадания снарядов. Начальник штаба дивизиона лейтенант Акимочкин попросил женщин оказать помощь раненым. Утром киномеханик установил радиоприемник, и в 12 часов все мы слушали заявление Советского правительства. Оно воодушевило нас, придало нам еще больше силы, энергии.

Штаб располагался в земляном валу. Знаю, что уже в первый день войны в валу были вырыты око-

¹ Лейтенант В. С. Чесноков — заместитель командира батареи 98-го Отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона. Ныне живет и работает в г. Орле.

пы и расставлены пулеметы. Основные удары фашисты наносили со стороны железнодорожного моста. Пулеметчики вели сильный огонь и не давали возможности фашистам подойти со стороны Волынского укрепления. Ночь прошла в ожесточенных боях.

На второй день утром к нам в штаб приполз раненый заместитель командира дивизиона по политчасти старший политрук Нестерчук. Он возглавил оборону. «Крепитесь,— сказал Нестерчук нам,— скоро подойдет помощь. Ночью мы постараемся всех женщин, детей и раненых красноармейцев забрать ближе к себе». И ушел на огневой рубеж.

Примерно на 4-й день в штаб прибежал один красноармеец, который рассказал, что целый батальон одного из полков пытался перебраться через Мухавец на нашу сторону, но многие погибли в реке под обстрелом фашистов¹.

Нестерчук, Акимочкин и Лавриков — заместитель по строевой части командира дивизиона, сражавшиеся у Восточных ворот, решили, что надо забрать нас, женщин и детей, из штаба к себе. К нам пришел посыльный и объявил, что когда мы услышим две пулеметные очереди, чтобы немедленно двинулись к ним. Фашисты помешали нам это сделать: они осветили крепость и начали сильный обстрел. Мы вынуждены были остаться на старом месте. После этого Нестерчук дважды посылал людей с продуктами к нам, но оба раза люди погибали. Только на третий раз двум красноармейцам удалось доставить продукты. Они рассказали нам, что у Восточных ворот, где командовал Нестерчук, тракторист-водитель Зайцев в течение всех дней подвозил на гусеничном тракторе патроны и снаряды. Фашисты дважды подбивали его тягач, но он быстро ремонтировал его и вновь выполнял это важное боевое задание. Только благодаря Зайцеву обороняющиеся у Восточных ворот имели в достаточном количестве

¹ Очевидно, имеется в виду попытка прорыва из Цитадели 26/VI 1941 г. в районе Брестских ворот.

боеприпасы (склад с боеприпасами находился от Восточных ворот метрах всего лишь в 250, но это расстояние фашисты сильно обстреливали).

Дни проходили в непрерывных боях. Бойцы, которые принесли нам продукты, пытались принести воду для детей из реки Мухавец, но не смогли. Тогда они начали прямо в штабе пробивать цементный пол и рыть колодец. Воду достали, но она оказалась очень грязной.

Секретарь комсомольского бюро дивизиона заместитель политрука Деревянко с первого дня засел с пулеметом в валу над штабом и вел меткий огонь по фашистам. Числа 28 июня группа фашистов пыталась прорваться к штабу со стороны жилых домов, но все они были расстреляны огнем пулемета Деревянко. Это мы видели из окна. И только 4 или 5 июля, когда замолк пулемет, фашисты сумели ворваться в помещение штаба.

Они подожгли гараж, в котором находились раненные. Двух солдат, которые были вместе с нами, расстреляли. Нас же взяли в плен и повели в Тересполь. Всего в крепости я пробыла 12 дней.

КОЛОМИЕЦ ЯКОВ ИВАНОВИЧ, лейтенант, командир минометной батареи 125-го стрелкового полка.

Сражался в Восточном форту Кобринского укрепления до 29 июня 1941 года. Находился в лагерях военнопленных: Бяла-Подляска, Дрезден, Санднес (Южная Норвегия). Из фашистских лагерей совершил два неудачных побега. Освобожден 29 апреля 1945 года. Член КПСС. Награжден орденом Отечественной войны I степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В настоящее время Я. И. Коломиец работает в г. п. Жабинка, Брестской области.

Незабываемые дни

В 1939 году я участвовал в освобождении Западной Белоруссии от ига польских помещиков и капиталистов. Не забудутся веселые лица людей.

Но фашистские разбойники и варвары воровски напали на нас, нарушили нашу спокойную, счастливую жизнь.

...На первый взгляд казалось, что нет ничего живого в Брестской крепости: все было охвачено гулом взрывов, пожаром, дымом, копотью. Так началась война. Жил я тогда в домах комсостава, недалеко от расположения части. Полураздетый, с наганом в руке, через развалины, огонь я ползком добрался в помещение штаба полка, которое уже частично было разрушено; здесь находились раненый в плечо дежурный по полку, истекающий кровью начальник караула. Распоряжения или приказа я получить не смог, так как командира полка и начальника штаба на месте не оказалось. Дежурный мне сказал, что надо выводить людей к месту сосредоточения подразделений по боевой тревоге. Мы попытались пробраться к валу у Северных ворот, но путь нам преградил артиллерийский огонь. Мы видели, как бойцы минометной батареи стремились добраться до парка, где стояли минометы и артиллерия полка, но почти все погибли.

Нужно было принимать самостоятельное решение. Вместе с 16 бойцами, среди которых были ране-

ные и невооруженные, мы начали продвигаться к уже разрушенному зданию санчасти 125-го стрелкового полка. Через некоторое время попали в Восточный форт. В пути к нам присоединилось еще 10 бойцов и 2 командира. Оборону заняли на валах, предполагая, что противник после артиллерийской подготовки и бомбардировки приложит все усилия к тому, чтобы занять крепость.

Мы не ошиблись. Часа через два артиллерийская подготовка прекратилась, заработали наши пулеметы на самой границе.

За короткое время при участии двух сержантов мы окопались на валах, обнаружили склад с боеприпасами. Взяли ручной пулемет, винтовки, а также один четырехствольный зенитный пулемет, который был немедленно установлен во втором этаже внутреннего двора Восточного форта. На мой вопрос: «Кто может метко стрелять из пулемета?» ответил раненный в голову пограничник: «Я буду бить фашистов до последнего патрона». Ленты наполнили патронами, поделили связки гранат. Группа бойцов до 70 человек в основном была вооружена винтовками, и только с правого фланга стояли два зенитных орудия. Передовые отряды противника начали прорываться с северо-западной части Кобринского укрепления. К Восточному форту направилось три немецких танка с автоматчиками. Танки были уничтожены. Атаку отбили. Автоматы и пулеметы врага стали нашими первыми трофеями, ибо пулеметов у нас было совсем мало, а винтовок и автоматов не хватало.

Примерно в первом часу дня к нам в Восточный форт прибыл командир 44-го стрелкового полка майор Гаврилов. Он объединил все мелкие подразделения в сводную группу Восточного форта. Собрал командный состав, провел совещание и призвал сражаться до последнего дыхания. Началась более организованная оборона. Назначили командиров взводов, командиров отделений. Форт был разделен на оборонительные пункты. Со штабом обороны форта была налажена телефонная связь, уста-

новили радио. Ответственность за оказание помощи раненым возлагалась на военфельдшера Раису Абакумову¹. Нужно было заботиться о детях и женщинах, которые попали в Восточный форт. В дни боев женщины оказывали раненым большую помощь, делили с нами все невзгоды.

В боях я потерял половину личного состава взвода, но атаки отбивались с большими потерями и для немцев.

В первый день обороны стало очевидно, что силы гитлеровских войск превосходят наши. Необходимо было связаться со своими и просить помощи.

Ночью 23 июня 1941 года я получил приказ от майора Гаврилова установить связь с подразделениями, обороняющимися в Центральной части крепости.

С десятью подобранными опытными бойцами мне удалось прорваться в район комсоставских домов, и через развалины мы пробрались в уцелевшее здание, но там оказались немцы. Произошла рукопашная схватка. В ход были пущены гранаты. Гитлеровцы были уничтожены. Однако нам стало ясно, что добраться до Цитадели невозможно.

С большим трудом, потеряв несколько бойцов, я возвратился и доложил обстановку. Майор Гаврилов сказал, что будем готовить прорыв, не ожидая помощи.

Неутихающие бои продолжались на следующий день. Временами артиллерийским расчетам, засевшим на валах форта, приходилось уходить в подвалы. Зенитные орудия вышли из строя. Бойцы-артиллеристы героически погибли.

Стал привычным беспрерывный треск нашего зенитного и ручных пулеметов, одиночные выстрелы винтовок. Рвались немецкие мины и снаряды, тяжело стонали раненые. Штаб разрабатывал план прорыва и выхода из окружения. Предполагалось уйти в белорусские леса.

¹ Военфельдшер Р. И. Абакумова — операционная сестра 95-го медико-санитарного батальона. В настоящее время живет и работает в г. Орле. Награждена орденом Красного Знамени.

В этот день лейтенант с группой бойцов при поддержке моего оборонительного пункта прорвался в немецкое расположение и оттуда притащил живого языка. Фамилии лейтенанта не знаю, но помню, что он был ранен в плечо.

Вечером 25 июня по решению майора Гаврилова был организован прорыв, но он не имел успеха. Много бойцов погибло или получило ранение.

Мы попытались прокопать проход в юго-восточной части форта и выйти из окружения в ночное время, но не удалось; обвалы уничтожали то, что делалось. Положение было тяжелое: не хватало воды, продуктов питания, боеприпасов, на бинты рвали белье. Тревожило состояние детей, нужно было спасти их жизнь. Решили матерей с детьми вывести из форта, а самим продолжать сражаться. Разве забудешь прощание уходящих с остающимися! Это было примерно 28 июня.

Обстрел Восточного форта прекращался лишь в те моменты, когда гитлеровцы по радио передавали требование о капитуляции. Мы отвечали усиленным огнем. В это тяжелое время было проведено одно из партийных собраний, на котором многих отличившихся в боях бойцов приняли в ряды Коммунистической партии. На этом собрании стала коммунистом и Раиса Абакумова. Мы все дали клятву стоять насмерть. Когда несколько затихла перестрелка, к форту подошли два раненых оборванных бойца. Как оказалось, они попали к немцам в плен, и враг направил их к нам с предложением капитулировать. Бойцы просили дать им возможность стать в число защитников форта.

Бомбардировка с воздуха и минометная канонада сменялись ультиматумами. Враг применял и слезоточивые газы.

Но воля советского воина оставалась непоколебимой. Когда прекращался огонь, появлялись вражеские танки. Одному из танков удалось ворваться во внутренний двор, но он был подбит гранатой и загорелся. После этой неудачи гитлеровцы снова повторили артиллерийский налет и бомбежку.

Мой оборонительный пункт был разбит. Погибло немало бойцов, многие были контужены. Дважды ранило политрука Скрипника. Только прямое попадание авиабомбы заставило замолчать раненого пограничника, который день и ночь стоял у пулемета. Оставшиеся в живых переползли в подземелья. Измученных, раненых, полузасыпанных землей, нас схватили гитлеровцы. А бои в Брестской крепости продолжались...

Тяжело вспоминать минувшее, но мы обязаны это сделать, чтобы дети наши знали, чтобы люди активнее боролись за мир во всем мире.

ОФ МГОВК, оп. 125, д. 31, лл. 19—34.

МАКАРОВ ГРИГОРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, рядовой, ветеринарный фельдшер транспортной роты 333-го стрелкового полка.

Сражался в Восточном форту до 30 июня 1941 года. Находился в лагере военнопленных в Бяла-Подляска, за участие в подготовке побега был вывезен в штрафной лагерь Седлец (Польша). 9 июля 1943 года вместе с девятью товарищами организовал побег, освободив еще 21 человека. С августа 1943 года сражался в партизанском отряде имени Колупаева бригады «Советская Белоруссия» Брестского соединения.

В настоящее время живет и работает в городе Бресте. Награжден медалями «Партизану Отечественной войны», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

До последнего патрона

Наша транспортная рота и конюшня располагались в земляных валах так называемого Восточного форта. В первом валу располагались конюшня и склад боепитания полка. Во втором валу, меньшего размера — казарма транспортной роты и подразделения 393-го Отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. Слева от казарм находился склад зенитно-пулеметного подразделения.

Командиром транспортной роты был старший лейтенант Семен Марков¹, заместителем командира роты по политической части — младший политрук Лебедев, который сменил откомандированного за три месяца до начала войны Исаева. Старшиной роты являлся Носков, писарем — красноармеец Позднышев. В нашей роте служили Рогов, Юрков, Улктымбаев, Юсупов, Мищенко, Павлов, Грищенко и другие.

Командир роты и политрук в субботу уехали на выходной день к своим семьям в город Брест.

Наступало 22 июня 1941 года. Перед рассветом мне приснилось, будто очутился я на своей родине

¹ Командир роты лейтенант С. С. Марков сумел из города пробиться в крепость и войти в число сражавшихся в Восточном форту. В настоящее время работает на одном из заводов г. Горького. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Член КПСС.

в Весьегонском районе, Калининской области, в деревне Холмищи. Мне нужно срочно идти на партийное собрание, но, выйдя из хаты, я увидел сильную грозу. Проснувшись, я прежде всего увидел дневального по роте, который мирно дремал, сидя возле стола у входа в казарму. В первое мгновение мне показалось, что все это действительно только приснилось, но взрывы, звон разбитых стекол и влетевшие в казарму осколки бомб сразу сказали, что это война. Резким окриком дал дневальному команду: «Поднимай роту, война!»

Светало. Запрягли лошадей, чтобы выехать из крепости. Послышался гул самолетов противника. Они, заметив наш обоз, с высоты 200—300 метров открыли по нему огонь. Бойцы укрылись в казематах конюшни. Когда самолеты исчезли, мы вновь тронулись в путь, но гитлеровцы снова обстреляли нас с северо-западной стороны. Тогда, повернув обратно, мы распрягли лошадей и, поставив их в конюшню, решили пробиваться без них. Через несколько минут к нам примкнуло больше десятка женщин с детьми, которых привел старший лейтенант Бородич¹. Вместе с ними пришла и фельдшер Раиса Абакумова.

Вскоре подошли четыре пограничника и сообщили, что все ворота крепости ограждены пулеметами противника. Появился майор Гаврилов, который всех бойцов разбил по взводам, назначил командиров. Гаврилов и Касаткин организовали штаб. Было создано партийное бюро, в состав которого вошли политрук Скрипник, я и лейтенант, прибывший в крепость из пехотного училища за несколько дней до войны.

Когда Гаврилов назначал меня в партийное бюро, я ему сказал: «Я еще не получил партийного билета», но майор меня успокоил: «Будешь рабо-

¹ Лейтенант А. М. Бородич — командир пулеметной роты 333-го стрелкового полка. Ныне живет и работает в г. Кобрине, Брестской области. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

тать,— я тебя знаю». На третий день мы собрали партийное бюро. 15 человек были приняты в члены и кандидаты партии. На собрании посмертно приняли в партию красноармейца Улктымбаева, который был ранен в живот и перед смертью просил считать его коммунистом¹.

Примерно на 4—5 сутки мы пробили потолок, прокопали в земляном валу лаз. Но, когда первый разведчик вылезал на поверхность, в это место упала мина и взорвалась. Вход засыпало. Штаб принял решение держать оборону до прихода наших войск в полной надежде, что наши далеко не отступят.

Штаб обороны нашего форта и партбюро решили отправить женщин и детей с белым флагом в город. Военфельдшер Абакумова осталась с нами.

На седьмой день немцы забрасывали под двери и амбразуры гранаты с длинными деревянными ручками, начиненные ядовитыми слезоточивыми газами.

Из крайнего каземата бойцы пробили отверстие в склад боепитания, и благодаря этому мы смогли добыть еще несколько ящиков патронов и гранат. Примерно на восьмой день обороны немецкой бомбой склад был взорван. Долгое время горел он, взрывались снаряды и мины.

Партийное собрание проводили три раза. Последнее — 29 июня, особенно памятно: восемь человек приняли в ряды партии. Все мы поклялись сражаться до последнего биения сердца.

ОФ МГОБК, оп. 333, д. 79, лл. 16—21.

¹ В сентябре 1957 г. Г. С. Макаров указал место захоронения рядового Улктымбаева. Останки героя были с почестями похоронены на гарнизонном кладбище г. Вреста.

СУХОЛУЦКИЙ СЕМЕН МИРОНОВИЧ, рядовой
393-го Отдельного зенитного артиллерийского
дивизиона.

С 22 по 30 июня оборонял Восточный форт. Раненый и оглушенный попал в плен. Находился в лагерях для военнопленных близ Бялз-Подляски, затем в Бсзари в районе Ландау, а в апреле 1942 года перевезен в лагерь смерти Бухенвальд, где участвовал в работе подпольной организации. Бежал из лагеря в апреле 1945 г. В Судетской области добрался до наших войск. Служил в Советской Армии до 1946 года.

Ныне С. М. Сухолуцкий работает в одном из строительных трестов города Киева.

Рассказ рядового

В середине ноября 1940 года с группой солдат в 17 человек я был переведен в 393-й Отдельный зенитный артиллерийский дивизион. Командовал этим дивизионом капитан Туров¹, начальником штаба был старший лейтенант Овчинников², замполитом — политрук Воронин³.

Вскоре дивизион был пополнен новобранцами из Тамбова и Винницкой области. В марте 1941 года мы были переведены в Брестскую крепость, в так называемый Восточный форт (подковообразное укрепление слева от Центральных ворот крепости).

Вечером 18 июня мы ушли на тактические занятия, а 21 утром вернулись и весь день отдыхали. На 22 июня из командиров с нами остался один лейтенант Домиенко⁴.

¹ Капитан Г. С. Туров участвовал в боях в районе Бреста, затем на разных фронтах Великой Отечественной войны. Ныне полковник запаса, живет и работает в Латвийской ССР.

² Старший лейтенант М. Е. Овчинников участвовал в боях в районе Бреста и на разных фронтах войны. Ныне подполковник запаса. Живет и работает в г. Калинин. Член КПСС.

³ Политрук Г. И. Воронин — заместитель командира дивизиона по политической части.

⁴ Лейтенант А. Д. Домиенко — начальник связи 393-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона. Ныне живет и работает в г. Ленинграде.

Вспоминая начало войны, я не могу не отметить того факта, что мы, солдаты и сержанты, а в особенности «старослужащие, со стажем», которых в нашей части насчитывалось больше половины, не представляли себе, что кто-либо серьезно может на нас напасть. Это, я бы назвал, благодушие впоследствии нам очень дорого стоило, но ненавидеть врага по-настоящему мы научились только соприкоснувшись с ним вначале в крепости, а потом в плену.

Помню случай: нас захватили в плен и притащили в одно из помещений 125-го полка, фашисты окружили нас с автоматами и пулеметами и начали обыскивать. Один из них подошел к сидевшему рядом со мной красноармейцу Толмачеву и потребовал, чтобы тот снял и отдал ему звездочку с пилотки. Толмачев не понял, что требует от него немец, и замешкался. Тогда фашист стал издеваться над ним и тыкать автоматом в лицо. Понимая немного немецкий язык, я решил, что немец просил на память эту звезду. Я сказал об этом Толмачеву, но немец понял и набросился на меня с воплем: не думаю ли, дескать, я, что он тоже коммунист? С этими словами он вытащил из кармана целую горсть звездочек, ткнул мне их в лицо и прокричал, что это столько наших голов у него на счету. Эта история едва не стоила мне жизни, я чудом уцелел и только тут до конца понял, насколько мы были гуманны и мирны до начала войны.

Но вернемся к обороне Брестской крепости. Проснулись мы от первых залпов, но не представляли еще себе, что случилось. Одни кричали, что это гроза, другие — землетрясение, кто-то даже умудрился крикнуть, что Германия напала на Венгрию, но всех перекрыл голос старшины коммуниста Николая Павленко: «В ружье!» В 1943 году его замучили в Заксенгаузене.

Снаряды рвались перед окнами, на крыше. Появились первые раненые, загорелись матрацы, звенели разбитые окна. Старшина Павленко повел людей вниз, к выходу, но выйти мы не смогли, так

как во дворе бушевал ураган осколков и огня. Пришлось войти обратно в помещение и по команде Павленко занять оборону у окон и дверей нашей казармы. В этой вылазке вместе с другими погиб мой друг Вано Зедгенидзе, студент из Тбилиси, комсомолец. Он одним из первых вырвался из помещения, но тут же был убит.

Вскоре откуда-то прибежал старший лейтенант Шрамко, командир батареи. Он принял на себя командование в нашем подразделении и, проверив оборону, приказал связываться с другими частями и штабами. Телефонной связи, разумеется, не было. Наши рации «6 ПК» не были снабжены позывными, и мы долго не могли отважиться работать открытым текстом, памятуя, что это будет разглашением военной тайны.

Однако скоро кончилось питание у рации и она вообще прекратила свое существование. На второй день войны Шрамко приказал выпустить лошадей, так как они мешали держать оборону. Внизу, в конюшнях, расположились женщины и дети, а также бойцы и командиры, прибывшие из других частей.

Примерно в эти дни лейтенант Шрамко вывел своих огневики к орудиям. Наши две 76-мм зенитные пушки стояли с внешней стороны подковы, обращенной в сторону Мухавца, на катках, стволами в сторону комсоставских домов, которые уже заняли немцы. Вот на эти дома без каких-либо приборов, под ураганным огнем врага Шрамко со своими людьми обрушил залпы. Дома загорелись, оттуда побежали немцы. Но эта дуэль была коротка, как весенняя гроза. Скоро наши орудия были выведены из строя. Шрамко с частью своих людей побежал в укрытие. Во время этой перебежки на внутренней стороне подковообразного двора он был сражен пулей и упал замертво на виду у многих своих товарищей. Долго мы не могли убрать его труп. Фашистские пули и осколки дождем поливали вокруг него землю. Наконец дня через два одному из бойцов удалось привязать к трупу веревку и так втащить

его в укрытие. Здесь мы и предали земле нашего командира ¹.

После смерти Шрамко командование на нашем участке принял политрук-пехотинец, примкнувший к нам в первые дни войны (фамилии не знаю). Помню, что это был человек среднего роста, крепкий, энергичный, круглолицый и говорил нам, что сам он из потомственных донецких шахтеров. Вместе с ним пришел еще один лейтенант, был он собой смугл, высок. Говорил с заметным кавказским акцентом.

Помнится, к нам в укрытие прибежали еще двое: один был с пограничными петлицами, а о другом говорили, что он из пехоты. Имен их, конечно, не знаю. Усталый вид воинов говорил о том, что они вырвались из тяжелого боя. Эти бойцы установили четырехствольный зенитный пулемет и в течение нескольких дней вели уничтожающий огонь по врагу: пешему, на танках и бронемашинах. Хорошо помню их, черных от копоти, измученных от усталости, голода и жажды, с кровоточащими ранами, на которые кое-как были наложены повязки. Последнее время пулемет что-то отказал, тогда эти ребята сняли один ствол, установили его на втором этаже и вновь продолжали вести огонь.

В одной из комнат, окно которой выходило как раз к входным воротам, находился штаб дивизиона. Видимость отсюда была прекрасная. Здесь оборонялись еще трое простых советских солдат — Иван Тригубов, Алеша Вовченко и Яша Стародубец. Так же, как и те незнакомые мне ребята, они без устали в течение 9 дней яростно уничтожали огнем винтовок и пулеметов нападавших гитлеровцев.

Иван Тригубов был меткий стрелок и набил фашистов, как он сам говорил, больше, чем дичи за сезон охоты на Тамани: он был страстным охотником.

¹ Младший сержант Р. К. Семенюк дает иную версию гибели Шрамко. См. воспоминания на стр. 209.

Алеша Вовченко в 1938 году окончил Киевский индустриальный институт, работал до призыва на одном из заводов Украины. Жил он в поселке Кут, на Киевщине, а погиб в плену.

В этом штабе находилось наше знамя, которое стояло в углу, обернутое в чехол. Примерно на 5—6-й день обороны по приказанию лейтенанта мы под руководством старшины Павленко начали в конюшне пробивать отверстие в потолке, надеясь таким образом выйти из западни с тыльной стороны подковообразного двора. Пробыли каменный свод, прорыли отверстие в земляной подушке, но воспользоваться им не сумели, так как противник, обнаружив нашу возню, взял это место под сильный пулеметный обстрел.

В это же время немцы забрались в трансформаторную будку, которая находилась с правой стороны наших ворот, и сильным огнем отрезали возможность выхода из ворот и через левый вал подковы. Эту будку вместе с сидевшими в ней гитлеровцами и пулеметами позже уничтожил гранатами красноармеец нашего дивизиона тамбовец Масленников. Масленников днем прополз под непрекращавшимся огнем противника вдоль стены здания до правого угла его, влез на каменный забор, и немцы, не успев опомниться, взлетели в воздух. Смельчак благополучно тем же путем вернулся в укрытие.

С первых же минут боя прекратилась подача воды в нашем водопроводе. Питались мы вначале неприкосновенным запасом, который в сухом виде нам выдали еще 18 июня перед отправкой на учения и который мы не успели еще сдать на склад. Кроме того, у старшины Павленко оказался в запасе еще один мешок сухарей.

В последующие дни мы открыли в конюшнях ходы, соединявшие нас с соседями — бойцами противотанкового дивизиона. В одном из отсеков когда-то находился продовольственный склад, и хотя продуктов там никаких не оказалось, зато в опилках сохранилось несколько кусков льда, который и по-

могал нам, в особенности раненым, детям и женщинам, утолять жажду. Боеприпасы у нас тоже были: во-первых, те, что не успели сдать после учений, а во-вторых, у самого входа в нашу казарму, справа от дверей, находился склад боепитания. Вот оттуда-то мы и пополняли во время боя запасы патронов и гранат. Пулеметные ленты набивали женщины.

30 июня, днем, немцы начали очень сильную бомбардировку с воздуха. Бомбы рвались на крыше здания. Одна упала на склад боепитания, расколов его по своду. Вторая весом примерно в тонну попала во внутрь двора, у ворот, но не разорвалась.

Стали рушиться наши потолки. В окна, где лежали оборонявшиеся, ворвалась адской силы воздушная волна, сметая на своем пути все. Лейтенант приказал спуститься вниз.

В темноте одного из подземных казематов собрались наши люди в количестве 30—45 человек. Политрук коротко обрисовал обстановку, причем он сам был уверен и нас уверял, что вот-вот подойдут из-под Жабинки свои. Лейтенант сказал, что мы сражались так храбро, как подобает воинам Советской Армии. Было решено обороняться до прихода своих.

Бомбежка продолжалась, сменяясь ожесточенными артиллерийскими обстрелами. Тысячи тонн смертоносного металла, с воем и свистом проносясь над нами, обрушивались на измученную, истекавшую кровью крепость.

Временами становилось невмоготу: жаркий, пропитанный гарью и смрадом от разлагающихся трупов воздух сушил горло, затруднял дыхание. Безумно хотелось пить, но бойцы стойко держались, помогая друг другу.

Политрук послал меня наверх для наблюдения, но я не дошел, так как был оглушен взрывом бомбы, угодившей под лестницу, которая вела к нам на второй этаж. Когда я очнулся, то увидел, что бойцы бегут с криками «ура» на выход. Быстро вскочив, я тоже побежал.

Самолеты на бреющем полете с минимальной высоты поливали нашу группу огнем. Гитлеровцы буквально прижали нас к земле. Впереди, позади, с флангов нас атаковали вражеские автоматчики. Вскоре мы были окружены.

Подняться помогли мне товарищи, так как в пояснице у меня сидело несколько осколков.

ОФ МГОВК, оп. 393, д. 15, лл. 5—9, 12—16.

КАСАТКИН КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ, капитан, командир 18 Отдельного батальона связи.

Сражался в Восточном форту в течение 8 дней. Был начальником штаба обороны форта.

Контуженный попал в плен. Прошел фашистские лагеря Бяла-Подляска, Регенсбург, Ротенбах. Освобожден 25 апреля 1945 г. Служил в Советской Армии до декабря 1945 г.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени и медалью. Член КПСС.

Ныне К. Ф. Касаткин живет и работает в г. Ярославле.

А мальчик бредет по дороге...

Это был настоящий ад: рвутся бомбы и снаряды, свистят мины, огонь и дым пожарищ, раненые, убитые! В такой обстановке, пробираясь к Северным воротам, я повредил левую ногу. Превозмогая боль, продолжал продвигаться. Кое-как добрался до земляного вала, окружавшего крепость. Там собралось человек 20 наших бойцов, два лейтенанта, фамилии которых, к сожалению, не помню. В каземате вала жила семья одного служащего, вольнонаемного. Хозяйка рвала простыни и перевязывала раненых. Тогда, разумеется, было не до анализа поступков. Зато теперь все это встает у меня перед глазами, и я вижу простых советских людей — бойцов, командиров, женщин, из которых никому и в голову не приходило, чтобы все бросить и бежать, куда глаза глядят, спасаться. Как-то само собой вытекало, что нужно обязательно, любой ценой, держаться.

Вскоре я увидел майора Гаврилова. Около восьми утра огонь утих. Мы заметили, что в крепость прорываются фашисты. Обстреляли их. Враг быстро нас засек и тоже открыл огонь. Через некоторое время пришли два бойца.

— Есть ли здесь старшие командиры? — спросили они.

Оказалось, что это бойцы из Восточного форта. Они попросили нас отправиться туда, объяснили где

найти веревку, по которой можно спуститься внутрь форта.

Восточный форт был построен в виде подковы. С одной стороны подкова эта была засыпана землей, на которой разросся кустарник, с другой — протянулась стена. Внутри подковы находилось здание, в котором размещался личный состав 393-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 42-й стрелковой дивизии. Словом, Восточный форт был надежным укреплением. В дивизионе дежурил по части лейтенант Андрей Домиенко. За несколько месяцев до начала войны он был переведен туда из батальона связи. Всего из этого дивизиона здесь находилось примерно 200 человек. Сюда же пришли солдаты из других частей, а также семьи командиров — старики, женщины и дети, всего около 40—50 человек. Помню, некоторые дети были даже в грудном возрасте.

Майор Гаврилов принял на себя командование Восточным фортом, а меня назначил начальником штаба. Требовалось срочно организовать оборону. Мы приспособили 4-ствольный пулемет для стрельбы по наземным целям. Но этого, конечно, было недостаточно. Обошли казематы. Вывели коней, хотя и делали это скрепя сердце. По валу и в самой конюшне расставили несколько пулеметов. Бойцов разбили на роты и взводы, назначили командиров. Около амбразур расположились одиночные бойцы с винтовками и гранатами. Хорошо помню командиров: лейтенанта Зильпукара¹, по национальности как будто узбека; лейтенанта Домиенко и лейтенанта Коломыйца. Это были смелые и бесстрашные товарищи.

Мне как связисту майор Гаврилов приказал организовать между ротами телефонную связь, что и было сделано. Так начался первый день борьбы с гитлеровскими захватчиками.

Не могу забыть одного эпизода. Около 10 часов утра, наблюдая местность в бинокль со 2-го этажа

¹ Младший лейтенант В. Г. Зильпуркаев — командир батареи 393-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона.

здания зенитного дивизиона, я увидел на тропинке, которая вела к выходу на главную дорогу, немецких солдат, совершавших короткие перебежки. Мы открыли огонь, так что захватчикам продвигаться стало почти невозможно. Вдруг смотрю — мальчик бредет по дороге. Как ножом резануло меня по сердцу. А вокруг свистят пули — и наши и вражеские. Мальчик пропал. Как я удержался на месте и не рванулся к нему навстречу — не могу себе представить. Так и стоит у меня перед глазами эта картина, как будто было только вчера: дорога, непрерывные выстрелы и бредущий через этот огненный смерч мальчонка...

Будучи в Бресте в 1957 г., я узнал о судьбе своей семьи, с которой расстался в первые минуты войны. Жена, дочь и сын в 1942 г. были расстреляны фашистами в д. Подлесье, Брестской области, вместе с другими семьями военнослужащих.

ОФ МГОВК, оп. 18, д. 3, лл. 4—6.

КАЗЬМИН ВЛАДИМИР ПАХОМОВИЧ, воспитанник музыкантского взвода 44-го стрелкового полка.

Участвовал в обороне Восточного форта Кобринского укрепления до 1 июля. Был пленен фашистами. Из плена бежал вместе с другими воспитанниками — П. Клыпой, П. Котельниковым, В. Измайловым. Укрывался у жителей Брестской области. В д. Житковичи, Несвижского района, был схвачен и вывезен на каторжные работы в Германию. В июле 1945 года вернулся на Родину.

В настоящее время инженер-электрик, работает на одном из заводов Липецкой области. Награжден орденом Красной Звезды.

Перед самой войной я был еще мальчуганом; не удивительно, что теперь уже забылись имена многих, кого приходилось мне встречать, когда подразделения с звонким маршем возвращались со стрельбища.

Мать моя умерла в 1929 году, когда я был четырехлетним ребенком. Спустя четыре года мы потеряли отца. Нас, троих сестер и двух братьев, определили в детский дом в станице Константиновской, Ростовской области. Там я воспитывался до осени 1939 года, окончил 6 классов. С увлечением играл я в духовом оркестре детского дома под руководством Анатолия Кирилловича Белоглазова, который много лет работал капельмейстером в одном из кавалерийских полков Красной Армии.

Однажды в детский дом, будучи в отпуске, зашел штабной писарь 44-го стрелкового полка Василий Иванович (фамилии не помню), бывший когда-то у нас воспитателем. Василий Иванович привез с собой письмо к заведующей детским домом Марии Кирилловне Головенко и к Анатолию Кирилловичу Белоглазову. Оно было подписано командиром 44-го стрелкового полка майором Гавриловым и капельмейстером музыкантского взвода. В письме говорилось, что командование 44-го стрелкового полка просит дирекцию детского дома отправить

с Василием Ивановичем пять человек воспитанников-музыкантов духового оркестра, которые в дальнейшем будут проходить учебу и воспитание в полку. Мы с радостью согласились. Мы — это Степан Аksenov, Влас Донцов, Петр Котельников, Владимир Измайлов и я.

Так с осени 1939 года я стал воспитанником 44-го стрелкового полка. В апреле 1941 года мы переехали в Брестскую крепость. Таким образом, я даже не успел как следует ознакомиться с крепостью перед войной, узнать названия башен, ворот.

Утром 22 июня, проснувшись среди грохота и шума, я увидел, что прямо надо мной в крыше зияет огромная пробоина. Крайний правый сосед мой завален кирпичами, второй — выбирался из-под них, меня тоже слегка присыпало, не причинив, однако, никакого вреда. Огромная масса кирпича завалила наши инструменты, обмундирование, в том числе мои брюки и гимнастерку, в левом кармане которой лежал комсомольский билет. Напротив горела казарма 333-го полка.

Я накинул на себя шинель и быстро вместе с другими спустился вниз. Но выйти было невозможно: уж очень часто ложились снаряды. Наше здание несколько раз сотрясало от прямых попаданий. Через некоторое время разрывы стали реже. Воспользовавшись этим, я выскочил из казармы и побежал. Куда? Этого я сам не знал.

В крепости мне знакома была только одна дорога: казарма — мост через Мухавец — ворота, которые ведут в город и обратно. Что находится в стороне от этого маршрута, я еще не успел узнать. Вот по этой дороге я и направился. До ворот не добежал, свернул вправо, хотя и не представлял себе, к чему это приведет, так же как и не представлял того, что меня ждет за воротами.

Мне показалось, что кто-то, находившийся впереди, скрылся в маленьких дверях, ведущих под огромный земляной вал. Я добежал до этой дверцы и открыл ее. Войдя во внутрь, попал в узкий проход под валом, который вел из одного конца в другой.

Кроме меня, там уже стояли один боец и женщина с ребенком на руках. Мы подождали у дверей, прислушиваясь к разрывам, шуму моторов, выжидая, что же будет с нами дальше. Кругом по-прежнему грохотало. Обстрел, видимо, еще не кончился.

Вскоре мы увидели, как с другой стороны прохода кто-то идет в нашу сторону. Это был командир, кажется, лейтенант. Он сказал нам, чтобы мы шли дальше по проходу, что там организуется оборона и что оружия достаточно. Продвигаясь вперед, мы вышли наружу — в узкий, но длинный, загибающийся вправо и влево двор. Прямо перед нами возвышался второй вал, он был ниже того, под которым мы только что прошли.

На внешнем валу лежало несколько бойцов, они вели огонь. Хорошо помню, как красноармеец, который шел со мной, спросил у одного из них: «Ну, что там?» — «Немцы», — ответил тот.

Мне в то время не было и шестнадцати лет, я не пытался глубоко анализировать события и не вникал в детали того, что происходило вокруг меня, участником чего я оказался. Я выполнял то, что мне поручали старшие, и трудно сказать, что мною двигало — мальчишеский азарт или стремление подражать молодым героям гражданской войны. Скорее всего и то, и другое.

Помню появление в форту майора Гаврилова. Он пришел в форт не то в первый, не то во второй день войны к вечеру. Я услышал, как один из бойцов сказал: «Майор какой-то появился, теперь дело пойдет лучше».

Вскоре я увидел его. Это был командир нашего 44-го полка. Он ходил от одного участка к другому и краткой, но вдохновенной речью поднимал дух бойцов. Я не могу сейчас точно передать его слова, но они глубоко запали мне в душу. Он говорил о фашистской Германии, без объявления войны напавшей на нашу страну, о почетной обязанности, которая лежит на нас, о том, что мы должны стоять здесь насмерть. С приходом майора в обороне стало больше организованности.

Однажды к нам в группу пришла пожилая женщина. Она позвала меня, сказав, что здесь обойдутся и без меня. Я пошел за ней, и скоро мы пришли в импровизированный госпиталь. «Вот здесь ваше место,— указала женщина,— будете ухаживать за ранеными».

Я не знал ее раньше, но спросить о том, кто она такая, было неудобно. Мне часто приходилось обращаться к ней с вопросами по поводу ухода за ранеными. Это и была моя основная работа во время обороны. Собственно говоря, никакого госпиталя не было. Было просто помещение, где размещались раненые, и представляло оно из себя самые обыкновенные два-три отсека под внешним валом, в бывших конюшнях. Раненые лежали на земле, на шинелях, а часто и без них. Перевязывать было нечем. Нередко по несколько раз в день, большей частью под обстрелом, приходилось бегать в склады под внутренний вал, где был ледник, и доставлять оттуда лед раненым.

Там я иногда задерживался ради собственного интереса. Ведь тут проходил «передний край» нашей обороны. Отсюда хорошо просматривались ворота, ведущие в город. Я подползал к одному из пулеметчиков, помогал ему. Изредка он мне давал стрелять. Когда лед кончился, вырыли колодец, вода сначала была коричневая, отвратительная, затем стала чище.

Мы прилагали все усилия к тому, чтобы облегчить страдания раненых, но многих не в силах были спасти, и они умирали на наших глазах. Некоторые из них и сейчас стоят передо мной: у одного разворочена нижняя челюсть, у второго — обожжена большая часть кожи, у третьего — прострелена грудь...

У нас была телефонная связь из одного конца в другой. Что она соединяла, кто ею пользовался,— я об этом не знаю.

Немцы вели непрерывный огонь из минометов, артиллерии, пулеметов. Иногда, главным образом по ночам, они подбирались к самому валу и вредили нам довольно-таки порядочно. Я без надобности не

отходил от раненых. Однажды пришлось натягивать на них противогазы: с более высокого внутреннего вала на нас вдруг пополз густой туман. Но самое страшное начиналось, пожалуй, во время бомбежки: тяжелые авиационные бомбы мощными взрывами сотрясали весь форт.

Сколько пробыв я там — теперь трудно сказать, так как потерял счет времени. Чаще всего приходилось ночью бодрствовать и днем не спать.

Попал я в плен приблизительно на десятый день обороны. Помню, меня послали в склады, которые находились под внутренним валом: требовались продукты для раненых. По дороге я не устоял против соблазна и подсел к моему другу — пулеметчику, который в это время куда-то отлучился, а меня попросил подежурить у пулемета. Дело было перед вечером. К сожалению, стрелять мне было не в кого, немцы не показывались. Зато они начали интенсивный артиллерийский и минометный обстрел. Одна мина разорвалась около меня. Взрыв ее не причинил мне вреда, но обрушившиеся камни сильно ударили голову. Я потерял сознание, и надолго.

Очнулся рано утром под конвоем немцев далеко за пределами крепости. Отчаянно болела голова. Очевидно, удар был весьма внушительным. Рядом со мной был красноармеец-пулеметчик, тот самый, которого я сменил. Он рассказывал о том, как все случилось. После длительного обстрела немцы прекратили огонь и сразу же начали вылазку. Они подобрались без шума, без крика и ворвались в здание. Моего друга — пулеметчика схватили, когда он шел ко мне. Вместе с ним в плен попало еще несколько человек. В каземате немцы пристрелили двух раненых, которые не могли идти. Испугавшись, что такая участь может постигнуть и меня, этот красноармеец быстро подхватил меня под руки и потащил. По его словам, я очнулся, что-то забормотал и пошел, поддерживаемый им.

ТЕРЕХОВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ, старший лейтенант, помощник командира 95-го Отдельного медсанбата по материальному обеспечению.

Сражался на Восточных валах Кобринского укрепления. С 26 июня — в Восточном форту. Попал в плен в первых числах июля. Находился в лагерях: Бяла-Подляска, Замостье, Холм, Ченстохов и других. Два раза пытался бежать, но неудачно. Освобожден из плена 17 марта 1945 года войсками Первого Украинского фронта. Затем служил в Советской Армии. В июле 1947 года демобилизовался.

В настоящее время С. П. Терехов живет и работает в городе Мозыре. Награжден орденом Отечественной войны I степени.

Едва я оделся и взял пистолет, как воздушной волной была сорвана дверь в кухне моего дома. Жена успела накинуть на плечи только пальто, а шестилетнего сына Володю я вынес из квартиры спящим в одной ночной рубашке. Семью отправил в одно из укрытий в главном валу, а сам присоединился к бойцам. К нам стали приходить люди из 125-го стрелкового полка и из других подразделений, располагавшихся поблизости.

Мы заняли оборону в казематах. Командование приняли на себя старший политрук противотанкового артиллерийского дивизиона Нестерчук и начальник штаба лейтенант Акимочкин; командир дивизиона капитан Никитин, как сообщили мне, был уже убит. Приблизительно часов в 5 утра осколком в голову убило лейтенанта Киреева, а меня с силой подбросило воздушной волной и легко ранило.

Часов в 12 дня я пришел в сознание. Подо мной была лужа крови. Положение все усложнялось, опасность надвигалась с каждой минутой, необходимо было выбираться из казематов на вал и уже там занимать оборону. Но пробраться через ворота¹ было невозможно. Оставалось только одно: использовать небольшие окна в тыловой части казематов,

¹ Автор имеет в виду Восточные ворота Кобринского укрепления.

которые были закрыты крепкими стальными решетками, и вытяжные трубы в потолках. К счастью, у нас оказался верстак, сколоченный из толстых дубовых досок, с помощью которого мы выбили решетку из окна и благополучно выбрались на вал. Вместе с нами находились командир батареи старший лейтенант Коган¹, лейтенант Хавер, Акимочкин и Мильчин².

Патроны у нас были на исходе, а склад боеприпасов находился метров за триста. Несмотря на сильный огонь противника, старший лейтенант Коган и четыре солдата приползли в парк и завели трактор. За два рейса они доставили нам 25 ящиков патронов. В третий раз на полпути от склада вражеская мина попала в трактор. Старший лейтенант Коган был тяжело ранен. Военфельдшер мгновенно бросился ему на помощь, но не успели мы и моргнуть, как вторая вражеская мина убила военфельдшера и еще раз нанесла ранение Когану. Его принесли в бессознательном состоянии, с открытыми переломами правой голени и бедра, с пулевым ранением в затылок, причем пуля вылетела через лоб. Через два часа старший лейтенант Коган умер.

Фашисты усилили авиаразведку, артиллерийский и минометный огонь. Мы поняли, что предстоит атака. И действительно, в конце дня с левого фланга на гарнизонной спортплощадке появился один немецкий танк, сопровождаемый пехотой, а справа между Северо-Восточным фортом³ и домами командного состава — другой, также сопровождаемый пехотой. Мы подпустили их поближе и открыли уничтожающий огонь. Танки повернули назад. Гитлеровцы бежали, оставив на поле боя много трупов.

В конце второго дня войны я получил задание: с группой солдат человек в 70, вооруженных винтовками и одним станковым пулеметом, перебраться через реку Мухавец в так называемый химгородок,

¹ Лейтенант А. М. Каганович.

² Младший лейтенант И. М. Мильшин — начальник артснабжения дивизиона.

³ Восточный форт Кобринского укрепления.

который находился в пяти-шести километрах от крепости. Там располагалась наша танковая дивизия. С наступлением сумерек мы начали осторожно продвигаться к реке Мухавец, но не успели отползти и десятка метров, как раздался пулеметный, а затем и артиллерийский огонь врага. Пришлось окопаться и занять оборону.

Утром немцам удалось занять несколько выгодных огневых точек. Завязалась жестокая схватка, в которой большинство наших солдат проявило немало смелости и находчивости. Меня в окопе засыпало землей, сильно ушибло в область печени. Вечером я послал связного к начальнику штаба лейтенанту Акимочкину с предложением отступить в казематы, потому что многие из бойцов погибли, а патроны иссякли. Вскоре мы получили ответ: «Держитесь, выхожу с резервом на помощь». И действительно, через некоторое время лейтенант Акимочкин явился на помощь, а с ним человек 50 бойцов. Не успел Акимочкин заскочить в окоп, как тут же был ранен и отправлен в каземат. Вечером мы тоже отступили туда, слишком много было тяжело-раненых. Воды и пищи — никакой. Дети, изнуренные жаждой, подняли плач, у многих повысилась температура. Надо было любой ценой доставать воду. Метров за триста от нас стояли три подбитых трактора «НАТИ» и одна автомашина. Утром я и другие бойцы подползли к ним, спустили из радиатора восемь котелков воды, там же, на автомашине, оказались два мешка сахару, несколько ящиков консервов, горох со смальцем в концентратах. Продукты и воду в первую очередь раздали раненым и детям.

В двух метрах от нас стоял подбитый тягач, около него было разбросано много бумаг. Но вот они загорелись, и огонь стал быстро подползать к снарядам. С большими усилиями ликвидировали мы этот пожар. Путь обратно был отрезан, а оставаться в складе тоже не имело никакого смысла. Расположение северо-восточной части крепости я знал неплохо и был уверен, что там нет ни одного

фашиста, поэтому мы решили перебраться туда, а потом перетащить с собой и раненых.

Добравшись до Восточного форта, мы встретились с майором П. М. Гавриловым. Он расспросил меня про обстановку и приказал вместе с прибывшими людьми занять оборону на левом фланге, в составе третьей группы защитников форта; командиром ее был старший лейтенант Марков — бывший командир транспортной роты 333-го полка. Заместителем назначили меня. Рядом с нами находились раненые, за которыми ухаживала Раиса Абакумова, смелая, решительная женщина. Она нередко из-под носа у немцев выхватывала наших бойцов и одна на своих плечах перетаскивала в укрытое место.

Немало видел я в эти дни примеров самоотверженной смелости и инициативы, проявленных простыми советскими воинами, честно и преданно выполнявшими свой долг. Как-то ночью Гаврилов приказал выделить из нашей группы 12 человек на вал левого фланга в боевое охранение. Когда бойцы узнали, о приказе командира, среди них нашлось много добровольцев, гораздо больше 12 человек. Получив достаточное количество боеприпасов, они отправились выполнять задание. Ночь была спокойная — бойцы все время не смыкали глаз, ведя бои с фашистской разведкой. Утром, когда их сменили, они вернулись к нам. Некоторые из них были ранены, обожжены. Они принесли с собой два немецких автомата.

День ото дня становилось трудней: на человека приходилось по одному сухарю в сутки — и то не всегда. Многие ели комбикорм для лошадей, всех мучила жажда. В яме, которую вырыли в надежде найти воду, накопилась желтоватая, дурно пахнущая, непригодная для употребления жидкость, так как во многих казематах до войны располагались конюшни. Но мы пили ее, и то каждому доставалось не более ложки. Бойцы по двое суток не сходили со своих мест. Губы у них потрескались, глаза впали от усталости и голода. Но ни один из красноармейцев не жаловался на свою горькую участь.

Форт являлся очень удобным местом для обороны. Он имел два вала подковообразной формы. Расстояние между валами составляло примерно 25—30 метров; на переднем из них находились учебные окопы, поросшие высоким бурьяном, и бензохранилища. Немцы не знали расположения форта, не знали, что в нем хранится, не знали, сколько у нас личного состава, ибо в противном случае не замедлили бы обрушить огонь своей артиллерии на склады боеприпасов и бензохранилище. Каждый день, а иногда и по нескольку раз в день они обстреливали форт сильным артиллерийским и минометным огнем, после чего бросали в атаку пехоту. Чаще она шла с запада, от расположения 125-го полка. Мы старались подпустить ее поближе, уничтожали ружейно-пулеметным огнем и гранатами, отбивали штыками. Рядом с передним валом на правом фланге стояло кирпичное здание, в котором находился склад 95-го медсанбата. Однажды днем человек тридцать немцев подошли к зданию и начали взбираться на вал. Это заметили бойцы первой группы. Подпустив врага, они уничтожили его гранатами. Несколько дней подряд немецкая авиация сбрасывала на нас тяжелые бомбы, но, к счастью, ни одна из них между валами форта не попала. Не помню точно, какого числа майор Гаврилов сообщил нам, что немцы прислали двух наших пленных с ультиматумом, чтобы мы через два часа сдались, в противном случае враг грозился отравить нас газом. Наш ответ был один: «Будем биться до последнего патрона, благо они еще у нас есть».

Утром неприятелю удалось все-таки поджечь в форту склады с боеприпасами. Наблюдать за врагом в такой обстановке было трудно. Гитлеровцы незаметно подошли к форту и в конце второй половины дня ворвались туда с обеих сторон...

ЧЕРНЯЕВ ИВАН ФЕДОРОВИЧ, техник-интендант 2-го ранга, заведующий делопроизводством обозно-вещевого снабжения 333-го стрелкового полка.

Сражался в Восточном форту. Контуженным попал в плен. Освобожден в 1945 году.

В настоящее время живет и работает в городе Новосибирске. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Наш политрук

Нвечеру 22 июня в Восточном форту скопилось триста с лишним бойцов, уже разбитых на три роты. Каждая рота, в свою очередь, разбивалась на взводы по двадцать — тридцать человек. В одном из отсеков расположился штаб обороны форта.

Майор Гаврилов поручил мне командование группой, занимавшей 2-й и 3-й отсеки.

— Отведи его в отсек, где командует Понарин¹, — сказал он политруку Скрипнику.

Фамилия Понарин была мне знакома. Я немного знал этого молодого, способного офицера, хорошего семьянина, отца двоих очень милых детишек. Приятно было смотреть, когда он, подтянутый, всегда гладко выбритый, выходил с женой и детьми на прогулку.

И вот в незабываемую ночь на 22 июня прямым попаданием снаряда жена и дети Понарина были убиты на его глазах.

Скрипник привел меня в отсек Понарина. Познакомил с бойцами, сержантом Полкановым, нашел время перекинуться с ними двумя-тремя словами, пошутить. И сейчас я вижу Скрипника слов-

¹ Старший лейтенант И. Д. Понарин — командир полковой батареи 333-го стрелкового полка, член ВКП(б).

но живого. Бывший шахтер, высокий и красивый, он скоро стал душой нашей обороны. Его вьющиеся волосы удивительно гармонировали с ясными, теплыми глазами, в которых нет-нет да и блеснет лукавая, чисто украинская усмешка. Авторитет его среди солдат и офицеров был абсолютно непререкаем. К Скрипнику как к более опытному и знающему человеку шли с любыми вопросами. Как никто другой, умел он подбодрить упавшего духом, скрасить тяжелую обстановку удачной шуткой.

Дисциплина в гарнизоне форта соблюдалась строго. Приказы майора Гаврилова выполнялись беспрекословно. Уважение к нему росло буквально по часам.

Не знал усталости и политрук Скрипник, он же секретарь партийного бюро. По-прежнему созывались собрания, на которых обсуждалась боевая обстановка, решались такие вопросы, как прием в партию.

Скрипник говорил:

— Сейчас у нас нет нужных документов. Мы не можем выдавать партбилеты. Но учитывая условия, обойдемся без формальностей. Может быть, это и не по уставу, но товарищи поймут нас. А лучшая рекомендация для вступления в партию — наши боевые дела.

— Коммунисты — вперед! — Этот призыв часто раздавался в Восточном форту. И коммунисты были на самых опасных и ответственных участках обороны.

28 июня майор Гаврилов дал мне и еще одному сержанту задание: разведать возможность прорыва в районе Северных ворот.

Мы отправились. Кругом грохотали взрывы, где-то высоко в воздухе со свистом пролетали снаряды. Пахло гарью, клубы черного дыма окутывали сражавшуюся крепость. То здесь, то там проносилось отдаленное «ура!» — это защитники крепости старались вырваться из железного кольца врагов.

Где перебежками, а где по-пластунски, прижи-

маясь к самой земле, добрались наконец до Северных ворот. И здесь неожиданно столкнулись с группой гитлеровских молодчиков.

Завязался бой. Но силы были слишком неравными. Сержант был убит, а я с перебитыми руками, истекающий кровью, попал в плен...

«Герои Брестской крепости». Кемеровское книжное издательство, 1959 г., стр. 58, 66.

СЕМЕНЮК РОДИОН КСЕНОФОНТОВИЧ, младший сержант, заведующий складом боепитания 393-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона.

Сражался в Восточном форту Кобринского укрепления. Вместе с красноармейцами Иваном Фольварковым и Тарасовым укрыл боевое знамя своей части. Контуженный попал в плен. Совершил три неудачных побега. Последний раз бежал 25 января 1945 года. Затем служил в рядах Советской Армии.

Награжден орденом Красного Знамени. Член КПСС. Ныне Р. К. Семенюк живет и работает в г. Ново-Кузнецке.

Вся моя довоенная жизнь прошла в родном колхозе в Винницкой области. С 1937 года я был там заведующим сельским клубом и секретарем комсомольской организации.

В 1939 году односельчане избрали меня депутатом Стрельницкого сельского Совета депутатов трудящихся, а в ноябре 1940 года я был призван на действительную службу. В конце марта 1941 года наш дивизион перешел в Брестскую крепость и расположился в Восточном форту.

В нашем дивизионе находилось 12 орудий 76-мм и один четырехствольный зенитный пулемет. С 20 на 21 июня 1941 года 2-я и 3-я батареи уехали на тактические занятия, а наша 1-я батарея осталась в карауле.

В первую же минуту войны был убит часовой, охранявший склад. Мы еще спали, когда караульный, вбежав в помещение, крикнул: «Боевая тревога, в ружье!» Все выбежали из казармы, а кругом уже грохотали взрывы и содрагалась, словно в конвульсиях, земля. С большим трудом, потеряв многих бойцов, мы добрались к орудиям и стали вести огонь по вражеским самолетам. Прибежал в парк и прибывший незадолго до войны из ленинградского училища лейтенант Иванов. Погиб он числа 24—25 июня.

Скоро нас обнаружил враг, и на оружейный парк обрушился шквал смертоносного огня; пришлось оставить на некоторое время орудия и занять оборону на высоком валу. Вначале нас было человек пятьдесят, но после бомбежки многих недосчитались. Постепенно появились пехотинцы, пограничники, командиры из других частей и подразделений.

Прибежал лейтенант Коломиец, который сразу же организовал оборону. Я открыл склад боепитания. Всем командирам и бойцам были выданы патроны, гранаты, пистолеты «ТТ», противогазы из «НЗ». Я доложил Коломийцу, что на складе у нас есть зенитный пулемет. Мы вытащили его веревкой и установили в казарме внутреннего двора. Бойцы быстро набили ленты, зарядили, опробовали — хорошо работает. Тут появилась отличная мишень — двухмоторный фашистский самолет, который и был нами подбит. Так мы открыли боевой счет. Стрелял из счетверенного пулемета один пограничник, потом, сменяя друг друга, пехотинцы и артиллеристы. Из небольшого окопчика внутри кольцевого двора строчил одноствольный зенитный пулемет. Какие-то два пулемета были установлены и на втором этаже казармы.

Командир нашей батареи старший лейтенант Сергей Феодосьевич Шрамко жил в городе. С утра первого дня войны, в полной форме, он прибыл из города со стороны Восточных ворот. Под его руководством на высоком валу вырыли окопы и заняли оборону. Шрамко был из тех командиров, которых любят солдаты. И шутить, и учить умел. Вторая и третья батареи нам завидовали. Наша батарея всегда держала первое место по дивизиону. Боевой командир Шрамко был ранен еще в финскую кампанию, имел награды.

Числа 24—25 июня ночью Шрамко получил приказание заминировать ворота к нашему форту. Он нашел меня у амбразуры и сказал, чтобы я шел вслед за ним. Встретили лейтенанта-пехотинца и еще двух бойцов, фамилия одного из них была

Зайцев. Мы выкапывали ямы и подносили мины, а Шрамко и лейтенант-пехотинец их укладывали.

В это время начался артиллерийский обстрел такой силы, что все вокруг задрожало. Я и еще один боец получили ранение в голову, а Зайцев — в лицо. Старший лейтенант Шрамко был убит. Мы не бросили своего командира, донесли до валов и закопали в одном из проходов Восточного форта. Вынули из гимнастерки его документы: партийный билет, удостоверение личности, положили в планшетку и закопали вместе с ним.

Через некоторое время товарищи донесли, что в сторону форта движутся танки. Несколько машин подорвались на наших минах. За умелое минирование майор объявил нам благодарность.

После короткого отдыха мы вновь пошли в разведку. Мы — это незнакомый мне старший лейтенант, которому числа 26—27 было приказано снять вражеских автоматчиков, окопавшихся на валу с восточной стороны, и я. Договорились, что, когда подползем поближе, старший лейтенант махнет рукой, и мы одновременно бросим по окопу гранаты. Так и было сделано. Бросили 8 гранат. В результате четверо фашистских вояк — три ефрейтора и один унтер-офицер — были убиты. Мы выбросили из окопов их трупы, а трофеи — четыре ручных пулемета с длинными стволами и ящики с патронами — привязали за телефонный кабель и потащили к себе.

Долго осваивали наши бойцы устройство немецких пулеметов, но стрелять из них все-таки научились.

Помню, как однажды заместитель политрука нашей батареи Попов дал задание группе комсомольцев снять фашистский флаг, установленный над Северными воротами. Один из бойцов, кажется пехотинец, взял конец телефонного кабеля, дополз до ворот, привязал кабель к древку фашистского флага и свалил его. Заметив это, немцы открыли бешеный пулеметный огонь. Но бесстрашный воин

не струсил. Он успел еще забросать гранатами радиоустановку врага, располагавшуюся правее ворот. К нам он больше не вернулся. Очевидно, там и погиб.

Положение становилось все тяжелее. Особенно мучило отсутствие воды. Защитники неоднократно пытались копать в казематах колодцы, но собиравшаяся в них вода была непригодной для питья, так как рядом находились конюшни. В первые дни на складе еще имелся лед, но потом он кончился, и приходилось с большими трудностями доставать воду. Каждая вылазка стоила больших жертв — многие бойцы так и не возвращались из этих походов. Питались овсом и разными концентратами. Поэтому силы оборонявшихся заметно таяли.

30 июня фашисты начали активнейшее наступление и скоро прорвались в казематы. В это время я вместе с односельчанином Иваном Фольварковым¹ и пехотинцем Тарасовым² находились в каземате внешнего вала. Фольварков требовал сжечь знамя нашей части, которое я по приказу Шрамко в первый день войны вынес из караульной палатки. После спора с ним мы решили все-таки его сохранить. Знамя завернули в чехол, положили в брезентовое ведро и опустили в выкопанную ямку. Затем закрыли цинковым ведром и заровняли яму, присыпав ее мусором. Только успели это сделать, как в каземат вскочили фашисты; мы укрылись в проломе, и они нас не заметили.

Когда немцы, наскоро обыскав форт, ушли, майор Гаврилов дал указание, чтобы оставшиеся бойцы снова заняли оборону. Нам удалось продержаться еще несколько дней.

Но силы иссякли. Боеприпасы подходили к концу, пищи не было.

Решили выбираться из западни. Для этого требовалось переплыть реку Мухавец. Посмотрели в последний раз в сторону, где спрятано знамя, и пополь-

¹ Потом он погиб в концлагере.

² Погиб в крепости.

ли. До Мухавца осталось метров десять. Гитлеровцы, заметив нас, открыли огонь. Вижу, как роняет голову Тарасов. Он не откликается. Слышу приглушенный стон Фольваркова.

— Родион, прощай,— и все. Раздался огромной силы взрыв, и я потерял сознание.

ОФ МГОВК, оп. 393, д. 16, лл. 30—42.

ГАВРИЛОВ ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ, майор,
командир 44-го стрелкового полка.

Руководил обороной Восточного форта. На 32-й день войны, тяжело контуженный, попал в плен. Несколько месяцев находился в лагере для военнопленных в Южном городке близ Бреста. Затем отправлен в глубь Германии: в Хаммельбург, Регенсбург (отделение концлагеря Дахау). После освобождения из плена в апреле 1945 года продолжал службу в рядах Советской Армии.

За исключительное мужество и героизм, проявленные в боях при защите Брестской крепости, П. М. Гаврилову присвоено звание Героя Советского Союза.

Ныне П. М. Гаврилов живет в городе Краснодаре, пенсионер, член КПСС, член Советского комитета ветеранов войны. Награжден двумя орденами Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Люди несгибаемой воли

Большая часть личного состава полка находилась вне крепости. Один батальон — в УРе под Семятичами, другой — в 5-м форту, в 4 км к северо-западу от Бреста. В крепости оставался один батальон и спецподразделения.

Война застала меня в стенах Брестской крепости, можно сказать, случайно.

В субботний вечер 21 июня я приехал проведать больную жену и сынишку. Но провести с ними воскресный день мне уже не было суждено. На рассвете дрогнула земля, и мы проснулись от невообразимого шума и грохота: это рвались вражеские снаряды и авиабомбы.

Попрощавшись с семьей и наказав им укрыться где-нибудь в подвале, я кинулся в штаб, где хранились знамя полка и секретные документы. Однако войти туда не удалось, все здание, находившееся в самом центре крепости, было объято пламенем.

Уже в первые минуты после этого неожиданного разбойничьего нападения гитлеровской Германии многие бойцы были ранены и убиты. В предрассветной полутьме, среди густой пелены дыма и пыли я с трудом собрал человек двадцать из своих подразделений и бросился с ними к северной части крепости. Здесь у Северных ворот, которые вели на окраину Бреста, должен был сосредоточиться при боевой тревоге полк, которым я командовал. Но крепость

уже была окружена гитлеровскими войсками и отрезана от города.

Вражеские стрелки и автоматчики, залегшие на валу у Северных ворот, вели непрерывный огонь. Нужно было принимать срочные меры, чтобы не допустить их в крепость. В это время мне донесли, что на левой стороне от Северных ворот, там, где располагался 1-й батальон моего полка, в укрытиях находится много бойцов из разных частей. Большинство из них, выбегая из объятых огнем зданий, все же сумело захватить с собой оружие и боеприпасы. Среди солдат находились и два лейтенанта. Я немедленно решил взять на себя командование этим отрядом. Разбил бойцов на две роты, назначил лейтенантов Разина¹ и Яковлева² командирами, отвел районы обороны и определил секторы обстрела. К этому времени, а оно буквально исчислялось минутами, в Западном форту, в укрытиях также сосредоточилось больше сотни бойцов. Находящемуся с ними старшему лейтенанту Сергееву я приказал разбить бойцов на взводы и держать оборону.

На Восточном валу, еще до моего прихода туда, оборону организовал старший лейтенант Самойлов³. Его бойцы притащили станковый пулемет. Не один десяток гитлеровцев нашел могилу от огня этого пулемета. Я избрал себе командно-наблюдательный пункт в 150 метрах восточнее Северных ворот. Встретив там капитана Касаткина, назначил его начальником штаба.

Около полудня ко мне подбежал боец и сообщил, что в Восточном форту скопилось много людей, они ждут распоряжений. Я и капитан Касаткин направились в подковообразное укрепление, где действительно увидели около трехсот человек.

¹ Лейтенант Н. А. Разин — командир минометного взвода 44-го стрелкового полка. Ныне живет и работает в г. Москве. Награжден орденом Отечественной войны I степени. Член КПСС.

² Младший лейтенант М. М. Яковлев — командир саперного взвода 44-го стрелкового полка.

³ Младший лейтенант А. Е. Самойлов — заместитель командира пулеметной роты 44-го стрелкового полка.

Находившиеся с ними лейтенанты Домиенко и Коломиец уже успели подготовить укрепление к обороне. На весьма удачно выбранной позиции была установлена счетверенная зенитная пулеметная установка, имевшая почти круговой обстрел. В метрах полтораста от Восточного форта находилось два зенитных орудия, которыми командовал старший лейтенант Шрамко. В ста метрах западнее — две противотанковые пушки, которыми командовал незнакомый мне молодой лейтенант.

Взяв и эту группу под свое руководство, я разбил силы, находившиеся в Восточном форту, на три роты — правого, левого и центрального крыла, двумя из них командовали лейтенанты Марков и Бородич. Вторым кольцом подковообразного укрепления, где находилась счетверенная зенитная пулеметная установка, командовал лейтенант Коломиец.

Здесь же, в подземных укрытиях Восточного форта, мы разместили свой штаб, оставив, однако, один наблюдательный пункт на Северном валу и второй — на другом конце Восточного форта. Воспользовавшись телефонными аппаратами и кабелями, имевшимися у зенитчиков, Касаткин быстро установил, помимо живой, телефонную связь со всеми ротами. При штабе имелась рация, с помощью которой мы тщетно пытались установить связь с командованием, с внешним миром... Рация пригодилась нам лишь для приема последних известий и сводок о ходе боев. Тут же, в форту, в укрытии был организован и свой «лазарет» — перевязочный пункт, который возглавляла военфельдшер Раиса Абакумова. Начальником продовольственно-хозяйственного и артиллерийского снабжения я назначил лейтенанта Домиенко, а своим заместителем по политчасти — политрука Скрипника.

Важность наших позиций понимал каждый боец. Когда прошли первые минуты неизбежного в подобных условиях замешательства, люди стали уверенно ждать встречи с врагом. Отряд представлял собой силу, которую очень скоро в полной мере

испытали на себе вооруженные до зубов наступавшие немецко-фашистские части.

Едва мы успели сколотить подразделения, как противник предпринял новую серьезную атаку. Она была отбита с большим для него уроном. В полдень фашисты атаквали нас вторично, на этот раз при поддержке танков. Надо иметь в виду, что крепость со всех сторон окружена водными каналами. В нашем районе проход в нее был возможен только через Северные ворота. Сюда и пытались ворваться танки противника.

В неравный поединок с вражескими бронированными машинами вступила группа бойцов во главе с молодым лейтенантом-артиллеристом. Огонь находившегося в укрытии орудия, которым он командовал, не смог преградить путь немецким танкам. Они вырвались к валу и пошли на нас. Тогда лейтенант приказал выкатить орудие на открытую позицию и повел стрельбу прямой наводкой. Уже завертелся на месте один танк, задымил второй... В это время лейтенанта тяжело ранило. Его гимнастерка быстро обагрилась кровью. Но уползти, уйти в укрытие — значило дать танкам прорваться. И он вместе с еще одним уцелевшим бойцом остался у орудия. Когда была подбита третья вражеская машина, а остальные повернули обратно, мы увидели, как этот бесстрашный человек упал на землю...

В то время я еще не потерял надежды на соединение со своими войсками и потому приказал начальнику штаба составить приказ о посмертном представлении к званию Героя Советского Союза этого отважного лейтенанта. Все документы тех дней, конечно, погибли, и я сейчас жалею, что не запомнил фамилии лейтенанта-героя.

Уже в первый день нашей обороны, прошедший в непрестанной борьбе, сказались отличная выучка наших солдат и офицеров, их высокий моральный дух. Приходилось не только отражать непрерывные атаки, но и ликвидировать группы противника, то и дело прорывавшиеся в разных местах Кобрин-

ского укрепления. В середине дня гитлеровцам, вклинившимся в наше расположение, удалось организовать в северо-западном углу вала свой командно-наблюдательный пункт. Лейтенанту-пограничнику¹ с шестью бойцами было приказано уничтожить вражеский командный пункт. Искусно маскируясь, они проползли по-пластунски метров 400 и внезапным штыковым ударом уничтожили группу засевших там гитлеровцев, захватив вместе с их оружием и планшетами несколько ценных штабных документов.

С большим мастерством действовали зенитчики. Когда вражеские самолеты, кружа над крепостью, сбрасывали авиабомбы, от которых сотрясались все здания, наши зенитчики вели меткий огонь. Помню, что только в один из первых дней ими было сбито три самолета. Многие зенитчики бесстрашно встретили смерть на своем боевом посту. От прямого попадания в огневую точку погибли бойцы, до последнего момента стрелявшие по самолетам противника из счетверенной установки.

Отважно и беззаветно дрались наши солдаты, окопавшиеся на валах. Одну за другой отбивали они ожесточенные атаки гитлеровцев. И хотя фашисты, оставляя множество трупов, каждый раз откатывались назад, но ряды защитников заметно редели.

Бесстрашно сражался Иван Солдатов². Погибли, как герои, рядовые Ефимов, Алексеев... И в мирное время знали их как примерных, старательных, дисциплинированных солдат. Верными своему воинскому долгу остались они и в час жестокого испытания. На моих глазах смертельно раненный М. Яковлев своей кровью написал на стене слова: «Умираю за Родину».

¹ Как пишет участник обороны младший лейтенант Н. Г. Старков, фамилия этого пограничника Ануфриев.

² И. М. Солдатов — замполитрука, заместитель командира роты по политической части 33-го инженерного полка. Ныне директор школы в г. Тамбове. Член КПСС.

Никогда не забуду подвигов военфельдшера Раисы Абакумовой и женщин, находившихся в форту. Из-под огня противника они выносили на себе тяжело раненных бойцов в укрытия, оказывали им медицинскую помощь. Женщины и дети мужественно делили с нами все тяготы обороны, но не думали о сдаче в плен. Когда же на наших глазах стали гибнуть дети, мы сказали матерям: «Вы обязаны спасти детей наших, перенести даже ужасы плена ради жизни». Навсегда запомнил я слезы моих боевых товарищей, провожавших из форта женщин и детей. Это было 26—28 июня.

Так дрался гарнизон нашего участка. Судя по доносившемуся к нам грохоту и перестрелке, не менее ожесточенные бои шли и на других участках обороны крепости. Непрерывные атаки гитлеровцев изматывали нас, голодных, страдающих от жажды, от трупного смрада, не давали покоя ни днем ни ночью. Каждый день фашисты склоняли нас к капитуляции, льстили нашему мужеству и отваге, обещали сохранить жизнь, обеспечить хорошие условия в плену. Нам доказывали бесполезность дальнейшего сопротивления, твердили, что уже взяты Минск, Смоленск, что «победоносное войско фюрера уже у ворот Москвы...»

Всему этому мы, конечно, не верили. Но с каждым днем, по мере того как отодвигался на восток шум боев, как затихали, а потом и вовсе заглохли орудийные залпы, мы все более убеждались, что находимся в глубоком фронтовом тылу и спасения ждать неоткуда. Единственная надежда оставалась в возможности прорыва на восток от Бреста, в белорусские леса и болота. Но попытка сделать это ни к чему не привела: слишком плотным было кольцо вражеских частей, окружавших нас.

Наступило воскресенье 29 июня. Рано утром почти вплотную к Северным воротам подъехала немецкая машина с радиорупором. На русском языке нам был предъявлен ультиматум: или капитуляция, или авиация сметет крепость с лица земли... На размышление был дан один час.

На созванное в это время партийное собрание (парторганизация была создана из коммунистов разных частей в начале боев) явились не только коммунисты и комсомольцы, но и все, кто мог, из бойцов. Сообщение мое было кратким:

— Нам обещают, — сказал я, — сохранить жизнь. Перед нами выбор: жизнь в фашистском плену или смерть в бою. Капитулировать — значит изменить Родине. А мы давали присягу сражаться за нее до последней капли крови. Я, майор Гаврилов, коммунист и ваш командир, остаюсь здесь. Пусть свое слово скажут коммунисты...

Каземат, в котором проходило это необычное собрание, наполнился гулом голосов:

— Изменников и трусов среди нас нет!

— Будем драться до конца, на то мы и коммунисты!

— Все остаемся: и коммунисты и некоммунисты...

И когда было единодушно решено отвергнуть ультиматум, раздались десятки голосов:

— Я хочу сражаться коммунистом!

— Прошу принять в ряды партии!

Нам был дан лишь один час, а мы хорошо знали немецкую точность. Рядовой Макаров записывал в протокол фамилии, я, Касаткин и другие члены партии тут же давали рекомендации. В числе тех, кто стал коммунистом: командир роты Терехов, медсестра Абакумова и многие другие, отличившиеся в бою.

Ровно через час, убедившись, что защитники крепости не намерены поднимать белый флаг, фашисты начали новую жесточенную бомбежку, которая длилась несколько часов. От разрывов крупнокалиберных бомб сотрясалась земля, раскалывались и рушились здания. И хотя наш гарнизон был укрыт в капитальных подземных помещениях, мы понесли большие потери. Едва кончилась бомбежка, как все, кто остался в живых, несмотря на ранения и контузии, вновь оказались на своих местах. Вскрду, где было особенно тяжело, появлялись коммуни-

сты, в том числе и те, которые только этим утром вступили в ряды партии.

Гитлеровцы, уверенные в том, что они сломили волю защитников крепости к сопротивлению, ринулись в атаку без обычных предосторожностей. Но гарнизон жил и боролся. Бойцы Восточного форта открыли по фашистам пулеметный и ружейный огонь, забросали их гранатами. Неприятель снова вынужден был повернуть вспять.

Тогда фашисты пошли на крайнее средство. Они стали сбрасывать в фортовые окопы все, что могло гореть: масло, бензин, поджигали бочки и бутылки с горючим, пустили в ход огнеметы. Так прошел воскресный день 29 июня.

Утром следующего дня нас ждало новое испытание: озверевшие от неудач фашисты стали забрасывать двор и фортовые окопы бомбами со слезоточивыми газами. Но и в противогазах, напрягая последние усилия, наши бойцы продолжали вести ожесточенные бои, не давая врагу добиться своей цели.

Видя всю бесполезность подобных усилий, гитлеровцы решили всерьез сдержать данное ими обещание — стереть крепость и ее защитников с лица земли. В тот же день, 30 июня, была предпринята невиданная до сих пор бомбежка. К исходу дня, когда все вокруг пылало, гитлеровцы ворвались в расположение нашего гарнизона. Те, кто уцелел, в большинстве своем раненые и контуженые, были захвачены в плен. Но некоторым защитникам форта все же удалось укрыться в подземных убежищах. В их числе был и я.

Три дня мы выжидали, затаившись по щелям. Фашисты, уверившись, что под развалинами похоронено все живое, покинули их. Тогда человек 20 снова собрались вместе; имея четыре ручных пулемета и достаточное количество боеприпасов и гранат, заняли оборону в Восточном форту. Днем мы прятались в казематах, ночью вели огонь по противнику, как только он появлялся в зоне досягаемости огня. Обнаружить нашу боевую группу было

довольно трудно, так как все время то тут, то там раздавались пулеметные очереди, треск винтовочных выстрелов уцелевших защитников крепости. Крепость жила, крепость не сдавалась.

Однако нам приходилось очень туго: иссякли и без того скудные запасы продовольствия. Мы ограничили себя 100 граммами сухарей в день.

Так прошло десять дней. Мы не теряли надежды прорваться на северо-восток от Бреста — к Беловежской пуще. Но 12 июля стычка с забредшими в наше расположение вражескими пулеметчиками выдала нас. Гитлеровцы немедленно подняли тревогу, обложили форт, пошли в атаку. В этом неравном бою погибло девять наших товарищей.

Мне с двумя уцелевшими пришлось вновь укрыться в подземных щелях. Фашисты, видимо, дожидались утра. Дальше оставаться стало невозможно. Тогда, посоветовавшись, мы все трое приняли решение — этой же ночью прорваться сквозь кольцо немецких солдат, окруживших форт, одновременно кинуть по гранате и пуститься бежать в разные стороны: на юг, на восток и на запад.

Мы так и сделали. Что стало с моими двумя товарищами, я не знаю, но мне все же удалось пробиться в северо-западную часть крепости.

У меня оставался один выход: вновь укрыться в одном из подземных казематов и дожидаться, пока фашисты снимут блокаду крепости. После долгих поисков я остановил свой выбор на маленьком угловом каземате близ полковой конюшни с двумя бойницами, дававшими хороший обзор местности и возможность отстреливаться. А чтобы не быть обнаруженным через дверь, я притащил в угол каземата кучу сухого конского навоза и замаскировался.

В этом убежище я скрывался три дня, пока нестерпимый голод не заставил меня отправиться на поиски какой-либо пищи. Так как я находился вблизи конюшни, то решил поискать что-нибудь из фуража. В темноте мне удалось нащупать в одном из помещений куски комбикорма. Я стал грызть их.

Затем по-пластунски дополз до обводного канала и напился. Так продолжалось несколько дней. Но затхлая, стоячая вода и пища, состоящая наполовину из мякины и рубленой соломы, сделали свое дело: у меня начались страшные рези в желудке.

Временами от голода и слабости я впадал в полубезумие. В минуты прояснения сознания передо мной с какой-то необычайной отчетливостью проходила вся моя жизнь. Далекая татарская деревенька Альвадино и в ней бедняцкая изба, где проходили мое сиротское детство, годы беспросветной нужды и батрачества. Затем — шумный город Казань. Работа в пекарне, на заводе.

И вот, как бы со стороны, я видел первые революционные демонстрации казанского пролетариата и себя, семнадцатилетнего, с кумачовой повязкой на рукаве, гордо шагающего в рядах первого отряда рабочей гвардии. Перед моим взором пронеслись, как в вихре, годы гражданской войны, бои с колчаковцами — от Перми до Иркутска, затем Западный фронт, борьба с деникинцами, ликвидация белых банд на юге...

В слабеющей памяти один за другим возникали этапы службы в Советской Армии — школа красных командиров, командование взводом, ротой, батальоном, Академия имени М. В. Фрунзе. И вот я — майор, командир полка. В суровую зиму 1939/40 года полк принял участие в схватках с белофиннами и хорошо выдержал этот боевой экзамен. С тех пор я уже не представлял себя без 44-го стрелкового полка.

Лежа с закрытыми глазами в углу каземата, вспомнил десятки родных лиц — бывалых комбатов, опытных командиров, молоденьких лейтенантов, рядовых бойцов и сержантов. Многих, очень многих я знал по фамилии, почти всех — в лицо. Где они сейчас? Что с ними? Чего бы я не отдал, чтобы оказаться вместе со всеми людьми, разделить с ними общую судьбу, как бы тяжела и трагична она ни была.

Нет, не смерть меня страшила тогда. С мыслью о ней, как о неизбежной, все мы, защитники кре-

пости, давно примирились. Тяжело было умереть безвестным, вдали от своих, окруженным и затравленным врагами. «Только подороже отдать свою жизнь,— размышлял я,— это последнее, что ты можешь сделать для родной страны, для своего народа».

И рука, даже в часы забытья, инстинктивно нащупывала оружие, которое у меня осталось: два заряженных пистолета и пять гранат... С ними я собирался достойно встретить свой смертный час.

Однажды я очнулся от громких голосов. Гитлеровцы разговаривали совсем рядом и шли прямо в мой каземат. Их, очевидно, привлекли мои стоны: они и меня самого часто заставляли пробуждаться. У моей двери раздались шаги кованых сапог. Значит, наступил мой последний бой. Я собрал остаток сил и, приподнявшись на локте, нажал на спусковой крючок пистолета. По раздавшимся воплям понял, что обойма выпущена не впустую.

Я не помню, сколько времени продолжался этот последний бой: может быть, час, а может быть, и дольше. Снаружи меня укрывали метровой толщины стены, а пулеметные очереди, пускаемые в амбразуры, поразить не могли. Это, конечно, отлично понимали фашисты. То и дело доносились их выкрики: «Рус, сдавай!» Я молчал. Голоса приблизились к самым амбразурам. Тогда в одну и в другую я кинул по гранате. Одновременно со взрывами вновь раздались истошные крики, проклятья и стоны. Затем все это отдалилось и наконец стихло. Видимо, раненых унесли. Я весь сосредоточился на одном: как эффективней израсходовать оставшиеся у меня гранаты и последнюю обойму «ТТ».

Тишина продолжалась недолго. Гитлеровцы дважды пытались подобраться к каземату с внешней стороны, с тыла, от дверей. У меня в обойме оставалось еще три патрона, но пустить их в ход мне уже не удалось. Неожиданно раздался страшный грохот, по глазам полоснуло пламя, и я потерял сознание.

Очнулся в немецком госпитале. Рядом со мной лежали раненные и контуженные советские бойцы и командиры, захваченные фашистами в плен. От наших пленных военных врачей, лечивших нас, узнал, что 23 июля меня доставили сюда без сознания.

Немецкий военный врач то и дело подводил к моей койке фашистских офицеров. Разглядывая меня, они о чем-то оживленно говорили. Однажды два немецких солдата подняли меня, прислонили к стенке и один из гитлеровцев в форме капитана стал меня фотографировать. Когда «гости» ушли, я вопросительно посмотрел на врача.

— Интересуются вами,— сказал он.

Прошло несколько дней, я едва держался на ногах, но меня привели на допрос.

— Звание, фамилия? — спросил через переводчика фашистский офицер.

— Лейтенант Галкин,— отвечаю.

— Врешь! Ты майор Гаврилов! — и он показал на мои петлицы.

Как ни истрепалась на мне одежда, два прямоугольника на одной из петлиц сохранились...

— Теперь будешь отвечать?..

— Ничего не знаю,— был мой ответ.

— Так сейчас узнаешь!

И расвирепевший гитлеровец стал бить меня по лицу, голове. Ударом кулака он свалил меня со стула и стал топтать сапогами, пока у меня изо рта и носа не хлынула кровь...

Так состоялось мое первое знакомство с «гуманным отношением к военнопленным», о котором нам столько трубили фашисты. Так началась моя почти четырехлетняя жизнь в гитлеровском плену.

Это были страшные годы...

Оборона Цитадели

Который день идет над Бугом
Смертельный бой за Цитадель.

Петр Приходько

Главное укрепление крепости — Цитадель — явилось самым крупным узлом обороны. Подразделения, располагавшиеся здесь, активно включились в борьбу с врагом. На второй день войны клуб 84-го полка¹ и другие здания, захваченные противником при внезапном нападении, за исключением нескольких помещений между Тереспольскими и Холмскими воротами Цитадели, были отбиты. В ходе дальнейших боев здания церкви и комсоставской столовой неоднократно переходили из рук в руки.

Боевые группы, организовавшиеся в Цитадели в первые дни боев, не имели единого командования. У Холмских ворот оборону держали бойцы 3-го батальона и штабных подразделений 84-го стрелкового полка под руководством полкового комиссара Е. М. Фомина.

В северной и северо-восточной части Цитадели и в здании Белого дворца действовали подразделения 455-го стрелкового и 33-го инженерного полков, 75-го Отдельного разведывательного батальона. Ими руководили лейтенант А. А. Виноградов² и политрук П. П. Кошкар³.

¹ Клуб 84-го полка располагался в здании бывшей церкви, и многие защитники называют это здание просто «церковь», или «костел».

² Воспоминания А. А. Виноградова см. на стр. 351.

³ Воспоминания П. П. Кошкар³ см. на стр. 387.

В северо-западной части Цитадели держались бойцы полковой школы и штабных подразделений 44-го стрелкового полка. На этом участке боевыми действиями руководили помощник командира 44-го стрелкового полка по снабжению капитан И. Н. Зубачев, начальник полковой школы старший лейтенант В. И. Бытко¹ и помощник начальника штаба полка старший лейтенант А. И. Семеновко².

В районе Тереспольских ворот отражали натиск врага бойцы 333-го стрелкового полка и воины-пограничники под руководством старшего лейтенанта А. Е. Потапова³, лейтенанта А. С. Санина⁴ и начальника 9 заставы лейтенанта А. М. Кижеватова⁵.

Очевидно, по распоряжению старшего лейтенанта Потапова, дежурившего по полку в ночь на 22 июня, на важном рубеже у Тереспольских ворот заняли оборону курсанты полковой школы 333-го стрелкового полка во главе с помощником дежурного по полку лейтенантом А. Ф. Нагановым⁶.

24 июня гитлеровцы форсировали левый рукав Мухавца и захватили еще часть казарм между Тереспольскими и Холмскими воротами, что серьезно осложнило положение оборонявшихся.

Командный пункт полкового комиссара Фомина, до этого находившийся в подвале здания Инженер-

¹ Погиб.

² Воспоминания А. И. Семеновко см. на стр. 441.

³ По картотеке Главного Управления кадров МО СССР А. Е. Потапов — лейтенант. Судьба его неизвестна.

⁴ Воспоминания А. С. Санина см. на стр. 457.

⁵ Погиб. Его именем названа одна из ограниченных застав.

⁶ Летом 1949 года при разборке завала Тереспольской башни были обнаружены останки 15 погибших воинов. Известно, при каких обстоятельствах они погибли, но было ясно, что они пали на боевом посту. Рядом с останками — винтовки, стреляные гильзы; в кармане гимнастерки Наганова комсомольский билет, а в пистолете — одна пуля в патроннике, другая в магазине. По красноармейской книжке был опознан также рядовой Горохов. Наганов А. Ф. посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. В г. Бресте его именем названа одна из улиц.

ного управления, переместился в казарму у Брестских ворот. Сюда же отошли и бойцы 84-го стрелкового полка, оставив группу прикрытия в здании Инженерного управления.

Ход обороны настоятельно требовал объединения всех сил защитников Цитадели. По инициативе полкового комиссара Е. М. Фомина и капитана И. Н. Зубачева во второй половине дня 24 июня в одном из казематов Инженерной казармы собрались командиры и политработники. В Приказе № 1, который явился результатом совещания, говорилось: «Создавшаяся обстановка в крепости требует единого руководства и организованного боевого действия. Для дальнейшей борьбы с противником руководство и командование: полковой комиссар Е. М. Фомин — 84-й стрелковый полк, капитан И. Н. Зубачев — 44-й стрелковый полк, лейтенант Виноградов — 455-й стрелковый полк — решили объединить оставшиеся силы воинских частей в сводную группу...

Командование сводной группой поручить капитану И. Н. Зубачеву, его заместителем назначить полкового комиссара Е. М. Фомина, начальником штаба группы — старшего лейтенанта А. И. Семенов (44-й стрелковый полк)¹. Всем командирам оставшихся частей... учесть бойцов по списочному составу и сформировать роту в составе 4 взводов — 3 стрелковых и 1 пулеметного...

Боевой приказ поступит после представления списков и окончательной организации подразделений»².

В обстановке все нарастающего накала боевых действий штаб умело и решительно руководил обороной. Его приказы доводились до сведения бойцов и беспрекословно выполнялись. По одному из них зарыли знамена и документы.

¹ К исполнению обязанностей начальника штаба не приступал, так как с самого начала боевых действий стал одним из руководителей обороны в северо-западной части Цитадели.

² Документ найден при раскопках крепости в марте 1951 года. Оригинал хранится в ЦМСА в Москве.

Необходимо было удерживать огромный фронт оборонительной казармы, обеспечивать сражавшихся боеприпасами, изыскивать воду и продовольствие, оказывать помощь раненым, заботиться о судьбе женщин и детей. Несколько раз штаб пытался установить связь с вышестоящим командованием, но безуспешно.

В своей деятельности штаб опирался на партийную организацию, созданную в ходе боев. Коммунисты и комсомольцы объединяли бойцов, увлекали их на подвиги личным примером.

В воспоминаниях многих защитников рассказывается о деятельности штаба, раскрываются замечательные качества советских бойцов, командиров и, в первую очередь, руководителей обороны коммунистов Зубачева и Фомина.

Сын крестьянина-бедняка, уроженец Луховицкого района, Московской области, Иван Николаевич Зубачев с детства познал нужду и лишения. Он рано связал свою жизнь с партией коммунистов. В 1918 году был членом Комитета бедноты. В том же году, когда над республикой Советов нависла смертельная опасность, молодой коммунист добровольно вступает в ряды Красной Армии. Спустя некоторое время он — слушатель первых Московских пулеметных курсов. Вместе с другими курсантами Зубачев несет караульную службу по охране Кремля. Потом Южный и Западный фронты, участие в боях против Деникина и белополяков. Теоретические и практические знания, приобретенные в годы гражданской войны, углублялись и расширялись в напряженной учебе мирных будней. В 1939 году он окончил Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел».

Серьезной проверкой боевых качеств Зубачева явилось участие в боях с белофиннами. К началу Великой Отечественной войны это был опытный, волевой командир. Пробившись в первый день войны в осажденную фашистами крепость, Зубачев сразу оказался в гуще боя. И не случайно на совещании командиров 24 июня 1941 года, когда

решался вопрос о руководстве обороной Цитадели, его фамилия была названа первой.

Верным другом и помощником капитана Зубачева стал полковой комиссар Ефим Моисеевич Фомин. Уроженец Лиозненского района, Витебской области, Фомин шести лет остался без родителей. Он прошел суровую жизненную школу. Комсомол, рабочий коллектив воспитали его, учеба в совпартшколе расширила кругозор, способствовала формированию характера и взглядов. В январе 1930 года Фомина приняли в члены ВКП(б). С годами он становится зрелым партийным работником. Жизнерадостность, чуткость и заботливость — вот те качества, которые были присущи этому замечательному человеку. В марте 1932 года Е. М. Фомин по партийной мобилизации ЦК ВКП(б) был направлен на политработу в РККА. С этого времени все свои знания и силы он отдает политическому воспитанию бойцов, учит их верности Родине, воинскому долгу. В то же время Фомин много работал над совершенствованием своих политических и военных знаний. В 1938 году он успешно окончил военно-политические курсы. И когда началась война, показал себя смелым и сильным человеком. По его инициативе создается партийная организация из коммунистов разных подразделений. Ночью и днем, во время бомбежки и атаки — всегда можно было видеть Фомина среди бойцов. Теплели их взгляды при появлении комиссара, забывались усталость и бессонница. «Душа обороны» — так называли они его.

Шли дни ожесточенных боев. Положение осажденных становилось все тяжелее. В связи с этим Зубачев и Фомин приняли решение прорваться из вражеского кольца. За необходимость выйти из окружения говорило все: бои вывели из строя значительную часть личного состава, на исходе были боеприпасы. Недоставало воды и продовольствия. С каждым часом становилось все яснее, что удержать почти двухкилометровое кольцо оборонительной казармы невозможно. Была сформирована груп-

па из добровольцев во главе с лейтенантом Виноградовым. В случае удачи в пробитую брешь должны были выйти основные силы. Скрытно подготовившись к прорыву, группа лейтенанта Виноградова днем 26 июня внезапно бросилась вплавь через Мухавец. Это было настолько неожиданно и дерзко, что противник опешил и открыл огонь только тогда, когда бойцы оказались на противоположном берегу. Однако, опомнившись, гитлеровцы открыли такой ожесточенный огонь, что переправа остальных подразделений была сорвана. Выполняя приказ штаба обороны, отряд лейтенанта Виноградова с боем прорвался за пределы крепости на Московское шоссе. Однако к исходу 27 июня попал под удар танков и мотопехоты гитлеровцев, двигавшихся по шоссе, и в тяжелом кровопролитном бою был разгромлен.

Попытки совершить прорыв из вражеского кольца предпринимались также в районе 44-го и 333-го стрелковых полков, но только отдельные небольшие группы смогли прорваться.

Оставшиеся держались до последнего патрона, до последнего дыхания. Но теперь положение в крепости еще более усложнилось. Нарастая с каждым часом, шла борьба за отдельные части зданий, узкие казарменные переходы и чердаки. Нередко на одном этаже помещения были наши, а на другом — гитлеровцы.

Многие здания, защитники которых оказывали особенно упорное сопротивление, фашисты варварски подрывали. В отдельных местах они применяли огнеметы, дымовые пашки и даже слезоточивые газы. Русла рек Мухавец и Западный Буг вражеские саперы перегородили колючей проволокой.

Особенно тяжелыми для защитников крепости были 29 и 30 июня — два жарких дня, в течение которых гитлеровцы почти непрерывно штурмовали крепость. От взрывов бомб сотрясались и рушились укрепления, глохли люди. 30 июня бомба попала в казарму возле Брестских ворот, где размещался

штаб¹. И. Н. Зубачев и Е. М. Фомин были полузава-
лены, тяжело контужены и пленены. Полкового ко-
миссара Е. М. Фомина гитлеровцы опознали и рас-
стреляли неподалеку от Холмских ворот. Капитан
И. Н. Зубачев погиб в 1944 году в концлагере Хам-
мельбург².

Но борьба еще не была окончена. Общая оборона
превратилась в оборону отдельных участков и оча-
гов. В глубоких подвалах полуразрушенных зданий
Западной и Центральной части укрепления продол-
жали сражаться. Последние защитники Цитадели
держались до середины июля.

¹ Некоторые документы и материалы штаба обороны были
найжены в марте 1951 г., когда при разборе развалин каземата
Инженерной казармы, возле Брестских ворот Цитадели, нашли
останки 34 бойцов и командиров. На трупах — в карманах,
планшетах и полевых сумках — был обнаружен ряд докумен-
тов и записей о боях. В числе найденных материалов были:
шефское знамя от Исполкома Коминтерна 84-му стрелковому
голку, полковая печать, Приказ № 1 по гарнизону Брестской
крепости от 24 июня 1941 г., списки бойцов одного из подраз-
делений, список раненых и др.

² Е. М. Фомин посмертно награжден орденом Ленина.
И. Н. Зубачев посмертно награжден орденом Отечествен-
ной войны I степени. Новые улицы Бреста названы их име-
нами.

МЕЛЬНИКОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ, рядовой транспортной роты 84-го стрелкового полка. Сражался в Цитадели крепости на участке у Холмских ворот. 29 июня, тяжело раненный, попал в плен. Весной 1945 года был освобожден, после чего находился в рядах Советской Армии.

В настоящее время живет и работает на рыбозаводе имени Буденного в городе Астрахани. Награжден медалью «За отвагу».

21 июня 1941 года мне было приказано оборудовать грузовую автомашину скамейками, привезти командиров и членов их семей к 8 часам вечера в крепость к комсоставской столовой, где, как я узнал, состоится вечер. А 22 июня, к 7 часам утра мне надлежало подать машину в штаб дивизии, так как командиры собирались ехать на штабные занятия в поле.

Я все выполнил и часа в два ночи лег спать.

Усталость быстро взяла свое, и я крепко уснул. Внезапно сквозь сон послышался какой-то взрыв, потом другой. Мы все проснулись и только хотели подойти к окнам посмотреть, что там творится, как на нас обрушились стены; кругом все дрожало. Бойцы бросились к выходу, но многие тут же упали, скошенные вражескими пулями.

Бомбежка длилась примерно час. Затем наступила тишина. Оставшиеся в живых быстро оделись, взяли оружие и послали связного из нашего подразделения в штаб полка, чтобы узнать, в чем дело. Минут через 5—6 он возвратился и объявил — война.

Я быстро раскупорил ящики с боеприпасами, их было штук 15. Все красноармейцы сразу же разобрали патроны и бросились к окнам занимать оборону.

Бой продолжался целый день. Бывало, немцы бомбят, мы — в укрытие; как только бомбежка стихнет — мы начинаем стрелять. Командиров в нашем подразделении не было, но мы все понимали, что надо защищаться. Патроны уже кончались, когда к нам из штаба пришел связной и сказал, что мы должны идти в склад боеприпасов и получить там оружие. Склад находился недалеко от столовой 84-го полка. Группами по 3—4 человека мы стали бегать за патронами; пришла и моя очередь. Когда я добрался туда, то увидел, что боеприпасы раздавал какой-то лейтенант и тут же, в течение нескольких минут, учил многих, как обращаться с новым автоматом.

На второй или третий день я и еще один боец, азербайджанец по национальности, решили залезть на верхний этаж над воротами, где помещался наш музвзвод, чтобы оттуда лучше обозревать кругом обстановку. Залезли и видим, что немцы метрах в 70 от нас наводят понтонный мост. Мы тут же открыли огонь: мой товарищ азербайджанец — из ручного пулемета, а я — из автомата; фашисты убежали, оставив много убитых и раненых.

Вскоре после этого мы заметили орудие, которое стояло по ту сторону речки, метрах в 200 за насыпью, и вело огонь по соседним подразделениям. Кто-то из защитников сказал, что нужно доложить об этом комиссару Фомину, может быть, у нас есть минометы, тогда навесным огнем мы уничтожим пушку. Я хорошо знал расположение места и мог дать правильный ориентир, поэтому охотно вызвался доложить. Когда я подбежал к штабу полка и спросил у ребят, где Фомин, они направили меня за ограду, которая находилась недалеко от штаба. Там лежали рядом комиссар Фомин и секретарь комсомольского бюро Матевосян.

Матевосян был одет в гимнастерку полкового комиссара, у него была перевязана голова. Я обратился к Фомину, прося помочь нам минометами, но Фомин ответил, что минометов нет. Матевосян спросил, где находится наше подразделение.

Я быстро рассказал, тогда он ответил мне: «Хорошо, держитесь». Не успел я отбежать, как с западной стороны над крепостью повис немецкий наблюдатель. Четыре красноармейца стали тянуть 45-мм пушку, чтобы стрелять из нее по наблюдателю; я помог им установить ее. С нами находился артиллерист, который и вел огонь, принудив вражеского наблюдателя спуститься.

28 июня меня сильно контузило в подвале. Помню, поздно вечером в тот же день ко мне в подвал, где помещался наш «госпиталь», пришел проститься мой земляк и товарищ по службе Петр Моршнев¹; он решил с группой пробиваться на восток. Больше я его не видел.

На следующее утро я вместе с ранеными был захвачен в плен.

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 42, лл. 3—7.

¹ Рядовой П. Г. Моршнев — техник-смотритель военных зданий 84-го стрелкового полка. Ныне живет и работает в г. Энгельсе, Саратовской области.

ФИЛЬ АЛЕКСАНДР МИТРОФАНОВИЧ, рядовой, писарь 84-го стрелкового полка, группкомсорг. Сражался в Цитадели крепости на участке у Холмских и Брестских ворот по 28 июня. Получив тяжелую контузию, в бессознательном состоянии попал в плен.

Находился в лагерях для военнопленных вначале близ Бяла-Подляски, а затем в Норвегии. Освобожден весной 1945 года.

Сейчас **А. М. Филь** живет и работает в Якутской АССР. Член КПСС. Награжден орденом Отечественной войны I степени.

Наши командиры

Штаб нашего 84-го стрелкового полка располагался у Холмских ворот. В то время я был писарем штаба, а когда некоторые подразделения вышли на полигон, остался вместо заведующего делопроизводством строевой части П. Невзорова¹. Моим непосредственным начальником был помощник начальника штаба капитан А. Я. Грибакин.

Я хорошо помню, что в ночь накануне войны в нашем полку оставались: полковой комиссар Фомин, секретарь комсомольского бюро Матевосян, врачи срочной службы Ахвердиев и Бардин, заведующий аптекой Суховерхов, фельдшер Солозобов, замполит роты Леонов, старшина роты связи Меер², бойцы Осмаков, Артемов, писаря Жигунов³, Копонев, Лыков, Ребзуев⁴, Исаев⁵, Иванцов, Андрущенко и другие.

На рассвете 22 июня 1941 года мы проснулись от сильного шума. Вначале огненные вспышки все приняли за блеск молний, а взрывы тяжелых сна-

¹ Техник-интендант 2-го ранга.

² В. Э. Меер — старшина роты связи, комсомолец. Погиб.

³ Воспоминания А. В. Жигунова см. на стр. 287.

⁴ Старший сержант, писарь отдела вещевого снабжения А. С. Ребзуев проживает в Великолукской области. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

⁵ Рядовой, писарь части, комсомолец Ф. Д. Исаев погиб.

рядов — за громовые раскаты. Через несколько минут мы уже были у дежурного по штабу. Туда пришли полковой комиссар Фомин, секретарь комсомольского бюро Матевосян, дежурный по части лейтенант Кузнецов. Крепость заволокло дымом, пылью. В воздухе пахло гарью. Артиллерийский обстрел продолжался с нарастающей силой. Все, что могло гореть, горело. Даже всемогущее солнце и то чуть-чуть пробивалось красным пятнышком в разбитое окно. Под оглушительный грохот комиссар крикнул, что началась война.

...К оружию рванулись тотчас руки,
На память каждый место знал свое.
Винтовки, пулеметы, ленты, сумки
Наощупь разобрали и... в ружье¹.

Снаряды врага, ударяясь о кирпич крепостной стены, отлетали, оставляя глубокие раковины. Мины и авиабомбы разрушали крыши. Крепость стонала под тяжестью многих тонн раскаленного металла. Появились первые жертвы: жены офицеров Власкина и Ованесова. С оторванной рукой и ногой выбросило взрывной волной грудного ребенка Власкина. На короткое время огонь был прекращен, и фашисты бросились в крепость. Одновременно они по реке на резиновых моторных лодках пытались проскочить к нам в тыл, вооруженные крупнокалиберными пулеметами и автоматами. Мы видели, что склады боепитания и продовольствия уже горят, и потому решили сразу перейти на экономное расходование каждого патрона. Стреляли только по цели. Метко вели огонь комсомольцы Александр Копонев, Александр Жигунов и другие. От автоматных выстрелов несколько лодок взорвалось, а другие просто потонули. Таким образом, «воинственный» пыл гитлеровцев охладили воды Мухавца. Больше лодки не появлялись. Через некоторое время группа фашистов, просочившись во внутрь крепости, двинулась со стороны Тересполь-

¹ Из стихотворения автора воспоминаний.

ской башни к зданию Белого дворца¹. Навстречу им вышли бойцы и в штыковой схватке ликвидировали врага.

Проходя по линии обороны, полковой комиссар Фомин добрым словом вдохновлял бойцов на ратные подвиги: «Вы родились в дни Октября, друзья мои, так давайте защищать его победу, чтобы Родина гордилась Вами, чтобы каждый, кому посчастливится остаться в живых, мог сказать: я сделал все возможное, моя совесть чиста». Бойцы верили своему «отцу», как называли они комиссара в полку.

Убедившись, что крепость нелегко взять, немцы попытались просочиться в наши ряды под видом больных из госпиталя, в нижнем белье и халатах. Один из них был нами опознан, мы обнаружили у него под халатом автомат. Пытались пробраться фашисты и в штатской одежде с высоко поднятыми руками, но и эти уловки были разоблачены. Тогда они стали уговаривать нас не проливать зря крови, обещая нам сохранить жизнь. В ответ получали свинец.

Наступил вечер. Немцы вновь начали агитировать нас через радиорупоры сдаваться в плен, но их никто не слушал. Ночь мало чем отличалась ото дня, так как крепость освещалась ракетами на

¹ Некоторые защитники крепости, в том числе и автор этого воспоминания, ошибочно называют Белым дворцом массивное здание Инженерного управления крепости. Белый дворец находился в 300 м восточнее. При нападении фашистской Германии на Польшу в 1939 г. оба здания были частично разрушены. В здании Инженерного управления в 1917—1918 гг. проходили переговоры советской делегации с делегациями стран германо-австрийского блока о мире.

Сооружение Белого дворца относится к 1620 году. Первоначально в нем размещался католический монастырь, позднее офицерское собрание. 3 марта 1918 года в Белом дворце был подписан Брестский мир. Накануне войны в нем располагался штаб 75-го Отдельного разведывательного батальона 6-й стрелковой дивизии. Во время боев в июне — июле 1941 года здание было важным узлом обороны и неоднократно переходило из рук в руки. В его подвалах находились раненные. При разборе завалов в 1959 году обнаружены останки 48 погибших, на стене одного из подвалов — надпись: «Умираем, не срамя...»

парашютах. Треск пулеметов не умолкал. Огневых точек врага становилось все больше. Надо было их ликвидировать. Рискуя жизнью, неизвестные мне бойцы подползли к огневой точке и уничтожили ее, потом заняли это место сами и открыли огонь по фашистам. Обозленный враг бросил на рассвете новые силы, пытаясь штурмом проскочить мост через Мухавец. На мосту и возле него то и дело завязывались штыковые схватки. Много верных сынов нашей Отчизны осталось на этом маленьком поле боя.

В первые часы войны наш штаб пытался связаться со штабом дивизии, с другими полками, но связь была прервана. Тогда были организованы группы связи, которые отправлялись на соседние участки обороны.

Положение усложнялось. Тактика немцев — забрасывание гранатами — причиняла нам немалый урон. Надо было найти способ борьбы с ними. И он был найден. Трое бойцов засели под мостом и одиночными выстрелами обезвреживали фашистов.

Тогда немцы попытались пробраться в наш тыл по чердакам со стороны Тересподьской башни. Им удалось произвести несколько взрывов через дымоходные трубы, но потом мы ликвидировали врагов. Бойцы решили сделать засаду за трубами. В случае надобности можно было использовать пролом в крыше, чтобы остаться в тылу врага и открыть по нему огонь. Мы забросали группу немцев гранатами. Двое моих товарищей пали смертью героев, двое были тяжело ранены. Я выскочил на крышу с легкой осколочной раной. Фашисты двинулись вперед. Спустившись с крыши, открыл огонь. Враг, очевидно, подумал, что попал в ловушку, так как на помощь нам двигалась группа бойцов. Фашисты остались на чердаке. С западной части крепости гитлеровцы вновь бросили большую группу своих автоматчиков, которым удалось занять здания гарнизонного клуба и комсоставской столовой. На помощь соседним подразделениям выступила к зданию клуба группа бойцов 84-го стрелкового полка. Надо было уничтожить

очаг огня в тылу. Отправляя бойцов на эту операцию, комиссар Фомин сказал: «Будьте беспощадны к врагу, берегите один другого».

Наступила еще одна ночь. Отсутствие пищи, воды, боеприпасов тяготило воинов. Порой приходило отчаяние, и уже готов был пустить пулю в себя, но мысль о Родине, о мести врагу возвращала бодрость. В минуты затишья, а они были слишком коротки, бойцы вспоминали родные места, мирную жизнь, семью. Незаметно, как всегда, подходил комиссар и, вступая в разговор, рассказывал нам о тяжести битв в годы революции. От его простых и теплых слов становилось легче на душе.

В глубокую полночь высоко в звездном небе прогудели самолеты, идущие с востока на запад. Кто-то успел сосчитать и сказал, что их 30. Раздались частые выстрелы вражеских орудий, и вспышки огня показались намного ниже самолетов.

— Наши,— произнес кто-то, и радость озарила измученные лица воинов.

— Пошли бомбить Гитлера, молодцы летчики, дай бог им удачи,— проговорил один пожилой боец-белорус из запаса.

— Гитлер еще испытает нашу силу, пусть мы умрем, но за нас отомстят. Горько будет ему за слезы наших матерей, отцов, братьев...

Пулеметы врага по-прежнему не умолкали, но мы уже привыкли к этим звукам. Трескотня автоматов уже воспринималась просто как необходимое музыкальное сопровождение наших будней. Нередко во время перестрелки и даже боя мне чудилось широкое, зеленое поле, яркое мерцание звезд и неумолчный треск цикад.

После одного из авианалетов в крепость зашли танки. Один из них приблизился к нашим дверям, повернул к ним ствол орудия, а пулеметы направил на окна, но... тут же со второго этажа и в этот и в другие танки одна за другой полетели гранаты.

С противоположного берега Мухавца немцы периодически посылали нам «подарки» из 50-мм миномета. Два неизвестных мне бойца проскочили

речку под водой и захватили этот миномет. Одного тут же убило, а второй с минометом в руках переправился вплавь, но был тяжело ранен. На помощь ему выскочил боец А. Копонев. Миномет и три мины были у нас, а смельчака мы укрыли в подвале. Право стрелять из миномета получил А. Копонев. Приспособив его у окна, парень навел прицел и выстрелил — раздался взрыв, уложивший несколько немецких автоматчиков.

В этот момент к нам подошел худощавый среднего роста человек в возрасте примерно около сорока лет. На петлицах его гимнастерки, выглядывавших из-под фуфайки, была шпала. Он спросил, как идут у нас дела, представился, что он капитан Зубачев, и сказал, что он будет вместе с нами.

Враг наступал со всех сторон. Тяжелый оборонительный бой вели бойцы взвода противотанковых орудий. В нашем расположении осталось по человеку на одно, а кое-где и на два окна. Боеприпасы были только трофейные.

В полдень комиссар Фомин приказал нам оставить незаметно свои боевые места и перебраться в здание отдельного саперного батальона. Во второй половине дня там собрались комиссар Фомин, капитан Зубачев и другие командиры. На этом совещании, проходившем под аккорды разрывов авиабомб и орудийных снарядов, был создан штаб обороны крепости. Мне было приказано находиться при капитане Зубачеве.

Ворвавшись в оставленное нами здание, враги нашли там лишь пустые стены да развалины. Документы штаба были сожжены, знамена унесены. Враг начал применять огнеметы, участились взрывызданий. Основной задачей бойцов было не подпустить врага, изматывать его живую силу. По указанию Фомина организовались комсомольские группы прорыва, но пройти им не удалось, так как немцы сосредоточили вокруг нас громадные силы. Мы поняли, что помощи не будет. Это еще больше ожесточило нашу борьбу. Решено было сражаться до последнего вздоха.

Повсюду, где грозила опасность, появлялся капитан Зубачев, который своим мужеством и знаниями вселял веру в правоту нашей борьбы. «Война жестока, очень много унесет она жизней, но пройдут годы, и о наших делах будут рассказывать детям и внукам нашим. Будьте достойны этой памяти», — говорил он в тяжелые минуты, а легких — у нас не было. Мы очень гордились мужеством Зубачева. Кто испытывал и голод и жажду, тот поймет, что значит не есть, не пить, в жаркие дни июня в огненном кольце. Кончились боеприпасы. Наступил период рукопашных схваток. Борьба за каждый этаж, комнату, за угол была непримиримой.

Теперь мы уже не отличали день от ночи; рукопашные схватки с врагом почти не прекращались. Капитан Зубачев бросался вместе с нами в самые опасные места. Иногда я старался удержать его, тем более что он был не единожды ранен. Но за это Зубачев не благодарил меня. «Здесь решается судьба нашей воинской чести, а ты об осторожности», — резко отвечал он в ответ на мои слова.

26 июня мне было приказано занять боевой пост в третьей комнате от подъезда и держать там оборону. В последние минуты, когда я был вместе с Зубачевым у Фомина, комиссар сказал: «Родина победит, если даже фашисты глубоко вторгнутся на нашу землю. Наполеон был даже в Кремле, но вы знаете его конец. Жаль только, что нам не дожить до дня победы. Наш долг сражаться, сражаться, сражаться».

Короткая комсомольская летучка и на этот раз решила продолжать борьбу до последнего удара пулса. В памяти каждого бойца были свежи воспоминания о Николае Островском, о его замечательной книге «Как закалялась сталь». Мы распределили обязанности таким образом, чтобы в случае прорыва врага через первую и вторую комнаты можно было встретить его по-настоящему. Теперь у нас крепостью стала каждая комната. Все маленькие группы охраняли подступы к себе. Два че-

ловека находились у окна, один у дверей и один в запасе.

Противник окружил нас во много раз превосходящими силами, нас, имеющих по одному патрону на человека да острый штык. Наступление немцев шло волнообразно: то они бросались вперед, то отступали и открывали артиллерийский огонь. Самым драгоценным для нас были патроны, и если кому удавалось найти хоть один, его считали счастливецом: значит, еще один гитлеровец отдаст богу душу.

Конечно, никто из нас не считал, сколько кому пришлось уложить непрошенных гостей, но на долю каждого приходилось их достаточно. Теперь трудно сказать, кто был инициатором добычи боеприпасов путем мнимой капитуляции, но действовали мы согласованно. Когда немцы пошли на очередную штурм, мы укрылись за стенами и ждали, пока враги приблизятся. Обнаглевшие фашисты подумали, что «рус капут», и начали прыгать в окна. Каждого прыгавшего мы тут же «успокаивали». Это гостеприимство продолжалось до тех пор, пока они наконец не поняли нашу затею и не перестали прыгать. Зато у нас скопилось некоторое количество боеприпасов и оружия, и мы не замедлили пустить их в дело. Трудно, очень трудно приходилось, но никто не заикался об этом, думали о том, как бы подороже отдать свою жизнь.

Ночью гитлеровцы предприняли другой вид штурма. В тот момент, когда в воздухе рассыпались сотни ракет, они перебежками приближались к стенам и забрасывали нас гранатами. Кольцо суживалось. Вооруженный до зубов неприятель наступал против горстки бойцов, вооруженных только волей к борьбе.

Передышек уже не было. Самым грозным оружием, которым мы владели, было громовое «ура!» Нередко этим «оружием» мы добывали настоящее, подбирали его после каждого бегства гитлеровцев. По крышам и чердакам пробирался враг и под защитой своих огнеметов взрывал, взрывал...

Немцы много говорили о продвижении своей армии в глубь нашей Родины, предлагали прекратить сопротивление, но ответ был один — огонь. Тогда через рупоры громкоговорителей полетели угрозы: «...если не сдадитесь, сотрем с лица земли и крепость и всех, кто в ней...» Ответ — огонь. Каждую словесную угрозу враг подкреплял артиллерийской канонадой. Возможно, они надеялись запугать нас, но разве могли эти жалкие пигмеи понять душу русскую, душу советскую!

Враг, расчищая себе путь гранатами, рвался вперед. Притаившись за стеной у дверей, один раненый, измученный боец на моих глазах бросился на шею фашисту и, сжав горло врага исхудавшими руками, повалился замертво. Рядом раздался взрыв, и я потерял сознание.

...Так, верная долгу солдата,
С границ убирая нечисть,
Штыком, автоматом, гранатой
Сражалась Брестская крепость...¹

Научно-вспомогательный фонд Брестского областного краеведческого музея, № 3370, лл. 1—8.

¹ Из стихотворения автора воспоминаний.

ЗАБИРКО ФЕДОР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ, младший лейтенант, командир взвода полковой школы 44-го стрелкового полка.

Сражался в Цитадели крепости на участке у Холмских и Брестских ворот по 26 июня.

В настоящее время Ф. Е. Забирко живет в Луганской области. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

На боевом посту

Когда я вошел в спальню, потолок там уже был пробит снарядами. Ободряя растерявшихся, я торопил курсантов быстрее выбираться из помещения. Обстрел не утихал ни на минуту. Я устремился к выходу через Северные ворота. Мне навстречу бежали курсанты и бойцы других подразделений, которые сообщили, что враг преградил выход к Северным воротам и захватил мост через Мухавец. Тогда мы повернули к Южным воротам.

Там, в казарме 84-го полка, я встретил полкового комиссара Фомина с бойцами. Он коротко объяснил мне обстановку и приказал занять оборону здесь же, в самом здании. Мы расположились на втором этаже. Обстрел немного утих, и мы имели возможность осмотреться, распределить всех бойцов по местам. Из окон казарм было видно, как в госпитале немцы забирали в плен наших больных. Стреляли мы одиночными выстрелами из винтовок, чтобы не поражать своих больных. Некоторым из них удалось бежать под прикрытием нашего огня в Цитадель. Они тут же передевались, находили оружие и включались в оборону.

Нам сообщили: «Немцы в центре у нас». Находившиеся внизу бойцы вместе с комиссаром Фоминым пошли в контратаку. В скором времени враг был прижат к реке и часть фашистов вплавь начала

перебраться на Южный остров. Однако наши бойцы, засевшие на втором этаже, уничтожили их.

Командование противника, очевидно, было слишком уверено в успехе своего прорыва, так как сразу же с запада на Мухавце появилась моторная лодка. В ней находилось 5—6 немецких офицеров в фуражках и черных клеенчатых плащах. От неожиданности мы даже перестали стрелять по госпиталю: так дерзко и нахально немцы вторгались к нам, да еще стоя в полный рост. Но эта растерянность продолжалась мгновение. Затем последовал такой огонь, что вода вокруг лодки забурлила от пуль. Лодка тотчас же взорвалась и со всем экипажем пошла ко дну.

Началась обычная в обороне работа: наблюдение, поиски цели, обеспечение боеприпасами. На нижнем этаже находился военоторговый магазин, где был хлеб, кондитерские изделия и т. д. Мы его открыли, и бойцы получили свой первый военный паек.

Немцы ожесточились. В один из дней они подтянули артиллерию к насыпи за рекой со стороны госпиталя и, выкатывая орудия наверх, прямой наводкой на расстоянии 100—120 метров вели огонь по окнам. Из здания бывшей церкви гитлеровцы корректировали огонь. Я получил приказ от Фомина занять со своей группой оборону в подвале здания управления крепости и поддержать огнем очередную атаку наших бойцов и бойцов 333-го полка. Немцы, находившиеся в церкви, решили уйти в направлении Северных ворот, стремясь поскорее добраться до моста через Мухавец, который ими контролировался. Но выбежав из церкви, они попали под наш огонь и были перебиты.

Через связного комиссар Фомин передал нам приказ соединиться с группой капитана Зубачева. Около 4—5 часов дня мы уже были в казарме саперного батальона. Зубачев приказал мне и другим командирам собрать всех курсантов школы, учесть людей, оружие, боеприпасы, а также подумать о воде и продовольствии. Необходимо было прежде все-

го ликвидировать группу автоматчиков, которая находилась у моста через Мухавец. Руководил этой операцией незнакомый мне командир.

Наблюдатели сообщили, что фашисты вышли из-под моста и вошли под нашу арку. Очевидно, они не хотели рисковать и укрылись в нашем же помещении. Капитан Зубачев занял оборону во втором от арки подъезде. Первый подъезд не был занят, но не сообщался с нами проходом. Поэтому мы решили пробить во втором этаже стену и выкурить немцев из их убежища. Нашли саперные инструменты, просверлили отверстие. К моей группе подошел командир и предложил: «Желающие выбить немцев, пошли за мной». 5—6 курсантов и я последовали за ним. Всего нас собралось 10—12 человек. С гранатами и пистолетами мы спустились по лестнице на нижний этаж в помещение кухни. Здесь никого не было. Пройдя раздаточный цех, мы увидели в стороне дверь, ведущую, очевидно, в кладовую. Послышался шорох, и мы насторожились. Было ясно, что там спрятались немцы, так как на наш оклик и требование выходить никто не отозвался. Одна за одной туда полетело несколько гранат. Минуту спустя раздался женский голос: «Выходят». Из кладовой показалось трое немцев с поднятыми руками, осыпанные штукатуркой, и женщина с мальчиком 3—4 лет на руках. Кто-то из бойцов взял у нее ребенка, и тот доверчиво прижался к нему. Женщину, еще не оправившуюся от переживаний, под руку отвели к своим. Немцев же под охраной доставили в штаб обороны. Начался их допрос и обыск. Допрос вел тот же незнакомый мне командир, который умел немного говорить по-немецки. От пленных узнали, из какой они дивизии и откуда прибыли.

СОЛОЗОВОВ ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ, старшина санитарной службы, санинструктор 84-го стрелкового полка.

Сражался в Цитадели в районе Холмских ворот. 29 июня 1941 года, тяжело контуженный, попадает в плен. Вначале находился в лагере Бяла-Подляска, затем в лагерях Восточной Пруссии, Финляндии, Норвегии. Попытка бежать, но безуспешно. Освобожден из плена в мае 1945 года.

В настоящее время В. С. Солозобов живет и работает в Тамбовской области. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

До последнего дыхания

21 июня 1941 года в 8 часов вечера меня принимал по личному вопросу полковой комиссар Ефим Моисеевич Фомин.

— Ну, выкладывайте, что у вас, — сказал он.

Я коротко доложил:

— У меня в деревне болен отец и просит приехать. Мне тоже хочется его видеть, так как я не был дома около 5 лет. Докладную я подал по инстанции давно.

— Если вы в самом деле не были дома 5 лет, — выслушав, заговорил Фомин, — постараюсь вам помочь в получении отпуска. Передайте начальнику санитарной службы тов. Григорьеву, чтобы он зашел ко мне.

Я до того обрадовался, что даже забыл Фомина поблагодарить.

Настроение у меня было очень хорошее, и я поспешил написать родным о возможности в скором времени повидаться. Занималось утро 22 июня. Первая канонада, возвестившая о вероломном нападении фашистской Германии на СССР, началась внезапно.

Я выбежал из процедурной палаты к больным и стал направлять их в подвальное помещение, которое располагалось под санчастью. Два военфельдшера, ночевавшие в свободной комнате, тоже выбежали, одеваясь на ходу.

Старшина санчасти Юрий Сычов спал в своей каптерке. Когда я вбежал к нему, он сидел на койке и никак не мог найти очки. Потолок был пробит снарядом, и половина комнаты завалена щебнем. Наконец все спустились в подвал. Артобстрел прекратился, стало тихо. В санчасть уже прибывали раненные. Из казармы прибежали врач Бардин, фармацевт Василий Суховерхов, ездовой Петренко.

Немцы уже ворвались на территорию госпиталя, заняли гарнизонный клуб. Полковой лазарет с ранеными был перемещен в подвал Белого дворца¹. Я получил приказание врача Бардина пробраться к аптеке, там набрать медикаментов и перевязочного материала.

Вражеские снаряды разрывались вокруг здания. Горел склад с боеприпасами. Выбирая дорогу поудобнее, я благополучно дополз до аптеки, взял с собой все необходимое и стал за стеной, выбирая время для перебежки. Слышу, где-то близко стоны и разговор. Иду на голоса. В подвале лежали пятеро раненных, и возле них хлопотала уборщица нашей санчасти Шура. Всем раненым она уже оказала помощь и не покидала их.

— Какая же ты молодец, Шура, спасибо,— сказал я ей.

— Наших не видно? — спрашивал раненный с перебитой ногой.

— Связь наладили? Немцев выбили? — наперебой интересовались другие.

Я стал рыть яму, чтобы добыть для них воды, и, работая, отвечал на вопросы. Ни одной жалобы. Они мужественно переносили нестерпимую боль.

Прошло несколько дней. Среди раненных в подвалах Белого дворца находился и секретарь комсомольского бюро нашего полка Матевосян. Ходить он не мог.

Наши минометчики продолжали обстрел противника. Пришел приказ комиссара Фомина о переходе

¹ Имеется в виду здание Инженерного управления крепости.

обороняющихся на участок у Брестских ворот. Там концентрировались наши силы для прорыва из окружения.

Матевосяна обступили бойцы. Сидя на полу, он говорил: «Товарищи комсомольцы! Призываю вас к упорной борьбе с врагом. Будьте храбрыми, стойкими. Пробивайтесь к нашей армии и возвращайтесь выручать нас».

Раненые притихли, лишь что-то выкрикивали те, кто был в бессознательном состоянии.

— Беру на себя ответственность,— продолжал Матевосян,— за защиту в этом подвале раненых, если фашисты ворвутся сюда.

Кто-то предложил замаскировать комсорга. Бойцы нашли для этого углубление в стене. Я укрепил Матевосяну повязку на раненой ноге, и мы перенесли его в это углубление, снабдив при этом гранатами, револьвером и оставив немного продуктов.

Под градом пуль и снарядов комсомольцы делали перебежки в сторону ворот.

Я задержался и подошел попрощаться со своим товарищем, фельдшером Николаем Ермаковым, который был тяжело ранен: осколком ему разбило тазовые кости. Он очень мучился.

— Не говори мне ничего,— опередил он меня,— введи лучше морфий. Бейте их, проклятых, чтобы ни один гад не ушел живым!

Через несколько минут я уже находился на новом участке обороны, которым командовали полковой комиссар Фомин и капитан Зубачев. Вид у Фомина был страшно усталый, но в нем чувствовалась такая сила воли, такое участие к людям, что каждое его приказание выполнялось бойцами мгновенно. К нему то и дело подходили командиры взводов и отделений. Готовилось что-то особенное. Каждый человек был напряжен до предела. К этому времени в трубах здания устроились снайперы, откуда им было удобно выбирать цели, а из амбразур и оконных проемов обеих этажей наши пулеметы вели огонь по укрепившимся на том берегу Мухавца немцам.

Через некоторое время, выждав удобный момент, наша первая группа добровольцев пошла на прорыв. Часть людей направилась к мосту, а часть через реку. Обливаясь кровью, герои погибали от пуль врага. Лишь немногим удалось прорваться на другой берег.

Несмотря на неудачу, к штабу обороны стали подходить бойцы с просьбами о зачислении их в следующую группу.

Меня окликнул санитарный инструктор Дуля. Он помогал раненому спускаться со второго этажа по лестнице. Вместе мы доставили бойца в подвальное помещение. У него была перебита ключица. Врач Бардин оказал ему помощь. Санинструктор Дуля хорошо владел пулеметом, и я завидовал ему. Дело в том, что я когда-то сам любил пулемет, изучал его еще в полковой школе, но теперь как-то побаивался браться: а вдруг не справлюсь. И все-таки решил рискнуть.

— Слушай, Дуля,— попросил я,— дай мне пулемет, а ты подежурь здесь.

Он не отказал мне и проводил к своему «максиму». Какова же была моя радость, когда я почувствовал, что стреляю!

Здесь, на втором этаже, мины противника пробивали крышу и потолок. Стояло густое облако пыли от щепенки. Я быстро вошел в азарт и с увлечением стрелял. Незаметно наступила ночь. Да какая там ночь! Темно было лишь в помещении, а вокруг светло, как днем. Немцы все время пускали осветительные подвесные ракеты. Из штаба обороны участка, снизу, нас предупредили, что надо усилить огонь. Я догадался, в чем дело: наши ушли на прорыв. Через час я узнал о его неудаче.

Почти не спав несколько ночей, непрерывно обслуживая раненых, я сильно утомился и спустился в подвал. Здесь было потише. Ночью меня растолкал Суховерхов.

— Вставай, Василий, врач Бардин застрелился.

Я вскочил. Действительно, Бардин лежал рядом. Из дула пистолета еще шел дымок¹.

Раненые молча смотрели на него. Молчали и мы. Шли дни. Число обороняющихся заметно уменьшалось. Фашистам удалось укрепиться в конце нашего здания, со стороны ворот, и установить свой флаг на крыше.

Когда весть об этом достигла штаба обороны, капитан Зубачев быстро организовал группу добровольцев; желающих выбить фашистов оказалось много. В этой операции принял участие и военфельдшер Гутыря². Его обмундирование было изорвано, выпачкано в крови и щебенке. Сам он, возбужденный, нервный, расстреливал фашистов почти в упор. Вообще мы, медики, не ограничивались исполнением только лишь непосредственных обязанностей. Мы наравне со всеми защитниками принимали участие в обороне. Хорошо помню еще двоих наших военфельдшеров, которые тоже участвовали в каждой операции, проводимой командованием. Они прибыли в крепость из училища незадолго до начала войны и сразу же показали себя храбрыми и находчивыми. С гранатами и винтовками наши бойцы под крики «ура» смяли немцев, в плен взяли шесть солдат. Несмотря на полученные ранения, из строя не вышел ни один человек.

До сих пор памятен мне один случай. Я слушал, как красноармеец, узбек по национальности, фамилию которого я, к сожалению, не запомнил, докладывал на командном пункте о том, что его командир-сержант ранен и бьется с фашистами. Комиссар Фомин приказал мне отправиться туда. Я полз вслед за этим красноармейцем. Вскоре и он был ранен: пуля попала ему в живот. Я быстро сделал ему пе-

¹ Как вспоминают участники обороны военфельдшер 84-го полка И. Т. Бондарь и писарь А. М. Филь, врач Бардин, хороший специалист и чуткий, гуманный человек, не вынес состояния врача, который ничем не мог облегчить страданий раненых.

² Рядовой 84-го стрелкового полка, фельдшер Н. С. Гутыря проживает в Полтавской области. Награжден 2 медалями.

ревязку, чувствуя, что силы покидают его. Однако красноармеец твердил, чтобы я, не теряя времени, торопился к его командиру-сержанту.

Сержанта я отыскал среди груды кирпича у полуразрушенной стены. У него была оторвана стопа, но он продолжал вести огонь из ручного пулемета. Даже когда я делал ему перевязку, сержант не отрывался от прицела. Возвращаясь назад, я снова увидел бойца-узбека на том же месте. Он уже умирал, но винтовку из рук не выпускал.

Через сутки группа защитников решила сделать еще одну попытку прорваться. На этот раз подготовка была хлопотливее, так как большинство бойцов не умело плавать. Люди находили себе деревянные изделия и доски. Комиссар Фомин некоторых, не умеющих плавать, стал отговаривать, предлагая обождать.

Ночью также рвались снаряды, не умолкали пулеметные очереди, непрерывно светили ракеты. Но и эта наша попытка не привела к желаемым результатам: многим не удалось доплыть даже до середины реки.

Нас оставалось теперь совсем мало. Настроение было у всех подавленное. Днем стало известно, что сегодня, когда стемнеет, командиры штаба и легко раненные пойдут на прорыв. Я был рад, только бы ближе к цели: или прорваться из окружения, или погибнуть. Вражеский обстрел с каждым часом усиливался. Мины пробивали потолок обеих этажей.

Наступил вечер. Мы, человек 20, расположились по обе стороны окна. И вот капитан Зубачев сказал, что идет докладывать комиссару. Через несколько минут они вошли. Мы ждали команды. Все были напряжены до предела. Наше внимание сосредоточилось на окне и воде. Сколько мы так стояли — 10, 20 минут, а может и больше — не знаю.

«Отставить атаку, товарищи, всем занять оборону», — сказал совсем тихо комиссар. Все были подавлены, чувствовалась какая-то растерянность.

Утром раненые в подвалах, вероятно, уже все знали и почти ничего не спрашивали у меня, только стоны немного утихли, как будто люди надеялись все-таки услышать хорошее.

— Жалобы есть у кого? — спросил я.

— Вы лучше расскажите новости, — ответили раненые.

— Наши войска из города Бреста наступают в сторону крепости, — умышленно солгал я, чтобы поднять их дух.

Бойцы сразу повеселели.

— Это очень может быть, не могли же наши войска далеко отступить. Не сегодня, так завтра будут здесь, — произнес кто-то из них.

Мне и самому хотелось, чтобы эти надежды сбылись. Уходя из подвала, я чувствовал сильную усталость.

Комиссар сидел у стены, обхватив обеими руками голову. Я решил обратиться к нему:

— Товарищ комиссар, раненых нечем кормить.

Он устало ответил:

— Надо выяснить, что там у нас имеется, приедайте, сейчас уточним.

Выглядел Фомин утомленно, одет он был в солдатскую гимнастерку. Я отполз метров 5 в сторону и, расположившись под сводом, быстро уснул. Когда пришел в сознание, никак не мог понять, что со мной: глаза не видят, во всем теле боль, движения рук не ощущаю. Наконец наступило просветление. От радости я хотел встать, но подняться не смог, потому что оказался заваленным обрушившимся от взрыва сводом. В голове шумело. Вдруг слышу сколо себя крик: «Рус». Меня освободили от кирпичей и щебня двое наших бойцов; тут же стояли немцы... Это произошло 29 июня 1941 года.

ОФ МГОБК, оп. 84, д. 52, лл. 26—32.

МИЛЬКЕВИЧ СЕРГЕЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ, рядовой, военфельдшер 84-го стрелкового полка. Участвовал в обороне центральной части крепости до 28—29 июня. Оглушенный обвалом, попал в плен. Находился в лагере для военнопленных в Саксонии, затем в Руре. В апреле 1945 года был освобожден, работал в Центральном советском военном госпитале города Берлина. В августе 1948 года демобилизовался.

С. Е. Милькевич жил и работал в Мальчевском районе, Ростовской области. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Умер в 1959 году.

Бои первых дней, заставшие наши части врасплох, нельзя сравнить с боями последующих лет Великой Отечественной войны, когда командование и вооружение находилось на местах.

Наш перевязочный пункт, располагавшийся в подвале Белого дворца ¹, был в первые же часы заполнен ранеными. Этот участок защищали бойцы, сражавшиеся под командованием полкового комиссара Ефима Фомина.

Связь с другими полками существовала лишь в первые дни оборонительных боев, а затем эта связь была прервана.

На третий день, когда все наше здание уже было охвачено огнем, мы заняли оборону в казарме, где располагался отдельный саперный батальон.

Медицинские работники — я, врач Бардин, фельдшер Катюжанский и старший сержант (не помню его фамилии) — покидали подвалы перевязочного пункта последними в ночь на 26 июня. В здание саперного батальона уже пробрались немцы. Пришлось немало пролить крови, чтобы выбить их оттуда; там мы захватили 7 человек в плен. Здесь уже, кроме комиссара Фомина, находился еще какой-то капитан из другой части.

¹ Инженерного управления.

Так же как и на прежнем участке обороны, подвальные помещения в казарме саперов были переполнены ранеными. Туда уносили только очень тяжелых: все те, кто мог держать оружие, находились возле окон, амбразур.

Мы пробовали перебраться через Мухавец на противоположную сторону, но ни днем, ни ночью сделать этого не могли — смертоносный поток свинца косил наших бойцов.

По-прежнему мучила жажда. Мы рыли ямки, в которые просачивалась вода. Ее по ложке давали только раненым. Помню, в одной из ямок накопилось примерно полстакана воды. Я поднес ее комиссару, ибо видел, что он был страшно измучен. Фомин отвел мою руку: «Только для раненых, фельдшер», — хрипло произнес он, а у самого губы были почерневшие и потрескавшиеся.

Число раненых и убитых увеличивалось. Перевязочного материала не хватало. Кажется, числа 27 июня полковой комиссар приказал женщинам и тяжелораненым сдать в плен. Вскоре половина здания обвалилась. Камни похоронили под собой часть наших воинов. Серьезную контузию получил и комиссар, но по-прежнему продолжал руководить боем.

На некоторых развалинах немцам удалось вывесить свои фашистские знамена со свастикой. Мы сбивали их.

Все знали, что помощи нам ждать неоткуда, прощались друг с другом, старались запомнить домашние адреса, чтобы потом, если кто-нибудь из нас останется в живых, сообщить товарищам, родным, Родине.

Последующие дни были такими же кровопролитными и такими же напряженными. С утра вражеская авиация продолжала бомбардировку казармы. Мы не имели связи с другими подразделениями. Видно было, что фашистские самолеты бомбят Восточный форт. В минуту душевной слабости наш врач Бардин застрелился в подвале среди раненых. Комиссар Фомин не одобрил его поступок. ... Он сказал,

что терять жизнь бесцельно — преступление. В этот день отдельные группы бросались в канал, чтобы переплыть его... но все они погибали...

Группа наша стала совсем маленькой, многие имели ранения.

Неожиданно обрушилась до основания часть нашего здания. Многие товарищи были погребены под обломками. 28 или 29 июня в здание со стороны обвала ворвались немцы, началась ожесточенная рукопашная схватка не на жизнь, а на смерть...

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 39, лл. 10—17.

АБДУЛЛАЕВ ДАНИЯЛ АБДУЛЛА ОГЛЫ, старший сержант, помощник командира взвода 9-й роты 84-го стрелкового полка.

Сражался у Холмских и Брестских ворот. 30 июня, контуженный, попал в плен. Прошел фашистские лагеря Бяла-Подляска, Демблин, Бреслау. В 1943 г. совершает побег и уходит к французским «маки», затем становится бойцом 1-го Советского партизанского полка во Франции. За мужество и героизм, проявленные в рядах движения Сопротивления, награжден двумя боевыми французскими орденами и медалью.

Ныне Д. А. Абдуллаев живет и работает в Белоканском районе, Азербайджанской ССР.

Дорогие воспоминания

Не могу забыть нескольких эпизодов:

...Это было утром первого дня войны. Я и мой второй номер Очкаев, по национальности калмык, наблюдали через кухонное окно за продвижением фашистов. Смотрим — за рекою, в кустах, кто-то шевелится. Я скомандовал: «Огонь!» Очкаев выстрелил. С противоположного берега тоже ответили огнем. Мы вновь дали несколько очередей. Вдруг Очкаев докладывает мне: «Товарищ старший сержант, они не падают!» И действительно там, в кустах, происходило что-то неладное. Я присмотрелся и понял: немцы выставили по берегу искусно сделанные чучела.

В этот первый день войны нам трижды пришлось отбивать атаки противника со стороны госпиталя. Фашисты, как правило, не выдерживали штыкового боя и в панике отступали.

...В разгаре боя кто-то из нас заметил, что по мосту, соединявшему Цитадель с Южным островом, продвигается колонна вражеской пехоты. Мы быстро вытащили из подвала станковый пулемет и открыли огонь. Гитлеровцы не замедлили ответить. Один снаряд разорвался прямо около нас. Боец, который помогал мне (фамилии его не знаю), коротко вскрикнул и тут же упал раненый. Я оттащил его в подвал, где оказал первую медицинскую помощь...

Мне хорошо запомнился наш сержант украинец Диденко. Со своим станковым пулеметом он закрепился в одном из подвалов Белого дворца. Пулеметным огнем он остановил колонну немцев, двигавшуюся в сторону Бреста, по мосту через Мухавец. Когда Диденко был ранен, я сменил его у пулемета и продолжал вести огонь по фашистам.

Помню, когда мы уже оборонялись в здании Белого дворца, гитлеровцы блокировали наш подвал. Патроны у нас еще были, и мы открыли огонь. Несмотря на большие потери, гитлеровцы нагло лезли и лезли. Их было много. Положение складывалось не в нашу пользу. Мы вынуждены были отойти. Подземными переходами добрались до крайнего подвала. Там тоже оказались фашисты. Но мы появились для них неожиданно и прикончили всех.

В один из дней бойцы, которые стояли у амбразур, первыми почувствовали боль в глазах и какой-то густой дурманящий запах. Стало трудно дышать, перед глазами поплыли черные круги. У кого были противогазы, одели их, другие закрыли лица влажными тряпками, используя для этого последние капли драгоценной влаги.

«Надо уходить, — сказал командир, — иначе задохнемся».

Я с тремя бойцами получил приказ прикрыть отход. Мы открыли огонь, а они стремительным броском прорвались. Зато наша четверка оказалась теперь в критическом положении. Отстреливаясь, стали отходить в глубь помещений, и через один из переходов нам удалось уйти. Фашисты за нами не последовали. Они довольствовались тем, что бросили вслед несколько гранат. Двигались в темноте, держась за стены. Сколько прошло времени — трудно сказать. Мы почти потеряли надежду на то, что выберемся из этого подземелья. Как вдруг я о что-то споткнулся. Это оказалась лесенка. Она вела наверх. Стали осторожно подниматься. Сверху послышались голоса.

Когда выбрались на свет, увидели полкового комиссара Фомина, беседовавшего с бойцами. Неопи-
суемая радость: перед нами родные лица!!! Нача-
лись дни совместной непрерывной борьбы...

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 3, лл. 14—16.

КОЧИН ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ, лейтенант, заместитель командира роты связи 84-го стрелкового полка.

Сражался в Цитадели крепости у Холмских и Брестских ворот. Вечером 30 июня, оглушенный взрывом, попал в плен. Делал попытки бежать, но безрезультатно. Находился в лагерях военнопленных: Бяла-Подляска, Хаммельбург, Обертраублинг. После репатриации служил в Советской Армии.

Сейчас Л. А. Кочин работает в Арктическом научно-исследовательском институте (Ленинград). Член КПСС. Награжден двумя медалями.

Презирав смерть

Я не помню, как началась канонада, но помню, как силой взрыва мы все были сброшены на пол. Впопыхах мы оделись и выскочили в коридор: там метались красноармейцы, не зная, что делать. Паника была в первые минуты большая. Одни успели одеться, другие были в нижнем белье, все бегали, никто толком не понимал, что творится кругом. А кругом гремело, грохотало, пахло дымом и гарью, беспрерывно рвались снаряды и мины. Наши казармы располагались в юго-западной части Центрального острова, поэтому артиллерийский обстрел с первых же минут причинил нам особенно много вреда. Опомнившись, мы ликвидировали панику, заставили людей одеться, взять оружие, расставили их по местам и, не теряя времени, стали организовывать оборону. Окна и двери забаррикадировали матрацами и подушками. В оставшихся отверстиях устанавливали пулеметы. Часть бойцов залегла за каменной оградой Белого дворца ¹.

Из старшего командного состава с нами находился только полковой комиссар Фомин, один майор, капитан и несколько лейтенантов. Многие старшие командиры не попали к нам, так как жили в городе или в домах командного состава, которые стояли у входа в крепость. Как старший по чину

¹ Здание Инженерного управления.

и должности, полковой комиссар Фомин принял командование на себя. Пробовали созвониться с городом, но оказалось, что связь полностью нарушена. Радиостанции у нас были маломощные и с плохим питанием, и все попытки связаться с внешним миром кончались неудачей: эфир забивали передачи немецких станций.

Фомин срочно созвал совещание-летучку. Мы обсудили положение, и каждому командиру был доверен участок обороны. Но прежде всего надо было узнать обстановку. Трем командирам, в том числе и мне, поручили произвести разведку в разных направлениях от казармы. Не успели мы выбраться и пройти метров 150, как наткнулись на немецкого сигнальщика. Взять живьем его не удалось, и при перестрелке он был убит. При нем мы обнаружили опознавательное полотно для самолетов. Нам стало ясно, что в крепости уже много врагов. С одним бойцом я стал пробираться по направлению к комсоставской столовой. Только мы вышли на открытое место, как на нас обрушились пулеметные и автоматные очереди; теперь уже не оставалось никакого сомнения, что, пока шла артиллерийская подготовка, немцам удалось проникнуть в крепость и занять кое-какие объекты.

Около кухни был убит красноармеец, с которым я шел в разведку. Мне пришлось вернуться назад и доложить обстановку полковому комиссару. Другой лейтенант, перейдя мост через Мухавец у Холмских ворот, был встречен огнем и повернул назад. А третий лейтенант, также вышедший с одним из рядовых, не вернулся назад из разведки. Их судьбу мы так и не узнали.

Нам оставалось одно: усилить оборону нашего участка. Но где добыть оружие? Ведь у многих не было даже винтовки. Я позвал одного старшину и нескольких красноармейцев, и мы отправились на поиски боеприпасов. К счастью, в конце казармы, в подвалах, мы обнаружили склад, где находились пулеметы Дегтярева, автоматы, гранаты и патроны,

Едва перестала бить артиллерия, как началось наступление вражеской пехоты. Мне поручили оборонять ту часть нашей казармы, которая тянулась вдоль реки Мухавец. Распределив людей, я расставил всех в более безопасных от обстрела местах, а сам занял наблюдательный пост у пулеметной точки на втором этаже. Ждать появления гитлеровцев пришлось недолго. Со стороны госпиталя мы заметили группу людей, двигавшихся в нашу сторону. В бинокль были хорошо видны немецкие автоматчики, которые гнали перед собой людей в больничных халатах и в гражданской одежде. Это были больные из госпиталя и медицинский обслуживающий персонал, которых фашисты решили использовать как живой заслон. Они гнали их перед собой, зная, что в своих людей мы стрелять не будем. Тех, кто сопротивлялся, немцы расстреливали, больные что-то кричали нам, махали руками, а когда приблизились, мы услышали их призывы стрелять, не обращая ни на что внимания. Немцам удалось вплотную подойти к речке, и там они закрепились. Тогда мы поднялись в атаку и уничтожили большую часть их гранатами.

Помимо артиллерийского обстрела, нас непрерывно бомбила и расстреливала из пулеметов авиация. Мы не знали покоя ни днем ни ночью. Спали урывками, не сходя со своего поста. Было ясно, что оборона принимает затяжной характер, и противник во что бы то ни стало постарается выбить нас из казарм. Пришлось как следует укрепить Холмские ворота: притащили бронемашину, затем приволокли 45-мм пушку, а между ними навалили разного хлама.

Как мы и предполагали, немцы в скором времени повторили попытку прорваться. На этот раз они подбирались к мосту уже под прикрытием своих танков. Но и эта атака врага захлебнулась. Один танк был поврежден, и фашисты ночью уволокли его.

Боеприпасы в первые дни обороны у нас были. Пулеметы и автоматы работали почти круглые сутки, отбивая вражеские атаки. Гитлеровцы неодно-

кратно сбрасывали листовки, в которых предлагали нам сдаться. Мы отвечали огнем.

Остро ощущался недостаток продовольствия, воды и медикаментов. Бинты и йод быстро иссякли. Вместо йода употребляли одеколон, вместо бинтов шло нательное белье. Раненых с каждым днем все прибывало, находились они в подвалах. Нам теперь приходилось держать как наружную, так и внутреннюю оборону.

Большая группа врагов, засевшая в первые же часы в здании костела и комсоставской столовой, вела огонь по нашей обороне с тыла. Надо было непременно выбить их оттуда. Часть фашистов хотела прорваться к реке, но их встретила штыковая контратака наших бойцов. Таким образом, освободив здание бывшей церкви и комсоставскую столовую, мы укрепили свой тыл. Правда, впоследствии они несколько раз переходили из рук в руки, когда немцам удалось захватить часть казармы на участке между Тереспольскими и Холмскими воротами.

Позиции, которые мы занимали в открытых отсеках и у каменной ограды Белого дворца в саду, тоже пришлось оставить. Враги с чердаков и верхних этажей правой части казармы вели прицельный огонь, причинявший большой урон. Особенно автоматчики и снайперы охотились за командирами, так как по одежде мы отличались от бойцов, и гитлеровцы били наверняка; так погибло много командиров. Поэтому полковой комиссар Фомин приказал всем нам одеть красноармейское обмундирование, оставив только знаки различия. Не имея связи с внешним миром, мы решили послать на прорыв несколько броневедомостей. Фомин дал им определенное задание. Но о судьбе этих машин и их экипажей я ничего не знаю.

Немцы упорно продвигались вперед, и нам пришлось оставить большую часть зданий, вплоть до следующей арки, где ранее размещались саперы. Часть штабных документов и полкового имущества мы уничтожили, негораемый шкаф взорвали, а деньги сожгли. Полковое знамя сняли с дерева

и передали на хранение одному из лейтенантов и старшине (фамилий их не помню). Им было приказано в случае опасности зарыть его в подвале¹.

Наши здания превратились в руины. Что не сумела разрушить артиллерия, разрушали мины и авиация. Минометный огонь также не прекращался ни днем, ни ночью. Немцы обстреливали нас с исключительной точностью. Объекты для пристрелки были хороши. Мы вынуждены были оставлять одно здание за другим. Особенно мне запомнился ночной переход в казармы 33-го инженерного полка. Чтобы прорваться туда, надо было в первую очередь выбить немцев из углового здания. Эта операция была проведена успешно.

Когда мы подошли поближе к другому зданию, оттуда на нас обрушился пулеметный огонь. Только через некоторое время выяснилось, что там находились бойцы другого полка и приняли нас за немцев. Хорошо еще, что обошлось без жертв. Казарма, в которую мы теперь попали, была гораздо больше нашей, хотя и воинов стало больше, но вся беда состояла в том, что боеприпасы расходовались быстро, а пополнять их было нечем. Патроны берегли, стреляли только при приближении немцев. К счастью, в одном подвале нам удалось найти целый склад гранат и pistolетных патронов, с помощью которых отбили много вражеских атак.

Все защитники крепости жили одной надеждой: вот подойдут свои войска, немцы будут отброшены назад, за границу. Но помощь не приходила. Подвалы были переполнены ранеными, и там не прекращались стоны. Волосы поднимались дыбом от чело-веческих криков, но мы были бессильны чем-либо помочь этим несчастным.

Когда Фомин принял на себя командование, он оставил при себе одного командира для связи с участками обороны. Остальные командиры руководили боем на месте. Для принятия какого-либо

¹ По свидетельству рядового А. В. Жигунова, знамя было передано на хранение красноармейцу Ф. Д. Исаеву.

решения, имевшего общий характер, Фомин собирал всех, и мы сообща, на летучке, решали вопросы.

Несколько дней подряд, начиная с 25 июня, мы пробовали прорвать вражеское кольцо и выйти за пределы крепости. К прорыву готовились целые сутки. Очень тщательно связывали столы, стулья, сооружали примитивные плоты. Для броски было организовано несколько отрядов. Одному из них поручалось перебежать через мост и закрепиться на противоположной стороне реки, а другим переправляться тотчас следом — кто как может. Прорыв начали под утро. Немцы открыли ураганный огонь. Небо было усеяно осветительными ракетами. Какой ад творился в то время, описать очень трудно. Фашисты видели нас, как на ладони, поэтому потери были огромны. Лишь немногие — человек 25—30 — перебрались на другую сторону. Какова их дальнейшая судьба — мы так и не узнали.

Мне и еще одному лейтенанту, фамилии его сейчас не помню, Фомин поручил прорваться с группой людей через мост на другую сторону. Ползком добрались до моста и начали перебежками пересекать его; но немцы открыли такой губительный огонь, что мы вынуждены были залечь. Те, кто остался жив, а таких было немного, поползли между трупами назад, к казарме. Погиб мой товарищ — лейтенант. Мне тоже пришлось пролежать на мосту без движения минут 30—40, пока не утих огонь, а потом ползком вернуться в казарму. Итак, наши попытки пробиться через вражеское кольцо окончились неудачно. В дальнейшем эти попытки мы прекратили, убедившись в их бесполезности.

27—28 июня врагу удалось захватить часть нашей казармы. Продвигались они как и прежде постепенно взрывая стены и перегородки внутри помещения и просачиваясь в эти бреши. Борьба велась теперь за каждый метр здания. Большой урон мынесли от минометного огня. В нескольких местах фашисты применили даже огнеметы. Здание горело, все было окутано дымом. В основном бои велись в нижнем этаже, так как второй этаж был почти раз-

рушен. Туда пробирались только с гранатами, которые кидали в немцев, занимавших нижние комнаты.

Но несмотря на эти тяжелые условия, люди продолжали ожесточенно драться. Наступило 30 июня. Много ночей подряд мы не смыкали глаз, спали на ходу. С утра нас на бреющем полете бомбила и расстреливала немецкая авиация, немецкие атаки следовали одна за другой.

Во второй половине дня я находился на площадке у лестницы, где стояла наша пулеметная точка. Обороняться было очень трудно. Фашисты за ночь подорвали здание во многих местах и пробрались к нам на близкое расстояние. Неожиданно произошел взрыв, то ли была крупная мина, то ли немцы снова стали подрывать здание — я не знаю, помню лишь одно: силой взрыва я был отброшен на площадку и когда пришел в себя, то увидел вокруг гитлеровцев. Мои товарищи по оружию, оставшиеся в живых, попали в плен. Я был сильно контужен и получил легкое ранение в плечо и руку.

Нас собрали и повели к границе. По пути мы были свидетелями ужасного зрелища: из земли торчало несколько голов, это немцы закопали живых людей в землю, оставив только головы, чтобы потом, как по мишени, стрелять из автоматов. Нам они объявили, что так будет со всеми политруками и комиссарами. Показывая на одну из голов, они говорили, что это наш полковой комиссар Фомин, которого выдали перебежчики. Насколько это было верно — трудно сказать, так как мы проходили на довольно далеком расстоянии и мне не удалось хорошо рассмотреть — был ли это Фомин или кто-нибудь другой.

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 26, лл. 11—19.

ДУРАСОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, старшина,
командир взвода боепитания 84-стрелкового
полка.

Сражался в Цитадели крепости на участке у
Холмских ворот и здания Белого дворца. В кон-
це июня, тяжело раненный, попал в плен. Нахо-
дился в лагерях для военнопленных в Польше,
Германии, Финляндии, Норвегии. В 1945 году
освобожден.

В настоящее время А. И. Дурасов живет в го-
роде Могилеве. Пенсионер. Награжден орденом
Стечественной войны II степени, медалью «За
победу над Германией в Великой Отечественной
войне 1941—1945 гг.».

В упорной борьбе

... **Я** готовился сдать экзамен на звание младшего воентехника стрелкового оружия и собирался осенью 1941 года демобилизоваться из армии. Зачеты по тактике и топографии уже начались. Я чувствовал себя хорошо подготовленным, в благополучном исходе экзаменов не сомневался, а по-сему решил в воскресенье, 22 июня, взять увольнительную, пойти в город и по возможности хорошо отдохнуть.

Проверив подразделение и проинструктировав наряд, лег спать. На рассвете меня приподняло взрывной волной, и я увидел, что весь угол казармы обвален, а койки как ветром сдуло. Война! Бросившись к опрокинутой пирамиде, схватил автомат и помчался к лестнице. Впереди бежал красноармеец из нашего подразделения. На лестничной площадке он внезапно исчез, и я увидел внизу его труп. Рвались снаряды, трещали пулеметы, раздавалась винтовочная стрельба и треск автоматов.

Навстречу мне выбежал лейтенант связи и, махнув рукой, закричал: «Занимайте оборону у окон транспортной роты!» Я залег у ближайшего окна. Там уже лежали бойцы, большинство их было в нижнем белье. Передернув затвор «ППД», я понял, что диск пуст; не раздумывая, кинулся наверх к кладовой, где хранилось несколько десятков заряженных дисков. Но кладовая уже пылала. Вообще, второй

этаж казармы пострадал больше всего, так как артиллерийский огонь велся почти непрерывно. Тогда, зная, где находится «НЗ» батареи полка, я побежал туда. Навстречу попались красноармейцы, уже тащившие боеприпасы вниз.

Первая утренняя атака врага была отбита, и наши бойцы группами высаживались за рукавом Мухавца, ибо при боевой тревоге подразделение боепитания должно было собираться в оружейной мастерской, которая находилась за мостом. Однако проникнуть туда мы не сумели: мастерская оказалась разбитой, а в гарнизонный госпиталь и склады проникли гитлеровцы.

Утром во время винтовочной и автоматной перестрелки мы перебрались в казарму транспортной роты. У бойцов Лукашева и Матвеева имелось два ручных пулемета, остальные были вооружены слабо. До сих пор общего руководства по организации обороны крепости еще не существовало. Атаки немцев отбивались по личной инициативе бойцов. Посоветовавшись с лейтенантом связи (фамилии его не знаю, он в этот же день был убит), я повел свое подразделение короткими перебежками в садик, к штабу отдельного разведывательного батальона, располагавшемуся в здании Белого дворца. При перебежке были убиты оружейный мастер Иван Мязин и боец Иван Исаев. Достигнув садика, мы залегли за развалины стен. Справа от нас тянулся кирпичный забор, оттуда доносились выстрелы из автоматов и винтовок. Поблизости оказался склад кавалерийского снаряжения. Теперь у нас появилась одежда: сапоги, куртки, брюки и т. д. Бойцы вооружились карабинами, наганами и гранатами. Поднялось настроение, стало как-то веселее. А тут еще ребята обнаружили в магазине различные продукты: колбасу, булки, хлеб, ну, словом, все, что необходимо, хотя в первый день о еде никто не думал.

С противоположной стороны садика мы увидели несколько командиров, лишь перед самой войной прибывших из школы в крепость. Они с группой бойцов обстреливали берег Мухавца, не давая воз-

возможности гитлеровцам подобраться к танкеткам, стоявшим на берегу. Водители танкеток, не обращая внимания на ожесточенный минометный и пулеметный обстрел врага, ставили аккумуляторы, заводили машины и выезжали.

Вдруг на площадку садика выскочил броневтомобиль и, развернувшись, остановился у линии обороны, занятой нами. Из машины, шатаясь, спустился раненый водитель, а за ним показался комсорг 84-го стрелкового полка Матевосян в гимнастерке со знаками различия полкового комиссара. Я подбежал к нему и хотел доложить обстановку, но Матевосян махнул рукой в сторону развесистого дуба, возвышавшегося в средней части сада, и крикнул, что там находится комиссар.

Прислонившись спиной к стволу дуба, Фомин что-то быстро говорил стоявшему рядом с ним высокому, широкоплечему лейтенанту. Выслушав мое донесение, он тут же, на ходу, назначил меня командиром отделения.

Гитлеровцы подняли над крепостью, в стороне 333-го полка, аэростат для наблюдения и корректировки огня. Комиссар Фомин приказал любыми средствами убрать его. Но чем? Ведь в результате непрерывного артиллерийского огня и воздушных налетов врага техника нашего полка была полностью уничтожена за исключением двух 45-мм орудий, которые для зенитной стрельбы не годились. Посоветовавшись с артиллеристами, мы вырыли яму, опустили сошники орудий вниз, чтобы создать большой угол подъема ствола. Но снаряды были только бронбойные. Мы взяли их, как мне помнится, с той бронемашины, на которой Матевосян ходил в разведку. Вот этими снарядами я и открыл беглый огонь по аэростату. Однако попасть в цель было очень трудно, так как снаряды не имели дистанционной трубки и приходилось надеяться только на прямое попадание. Минут через десять аэростат пошел вниз: то ли действительно мы его сбили, то ли кто-то другой — это осталось неизвестным. Так или иначе, но приказ комиссара был выполнен.

В то время над крепостью пролетели 5 бомбардировщиков с красными звездами на хвостовом оперении. Надо было видеть радость защитников, их просиявшие лица! Перекрывая грохот боя, могучее «ура» потрясло воздух. Бойцы восторженно махали руками, подбрасывали вверх пилотки, оружие.

Когда стемнело, мы отправились разыскивать по складам и казармам боеприпасы и оружие. В эту ночь добыли станковые пулеметы, патроны и несколько ящиков гранат «лимонок». Казармы 84-го стрелкового полка подвергались сильному обстрелу. Немцы пошли в атаку. Удерживаться становилось все трудней и трудней. Постепенно оборона переходила в казармы саперного и отдельного разведывательного батальона. Распределив бойцов по узлам обороны, я и Решетов возвращались в казармы 84-го полка. Сильный минометный и автоматный огонь со стороны врага заставил нас пробираться перебежками, то и дело падать ниц и ползти по-пластунски. Увидев меня, Фомин приказал двумя-тремя пулеметами по возможности задержать продвижение немцев со стороны госпиталя, а все остальные защитники в это время должны были отойти в казармы саперного батальона. Вместе с группой, уходящей на это задание, я послал и Решетова, а сам установил на окне пулемет «максим». Среди оставшихся бойцов пулеметчиков не оказалось, поэтому мне пришлось вести огонь самому. Я хорошо видел, как фашисты перебегали к зданию, собираясь при поддержке сильного минометного огня штурмовать нашу казарму.

От бесперывной стрельбы вода в кожухе кипела. К счастью, в одном из углов мы обнаружили ведро, из которого и был залит пулемет. Через некоторое время имевшиеся в запасе ленты были расстреляны. Казармы почти опустели, бойцы отошли на новый рубеж. Мы находились теперь у самого Мухавца. На противоположной стороне, в казармах 84-го полка, которые остались у нас в тылу, засели гитлеровцы и вели оттуда сильный обстрел из пулеметов, автоматов. Мы вынуждены были держать

круговую оборону. Всю ночь враги освещали реку ракетами. И все же бойцы попытались прорвать кольцо. Готовились к бою. Помимо винтовок и автоматов, запаслись штыками, чтобы в рукопашной смять передовую цепь врага. Выставили пулеметы в окна казарм и у бойниц, надеясь поддержать атаку из всех видов имевшегося оружия, а бойцы, не теряя времени, бросились вплавь через Мухавец на досках, щитах, в общем, кто на чем мог.

Картину этого боя очень тяжело описывать. Небольшой отрезок реки немцы осветили специальными парашютными ракетами, открыли сильнейший пулеметный огонь по плывущим бойцам. Большая часть из них так и не добралась до берега, погибнув в водах Мухавца. Об этом уже потом рассказали те, кому удалось вернуться назад. А вернувшихся было десяток, не больше. Руководил прорывом неизвестный мне лейтенант с саперными знаками различия — высокий, худой, с энергичным лицом.

Во время перестрелки меня ранило в бедро левой ноги. Решетов перенес меня в подвал, где находились раненые. Там помещался раньше склад картофеля. Военфельдшер по возможности оказал первую медицинскую помощь: ногу закрепили между двумя досками, а рану перевязали обрывками белья.

Раненые, находившиеся в подвале, переносили большие мучения: они лежали на разбросанном картофеле, без медикаментов, без воды, без пищи. В нескольких местах мы продолбили водопроводные трубы в надежде найти там хоть капли влаги, но это был только самообман. Тогда бойцы пробили цементированный пол, примерно на полметра, но воды не оказалось. Вместо нее яма наполнилась мелким жидким песком, напоминавшим клюквенный кисель. Пытались процедить — ничего не вышло. Оставалось только смачивать песком губы.

Как-то вечером, очнувшись, я услышал тихий приглушенный разговор. Присмотревшись, увидел недалеко от себя военфельдшера. Рядом с ним примостился санитар. Разговор шел о воде, как добыть и кому? Два бойца, ушедшие за ней ранее, не вер-

нулись: пули настигли их, когда они уже с полными котелками ползли назад. Санитар сам согласился пойти за водой. Это был высокий, худой боец, по национальности узбек. Он молча взял котелок и вышел, провожаемый полсотней воспаленных лихорадочно блестящих глаз. Через 15—20 минут санитар вернулся с драгоценной влагою. Ее роздали по неполной мензурке. Это был счастливый человек. В ту ночь он сходил шесть раз и остался жив.

В один из последующих дней начался такой сильный артиллерийский и минометный обстрел казармы, что толстые двухметровые стены дрожали, как в лихорадке. Над нами горел пол первого этажа. Ходили слухи, что немцы уже заняли столовую отдельного разведывательного батальона, а это означало, что они окончательно отрезали путь к воде. Скоро стали обваливаться доски потолка, и горящие палки летели прямо на нас. Раненые, собрав последние силы, подымались по лестнице вверх. Сильный взрыв мины, разорвавшейся в окне погреба, как удалось установить позже, оглушил меня. Очнулся я уже во дворе столовой, когда немцы вели наших раненых в плен.

Идти я не мог. Попробовал снять привязанные к ноге доски, но ничего не получилось. Ко мне подошли фашисты, один из них больно толкнул меня носком сапога и спросил: «Офицер?» Я отрицательно покачал головой; он стегнул меня разок ремнем и отошел. Спустя некоторое время они привели двух наших красноармейцев, приказали им взять двери и положить меня. У крепостного вала стояло несколько наших бойцов, их обыскали, избивая прикладами и ногами. Между пленными прошел слух, что раненых, которые не могут идти, расстреливают. Ко мне подошел сержант моего подразделения Ковалев¹. Вдвоем с одним бойцом они связали две рубахи, одели на плечи. Я сел между ними и хотел таким образом передвигаться. Это бы избавило меня

¹ Сержант боепитания 84-го стрелкового полка А. Я. Ковалев проживает в Львовской области.

от бессмысленной смерти. Но стоящий недалеко немец вначале наблюдал за нами, а потом подскочил, заорал на Ковалева и приказал нести меня на дверях. Он громко хохотал, глядя, как они поднимают дверь, которая весила не менее 4—5 пудов да плюс еще я. Понятно, что их мучения служили фашисту развлечением. Стояла сильная жара, оба моих товарища изнемогали от усталости, а фельдфебель все время избивал их, не давая передохнуть. Так мы брели в неволю.

На той стороне Буга сделали привал, надо было видеть, как бойцы, прильнув к воде, пили живительную влагу. Раненые не могли этого делать, но товарищи не оставили их, приносили им воду в пилотках. Здесь от нас отделили гражданских.

Первое время я находился в лагерном госпитале для военнопленных недалеко от Бреста, где перенес сложную операцию и тиф.

После моего выздоровления — это было уже в декабре 1941 года, нас собрали, вывезли в город Брест. Там мы перевозили уголь, пилили дрова, словом, выполняли различные работы для немецкого госпиталя. С нами вместе работали евреи, которые ходили без конвоя, но терпели издевательства хуже нашего. Они нам сообщали о том, что происходит в городе. Я часто пилил дрова с одним из них. Это был мужчина лет 40—45, фамилию его сейчас не могу вспомнить. Он хромал, и на одном глазу у него было бельмо. Я его немного знал; этот человек, скрипач, играл в джазе в ресторане «Брест»¹.

Однажды (это было уже в апреле 1942 года, когда сошел снег) скрипач пришел на работу позднее обычного. Он рассказал нам, что по дороге на работу его догнала легковая машина, и один из сидящих в ней немецких офицеров приказал: «Юда, садись». Скрипач сел, и машина покатила в крепость. Его привезли к полуразрушенному подземелью. Туда вел ход, загроможденный кирпичом.

¹ Как теперь установлено, скрипача звали Залман Ставский. Погиб в гетто.

Около него находилось до взвода немецких солдат. Гитлеровский майор сказал скрипачу, что там, внизу, находится один русский, что он не сдастся и на все обращения отвечает выстрелами.

Фашисты решили во что бы то ни стало взять его живым.

— Ты должен спуститься вниз и доказать ему, что сопротивляться бессмысленно. Если он не выйдет, мы взорвем его убежище. Если же ты его не убедишь, мы тебя расстреляем,— сказал скрипачу офицер.

Выбора не было, и скрипач стал спускаться вниз, в подвал. Было абсолютно темно. Медленно продвигаясь, он начал громко говорить, кто он и зачем идет сюда, боясь, чтобы тот, кто находился внизу, не выстрелил. Вдруг из темноты его прервал голос: «Кто бы ты ни был — подойди ко мне,— я все равно решил выйти. Продукты у меня давно кончились, а последние патроны расстрелял вчера по этой погоде».

Затем раздался выстрел. Скрипач от неожиданности упал, но голос тотчас же позвал его: «Помоги мне выбраться».

Скрипач сделал не больше 4 или 5 шагов и наткнулся на сидящего у стены человека, который обнял его за плечи и, тяжело навалившись, медленно пошел к выходу.

Поднялись наверх. Неизвестный сразу сел, видимо, свежий воздух опьянил его, но затем вскочил и встал, сложив на груди руки. Перед ним полукольцом стояли враги.

Это был заросший щетиной человек, в истлевшем обмундировании, в телогрейке, без фуражки, очень худой, выше среднего роста, русые волосы развевались на ветру; возраст его определить было трудно. На вопрос офицера, есть ли там еще кто-нибудь, незнакомец ответил: «Я один. И вышел, чтобы увидеть то, во что я крепко верил и верю сейчас — в ваше бессилие».

Сказав это, он медленно опустился на грудь скрипача. По приказанию офицера перед ним положили

печенье и раскрыли коробку консервов. Но он ни к чему не прикоснулся.

Тогда офицер повернулся к солдатам и сказал: «Вот смотрите, как нужно защищать свою землю. Этот герой — солдат, у которого и смерть, и голод, и лишения не сломили воли. Это подвиг». Потом он приказал шоферу вывезти скрипача из крепости. Его вывезли за крепостной вал и вытолкнули из машины.

Я размышлял: кто этот командир или солдат, скорей всего, командир. Как он мог прожить почти десять месяцев со дня начала войны? Кто помогал ему в этой трудной, опасной и тяжелой борьбе?

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 12, лл. 5—25.

ЖИГУНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ, рядовой, писарь штаба 84-го стрелкового полка.

Сражался в Цитадели крепости у Холмских и Брестских ворот. В конце июня раненый попал в плен. Находился в лагерях военнопленных в Бяла-Подляска, в Демблинской крепости, а затем в Дрездене.

Освобожден в феврале 1945 года. Участвовал в штурме Берлина, в освобождении Праги.

Сейчас А. В. Жигунов живет и работает в городе Сафоново, Смоленской области. Награжден орденом Красной Звезды и 3 медалями.

Боевое крещение

... **В** то время у нас в полку находился 3-й батальон, который нес караульную службу. Полковая школа почти вся была выведена на учения. 1-й и 2-й батальоны находились в укрепрайоне. В субботу часть артиллерии вышла на полигон, где намечалось провести в воскресенье показательные учения.

21 июня я и мои близкие товарищи по школе Федор Исаев и Василий Андришин вернулись в свою часть примерно в 23.00. Писаря в то время располагались при штабе полка на втором этаже в трех комнатах. Рядом находились другие отделы штаба полка. Винтовки наши были в комендантском взводе, это как раз над Южными воротами. Когда мы из столовой подымались по лестнице на второй этаж, дежурный по штабу Иванцов пошутил: вот, дескать, что-то вы сегодня, братцы, больно разгулялись, ведь отбой давно уже сыграли. Вернувшись в комнаты, мы быстро улеглись и сразу уснули.

Сквозь сон мне почудились трескотня, шум — я проснулся, но нет, все тихо, и я опять закрыл глаза. Внезапно страшный взрыв потряс стены казармы, в окна сверкнула молния. Я сказал: «Ну и гроза», но Федор Исаев ответил: «Нет, мой друг, это не гроза, а война». И в то же мгновение рядом разорвался артиллерийский снаряд, с потолка посыпалась штукатурка. Не успев одеться, мы бросились на первый этаж, пробежали мимо дежурного по штабу Иванцова, который еще копался в своих секрет-

ных пакетах, стараясь разослать связных за командным составом.

Спустившись вниз, мы получили указание от лейтенанта взять у бойцов ПВО¹ рабочее обмундирование и немедленно бежать на склад боеприпасов, что находился в юго-восточном крыле крепости. Вражеский снаряд попал прямо в окно. Здесь уже были раненные бойцы. Я быстро надел обмундирование и бросился на склад за боеприпасами. Смотрю, лежит убитый часовой штаба, первый убитый, которого я увидел. Сжалось сердце, переполнилось болью, злостью. Добравшись до склада, я прихватил несколько винтовок, пистолет и один ящик винтовочных патронов. Притащил все это в расположение роты ПВО и занял оборону у окна, контролируя госпиталь и Южный мост, где наши бойцы уже отражали атаку врага.

По распоряжению Фомина я, Федор Исаев и другие товарищи пробрались в штаб полка, забрали ценные бумаги, штабные печати и полковое знамя. Все это было поручено хранить Исаеву.

Немцы продолжали бомбежку. Комиссар Фомин приказал занять новый рубеж обороны. Часть бойцов ползком перебралась в здание Белого дома².

Как только мы достигли нового места, все начали занимать огневые позиции. Я должен был находиться на втором этаже. Следуя туда, я наткнулся на телефонный провод. У меня сразу же мелькнула мысль: откуда он здесь появился и куда ведет? Стал следить и скоро заметил наверху гитлеровца с телефонным аппаратом; выстрелом из карабина свалил его на землю. Опасность была устранена.

Трудно представить себе, кто из нас спал и кто что ел в те дни. Круглые сутки почти бесменно каждый не покидал своего боевого поста. Два дня я не думал о еде, но потом начал испытывать настоящий голод. Вскоре случайно нашел в подвале ящик сала и лед. Так мы и питались: кусок сала, кусок

¹ Рота противовоздушной обороны.

² Инженерного управления.

льда. На следующий день мы покинули подвалы и перешли в восточную часть крепости. Полковой комиссар Фомин дал нам команду занять оборону на втором этаже и оттуда вести обстрел. Мы установили пулемет Дегтярева на лестнице и держали под контролем Восточный мост через реку Мухавец. Когда наши бойцы штурмом брали вражеские точки, мы поддерживали их огнем своего пулемета.

После нескольких дней обороны красноармейцы, находившиеся по ту сторону реки, закричали, что по нашей крыше ходят немцы (сами они не имели возможности обстрелять их: не было патронов). Утомленные люди не падали духом, зорко смотрели за врагом, но усталость брала свое, и красноармейцы то и дело «клевали» носом. Я как мог веселил бойцов: ходил ночами по отсекам, толкуя о том о сем, предупреждал, что в нашем положении необходима бдительность, что надо быть начеку, иначе немцы могут забросать нас гранатами.

В один из дней обороны гитлеровцы затащили на крышу взрывчатку и начали взрывать второй этаж. После первого взрыва все бросились к окнам, там нас встретил пулеметный огонь. Немцы вторично произвели взрыв, на этот раз в другом месте.

Красноармейцы бросились в Мухавец, надеясь переплыть его и таким образом вырваться из вражеского кольца, но враги установили пулеметы на Восточном мосту реки Мухавец и поливали свинцом все пространство реки. В водах Мухавца погиб мой близкий друг по службе Александр Таглин. Перед тем как идти на прорыв, он просил меня в случае гибели передать весть его жене. Помню, Таглин и его жена воспитывались в детском доме, оба окончили лесной техникум, трогательно любили друг друга. Перед уходом Саши в армию у них родился сын, и Таглин с нетерпением ждал встречи с семьей. Я видел, как он нырял под воду, спасаясь от пуль немецкого пулемета. Смерть настигла его, когда он стал уже выбираться на крутой берег...

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 14, лл. 2—8.

МАТЕВОСЯН САМВЕЛ МИНАСОВИЧ, заместитель политрука, ответственный секретарь комсомольского бюро 84-го стрелкового полка.

Сражался в Цитадели на участке Холмских ворот и Инженерного управления. 24 июня Матевосяна, получившего тяжелое ранение, отнесли в подвалы здания Инженерного управления. 5 июля 1941 года попал в плен. Осенью 1941 года организовал побег шести человек из лагеря военнопленных, затем находился в партизанском отряде. После освобождения призван в ряды Советской Армии. Участвовал в штурме Берлина.

Сейчас инженер-геолог С. М. Матевосян работает в Армении. Живет в городе Ереван. Член КПСС. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени и четырьмя медалями.

Сила советского характера

Как только стало известно, что немцы находятся в центре крепости, комиссар Фомин приказал организовать ударную группу, атаковать противника, а частью сил занять оборону в Белом дворце¹ и ждать подкрепления.

Наш 84-й полк по праву считался комсомольским, так как более 90% личного состава его составляли комсомольцы.

Я обратился к присутствующим товарищам, напомнил им, что настал час выполнения воинского долга, что именно сейчас Родина ждет от нас верного исполнения нашей присяги. И как только раздалась команда, буквально все выбежали вперед, в атаку, и тут, на рассвете 22 июня, я впервые увидел силу русского штыка. Когда мы прорвались к Белому дворцу¹, немецкая группировка, вооруженная автоматами и пулеметами, была расколота на две части, и в рукопашной схватке многие наши бойцы показали истинный героизм. Героически погибли в то утро старшина Михайловский, заместитель политура Иванова, рядовой Цибуля, Виноградов и многие другие. К концу первой атаки у наших бойцов в руках находились уже немецкие автоматы и пулеметы. В последующий период обороны зачастую приходилось воевать немецким оружием, которое добы-

¹ Так автор называет здание Инженерного управления.

вали в кровопролитных боях, ибо склады боеприпасов, в результате интенсивной бомбежки врага, почти все были взорваны. Ружейные пирамиды оказались заваленными.

К нам в плен попал офицер немецкой армии. Этот «артист», как называли его наши бойцы, был захвачен в рукопашной схватке. Почему-то он находился в полной парадной форме: кайзеровская каска со штырем, множество наград на груди. Во время допроса он вел себя весьма трусливо, маленький окрик наших бойцов приводил его в истерику. Падая на колени, он все время просил пощады, рассказал, что делается во вражеских частях, находящихся вокруг крепости. Пленный сообщил, что на крепость наступает 45-я пехотная дивизия. По его показаниям, она была одной из лучших в немецкой армии.

Мне было приказано доставить протокол допроса этого пленного немецкого офицера со многими ценными документами, попавшими к нам, в штаб дивизии — в Брест и на обратном пути привезти в крепость командный состав, живший в городе.

Прорыв можно было осуществить только при помощи бронемашин. У нас в тот период на вооружении были трехосные бронемашины. На каждой из них находилось по два пулемета, одна 45-мм пушка и радиостанция. Когда машины подкатили к складу боеприпасов, крыша здания горела. Многие бойцы снимали с себя гимнастерки, пилотки, так как взять снаряды голыми руками было трудно. Раздалась команда: «Отойти!». Не успели мы догрузить третью машину, едва отошли, как склад взорвался.

Машины с боем прорвались к Восточным воротам Кобринского укрепления, но они оказались загроможденными горевшими тягачами. Тогда мы развернулись к Северным воротам, недалеко от которых находился Восточный форт. На этом участке наступала большая группа немецких автоматчиков. Они шли во весь рост через земляную дамбу, и, когда мы совершенно неожиданно открыли огонь из

6 пулеметов и 3 орудий, большинство их было уничтожено на месте. Оставшиеся в живых бежали.

Таким образом, попытка гитлеровцев прорваться в тыл Восточного форта и атаковать его не удалась. Подъехав к Северным воротам, мы увидели здесь такую же картину: ворота были загромождены горевшими машинами и прорваться из крепости было невозможно.

Развернув машины по направлению к домам интендантской службы и командного состава, мы увидели, что они окружены большой группой немцев.

Подъехали к противнику с тыла. Навстречу нам бросились женщины и дети. Впереди бежал мальчик 13—14 лет, за ним жена командира лет 20¹. Летнее платье ее было в крови, висок ранен, кисть левой руки отсутствовала, а в правой зажата была граната. Я рассчитывал, что они бегут просить у нас помощи, как вдруг почти все в один голос закричали: «Товарищ комиссар, боеприпасов нет».

Оборону этого участка (домов командного состава) возглавляли капитан и старший лейтенант. Оба были ранены. Рассказав им обстановку, мы двинулись в сторону Северо-западных ворот, но и они оказались загроможденными. На протяжении всех последующих лет я был убежден, что немцы умышленно не хотели дать нам тогда выход и подожгли у ворот свои машины. Только в 1956 году в Москве, на встрече со своими боевыми друзьями по Брестской крепости, я узнал от участников обороны этого участка, что эти машины в первые минуты боя подожгли наши артиллеристы. Еще на рассвете 22 июня прямой наводкой они уничтожали вражескую технику; многие из этих отважных артиллеристов героически погибли в первый же день.

¹ Как рассказывают очевидцы, это была Александра Почерникова, женщина большой выдержки и высокой моральной силы. Потеряв в первый же день двух детей, она вместе с мужем — ответственным секретарем партбюро 333-го стрелкового полка старшим политруком И. М. Почерниковым — участвовала в обороне крепости. Когда немцы их окружили, Почерниковы поняли, что плен неизбежен. Последние пули они пустили в себя.

Когда мы возвращались в центральную часть крепости, чтобы доложить полковому комиссару Фомину обстановку, немцы начали обстреливать наши машины из бронебойных орудий. Тяжело был ранен башенный стрелок Григорьев. Через некоторое время он скончался. Полковой комиссар Фомин приказал мне усилить оборону расположения 84-го стрелкового полка и отдельного разведывательного батальона. С этого участка мы контролировали мост и шоссе, ведущие на Брест.

Несмотря на то, что крепость обводнялась многими каналами, реками Мухавцом и Бугом, воды достать было почти невозможно. Немецкие пулеметы простреливали все пространство, и если отдельным смельчакам удавалось приблизиться к реке и достать флягу воды, то ее в первую очередь раздавали тяжелораненым, детям. Остальные участники свою жажду утоляли тем, что брали сырой песок в рот, причем зачастую не было даже слюны, чтобы выплюнуть этот песок из полости рта и продолжать бой. О пище в первый день войны никто почти не вспоминал. На третий день бойцы принесли откуда-то мешок сырого гороху и понемногу раздавали, опять-таки в первую очередь, женщинам, детям и раненым, а многие из бойцов даже находили в себе мужество отказываться от своих порций.

Площадь вокруг Белого дворца была усеяна трупами. В жаркие летние дни они разлагались, дышать было невмоготу. Когда затухали бои, бойцы выползали из укрытий и закапывали находящиеся вблизи трупы. В первый день противник бросал угрожающие листовки, а в последние дни фашисты писали, что немецкое командование восхищается мужеством защитников, предлагали сдаваться в плен, суля золотые горы.

Мы все были уверены в окончательной победе. Никто не думал о себе, и каждый в тяжелую минуту спасал товарища. Когда начался пожар в штабе нашего полка, комсомольцы во главе с Александром Филем героически спасли полковое знамя вместе

с шефским знаменем, преподнесенным нашему полку Коминтерном.

Чтобы посмеяться над врагом, старшина Меер — любимец полка, шутник и весельчак — собрал немецкие листовки, нарисовал на обратной их стороне свинью с усиками Гитлера, внизу сделал по-немецки надпись: «Не бывать фашистской свинье в нашем Советском огороде». Эти листовки бойцы наклеили на пленного немецкого ефрейтора и отправили его к немцам.

Отсутствие медикаментов, медицинского персонала и перевязочных средств привело к тому, что у многих в ранах стали заводиться черви. Лично я был в крепости ранен трижды...

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 36, лл. 5—14.

КОВТУН ЗАХАР СТЕПАНОВИЧ, рядовой минометной батареи 84-стрелкового полка.

Принимал участие в обороне Цитадели по 5 июля. Выбрался из окруженной крепости, но был схвачен и посажен в концлагерь под Ровно, откуда вскоре бежал. Находясь в рядах Советской Армии, участвовал в освобождении Варшавы, штурме Берлина.

Сейчас З. С. Ковтун работает шофером в Звенигородском районе, Черкасской области. Награжден орденом Красной Звезды, 2 медалями «За отвагу» и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

Ничто не страшило нас

Я и боец-узбек ночью направились в разведку. Вернувшись в расположение Белого дома, мы увидели, что ходы в подвалы были забиты большими глыбами камней, так что нам еле-еле удалось отвернуть одну из них, чтобы пробраться вовнутрь. Там уже никого не было, чувствовался какой-то неприятный запах, во рту слипалось, хотелось пить. Вдруг я заметил, что у моего товарища-узбека побелели губы.

— Газы! — крикнул я.

Мы взяли майку, разорвали надвое, намочили в рассоле (рядом стояла кадушка от огурцов) и наложили на рты. В глубине подвала мы нашли бойца. Он лежал в бессознательном состоянии, задышался. Мы пытались добиться от него хоть слова, но безнадежно. Вскоре он скончался. Продвигаясь дальше по подвалу, заметили с правой стороны по траншее отражение колебаний огня. Я окликнул: «Кто там?» В ответ донеслось: «Свои». Мы стали пробираться к ним. Когда спросили, где же все остальные, нам рассказали: «Как только мы пошли в разведку, немцам удалось завалить ход в подвал камнями и пустить газы».

ОФ МГОБК, оп. 84, д. 30, лл. 2—4.

КУВАЛИН СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, старший сержант, заведующий делопроизводством продовольственно-фуражной службы 84-го стрелкового полка.

Сражался в Цитадели крепости у Холмских и Брестских ворот до 2 июля. Контуженный, попал в плен. Прошел лагеря Бяла-Подляска, Гамбург. За неоднократные попытки к бегству был переведен в лагерь смерти Освенцим, позже в Маутхаузен. В марте 1945 г. совершил побег и добрался до советских войск.

В настоящее время С. М. Кувалин живет и работает в Челябинской области.

Мы продолжали сражаться

Еще весной 1941 года все жители Бреста говорили о приближении войны. В магазинах города появились большие очереди, чего раньше не наблюдалось. На наше недоумение некоторые из горожан отвечали, что скоро война, что немцы наверняка нападут на нас. Мы возражали им, доказывая, что у нас с Германией заключен договор о ненападении на 10 лет, но жители только усмехались в ответ: «Мы его повадки знаем». Над крепостью все чаще и чаще появлялись немецкие самолеты, вначале по одному, а потом даже группами — по три, по шесть. Пролетали они, как правило, на небольшой высоте.

Я хорошо помню, что только 21 июня мы получили приказ: в случае появления немецких самолетов открывать огонь из зенитных 4-ствольных пулеметов «максим».

21 июня старшины подразделений выписали и получили продукты среднему комсоставу для поездки на артиллерийский полигон. На воскресенье 22 июня в крепости оставались только дежурные командиры.

Полковой комиссар Фомин находился с нами в штабе. Он прибыл в полк месяца за полтора до начала войны и семью свою еще не успел привезти.

21 июня демонстрировался кинофильм: «Валерий Чкалов». Вечер был теплый, погожий; картину

смотрело много солдат. Так как летом темнеть начинает поздно, демонстрация фильма задержалась. После кино мы поужинали и начали играть с комсоргом полка Матевосяном в шахматы, решив, что накануне выходного дня еще успеем выспаться. Матевосян из самолюбия никак не хотел признать себя побежденным. Когда он проигрывал партию, то считал это случайным явлением, а когда выигрывал — заявлял, что это классический маневр с атакой. Мы вошли в азарт и не ложились спать до трех часов. В открытое окно веяло прохладой, откуда-то доносились трели соловья.

Закончив игру и оставшись каждый при своем мнении о сыгранных партиях, мы наконец угомонились. Обмундирование сложили по форме на окошке, которое выходило во двор крепости. Не знаю, как другие мои товарищи, но я не успел еще заснуть, как зазвенели стекла, посыпалась штукатурка, задрожали полутораметровой толщины стены. В темноте бросился к выходной двери. В это время разорвалась большой силы бомба, упавшая метрах примерно в 8—9 от нашей комнаты. Что-то сильно ударило меня по голове: то ли дверь заклинилась, то ли еще что-то обрушилось, только я потерял сознание. Очнулся лежа на полу, задыхаясь от дыма. В голове шумело. Казалось, что она трещит по швам. С трудом поднялся, вышел, а вокруг нет ни души: ни дежурного по штабу, ни посыльных, ни часового, стоявшего у знамени, ни знамени полка. Кругом все грохотало, дрожало, горело, и нечем было дышать. Из прорванного водопровода вытекала вода. Я спустился на первый этаж. Там были все из нашего штаба: комиссар Фомин, Матевосян, Ребзуев, писарь Павлов, бойцы взвода пеших разведчиков.

Помню, я сказал Фомину тогда: «Вот, верили мы сволочам, а они что с нами сделали».

Комиссар ответил: «Товарищ сержант, не время об этом говорить, утихнет бомбардировка — надо организовать круговую оборону, а сейчас необходимо установить наблюдение за Мухавцом и мостом

через него, чтобы не дать им прорваться в центр крепости».

Я был в трусах и майке. Поднявшись на второй этаж, в свою комнату, достал из чемодана новую форму. Разыскивая старую гимнастерку, в кармане которой лежал комсомольский билет, выглянул в окно, но тотчас же засвистели пули. Кто мог стрелять из центра крепости? Неужели там уже немцы? Вернувшись, доложил об этом комиссару. Позже мы узнали, что огонь вели из клуба, который противнику удалось захватить в первые же часы войны.

Оставив необходимое количество бойцов для обороны ворот, комиссар Фомин, как самый старший, собрал находившихся с ним бойцов, приказал установить связь с подразделениями полка. Мне было приказано пробраться в роту связи, узнать, работает ли рация. Ползком, короткими перебежками, я добрался до роты связи. Там находился старшина Вячеслав Меер. Он сказал, что связи нет, рация не работает. Остальные посыльные доложили, что другие подразделения ведут оборону самостоятельно на своих участках.

Командование принял на себя комиссар Фомин. Назначив командиров, дал приказ любой ценой защищать порученный участок.

Немцы предприняли несколько атак со стороны госпиталя, но были отбиты. В отражении этих атак бойцы успешно использовали 45-мм пушку, которую они собрали по приказу полкового комиссара Фомина из разбитых орудий.

После неудавшейся попытки прорваться в крепость на танках фашисты снова открыли артиллерийский огонь. Группе бойцов, в которой был и я, приказали занять оборону в Белом дворце.

Третий этаж этого здания и пожарная вышка сгорели в первые же часы. Из винтовок, пулеметов мы вели огонь по мосту через реку Мухавец и обстреливали также крепостные валы, когда на них появлялись немцы. Уставшие, изнывая от жажды, в течение 5—6 суток защищали мы этот участок.

Уже много было раненых; перевязки делали разорванными простынями, рубашками, иногда попадались индивидуальные пакеты. Чтобы как-то облегчить страдания раненых, мы их переправляли в подвал Белого дворца, где был заготовлен лед для скоропортящихся продуктов. Откапывая его, раненые утоляли нестерпимую жажду.

27 и 28 июня, зная расположение пищеблоков своего полка, я с одним из бойцов пошел за продуктами. Нам удалось разыскать в развалинах немного хлеба. Мы поползли обратно. Метров за 150 до своего объекта нас придавил к земле вой бомбы, летевшей с оглушающим свистом. Положив мешок с хлебом на голову, я укрылся в воронке и ждал, что будет; бомба взорвалась совсем близко. Мимо полетели камни, обломки. Товарища моего убило большой каменной глыбой. Выглянув из воронки, когда все стихло, я увидел, что Белый дворец весь окутан дымом. Переждав пока он рассеется, я двинулся к зданию. Все, кто находился там, мне казалось, были убиты: бомба пробила все этажи дворца насквозь.

Я нашел станковый пулемет, втащил его на обломки и продолжал вести огонь по немцам, появлявшимся на мосту. Потом пулемет замолк (из-за перекоса патрона), этот дефект устранить я не мог, так как устройства пулемета «максим» не знал. Мимо меня пробежали человек пять бойцов, среди них оказался Сергей Волков, он учился в оружейной мастерской. Я спросил его: «Куда бежите?» Он ответил, что штаб 84-го стрелкового полка заняли немцы. Я попросил Волкова остаться со мною. Сережа остался, исправил пулемет и начал помогать мне, набивая ленты патронами. Скоро нас фашисты обнаружили и открыли минометный огонь. Мы четыре раза меняли огневую позицию, но врагу все-таки удалось нащупать нас. Мина угодила как раз впереди пулемета, разорвав его ствол. Сережа Волков осколком был смертельно ранен и через несколько минут скончался. Меня, видимо, спас от осколков щит. Накрыв друга валявшимся поблизости

байковым одеялом и обложив камнями, я похоронил его.

Оставшись один, я переполз в ту часть здания на берегу реки Мухавец, где обороной руководил старшина В. Э. Меер; здесь было человек 50 бойцов. От них я узнал, что все это здание занимают наши, здесь находится штаб обороны, которым руководит Фомин. Бойцов мучила жажда. До воды было метров 12—15, а взять ее почти невозможно, редко кому удавалась вылазка: всех срезал пулеметный огонь врага, расположившегося по другую сторону реки. Как-то старшина Меер спустился к реке за водой. Зачерпнув полное ведро, он возвращался обратно; ему оставалось преодолеть метров пять, не больше, как вдруг возле самого окошка пуля настигла его, пробив грудь. Сделали ему перевязку, но он вскоре умер.

Положение становилось все более безнадежным, отсутствовали связь, продукты питания, вода, медикаменты. Командование решило с наступлением темноты прорваться из окружения. Для этого надо было форсировать реку Мухавец или проскочить мост¹, который находился под наблюдением противника, и, повернув на юго-восток, по берегу реки выйти из крепости. Кто мог хорошо плавать, тем предлагалось захватить с собой только оружие и патроны. Многие бойцы взяли пустые чемоданы, доски, связали плотики, чтобы поддерживать на воде оружие, и в назначенное время по сигналу, под прикрытием огня, с криками «ура!» все дружно выбежали на прорыв. Но только переступили порог, как нас встретил ураганный огонь. В воздухе повисли сотни ракет, стало светло, как днем. На мосту сразу образовались горы трупов, так как большинство воинов пошли по мосту.

Несмотря на тщательную подготовку к прорыву, беспримерный героизм бойцов и командиров, выйти из крепости нам не удалось. Немцы подтянули значительные силы: танки, бронемашины. Оставшиеся

¹ Мост у Врестских ворот Цитадели.

в живых защитники вернулись обратно и решили драться до последних сил.

Разрушенное здание, на развалинах которого погиб Сергей Волков, было уже занято немцами. Они кричали: «Рус, сдавайся!» Но ни один боец не помышлял о сдаче в плен. Мы остались на небольшом участке, отрезанном от всего мира. Посылаемые в разведку бойцы не возвращались. Судьбы их нам были неизвестны. Немцы начали обстреливать прямой наводкой окна. Здание загорелось, тушить было нечем. Патроны кончались. Фашисты атаковали нас и после жестокой рукопашной схватки взяли в плен.

Не помню точно, какое это было число, примерно 2 июля, ведь мы потеряли счет дням. Двое бойцов покончили жизнь самоубийством, предпочитая лучше собственную пулю плену.

Наставив на грудь штыки, фашисты обыскали нас, отобрали все личные вещи и, отделив группу человек в 20, велели убирать трупы на этом участке. Мы собирали и хоронили павших советских бойцов без разбора и регистрации в первой ближайшей воронке. Трупы разложились, дышать было тяжело. Немецких солдат клали в груды, вынимали все документы, жетон отдавали офицеру, который стоял в стороне с флаконом одеколона в руках. Больше всего немецких солдат было убито у моста через канал и вокруг гарнизонного клуба; на этом участке мы собрали трупов 600—700.

Работая, мы слышали сильную перестрелку. Както днем появились немецкие самолеты и начали сбрасывать бомбы в восточной части крепости. Тогда мы поняли, что там были наши, значит, крепость еще была не взята, она еще сражалась.

Числа 14—15 июля мимо нас с песнями прошел отряд немецких солдат, человек 50. Когда они поравнялись с воротами¹, в середине их строя неожиданно раздался взрыв, и все заволкло дымом. Оказывается, это один наш боец еще сидел в разру-

¹ Речь идет о Тереспольских воротах Цитадели.

шенной башне над воротами. Он сбросил связку гранат на немцев, убив человек 10 и многих тяжело ранив, а затем прыгнул с башни вниз и разбился насмерть. Кто он, этот неизвестный герой, нам так и не удалось узнать. Но этот самоотверженный поступок произвел на нас огромное впечатление. Вот как погибает русский солдат!

ОФ МГОБК, оп. 84, д. 32, лл. 8—15.

ТАРАСОВ НИКОЛАЙ АГАФОНОВИЧ, сержант,
командир отделения 7-й стрелковой роты 84-го
стрелкового полка.

Сражался в Цитадели. 12—13 июля вместе с
несколькими бойцами выбрался из крепости и
стал продвигаться на восток. В одной из дере-
вень Каргуз-Березовского района был схвачен
врагами. Находился в лагерях Заксенхаузен и
Бухенвальд.

В апреле 1945 года совершает побег из фаши-
стского лагеря смерти Бухенвальд и присоеди-
няется к частям Советской Армии. Принимал
участие в освобождении Праги.

После демобилизации Н. А. Тарасов живет и
работает в городе Кафан, Армянской ССР. На-
гражден орденом Отечественной войны II сте-
пени.

На службу в армию меня призвали в 1939 году. Вместе со своими земляками прибыл в Брест, в 84-й стрелковый полк. Я окончил полковую школу и в звании сержанта меня назначили на должность командира стрелкового отделения.

В ночь на 22 июня наша рота была оставлена в крепости для несения караульной службы. Я стоял на посту у Южных ворот¹. Чтобы скоротать в карауле время, начал готовиться к очередным занятиям в кружке по изучению истории партии, которым руководил комиссар Фомин. К трем часам ночи мне очень захотелось спать. Еле выдержав установленные часы бодрствования, я положил «Краткий курс» в противогаз, а противогаз под голову и крепко уснул, не подозревая, что сплю в крепости последний раз.

Меня растолкал начальник караула — наш командир взвода лейтенант Кузнецов. Кругом раздавались взрывы. Красноармейцы уже хватили из пирамиды свои винтовки. Последним караульное помещение покинули я и лейтенант Кузнецов.

Мы побежали в ту сторону крепости, откуда виден госпиталь и дорога, ведущая к селу Волынка, что стояло у самой границы. Здесь размещались в

¹ Автор имеет в виду Холмские ворота.

казармах молодые красноармейцы майского набора 1941 года, прибывшие на пополнение в крепость; вот к ним-то в подвал нам и пришлось бежать. Кроме внезапности нападения, существовала еще одна трудность: личный состав нашего участка обороны состоял преимущественно из молодежи нового пополнения, у которой еще не было настоящей солдатской закалки; вместо того, чтобы хладнокровно и решительно действовать, многие растерялись и в панике метались по крепости. Так было в первые часы войны.

Организацией обороны на нашем участке занимались мы двое, т. е. я и лейтенант Кузнецов, ибо других командиров и старших военачальников не было. После некоторого затишья артиллерийской канонады нам сразу пришлось искать в каптерках какие-либо боеприпасы.

В одной из казарм мы нашли несколько ящичков патронов. Мне кажется, это было в расположении 9-й стрелковой роты, старшина которой сержант Ашот Новосардян, на наше счастье, не успел в субботу сдать их на склад боепитания. Сержанта Ашота Новосардяна и замполита нашей роты Федорова убило в первые же минуты, как только они выбежали из казармы.

День прошел в непрерывной стрельбе по врагу, рвавшемуся в крепость. Хорошо помню, как молодые красноармейцы очень быстро овладели оружием и к вечеру уже прекрасно стреляли, они с некоторым опасением ожидали рукопашной схватки, но после первой же штыковой атаки эти ребята уже ничем не уступали остальным.

Мой друг, сержант Тутаринов (из Астрахани), присоединился к нам вечером первого дня, когда мы достреливали последние патроны. Надо было любой ценой достать новые. Тутаринов вызвался пойти на розыски. Он взял еще одного бойца и отправился по всем тем местам, где могли храниться боеприпасы. Они долго не возвращались, и вдруг наш наблюдатель доложил, что видит, как, поминутно приги-

баясь от вражеских пуль, пробирается Тутаринов. Ему надо было помочь. Я быстро взял нашу единственную винтовку с оптическим прицелом, лег за камень, отыскал немецкого автоматчика, засевшего над проходными воротами, и одним выстрелом уничтожил его. Таким образом, Тутаринов благополучно возвратился. Он был ранен, но принес с собой два немецких автомата и несколько рожков, наполненных патронами, а его товарищ, который нес ящик ракет и ракетниц, погиб.

Из рассказа Тутаринова выяснилось, что они пробрались в расположение фашистов, наткнулись на двух немцев, в рукопашном бою уничтожили их и захватили оружие. Сержант Тутаринов, несмотря на ранение, не уходил с линии обороны и больше суток с немецким автоматом в руках продолжал сражаться с врагом, пока не погиб.

Патроны кончались, а враг нажимал. Надежда оставалась только на штык да на незначительное количество гранат. Снова атака врага, и снова рукопашная схватка. Фашисты засели на верхнем этаже, они забрасывали нас гранатами, но мы успевали на лету подхватывать их и кидать обратно. Наконец мы добрались и до самих гитлеровцев; в рукопашном бою вновь пополнили немецкими трофеями свои запасы оружия, но немного.

Боеприпасы иссякали; казалось, выхода нет. В это время рядовой Ревунов (из Смоленской области) вспомнил, что перед войной возле нас, в складе, он видел ящики с патронами, но этот склад уже был совершенно развален. Мы с Ревуновым, несмотря на непрекращавшуюся стрельбу противника, стали рыться в развалинах.

Наш труд не пропал даром: мы нашли несколько целых ящиков с патронами. Немцы, заметив, что мы работаем, начали обстрел из минометов со стороны госпиталя, и переноску ящиков мы производили под ураганным огнем, так как прекратить ее было невозможно: враг мог подорвать все найденные патроны. Во время этой работы Ревунов погиб от взрыва мины.

Помню кончину лейтенанта Кузнецова ¹. Он стоял у первого окна с ручным пулеметом, а я у второго со станковым, нас разделяла одна стена. Фашисты стреляли из всех видов оружия. В этот момент прибегает ко мне красноармеец и передает распоряжение Кузнецова о немедленном укрытии в подвале. Не успел я собрать пулеметные ленты, как раздался взрыв потрясающей силы. Казалось, всколыхнулась вся крепость. Я упал. Меня немного засыпало камнями, а то помещение, где находился Кузнецов, рухнуло, лейтенант и несколько наших бойцов погибли под обвалившимися стенами. Из-под развалин слышались стоны, хрипение, но мы, оставшиеся в живых, ничем не могли им помочь, так как нас было слишком мало, чтобы раскопать такие каменные глыбы.

Враги снова стали наседать, снова началась гранатная переброска, но на этот раз на душе у каждого было тревожно. Ведь нас так мало, принимать штыковой удар было бессмысленно. Но, к великому счастью, мы неожиданно услышали дружное «ура!»: это группа Самвела Матевосяна внезапно налетом разбила засевших над нами фашистов. Самого Матевосяна в этот раз я не видел, он взял в плен немецкого офицера, и только доносилась его ожесточенная ругань по адресу фашиста на армянском языке (армянский язык мне знаком). Тут ко мне подошел связной и передал устное распоряжение командования, на основании которого мы покинули казармы 84-го полка и перешли в казарму саперного батальона. Нас осталось трое, и, чтобы не попасть под обстрел своих, мы просидели до рассвета в подвале, а затем присоединились к защитникам, оборонявшим эту казарму. Большинство из них были пехотинцами. Здесь я встретил близких мне товарищей: Филиппа Меженкова (из Смоленской области), до войны служившего рядовым в моем отде-

¹ Лейтенант Н. Е. Кузнецов был ранен 30/VI 1941 г. и схвачен фашистами. Ныне живет и работает в г. Советская Гавань.

лении, и Гургена Хачатуряна — сержанта, командира отделения нашего взвода.

Этот день мы с Хачатуряном поочередно стреляли из одного станкового пулемета. Под вечер нас начала обстреливать немецкая пушка, ствол которой виднелся из-за разбитой стены у самого берега Мухавца. Она причиняла нам много вреда. К нам подошел старшина с артиллерийскими эмблемами на петлицах и от имени командования передал, что крайне необходимо уничтожить расчет немецкой пушки. Я, Гурген Хачатурян и Филипп Меженков молча посмотрели друг на друга и решили ночью же выполнить это задание.

Мы скрутили из простыней веревку и ранним утром, снарядившись автоматами и гранатами, отправились, где ползком, а где перебежками. Добравшись до цели, немного обождали, и вот предутреннюю тишину нарушили длинные автоматные очереди Гургена Хачатуряна. Он бил в то место сосны, где в проломе находилась пушка. Я бросал туда гранаты, чтобы немцы не могли высунуть головы, а Меженков ловко зацепил веревкой за ствол пушки, и мы стащили ее на землю. Сразу же со всех сторон поднялась ураганная стрельба. Нам пришлось отступить, но все-таки пушка больше не стреляла. Меня легко ранило в колено левой ноги, Хачатурян и Меженков были невредимы.

Последующие дни, до 29 июня, прошли более спокойно, только ощущался острый недостаток воды и пищи. Здесь, в крепости, я узнал цену воде. Помню, перед глазами у меня всегда стояла географическая карта. Мысленно я видел огромные озера и реки, а здесь, в крепости, мы не могли даже утолить жажды; воздух, наполненный смрадом убитых, сушил не только рот и горло, а, кажется, все внутри. Было очень обидно смотреть на воду, протекающую совсем рядом, но тем не менее почти недоступную. Мы пробовали привязывать фляжки вместе с грузом на веревку и забрасывать в реку, но редкие из них возвращались назад, да и те не более чем с полстаканом воды; бойцы по ночам пробирались

к воде, но эти вылазки никогда не проходили без жертв.

В расположении казарм саперного батальона мне долго оставаться не пришлось. После бомбежки 29 июня нас осталось совсем мало. Погиб Филипп Меженков; Гурген Хачатурян был сильно контужен. Мне пришлось пойти в другие помещения разведать обстановку, но, возвратившись, я уже не нашел его. Примерно через месяц я встретил его в плену в лагере Бяла-Подляска, больным, разбитым, но там все пленные были разделены по национальности, и вместе с Хачатуряном мне быть не пришлось. Поэтому о дальнейшей судьбе моего друга я не знаю.

Оставшись один, я побрел по подземельям и развалинам, так как попасть в плен, притом почти здоровым, если не учитывать хотя и беспокойного, но легкого ранения ноги, было, по моим убеждениям, просто позором и предательством.

В одном из уцелевших подземных помещений я встретил сержанта из 333-го полка, который отнесся ко мне весьма дружелюбно. Он был уже много раз контужен и ранен. Первым делом он попросил воды. Я помог ему перевязать израненное тело, а сержант мне показал уцелевшие сухари в бумажных мешках и патроны, ради которых он здесь оставался, так как место было скрытое и о нем никто не догадывался. Звали этого человека Ильей, а фамилию его мне узнать так и не пришлось, ведь тогда вообще было не до праздных разговоров. Но иногда, впадая в забытие, сержант бредил, вспоминая Кубань; очевидно, он был оттуда родом. Вместе с этим сержантом мы пробыли больше недели. Он немного поправлялся. Я по мере своих способностей ухаживал за ним, ходил доставать воду, перевязывал раны, израсходовав на это всё свое нательное белье, хотя оно и было пропитано потом, грязью и кровью.

В эти дни, в основном, мы охотились за отдельными гитлеровцами. Непосильных боев не завязывали. Как-то днем мы с Ильей вылезли из подзе-

мелья разведать местонахождение своих. Видим, идет в нашем направлении группа немецких солдат. Решили принять бой. Подпустив врага на близкое расстояние, дали несколько очередей. Трех сразу уложили, а с остальными продолжали перестрелку. Враги были почти на открытом месте, а это очень помогло нам: когда они бросали в нас гранаты, мы легко ловили их на лету и швыряли обратно в их сторону.

Израсходовав гранаты, немцы заметно ослабили огонь. Мы убили еще двоих, а третий поднялся и, как заяц, побежал в противоположную от нас сторону, но там его встретили пули красноармейцев, которые, очевидно, скрывались в одном из подвалов.

Оставаться на месте боя было опасно, и мы быстро перебежали по развалинам в ту сторону, откуда стреляли наши. Оказывается, они наблюдали за всей картиной этой схватки, но стрелять не могли, так как мы с Ильей попадали под их пули. Там было шесть человек, и от них мы узнали, что последний приказ нашего командования был о выходе из крепости мелкими группами. Мы решили, что оставаться дальше нет смысла и, пока наши силы не иссякли, нужно прорываться через вражеское кольцо. Других новостей эти товарищи не знали, никто не мог даже ответить, какое было число. По этому поводу у нас завязывался горячий спор: одни говорили девятое, другие — одиннадцатое число.

Все восемь человек с наступлением темноты начали выбираться из крепости. Настроение было подавленное, на душе лежала тяжесть, как говорят, «кошки скребли». Жалко было покидать этот клочок родной земли, где пришлось уже столько пережить, где узнал столько горя и похоронил близких друзей и где особенно сильно чувствовал жгучую ненависть к врагу и решимость бороться до конца. Ноги не хотели идти. Мы пробирались по развалинам очень медленно, на глазах у ребят блстели скупые слезы. Не доходя нескольких метров до реки, кто-то из идущих позади (я шел первым) споткнул-

ся и, падая, ударил автоматом о камень: раздался выстрел, и сразу со всех концов взлетели ракеты, застрочили пулеметы и автоматы.

Мы бросились в воду и уже почти переплыли реку, а некоторые из нас даже выскочили на крутой берег, как к нам наперерез кинулись немцы. Кто-то из нас бросил гранату, и мы метнулись в темноту. Оглянувшись, я увидел, что нас только трое. Один боец, по фамилии Свиридов, служил пограничником, а фамилию второго забыл. Они мне сказали, что сержанта Илью убило в реке, а остальные четверо, наверно, побежали в другую сторону. Это был наш последний бой на Брестской земле.

Обессилевшие, утомленные голодом и бессонницей, мы начали путь на восток, по полям и лесам Белоруссии. Шли очень осторожно, заходили в некоторые деревни попросить хлеба и, не задерживаясь там, скрывались в лесах, продолжая путь дальше. В одной деревне нас кто-то выдал. Схватили, отобрали оружие, избili, завели в сарай, где находилось уже 8—10 таких, как мы. Гитлеровцы были пьяные, их офицер что-то кричал, но из всех его слов можно было лишь понять одно — «партизан». Пятеро немецких солдат и этот офицер повели нас из деревни в лес, на небольшой холм, и поставили для расстрела. Офицер ходил около нас и каждого, ради удовольствия, ударял палкой. Свиридов, который был высок ростом и широк в плечах, не стерпев, отбросил офицера ногой так, что тот повалился на землю. Мы бросились в лес...

В живых остались я и Свиридов. Мы продолжали путь, голодали, но заходить в деревни боялись. И все же эти предосторожности не спасли нас. В лесу около Картуз-Березы мы встретили человека в крестьянской одежде, но, не обратив на него внимания, продолжали отдыхать. Незаметно оба заснули; так нас сонных и захватили полицаи, избili до полусмерти, посадили на машину и увезли в лагерь военнопленных. Так я попал в плен. Пришлось многое пережить в застенках Заксенгаузена и Бухенвальда.

Напуганные наступлением наших войск фашисты начали партиями угонять пленных в глубь Германии. Я этим воспользовался и в апреле 1945 года совершил с этапа побег. 27 апреля присоединился к войскам Советской Армии. Участвовал в освобождении Праги. До 1946 года продолжал служить в армии, был командиром отделения.

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 56, лл. 5—16.

НУРИДЖАНЯН СОС БЕНИАМИНОВИЧ, сержант, помощник командира взвода 5-й роты 84-го стрелкового полка.

Сражался у Холмских ворот и в здании Инженерной казармы. 16 июля был схвачен фашистами. Осенью 1941 г. вместе с Матевосяном, Хлебниковым, Левинским, Кузнецовым, Агагуляном совершил побег из лагеря военнопленных в районе г. Бреста. 27 декабря 1941 г., перейдя по льду Азовское море, прибыл в г. Ейск. В составе 142-й стрелковой дивизии участвовал в обороне Севастополя. Контуженный был пленен вторично. В 1943 г. бежал. Сражался в рядах 1-го Советского партизанского полка во Франции.

Награжден орденом Отечественной войны II степени и тремя французскими боевыми наградами.

Ныне живет и работает в г. Ереване.

В ту последнюю предвоенную субботу я вернулся в крепость около 10 часов вечера. Вместе с другими бойцами-спортсменами мы готовились на городском стадионе к участию в физкультурном параде в Минске. После ужина товарищи мои легли спать, а я сел писать письма родителям, любимой девушке. Когда дописывал последние строчки письма, во дворе взорвалась первая бомба, затем последовали частые взрывы. Мы бросились к выходу из казармы. Бежавший первым замполит 8-й роты был убит в дверях. Оказалось, что в крепости появилась уже диверсионная группа. С ручным пулеметом я выскочил через окно столовой; за мной последовали Абдуллаев Даниель и другие товарищи. В воронке от авиабомбы мы обнаружили двух вражеских пулеметчиков. Одного убили, а другой при попытке удрать попал в нечистотную яму. Под руководством полкового комиссара Фомина бойцы заняли позиции для обороны. Я с пулеметом контролировал дорогу, идущую от госпиталя к Холмским воротам.

Вечером мы подсчитали потери: несколько человек было убито. Младший сержант Бабаларян, мы его звали «комиссар», и другие были ранены. Некоторые остались под развалинами.

Фашисты снова начали атаковать. Неудачно. Тогда они выдвинули вперед орудия и стали стре-

лять прямой наводкой. В полдень 23 июня к нам перебрался плененный гитлеровцами красноармеец, которого они послали с предложением сдаться в плен. Получив отказ, противник предпринял третью атаку. Одновременно около 30 немцев, вооруженных взрывчаткой, укрылось под мостом. Мы не стреляли. Диверсанты вышли из-под моста, поднялись на берег. Когда они были метрах в 10—15 от нас, мы открыли перекрестный огонь. Только пяти фашистам удалось спрыгнуть в реку. Там они и нашли свою могилу. В конце второго дня во время атаки фашисты погнали впереди себя вольнонаемных, больных и раненых, захваченных в госпитале, женщин и детей. Спрятавшись за этим живым «барьером», гитлеровцы продвигались вперед. Мы подпустили их к мосту. Стали слышны возгласы наших людей: «Стреляйте, не щадите нас!»

— Ложись! — крикнул Бабаларян в ответ.

Увидев, что шедшие впереди немцев полегли, мы открыли огонь...

...Матевосян оказался хорошим «охотником». Во время объезда участков на бронемашине он пленил фашистского офицера.

Бойцы со снайперскими винтовками охотились за немцами, видневшимися в кустарниках.

Ночью 26 июня фашисты установили метрах в 100 от нас 3 орудия и на рассвете открыли огонь прямой наводкой. Снаряды попадали в стены, но особого вреда не причиняли. Один снаряд влетел через окно, ударился о противоположную стену, и казарма заполнилась слезоточивыми газами. Противогазов у нас не было, если не считать нескольких учебных.

...28-го все вспоминали предыдущую субботу и крепость с ее полноценной мирной жизнью.

В воскресенье фашисты приблизились к нашим позициям на бронемашине и по радиосулителю передавали «последние известия» на русском языке. После этого последовала музыка, затем они кричали, что уже приближаются к Москве, предложили нам сдаться. В ответ мы открыли огонь.

...Положение создалось тяжелое. Из группы защитников, которая находилась у ворот, ведущих на дорогу к госпиталю, сообщили, что там бои прекратились и часть людей оттуда перешла в Белый дворец. Перед вечером в развалинах Белого дворца поймали вражеского радиста.

Мы обосновались в Белом дворце и в казарме саперного батальона. Нас менее 100 человек, а занимали мы большой оборонительный рубеж. Враг постепенно захватывал отсек за отсеком. Немцы появились под окнами. Вдруг в помещение через окно влетела граната. Я моментально схватил ее и выбросил обратно. За первой следует вторая граната... седьмая. Одна из гранат взорвалась у пулемета и вывела его из строя. Был ранен я, Мхитар¹ и курсант Антонов.

Из пулемета, находившегося в углу каземата, я начал косить немцев. Кровь заливала глаза. Меня заменили у пулемета. После перевязки вернулся на позицию. «Из соседних подвалов не слышны голоса, наверное, всех убили», — сказал Абдуллаев.

2 июля в поисках воды погибло 5 бойцов; мы вынуждены рыть колодец в подвале казармы. Его вырыли за две ночи. Это было радостным событием. На рассвете пошел в разведку старший сержант помощник командира взвода разведки и с ним один боец. Вскоре боец принес новые данные о противнике, а старший сержант продолжал вести наблюдение. Целый день он сообщал нам о всех изменениях на вражеской позиции. К вечеру дал знать, что его заметили, но он остался там до конца и дрался до последнего патрона. Мы слышали густой автоматный огонь врага и ответные отдельные очереди старшего сержанта...

4 июля к нам присоединились 12 человек из соседнего полка. Пользуясь затишьем, Тангин Мартиросян² подсчитал людей. Выяснилось, что нас осталось 62 человека, включая раненых. Из нашего

¹ Рядовой М. А. Нуридджанян. Погиб.

² Рядовой Т. В. Мартиросян. Погиб.

взвода осталось семеро, все раненные. Чтобы поднять ребят, я начал рассказывать анекдот. Это оживило всех. Появились и другие рассказчики.

Утром 5-го перед нашими позициями появился старший сержант с завязанными веревкой руками. Конец веревки находился на противоположной стороне у немцев. Лицо, шея сержанта залиты кровью. Когда он приблизился к нам, мы увидели, что у него обрезаны уши, на лбу вырезана звезда. Старший сержант крикнул: «Братцы, расстреляйте». Мы стали стрелять по веревке и перебили ее. Он побежал к нам, но враги открыли пулеметный огонь и... убили сержанта. Все мы, словно по команде, сняли головные уборы.

6 июля рухнуло здание, где мы находились. Наверно враг минировал его и взрывал. Многие остались под развалинами. Это было как бы большое братское кладбище. Только семь человек осталось в живых, если не считать тяжелораненых, которые лежали в подвале.

Когда мы вышли, из-под развалин слышали стоны тех, кто остался там навечно. Пробираясь мимо огромной глыбы от здания, я улышал голос: «Убейте меня, умираю...» Узнал голос Месропяна Айказа. Попытался вытащить его из-под глыбы, но не смог.

Три дня фашисты не появлялись. Видимо, надеялись, что живых людей не осталось. К вечеру третьего дня фашистский офицер с подчиненными приблизились к развалинам. Мы семеро почти одновременно открыли мстительный огонь по этой группе из 13 гитлеровцев и всех уничтожили. С пятью автоматами и двумя пулеметами мы отгоняли немцев от нашего «братского кладбища».

Немцы искали вход в наш подвал. Найдя его, бросили гранату, потом пустили длинную автоматную очередь. Мы не отвечали. Трое из них решили спуститься вниз. Мы их скосили. Васильев из 333-го полка подошел к трупам немцев, вывернул карманы, нашел три куска хлеба и две пачки конфет, похожих на таблетки. Мы разделили эти трофеи.

Из соседних подвалов слышны были выстрелы. Это стреляли наши раненые.

Числа четырнадцатого вышли из подвала, как говорил Васильев, на «охоту». Спрятались в развалинах и ждали появления фашистов. По дороге, напротив нас, к Цитадели двигался вражеский взвод. Мы открыли огонь. Сколько осталось у них живых — мы не выяснили, так как недалеко от нас, в развалинах, спрятался не замеченный нами немец и забросал нас тремя гранатами. Двое из наших товарищей погибли. Их тела мы отнесли в подвал, откуда и сами больше не смогли выйти.

От голода и жажды мы все очень ослабли. Едва передвигались, держась за стены. Вечером решили: ночью пойдем за водой и в соседний подвал на поиски еды. Но это не осуществилось. Когда мы проснулись, увидели, что окружены немцами. Они направили на нас дула автоматов...

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 86, лл. 3—12.

ЖУРАВЛЕВ ФЕДОР ФИЛИППОВИЧ, курсант и секретарь партбюро, полковой школы 33-го инженерного полка.

Сражался в Цитадели крепости на участке Инженерной казармы. 27 июня, при попытке прорваться сквозь вражеское кольцо, был тяжело ранен и попал в плен.

Находился в лагере военнопленных близ Бяла-Подляски, в Демблинской крепости, Ченстохове. В начале марта 1943 года совершает второй побег, на этот раз удачно. Стал бойцом в партизанском отряде имени Жукова бригады имени В. И. Ленина Брестского соединения. Закончил войну комиссаром отряда. Сейчас Ф. Ф. Журавлев персональный пенсионер. Живет в Москве. Член КПСС. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, «Знак Почета» и двумя медалями.

Высокий подвиг

Мы размещались в здании полковой школы на первом и втором этажах, рядом со столовой. Немцы, занявшие столовую, имели ручные рации, вели себя шумно, передавали сведения о крепости своему командованию, просили подкрепления. Надо было немедленно уничтожить их, и мы решили сделать так: пробить со второго этажа дыру и забросать их прежде всего гранатами. В числе других, выполнявших это задание, были комсомолец Петр Босов (уроженец Сампурского района, Тамбовской области), Иван Иванов (из Тулы) и Анатолий Костюкович (из Минска). Мы пробили железобетонное перекрытие потолка и забросали фашистов связками гранат. Потом с группой наших бойцов ворвались на кухню столовой, где возле котлов стоял ящик с жиром; видимо, повар еще не успел приготовить суп. Немцы, оставшиеся в живых, спустились в подвал, там завязался рукопашный бой с нашими поварами и дежурными бойцами, которые были в наряде на кухне. Мы поспешили им на помощь. Пленные гитлеровцы при допросе сказали, что вошли во время бомбежки со стороны Буга через проложенный там понтонный мост.

Примерно в 10—11 часов утра через этот же мост к нам во двор ворвались три немецких танка. Фашистский офицер открыл люк танка, поднялся

и в бинокль начал наблюдать за окнами казармы второго этажа. Я и Владимир Костюкевич, служивший в отделе вещевого снабжения, в это время находились в кабинете замполита нашего полка т. Жука, на втором этаже; танк остановился как раз против нас. Не сговариваясь, я и Костюкевич одновременно выстрелили. Офицер был убит. Танк мгновенно развернулся по фронту стволом и стал стрелять по нашей казарме. Мы спрятались между окон. Один снаряд угодил в простенок, где стоял Владимир Костюкевич, пробил полметровую стену, и вся масса кирпича обрушилась на моего товарища. Владимир был убит, а я оглушен. Скоро бойцы вытащили меня к дверям на воздух.

...В столовой собралось много бойцов. Мы решили послать один взвод через мост на связь с теми, кто сражался за рекою. Но из двадцати человек вернулось только трое. Сколько мы ни пытались перейти мост — сделать это нам не удавалось: фашисты перекрестным огнем срезали бойцов. Боеприпасы иссякали, поэтому мы решили идти на прорыв: под прикрытием пулемета форсировать рукав Мухавца. Цель наша была проста: выйти из крепости и соединиться со своими. Немцы сразу же открыли ураганный огонь из автоматов, пулеметов. Пули густо ложились на воду, большая часть товарищей погибла. Но и те, кому посчастливилось перебраться на другой берег, долго не могли даже подняться.

Это происходило 26—27 июня примерно в 12 часов дня. В юго-восточную часть Кобринского укрепления мы пробрались только к 6 вечера; на разных участках крепости шли большие ожесточенные бои. Добравшись до моста через Мухавец, мы встретили группу бойцов, которыми командовал лейтенант Анатолий Виноградов¹. Под громовое «ура» бойцы устремились в атаку. Немцы, видя такой натиск, отступили, залегли и открыли ожесточенный автоматный, пулеметный, минометный огонь. Более шести раз мы ходили в атаку, и каждый раз они закан-

¹ Воспоминания А. А. Виноградова см. на стр. 351.

чивались рукопашными схватками. Гитлеровцы, видя наше упорство, пустили танки, стремясь задушить осажденных. Бойцы дрались яростно. Внезапно меня оглушило взрывом и тяжело ранило в ногу, а Петру Босову искалечило руку.

Все крепились, ожидая темноты и надеясь ночью завершить прорыв. Немцы учли такую возможность и пустили танки, а за ними автоматчиков. Отрезав нас от гарнизона крепости, они прочистили этот кусок земли. Мы находились с Петей и с другими бойцами в воронке, выбитой снарядом. Перед наступлением темноты гитлеровцы нас обнаружили, избили прикладами...

ОФ МГОВК, оп. 33, д. 2, лл. 8—11.

ДОЛотов ИВАН ИВАНОВИЧ, старший сержант, командир взвода 33-го инженерного полка.

Участвовал в обороне Цитадели в здании Инженерной казармы. 29 июня, контуженый, попадает в плен. Находился в лагере для военнопленных близ Бяла-Подляски. За участие в подготовке побега перевезен в лагерь в районе норвежского города Лиллегамер. В 1945 году освобожден из плена.

Ныне инженер-гидрограф И. И. Долотов работает в городе Ленинграде. Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Под знаменем Ленина

Для прохождения срочной службы я был призван в феврале 1940 года в 140-й инженерный батальон¹, который располагался в Брестской крепости. В это время мне уже было 28 лет, так как я имел отсрочку до окончания высшего учебного заведения. Я припоминаю ленинградцев, прибывших вместе со мной в крепость. Это инженер А. Гордон, Иткин, Н. Голубев, Н. Якимов, Н. Старостин, Ф. Ильин, А. Ривош, А. Никитин². Хорошо помню сержантов Г. Хайкина, Соболевского³, Ветрова, Кузьмина, Лермана, Дукарта. Из всех этих товарищей после войны я видел живыми только Федора Ильина — геолога-изыскателя и А. Никитина; слышал, что живы Соболевский и Якимов. Остальные, очевидно, погибли при обороне крепости или потом, в фашистских лагерях.

Командиром нашего полка был майор Смирнов. Командиром роты — старший лейтенант Сококин. Я имел звание старшего сержанта и был командиром взвода.

¹ Накануне войны этот батальон был преобразован в 33-й инженерный полк.

² Воспоминание А. И. Никитина см. на стр. 99.

³ Сержант К. В. Соболевский — библиотекарь 33-го инженерного полка. В настоящее время живет и работает в г. Минске. Награжден орденом Славы III степени.

Мы размещались в кольцевой казарме, влево от Трехарочных ворот. Напротив этих ворот через реку Мухавец находился разрушенный еще в 1939 году железобетонный мост на каменных устоях, временно отремонтированный бойцами 140-го инженерного батальона.

Работая на постройке дотов, мы почти ежедневно бывали на берегу Буга и, конечно, видели, что в дни, предшествовавшие нападению фашистов, у них происходило что-то странное. Например, к берегу все чаще подъезжали легковые автомобили и из них выходили гражданские лица. Побыв там некоторое время, уезжали. Дня за три до войны немцы построили вдоль берега, как раз напротив крепости, на всем ее протяжении, зеленую изгородь из ольхи в 2,5—3 метра высотой.

20—21 июня за этой изгородью слышался шум многочисленных автомобильных и тракторных моторов. Часто над нашей территорией на небольшой высоте появлялись немецкие самолеты. Последние дни самолеты пролетали над крепостью так низко, что их можно было великолепно рассмотреть.

В субботу вместе со старшиной Аркадием Ривошем я побывал в городском театре. Очень хорошо помню эту ночь. Памятна она вот почему: когда мы вышли из театра и Ривош пошел к себе домой, ко мне подошел человек, который работал в нашем полку. Он был гражданский, из местных жителей, по фамилии Зноска. Я знал его через Ривоша, служившего старшим писарем в штабе. По дороге в крепость Зноска некоторое время шел молча, а потом вдруг остановил меня и посоветовал в крепость не идти.

Я был очень удивлен таким оборотом дела и заметил, что он, очевидно, никогда не служил и не знает, что такое увольнительная записка и воинская дисциплина, что пятиминутное опоздание это уже наряд или другое взыскание. Он заявил, что все это мелочь, что службу он знает, но, якобы, скоро начнется война. И в подтверждение своих слов сослался на то, что в магазинах и на рынке исчезли соль,

спички и другие продукты. Жители, мол, знают, что это говорит о близкой войне. Так было в 1939 году, когда немцы напали на Польшу.

Я, конечно, посмеялся над такими доводами, и мы распрощались. Я пошел в крепость, а он свернул в одну из городских улиц.

У Центральных ворот мне встретился выходящий из крепости сержант из нашей роты. Он был до службы учителем в одном из сел Витебской области. Его команда работала на укрепрайоне в ночную смену. Он сказал, что ходил в полк за хлебом для команды, так как к ужину хлеб захватить забыли. Поговорив, разошлись, и сержант пошел к форту Сикорского¹, где был их объект. Примерно через два месяца я встретился с ним в лагере у Бяла-Подляски, и он рассказал мне, что, переходя тогда железную дорогу, отделявшую форт от крепости, был остановлен неизвестными вооруженными людьми, которые приказали ему лечь недалеко от железнодорожного полотна. Приняв все это за ночное учение и решив, что ради этого терять время нечего, он вскоре поднялся и благополучно дошел до своих. Примерно через полтора часа началась война. В плен он попал в районе Кобрина.

Проходя по территории крепости, щедро заросшей кустами и деревьями, вспомнил я странные предупреждения Зноски. Кругом стояла тишина, лунный свет блестел на поверхности камешков, окрашенных известью и уложенных вдоль тротуара. Нигде ни звука. Не хотелось даже думать о войне. Чтобы не нарушать этой тишины стуком шагов, я сошел на песчаный край тротуара.

Мне часто приходилось бывать в карауле, и я хорошо знал, что на всю нашу роту приходилось 600 штук патронов. Много раз я принимал и сдавал их под расписку у старшины. В эту ночь наша рота была дежурной. Когда я докладывал дежурному по роте сержанту Лерману о возвращении из уволь-

¹ К форту «граф Берг», который располагался в 400 м к северу от крепости.

нения, подошел дежурный по штабу с приказом срочно направить в Брест вооруженного связного. Через пять минут связной сидел уже на лошади.

Все 600 штук патронов были розданы караульному наряду. Дождавшись, пока дневальный возвратился со старшиной соседней роты, который держал в руках журнал для записи и три обоймы винтовочных патронов, данных «взаимообразно», я пошел к своей койке и лег спать.

Проснулся от грохота взрывов. Оконный проем светился вспыхивающим буро-красным светом. С верхних нар прыгали раздетые красноармейцы. Сапоги и брюки я одел в коридоре. Схватив из пирамиды ручной пулемет Дегтярева и коробку с дисками, я выпрыгнул в окно в сторону Мухавца и бросился к мосту, что против Трехарочных ворот. Мой взвод находился на другой стороне Мухавца и путь к нему вел только через мост. Весь переменный состав полка размещался в бетонных помещениях в валах, отделяющих северную часть крепости от центральной, там же для них были поставлены палатки.

К мосту бежали с обеих сторон люди, но, вступив на него, тотчас же падали убитыми. Откуда немцы вели ураганный огонь по мосту — было еще непонятно. В воздухе ревели черные самолеты, еле видные на сером фоне неба. Я спустился к воде, но почувствовал, что с пулеметом мне не переплыть. В это время напротив Белого дворца в реку съезжали три танкетки-амфибии 75-го Отдельного разведывательного батальона и за каждую из них держались красноармейцы, по одному или два человека. Я побежал в их сторону, надеясь тоже зацепиться, но их больше не было. Эти же, добравшись до противоположного берега, огибая валы, исчезли в направлении Кобринских ворот. Я побежал обратно к мосту. У меня тогда мелькнула мысль, что если я не попаду к своему взводу, то я не выполню ни воинского, ни комсомольского долга.

По другой стороне Мухавца мне навстречу бежала группа из 4—5 человек. Мы поравнялись против пекарни, расположенной тоже в земляном валу. Расстояние было небольшое, и меня поразила их форма. В следующий момент я лежал на земле, а сквозь листву ивняка, растущего вдоль берега, били автоматные очереди.

Некоторое время я лежал не шевелясь, скрытый небольшим бугорком земли. «Вот они — немцы!» Надо подготовить пулемет. Я чуть не заревел от досады, когда обнаружил, что диски без патронов. Как я не видел раньше? Ведь с патронами они гораздо тяжелее, но вот в горячке и не заметил. Выходило, что я безоружный, и потому надо было возвращаться в казарму, узнать, где патроны и вообще, что делать дальше, если уже немцы тут.

Очувтившись в казарме, я не знал, к кому обратиться. Из средних командиров был только один младший лейтенант. По его виду было заметно, что он еще и сам не разобрался в происходящем.

Из построившихся в коридоре красноармейцев быстро выбирали неодетых и полуодетых и отсылали в комнаты для приведения себя в порядок. Всем распоряжались младшие командиры-комсомольцы. Строй был шумный. Красноармейцы разбивались на группы, занимали оборону у окон. Вооружены были только винтовками со штыками, но без патронов. В казармах со стороны Мухавца появились первые раненые и убитые. С противоположного берега враги стреляли по окнам из автоматов.

В комсоставские дома, расположенные за Мухавцом, посылали связных, но все они погибали. Скоро стало очевидно, что связаться с командирами, жившими там, нельзя.

Первые патроны мы добыли уже около 6—7 часов утра. Стало известно, что недалеко от нас, где-то в казармах 84-го стрелкового полка, находится склад боеприпасов. Сержанты Н. Якимов, А. Гордон, красноармеец Саркисов и я отправились за боеприпасами. Вдоль дороги, ведущей к 84-му полку, хо-

дили три броневика из 75-го Отдельного разведывательного батальона. Следуя один за другим, они двигались то вперед, то задним ходом. Из башен торчали небольшие пушки; под их прикрытием мы добежали до склада.

Там распорядился какой-то старшина, указывая где и что брать. Набив за пазуху гранат, захватив по нескольку коробок з запалами и по ящику винтовочных патронов, двинулись обратно. Справа горели постройки нашего взвода, кругом шла стрельба. Упали Саркисов и Гордон, потом еще один боец. Все бросились на землю. Стреляли откуда-то сзади.

Броневики уже покосились, два из них горели.

У Трехарочных ворот стоял немецкий танк с крестом, башня его вращалась вместе с орудием. Очевидно, это он подбил броневики. Танк быстро скрылся. В течение дня еще несколько раз ходили в склад за патронами. У нас появились автоматы ППД и патроны к ним, несколько пистолетов.

Раненых направляли в подвал, расположенный под полковой санчастью. В первый день перевязывали почти нормально. У нас появились бойцы из других подразделений, стоявших в крепости. Часов в 10—12 утра обнаружили, что в бывшем костеле засели немцы. Их атаквали из дверей и окон казармы, расположенной по другую сторону от Трехарочных ворот. Атаку поддерживали винтовочным и пулеметным огнем из окон второго этажа штаба нашего полка. С другой стороны казармы, в районе Холмских ворот, шел ожесточенный бой; около полудня к атакующим присоединились и мы.

Перед этим со стороны 84-го стрелкового полка прибежали трое. Они передали чье-то распоряжение об атаке на костел и, между прочим, об устройстве окопов перед казармами со стороны Мухавца. Окопов так и не сделали, так как вся стена обстреливалась с противоположного берега.

Я бежал к костелу со второй очередью атакующих. Пространство это небольшое, еще вчера тут стояли палатки, походные кухни, но сейчас их как

и не бывало. От дерева к дереву перебежками дошли до стен. Многие падали, сраженные огнем неприятеля. Лежа у стены, перевели дыхание. Изнутри слышались крики, взрывы и выстрелы. Двери костела, обращенные в сторону 333-го стрелкового полка, были открыты. Туда вбегали и выбегали наши красноармейцы. Внутри костела стоял мрак, и в первый момент не видно было даже людей, а только красноватые вспышки автоматных очередей. Немцы засели на хорах, наши внизу.

Скоро глаза привыкли, и мне показалось, что их не так уж и много: 5—6 автоматов стреляли сверху. На крики у дверей я выскочил на улицу. Оказалось, фашисты выпрыгивали из окон и бежали по направлению к кустам, растущим вдоль тротуара. Мы открыли огонь. Кроме того, гитлеровцы наткнулись на колючую проволоку, скрытую кустами и отгораживающую территорию сада от дороги. Небольшая группа там, на хорах, поддерживала отход основных сил.

На обратном пути нас неожиданно обстреляли из казармы 33-го инженерного полка. Пролетав до темноты в промежутке между костелом и казармами, мы возвратились к себе, порядком возмущенные: «Виданное ли дело — стрелять по своим». Но здесь узнали новость: за стеной, в помещении нашей столовой, находятся немцы, которые и стреляли.

Наступила первая ночь войны. Особое внимание мы обращали на подходы со стороны развилки Мухавца.

Под утро случился казус. Со стороны 84-го полка, после усилившейся там стрельбы, раздался шум бегущих в нашу сторону людей. Приближались они из промежутка между зданием Белого дворца и концом казармы 84-го полка. Кто бежит? Наши? Немцы?

Темно. Все решается мгновенно. Крик: «Немцы» — и вдоль всей стены наших казарм затрещали выстрелы. Отчаянные крики подбегавших дали понять о страшной ошибке. Но об отходе группы бой-

цов 84-го полка нас должен был предупредить специальный связной. Жертвы были, конечно, напрасными. Утром 23-го появился какой-то человек в форме рядового, но видно было, что это командир. Потом мы узнали, что это полковой комиссар Фомин. Вместе с ним 2—3 красноармейца и один командир из кавказцев. Они доставили сюда несколько станковых пулеметов, один из которых установили на лестничной площадке у окна со стороны Мухавца. С этого дня у нас образовался как бы штаб обороны кольцевых казарм, появился командный пункт. Фомин все время находился в левом крыле в коридоре первого этажа.

Немцы, засевшие в нашей столовой еще в первый день войны, как мне кажется, были танковым десантом, потому что еще утром 22 июня танк раза три переходил мостик через Мухавец около Трехарочных ворот со стороны валов. К вечеру он был подбит орудийными выстрелами из северо-западного угла кольцевых казарм Цитадели. Подбитый, он стоял на противоположном от нас берегу метрах в 6—8 от края моста, в начале дороги, ведущей к пекарне.

Против засевших в столовой фашистов была выделена еще в первый день группа в 25 человек, которой командовал сержант нашей роты Лерман. В ночь на 23 июня Лерман с бойцами снял с подбитого невдалеке броневика пушку и снаряды и решил использовать эту «артиллерию» в атаке на столовую. Утром принялись за дело. Стреляли из пушки по окнам кухни и столовой. Весь израсходованный запас снарядов никакого результата не дал, так как все снаряды попадали в боковую стену оконного проема. Прямой атакой немцев выбить было тоже невозможно: окна помещения были заделаны железными решетками. Во всяком случае сержант Лерман сделал все возможное для того, чтобы уничтожить засевших в столовой гитлеровцев. В это же утро Лерман получил ранение. Голова его и левая рука были перевязаны.

Из коридора бойцы проломали в стене отверстие

в кухню. Кроме того, на полу в помещении штаба, находящегося во втором этаже над кухней, одна за другой были взорваны две связки гранат. Это облегчило Лерману выполнение задачи, и часам к 7 вечера ему удалось прорваться в кухню. Немцы были подавлены, а оставшиеся в живых, человек 9—11, взяты в плен. Одновременно были освобождены из лап гитлеровцев две или три женщины, неизвестно как оказавшиеся там. Из освобожденной кухни добыли кое-какие продукты: сахар, хлеб, сырую картошку и овощи.

Лерману во время операции помогал один красноармеец из 75-го Отдельного разведывательного батальона. Я не знал его фамилии. У него было желтовато-матовое красивое лицо монгольского типа, прямые черные волосы. Мы всегда называли его между собой «корейцем». Лерман был по национальности еврей, родом с юга (кажется из Одессы). Это был высокий, красивый парень, с вьющимися черными волосами, никогда не унывавший, разбитной. Рано утром 24 июня они оба собрали группу около 30 человек и с разрешения Фомина ушли разведать обстановку. В июле, находясь в плену, я увидел Лермана среди раненых, лежащих около сарая в лагере Бяла-Подляска. Обе руки его были перевязаны грязными бинтами, а на волосах лежали сгустки запекшейся крови. Мы оба очень обрадовались друг другу, так как наших из крепости было мало. Лерман рассказал мне, что их группу фашисты разбили с внешней стороны восточного вала в промежутке между пекарней и Кобринскими воротами. Очевидно, вскоре он был расстрелян фашистами, ибо недели через три его в лагере уже не было.

Еще 23 июня в подвале котельного отделения нам удалось сделать весьма радостное открытие. Мне было приказано поддерживать усиленным огнем очередную атаку Лермана на столовую со стороны Мухавца. Очень удобно было вести огонь вдоль всей стены казармы из входа в подвал котельного помещения.

Проникнув туда, мы — двое сержантов, один по фамилии Якимов, незнакомый красноармеец с автоматом ППД и я — увидели у окна верстак и два котла для водяного отопления. На верхних ступеньках лестницы расположились автоматчики и Якимов с гранатами и винтовкой, а я с другим сержантом, приподняв одну из железных дверей люка, установили пулемет в сторону валов. Открыв крышку котла, мы обнаружили воду, вкусную, свежую, наполняющую прохладой воспаленное горло и грудь. Через полчаса вода уже ведрами поднималась в первый этаж через пробитое в полу отверстие.

Не знаю, как бойцы, но пулеметы были обеспечены водой, а обитатели подвала — раненые, дети и женщины — в этот день впервые утолили жажду.

Начиная с 23 июня немцы неоднократно предлагали сдаваться в плен. Через мощные репродукторы они назначали для этого время и на этот срок прекращали минометный, пулеметный, артиллерийский огонь. Так происходило ежедневно. Гитлеровцы кричали о своих победах. Однажды они сообщили, что ими взят Минск, что, если мы и теперь не сдадимся, то будем уничтожены «огнем и мечом». Мы считали их сводки враньем. О сдаче в плен не было даже и мысли. На севере, за валами, идущими вдоль Мухавца, все время слышалась ожесточенная пулеметная и винтовочная стрельба вперемежку с артиллерийскими обстрелами. Мы были уверены, что это из Бреста к нам прорываются войска и что бой идет где-то уже у главных ворот¹.

Еще 22 июня над Брестом я видел 2 или 3 наших маленьких истребителя. Они очень долго вели бой с «мессершмиттами», но потом двое из них упали горящими.

25 июня во второй половине дня здание Белого дворца было занято немцами², в окне над входом

¹ Автор имеет в виду Северные ворота Кобринского укрепления.

² Это здание несколько раз переходило из рук в руки.

болтался их флаг со свастикой. В тех местах, где немцам удавалось закрепляться, они вывешивали свой флаг: на красном полотне был большой белый круг, а на его фоне черная свастика. Первое время это красное, нераспустившееся полотнище сбивало нас с толку, и мы даже приняли его за наше, но потом поняли свою ошибку.

В этот вечер около Фомина собрались кое-кто из командиров. Обсуждалась возможность прорыва из крепости. Некоторые ссылались на вероятный успех группы сержанта Лермана, ушедшей накануне. Решили создать три ударные группы по 30—40 человек каждая и выходить в сторону Кобринских ворот. Начались приготовления. Так как мост все время обстреливался, то некоторые выбрали иной путь — форсировать Мухавец вплавь. Плыть в обмундировании и с оружием тяжело, поэтому из обломков столов и стульев, из остатков дверей, рам и других деревянных частей делали плотки.

В 12 часов ночи тронулись. Фомин на прорыв не ходил. Я бежал с группой, которая прорывалась по мосту. Внезапно кругом стало светло, как днем. Немцы обнаружили нашу переправу, поднялась ожесточенная стрельба. Я упал. Вокруг меня лежали трупы.

Где-то справа, за пекарней, слышались крики вперемежку с автоматной стрельбой и гранатными взрывами, доносились отдельные винтовочные выстрелы. Вскоре появились бойцы, бегущие обратно. Прорыв не удался. По одному, по два возвращались красноармейцы в казарму. Стало ясно, что наших поблизости нет. Многие из прорыва не вернулись. Не вернулся и мой близкий друг, сержант Якимов.

Немцы применяли чучела. Их выставляли в траве, в кустах, на валах за Мухавцом. Чучела были сделаны очень искусно, они перемещались и по окраске имитировали живых солдат. Здесь же впервые я убедился в меткости наших снайперов. Помню, как один худой веснучатый паренек-красноармеец с остроносым лицом лежал на груде матрацев у окна и время от времени прикладывался к прицелу самой обычной винтовки, даже не снабженной опти-

ческим прицелом. После выстрела он снимал с себя фуражку с красным околышком пехотинца и вытирал ею потный лоб. Как-то я обнаружил фашиста, приспособившегося за толстым деревом на валу за Мухавцом. Враг был хорошо замаскирован. Он вырубил в стволе у самой земли треугольник и стрелял, не высываясь из-за дерева. Я указал на него красноармейцу, хотя, откровенно говоря, сомневался, что боец без оптического прицела уничтожит этого фрица. Но он сказал, что на этом расстоянии можно и так попасть. И действительно, спустя некоторое время снайпер прицелился и выстрелил. Сейчас же за стволом дерева взметнулось и рухнуло тело врага. Мы все были поражены мастерством этого неказистого на вид паренька.

26 июня утром, после ожесточенного артиллерийского огня, немцы пошли в атаку со стороны казармы 84-го полка. Пулеметным и винтовочным огнем атаку остановили, хотя некоторые из фашистов уже находились метрах в 100 от нас. Часть из них бежала за здание Белого дворца.

Казалось, война продолжается вечно и никакой другой жизни не было. Мучили голод и жажда. В кошмарных промежутках сонного забытья мне часто представлялся наш большой семейный ведерный самовар, который я видел в последний раз лет 15 назад. Мне снилось, что, сняв крышку, я один через край выпиваю его.

Было еще светло, когда я предложил Фомину добыть воду, как мне казалось, верным способом. Я наткнулся на краскораспылитель, применявшийся у нас в маскировочном взводе инженерного полка для камуфляжа, и решил, что если опустить конец приемного резинового шланга в Мухавец, а сам аппарат поставить в подвале, то получится своеобразный насос, постоянно подающий воду. Комиссар одобрил план и приказал выполнять.

Я, Гордон и еще один старший сержант взяли за дело. От казармы до воды метров 15. Против окон кухни и недалеко от входа в подвал котельного отделения лежал кусок резинового шланга, при по-

мощи которого когда-то мыли картошку. Он был частично завален обломками кирпича и земли. Гордон со старшим сержантом притащили его в подвал. Так как конец его был прижат обломком стены, то им пришлось часть шланга отрубить. Приспособив шланг к пульверизатору, оставалось лишь выбросить его конец в воду, пришла моя очередь действовать. Вылазки делались только во время артиллерийского обстрела, когда все заволакивало дымом и гарью. Аппарат поставили у подножия лестницы в подвал. Всю длину шланга высунули на поверхность земли. Когда начался обстрел, я схватил конец шланга и побежал через дорогу к Мухавцу. Скатившись с берега, бросился к воде и, не добыв метров двух до нее, почувствовал, что потерял конец шланга. Я вернулся, нашел его и стал тянуть, но он оказался коротким и до воды не доставал.

На обратном пути, поднимаясь по осыпающемуся откосу, я почувствовал крепкий удар по затылку. Последовал взрыв, и... наступил провал.

Очнулся я от холода и озноба. Темнота. Где-то в стороне пунктирные линии трассирующих пулеметных очередей. Над головой не то крыша, не то стропила, рядом узкая высокая стена. А главное — тишина. Перед глазами чье-то черное волосатое лицо. Мучительно хочется пить. Волосатый исчезает, но скоро опять появляется и дает воды. Потом он уходит, опять возвращается и смачивает водой мне голову. Что-то говорит, но я не слышу, и мне все равно. Постепенно я понял, что это Гордон и что я оглох. Мы лежали под мостом среди каменных глыб и свай. На правой ноге у меня не было сапога, а около щиколоток лежала повязка из куска материи, одна штанина оказалась отрезанной до колена. Я заметил также, что брюки в крови, а сам в грязной нижней рубашке.

Через некоторое время с великими усилиями по обломкам досок и балок мы перебрались на другой берег Мухавца. Дальше двигались черепашьям шагом, по грудь в воде. Мы думали, что ветви ивы, растущей вдоль берега, помогут нам укрыться, но

ноги цеплялись за корни, находившиеся под водой. Не было сил идти. Винтовку, единственную на двоих, не бросали. От Гордона я смутно понял, что в казармах дела плохи. В этот момент Гордон был сильнее меня и честно старался помочь; он не отставал и был рядом. Невдалеке лежало срубленное дерево с густой листвой. Подползая под его сучья, я почувствовал удар в левый бок и опять потерял сознание.

Очнулся быстро, потому что лежал около дерева и где-то, как мне показалось, высоко над головой стояли фигуры с засученными рукавами и автоматами. Вскоре к нам подошли немцы. Я двигался, держась за Гордона. Привели нас в широкую длинную траншею, вырытую еще до войны в земляном валу для учебной стрельбы из винтовки, и поставили у щита в конце траншеи, где раньше находились мишени. Шагах в десяти стояло с полдюжины автоматчиков и с ними не то унтер-офицер, не то фельдфебель. Нас было человек 7—8.

После какой-то команды немцы встали в ряд, разговор прекратился. Было похоже, что они собирались расстреливать нас. Никто не выражал страха. Все были серьезные, внешне даже безразличные. Только чувство тоски и обиды да нахлынувшую отчаянную злобу на стоящие впереди фигуры врагов можно было прочесть на суровых лицах моих товарищей¹.

¹ Бывший рядовой приписного состава 33-го инженерного полка П. А. Скепко вспоминает: «Все наши бойцы очень любили И. И. Долотова. Он был не только отличным командиром, но и прекрасной души человеком. Он удивительно умел подойти к каждому из бойцов, поговорить, помочь и советом и делом. Я с ним встретился, уже будучи в плену, где нас, советских военнопленных, держали под открытым небом, без пищи и воды.

Вид у Долотова был страшный: черный, похудевший, обросший густой щетиной, он еле держался на ногах от ран и истощения. Только глаза его хорошие были прежними. Мы договорились, что сообщим родным о судьбе каждого из нас, если останемся живы. Но через несколько дней от нас гитлеровцы отделили большую группу пленных и куда-то угнали. Среди них оказался, по-видимому, и Долотов. Больше я его не встречал».

Затем нам принесли 2 или 3 буханки хлеба и целый куль с сухой воблой. Один из наших бойцов ушел и скоро вернулся в сопровождении автоматчика, неся ведро с водой. Через несколько часов нас погрузили в грузовик, скользкий от крови, и мы очутились на поле, огороженном колючей проволокой, вблизи Бяла-Подляски.

Как-то, лежа на сырой картофельной ботве у сарая, я вдруг почувствовал легкое головокружение и внезапно стал все слышать. Был бесконечно рад, что ко мне вернулся слух.

ОФ МГОВК, оп. 33, д. 1, лл. 1—17.

МОРОЗОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, сержант
9-й пограничной заставы 17-го Краснознаменного пограничного отряда.

Участвовал в обороне Цитадели на участке Холмских и Брестских ворот.

3 июля, тяжело раненый, попал в плен.

Около четырех лет находился в различных лагерях военнопленных в Германии. Освобожден весной 1945 года.

Ныне Н. М. Морозов живет и работает в городе Парижская Коммуна, Луганской области. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Шел 1941 год. После окончания школы младших командиров я был направлен в 17-й Краснознаменный пограничный отряд. Начальником нашего отряда был Кузнецов¹. Вначале он назначил меня заведующим продовольственным складом отряда, а затем в автороту, что находилась в крепости. Проработав одну зиму, я решил увильнуть от этих продовольственных складов: «Что это за пограничник, — рассуждал я, — который не несет службу на линии государственной границы? Что я, отслужив, смогу интересного рассказать своим односельчанам?»

Вскоре я подал командиру автороты лейтенанту Черному докладную. Он со мной, конечно, согласился и направил на 9-ю заставу в крепость, где меня и застала война. Начальником 9-й заставы был лейтенант Кижеватов, а его заместителем лейтенант Поляков².

Рано утром 22 июня 1941 года, ровно в половине четвертого, меня тихо разбудил дежурный по заставе пограничник Савченко³ и сказал: «Вы, товарищ

¹ Майор А. П. Кузнецов — начальник 17-го Краснознаменного пограничного отряда. В настоящее время — полковник в отставке, проживает в г. Москве. Воспоминания А. П. Кузнецова см. на стр. 575.

² Лейтенант Н. Н. Поляков — помощник начальника 9-й пограничной заставы.

³ Рядовой И. А. Савченко — станковый пулеметчик 9-й пограничной заставы.

Морозов, идете с четырех часов утра на охрану государственной границы». Я быстро встал, одел брюки, натянул один сапог, и вдруг раздался оглушительный взрыв. Бомба разделила здание нашей заставы пополам: меня придавило рухнувшими стенами так, что только одна голова была свободна. В темно-синем небе, словно стая коршунов, летали немецкие бомбардировщики. Я ощущал сильную боль, мне засыпало глаза. А бомбы одна за другой взрывались вокруг нашей заставы. На память мне пришел совет одного из участников гражданской войны, с которым я встречался в юности: «Если вокруг близко рвутся снаряды — открывать рот, тогда не лопнут барабанные перепонки». Вдруг раздался голос пограничника Еремеева¹: «В ружье!» Я позвал его на помощь. Вместе с бойцом Гусевым он откопал меня и по лестничной клетке отвел на нижний этаж. Здесь у входных дверей стояли: начальник заставы Кижеватов, его заместитель Поляков; пограничники Горбачев², Тюсьмак³, Савченко и другие.

Я услышал, как Кижеватов сказал лейтенанту Полякову: «Выбирайте себе бойцов и отправляйтесь на защиту Южных ворот». Я и ряд других пограничников попали в эту группу.

Светало. Во дворе заставы валялась детская кукла. Внезапно я увидел, как к ней подбежала дочурка Кижеватова. Она уселась на землю возле своей ляльки и стала ее баюкать. А вокруг свищут пули. Недолго думая пограничник Иван Ткаченко⁴ бросился к девочке и вытащил ее из-под огня. Короткими перебежками вслед за Поляковым под свинцовым дождем мы добрались до склада, располагавшегося между Тереспольскими и Холмскими воротами.

¹ Воспоминания Г. Т. Еремеева см. на стр. 473.

² И. Я. Горбачев — рядовой, стрелок.

³ С. Д. Тюсьмак, младший сержант — помощник заведующего складом отделения тыла 3-й пограничной комендантуры.

⁴ Рядовой И. Ф. Ткаченко — стрелок 9-й пограничной заставы.

ми. Собравшись, проверили, кто остался в живых. Недосчитались девяти человек, в том числе и Полякова. Здесь мы заняли оборону.

Какой-то младший командир раздавал гранаты, мне тоже досталась одна. Зажав ее в руке, я вышел из помещения и ползком стал пробираться к берегу реки Мухавец — попить воды. Вдруг я увидел, что навстречу мне плывет катер, на палубе которого стоит группа немецких офицеров. Я спрятался за мелким кустарником, росшим около берега. Как только катер минул меня, я приподнялся и бросил свою гранату, а сам приник к земле.

Когда катер совсем скрылся, я снова поднял голову и заметил, что на правом берегу Мухавца немцы бьют прикладами четырех наших товарищей. Все четверо были без гимнастеров и даже без нательного белья. У меня не было никакого оружия, и помочь им в этот момент я не мог. Вдруг один из гитлеровцев заметил меня и сразу открыл огонь. В этот момент кто-то схватил меня за руку и втащил в окно. Это был человек высокого роста, без знаков различия. Глянув на меня, он крепко выругался: «Что ты стоишь? По тебе стреляют, а ты словно вкопанный, даже не шелохнешься. Подумай,— сердито продолжал он,— когда немец стрелял, то нам тоже нельзя было высунуть головы в окно. А вообще-то ты, братец, молодец, метко гранаты бросаешь. Мы видели, когда катер с немецкими офицерами шел».

Но я тут же перебил его:

— Да,— говорю,— катер шел, но он и ушел.

— Неважно,— возразил он,— что катер ушел. Главное, что стоявшие там офицеры поражены, а несколько из них наверняка убиты.

Он спросил мою фамилию, из какого я подразделения и записал себе в блокнот.

Здесь в помещении младшие командиры обучали товарищей, как нужно пользоваться гранатой и ручным пулеметом. Вдруг кто-то крикнул: «Фашисты подползают к воротам!» Мы все рассыпались и заняли оборону. Я хорошо запомнил команду одного из командиров: «Огонь по гадам!» И мы открыли

такой огонь, что мало кто из них остался жив. Командиры установили везде посты. И снова продолжали обучать бойцов обращению с оружием, так как среди них много было таких, которые прибыли в крепость на сорокадневные сборы рядового и сержантского состава запаса.

Я стоял у окна, ведя наблюдение. Сержант какого-то полка вручил одному бойцу боевую гранату и сказал: «А ну-ка покажи, как нужно заряжать и бросать ее».

Этот боец заложил капсюль, повернул ручку на боевой взвод и начал крутить над головой стоящих.

Сержант закричал: «Бросай!» Но новичок растерялся. Тогда я выхватил у него гранату из рук и метнул в окно метров за восемь по направлению к воротам¹. Выглянув в окно, мы заметили, что на месте взрыва лежит убитый немец. Оказывается, он подполз к самому окну и наша граната разорвалась как раз вовремя.

Командование решило выделить две группы пулеметчиков на Северные и Западные ворота². Какой-то командир назначил меня старшим одной из групп, дав задание пробраться к Северным воротам и присоединиться к бойцам, занявшим оборону в казарме.

Я и шесть пограничников отправились. Расстояние от Южных до Северных ворот небольшое, но путь наш был тернист. Только на вторые сутки с момента приказа мы смогли добраться до них, потому что почти у каждой груды развалин нам приходилось сражаться с засевшими врагами.

Подобрали двух тяжелораненых бойцов. На руках отнесли их в медпункт, находившийся в подвале. Проходя там между ранеными, я увидел, что один из командиров, лежавший на спине, поднял правую руку, я узнал в нем лейтенанта Полякова. Он был ранен разрывной пулей и, по-видимо-

¹ Очевидно, речь идет о Холмских воротах.

² Очевидно, автор имеет в виду Брестские и Тереспольские ворота.

му, кантужен, так как не мог разговаривать. Вынув из своей планшетки блокнот, Поляков написал мне: «Товарищ Морозов, по наступлении темноты собери своих пограничников и приходите сюда».

Прошло четверо суток; мы были без еды, без сна, без воды. Добравшись, наконец, к Северным воротам, я нашел здесь еще несколько своих пограничников, показал им записку нашего помощника начальника заставы Полякова. С наступлением темноты мы отправились в подвал, где лежал он, но, к большому нашему сожалению, этот подвал был уже разбит. Очевидно, здесь и остался навсегда лейтенант Поляков. Мы вернулись к Северным воротам.

Тут руководил обороной полковой комиссар Фомин, который, так же как и мы, был оборван, окровавлен. «Кто пойдет на задание?» — спросил вскоре Фомин. Я, Гусев и Савченко подошли к нему. Он записал наши фамилии и сказал: «Вам поручается большая задача: пробраться к складу боеприпасов, который находится в восточной стороне от Южных ворот, и принести по ящику патронов». На прощание Фомин крепко пожал нам руки, пожелав удачи.

У нас был только один ручной пулемет и по диску патронов на каждого. По дороге мы дважды столкнулись с группами противника да, кроме того, попали под сильную бомбежку. Но все окончилось благополучно, лишь Гусеву мелким осколком раскололо щеку. Добравшись до склада, мы взяли по ящику патронов и часов в пять вечера вернулись назад. Скоро противник обнаружил склад боеприпасов и начал его бомбить, так что к вечеру от этого склада ничего не осталось.

Шли шестые или седьмые сутки войны. В некоторые дни бомбежка длилась по три — четыре часа непрерывно. Мне не раз приходилось откапывать после нее бойцов, но многих спасти не успели. Все время были слышны стоны заваленных горами кирпича и щебня людей.

В это время немцы еще более продвинулись в глубь нашего участка и заняли подвальное помещение казармы.

Положение ухудшилось. Люди слабели от бессонницы, жажды и постоянного недоедания. В одной из комнат кто-то обнаружил сахар. Но разве можно поддержать силы измученных людей кусочками сахара?

29 июня комиссар приказал выбить противника из подвала нашего здания. Путь к нему был труден, так как ползти надо было по открытой местности. Нам выдали всего по четыре гранаты, комиссар пожелал успеха.

Мы по-пластунски стали добираться до своей цели. Оказавшись у окна, я бросил туда одну гранату. Она взорвалась. В это время Горбачев переполз на другую сторону окна. Бросили еще по одной гранате, как вдруг после взрыва мы услышали женский голос:

— Не бросайте больше. Немцы сдаются.

Тогда мы сказали той женщине, чтобы немцы раздевались до белья и по одному выползали в окно. Смотрим — правда, стали немцы один за другим — шесть человек — вылезать в окно в одном белье. Мы спросили женщину, есть ли еще? Она ответила, что нет, осталось двое убитых. Немцев, взятых в плен, привели на второй этаж, где лежал раненый лейтенант, который прибыл лишь накануне войны из военного училища. Он умел хорошо разговаривать по-немецки и вел допрос.

Ранним утром 30 июня мне удалось заметить снайпера противника. Он сидел на дереве напротив наших входных дверей. Я дал две очереди, и снайпер, словно мешок с песком, ломая ветви, упал на землю. Воспользовавшись этим, двое защитников выбежали и принесли пару котелков воды, разделив каждому по глоточку.

Ночью я встретил сержанта Тюсьмака. Он сильно хромал и выглядел очень усталым. От него я узнал, что три последних дня он находился вместе с начальником заставы Кижеватовым и три раза был ранен. Пятнадцатилетняя дочь Кижеватова — Нюра вместе с ними с автоматом в руках уничтожала гитлеровцев.

В конце концов противнику удалось занять нижний этаж нашего здания. Силы наши иссякали, оставшиеся в живых бойцы еле-еле таскали ноги. Немцы начали пробираться на второй этаж, но те из них, которые пытались пройти во весь рост по лестнице, после наших выстрелов катились по ее ступеням до самого низа.

Около трех часов продолжался этот неравный бой, а немцы один за другим ползли и ползли, словно толстые, зеленые гусеницы.

3 июля патроны и гранаты у нас были считанные, мы использовали их только в крайних случаях. Но скоро и этот мизерный запас кончился. Как сейчас помню, в нашем крыле казармы оставалось 13 человек. Комиссар Фомин вместе с группой бойцов в эти дни уже попал в плен. Мы, уцелевшие, рассеялись по отсекам, у некоторых еще были патроны для пистолета. Когда в наш отсек ворвалась группа врагов, то у нас оставалось только по одной гранате. Мы лежали за пулеметом на двух верхних койках; у пулемета «максим» распаялся кожух. Кончились патроны. Со мной вместе находился солдат из 333-го стрелкового полка, но фамилию его я уже не помню. Он был среднего роста, красив, с черными глазами, прямым коротким носом. Договорились, что по моему сигналу мы одновременно бросим гранаты в группу противника, а сами прыгнем в окно. Так и сделали. Когда фашисты стали подавать нам знак, чтобы мы спускались вниз, мы нехотя поднялись. Гранаты у нас были наготове. Фашисты не торопили, так как видели, что оба были без сил и крайне истощены.

Я шепнул этому бойцу: «Раз, два, три» — и мы, бросив гранаты, прыгнули со второго этажа в окно...

ВИНОГРАДОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, лейтенант, начальник химической службы 455-го стрелкового полка. Один из руководителей обороны на участке у Брестских ворот.

27 июня 1941 года во время прорыва, раненый, попал в плен. Прошел фашистские лагеря: Хаммельбург, Швейнфурт и другие. Был членом подпольной антифашистской организации пленных. Трижды бежал из лагерей смерти.

В настоящее время А. А. Виноградов живет и работает в городе Вологде. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

На переднем крае

Взрывная волна отбросила меня в сторону. Пришел в себя минут через 15—20 у противоположной стены кабинета.

Беру себя в руки: ведь я дежурный по штабу! Делаю попытку позвонить в штаб дивизии, который находился в городе. Но связь была уже нарушена. Я поднялся на верхний этаж в полковую школу, дал команду: «В ружье!», уточнил наличие среднего и старшего командного состава и политработников. Дежурный по части был уже тяжело ранен (фамилию не помню). В части нашлись 2 младших лейтенанта, лейтенант Александр Махнач, который прибыл накануне из Калининковского пехотного училища, и политрук Петр Кошкаров, также прибывший накануне из политического училища. Ввиду сложившихся обстоятельств я принял на себя руководство обороной данного участка.

Из нашего полка в крепости находились 3-й батальон, полковая школа и спецподразделения. 1-й батальон занимал 8-й форт, располагавшийся южнее, 2-й батальон находился на укрепрайоне. Так как не хватало командиров, основная тяжесть командования подразделениями и отдельными участками обороны была возложена на коммунистов и комсомольцев. На нашем участке хорошими руководителями показали себя комсомольцы: стар-

шина Николай Попов, старший сержант Серов, заместитель политрука Александр Смирнов, сержант Иванов и ряд других, истинных патриотов, чьих фамилий я, к сожалению, не помню.

После продолжительного артиллерийского, минометного обстрела и бомбежки наступило как бы затишье, но оно было страшным: кругом пожары, рушились горящие перекрытия, слышались стоны и проклятия из уст тяжелораненых.

Бойцы и командиры были полны решимости встретить противника огнем, откуда бы он ни появился.

Около 7—8 часов утра¹ через Тереспольские ворота в центральную часть крепости ворвались отряды вражеских автоматчиков. Завязался бой, явившийся для фашистов неожиданностью. Со стороны 84-го стрелкового полка раскатилось по Цитадели дружное «ура». Атака перешла в рукопашную, оставшиеся в живых враги обратились в бегство. Совместными усилиями всех бойцов, поддержавших начавшуюся у Холмских ворот контратаку, гитлеровцы были уничтожены.

Таким образом, первая атака противника была отбита.

В этот памятный день, 22 июня, фашисты пять или шесть раз ходили в атаку. А в промежутке между ними враг методически бомбил крепость, подвергал ее артиллерийскому обстрелу. Случалось, что отдельные группы особо отъявленных головорезов прорывались в наше расположение и пытались забросать нас гранатами, выбить из крепостных зданий, но это им не удавалось, так как большую часть брошенных гранат ловили смелые, ловкие руки наших бойцов и командиров и посылали обратно на головы врагов.

В первый день и особенно ночью мы собрали много трофейного оружия. В этот день рядовой Ва-

¹ В воспоминаниях некоторых других защитников крепости говорится о том, что вражеские автоматчики ворвались в крепость раньше.

сильковский¹ принес мне планшет с военной топографической картой, взятой им у убитого фашистского офицера. Эта карта раскрыла нам весь замысел вражеского командования. По приказу они должны были овладеть крепостью к 12.00 22 июня.

Бывая на разных участках, я видел исключительную любовь и беззаветную преданность наших бойцов к Советской Родине и Коммунистической партии. Она, эта любовь, вдохновляла защитников на высокие подвиги.

Начиная со второго дня фашисты прибегли к тактике изнурения. Блокировав крепость, они держали под неослабным контролем всю систему каналов и рек, увеличивали продолжительность бомбежки, артиллерийского обстрела, атак, широко использовали агитационные средства.

Утром мы обнаружили фашистских диверсантов, переодетых в наше обмундирование. Очевидно, они имели задание вывести из строя командиров и политработников. Выстрелом в спину был убит старшина Попов, тяжело ранен в ногу лейтенант Махнач. В этот же день рукой переодетого врага была брошена нам под ноги граната, но она не успела взорваться, благодаря находчивости заместителя политрука Александра Смирнова, которому удалось вовремя отбросить ее.

24 июня через рядового Васильковского удалось нам связаться с полковым комиссаром Фоминым, который руководил в то время обороной левого фланга, то есть в казарме 33-го инженерного полка.

Во второй половине дня состоялось совещание командного состава, на котором присутствовал и я. Комиссар Фомин был ранен в руку. Судя по выражению лица, рука его беспокоила.

Собрались в небольшой комнате с оконными проемами в сторону Мухавца. Мы все познакоми-

¹ Рядовой Е. М. Васильковский — заведующий химическим складом 455-го стрелкового полка. В настоящее время живет и работает в г. Симферополе.

лись. Фомин потребовал, чтобы предъявили документы. Я был в полной форме с орденом Красной Звезды на груди. Внешний вид у нас был настолько необычным, что узнать даже знакомые лица затруднялись: воспаленные глаза, покрытое толстым слоем пыли и копоти обмундирование.

После короткого знакомства с нами и уточнения обстановки на участках комиссар Фомин доложил о том, что сложившиеся обстоятельства требуют немедленного, еще более организованного и оперативного руководства обороной, и поставил перед нами задачу: выяснить наличие боеприпасов и продовольствия, состояние раненых, кроме того, связаться с соседями по обороне, предложить им проделать то же самое и к 18.00 24 июня прибыть к Фомину с докладом.

Однако собраться у него почти в том же составе нам удалось только около 20.00. Помехой был продолжительный артиллерийский обстрел, бомбежка с воздуха и вылазки пехоты противника.

Собрались мы в подвальном помещении того же здания, где и в последующие дни находился штаб обороны. Это был небольшой отсек подвала, из которого выходило маленькое полуокно на реку Мухавец. С противоположной стороны бойцы по приказу Фомина пробили еще одно отверстие в сторону Белого дворца. У обоих «окон» дежурили бойцы и младшие командиры с ручными пулеметами Дегтярева.

Внешний вид этого подвала во многом напоминал дот, только не хватало стационарных огневых точек. Стояло много ящиков, большинство из которых было уже пустыми. Посредине находился столик. К нему-то и пригласил Фомин всех прибывших на совещание. Мне он дал блокнот и попросил вести запись. Затем каждому было предложено кратко доложить свои соображения относительно дальнейших действий.

После кратких докладов уже тогда, 24 июня, складывалось следующее положение:

1. Очень большие потери убитыми и ранеными.
2. Малое наличие отечественных боеприпасов.
3. Исключительно тяжелое положение с ранеными, детьми и женщинами из-за отсутствия требуемых условий, медицинского персонала, медикаментов и перевязочных средств, необходимых для раненых бойцов и командиров.

Тяжелая атмосфера от разложения трупов валила с ног малосильных и легкораненых бойцов и командиров.

4. Запасы продовольствия, которые нам удалось создать в первый день, приходили к концу.

Центральная часть крепости находилась в круговой осаде противника. Воды из реки Мухавец, в которой на поверхности плавало множество трупов, достать не было возможности, так как земляной вал на противоположном берегу был занят фашистами. Днем они вели оттуда огонь, а ночью непрерывно освещали берега ракетами. Однако потребность в воде у нас была настолько велика, что бойцы неоднократно пытались из подвальных помещений прорыть подземные ходы к реке. Но все эти попытки не оправдали себя, ибо при первой же бомбежке ходы осыпались.

На основании всего вышеизложенного мною под диктовку полкового комиссара Фомина и капитана Зубачева был написан Приказ № 1. В приказе говорилось о том, что создавшаяся в крепости обстановка требует немедленного решительного действия для борьбы с противником.

Начальником штаба сводной группы капитан Зубачев предложил назначить старшего лейтенанта Семененко. Но так как он находился в расположении 333-го стрелкового полка¹, функции начальника штаба, после моего ухода на прорыв, выполнял политрук Кошкарров.

А я должен был к 25 июня сформировать отряд в составе трех стрелковых взводов и одного пулеметного, укомплектовать боеприпасами и в ночь на

¹ Воспоминания А. И. Семененко см. на стр. 441.

26 сосредоточить его на исходных рубежах в развалинах Трехарочных ворот.

С наступлением темноты необходимо было с боем выйти из крепости на южную окраину Бреста с последующим продвижением в направлении Кобрин — Барановичи и там соединиться с нашими частями.

В ночь на 26 июня была сформирована группа в 120 человек и расположена на исходных позициях, взводы группы были укомплектованы сержантским составом. Первым взводом командовал воентехник 2-го ранга, фамилии не помню. Весь состав головной группы прорыва был обеспечен оружием и гранатами.

Когда все было готово, я доложил капитану Зубачеву и комиссару Фомину о готовности группы к прорыву. Полковой комиссар, выслушав мой доклад, спросил о самочувствии бойцов и командиров, о их решимости выполнить боевой приказ, а затем распорядился собрать все документы и спрятать их вместе с полковым знаменем нашего 455-го стрелкового полка в надежном месте.

Через командиров взводов собрал около 25—30 комсомольских билетов, в том числе свою кандидатскую карточку, орденскую книжку, орден Красной Звезды и два удостоверения личности.

Я и заместитель политрука Александр Смирнов завернули полковое знамя и документы в простыню, затем в мешок и положили в трубу, которая выходила из подвала к реке Мухавец. Вход в нее заложили обломками кирпича¹.

После этого я вернулся на командный пункт Зубачева и попросил прикрыть нашу переправу через реку Мухавец пулеметным огнем. Решили вопрос о сигналах. Я простился с полковым комиссаром Фоминым, капитаном Зубачевым, со своим близким другом по обороне политруком Петром Кошкаровым и явился в распоряжение взводов. Было решено, что пулеметный взвод перебежит по мосту на

¹ Так как эта часть здания разрушена, поиски знамени и документов не дали результатов.

противоположный берег Мухавца, а стрелковые форсируют реку вплавь.

В 12.00 по сигналу бойцы и командиры с возгласом: «Вперед, за Родину!» начали форсировать Мухавец. Однако огневое прикрытие нас полностью обеспечить не смогло. Когда мы добрались до противоположного берега, гитлеровцы открыли прицельный огонь. Сосредоточившись на берегу, мы бросились в атаку и прорвали первое кольцо осады. Тут же заняли временно круговую оборону с тем, чтобы отвлечь фашистов и дать возможность форсировать реку главным силам под руководством капитана Зубачева. Но он немного опоздал с выступлением. За это время фашисты скорректировали артиллерию и накрыли огнем исходные позиции главных сил. Тем самым был нарушен весь замысел.

Я получил сигнал от Зубачева: «Продолжай движение по намеченному маршруту».

С боем двинулись берегом Мухавца в юго-восточном направлении. Особенно тяжело было прорвать кольцо осады, созданное гитлеровцами на внешнем валу.

На юго-восточной окраине пришлось оставить многих дорогих друзей убитыми. Только к 19.00 27 июня нам удалось покинуть крепость; основная группа за нами не последовала, видимо, противник сумел подтянуть свежие силы.

Вышли мы на открытую местность. Впереди лежала лента шоссе Варшава — Брест. Нас оставалось человек 70. По шоссе непрерывным потоком двигались фашистские войска. Гитлеровцы заметили нас и развернули пехоту; я дал команду занять круговую оборону, и мы приняли неравный бой, в результате которого враг тоже понес потери в живой силе.

ГНОЕВОЙ АЛЕКСЕЙ ЗАХАРОВИЧ, ефрейтор, командир 1-го отделения взвода связи 2-го батальона 333-го стрелкового полка.

Сражался в северной части Цитадели, на участке 455-го стрелкового полка до 27 июня. Отходил на восток по тылам противника.

На 22-е сутки в районе станции Старушки на Украине соединился с частями действующей Советской Армии. Войну закончил в звании старшего лейтенанта.

В настоящее время А. З. Гноевой работает в колхозе имени XX съезда КПСС, Донецкой области. Член КПСС. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и тремя медалями.

В крепости над Бугом

Я не могу спокойно вспоминать то ужасное утро, когда десятки тысяч снарядов, мин, бомб внезапно разорвались над головами ничего не подозревавших сонных людей. Впоследствии я много участвовал в боях, сражался на разных направлениях: под Москвой, на Волге, у Кенигсберга и т. д., но первые дни войны, в крепости над Бугом, оставили в памяти неизгладимый след.

Страшный грохот, который внезапно потряс казарму, не прекращался; я выбежал на улицу и увидел группу бойцов, остановившихся перед штабом полка. Затем какой-то командир повел нас к выходу из крепости, но по пути нам рассказали, что мост у выхода из крепости взорван.

Мы вернулись назад, в район казармы недалеко от костела, где уже организовывалась круговая оборона. Меня поставили у пулемета вторым номером. Кругом свистели пули, взрывались снаряды.

Гитлеровцы появились на западной стороне нашей казармы, человек примерно 20. Они непрерывно стреляли, держа наперевес автоматы. Подпустив врага поближе, лейтенант подал команду: «По фашистам — огонь!». Он первый бросил гранату, бойцы последовали его примеру и на моих глазах уничтожили всех до одного фашиста.

Лейтенанту можно было дать лет 25—28. Среднего роста, подтянутый, с красивым волевым лицом, он умел сохранять бодрость духа в самых трудных переделках и находить теплое слово для каждого из нас. К сожалению, кроме того, что он был из 37-го Отдельного батальона связи, я ничего о нем не могу вспомнить.

В этом бою я впервые в жизни стрелял по живой цели. Рядом со мной вел огонь по фашистам мой первый номер. Он погиб на третий день войны. Его фамилия, к сожалению, не сохранилась в моей памяти.

В первый день мы отбили семь вражеских атак.

На третий день войны меня ранило, а моего первого номера Ивана Коробку убило. Помню, это был сильный, широкоплечий парень, родом не то с Украины, не то из-под Гомеля. Мы еще просили друг друга запомнить адреса и сообщить родным, если кто-либо из нас останется в живых. До сих пор меня мучает совесть, что фронтовые дороги стерли в моей памяти его адрес.

Вечером я и еще несколько раненых бойцов, надеясь получить медицинскую помощь, направились в район госпиталя. Но госпиталь оказался разбитым. Все говорило здесь о том, что и на этом участке шли ожесточенные бои — во дворе зияли щели, кругом стояли развалины. Внезапно из соседней траншеи донесся стон. В ней я увидел старшину из 37-го батальона связи. Накануне войны он лежал в госпитале и был одним из тех, кто принял здесь бой. Старшина хорошо знал расположение крепости, и мы выбрались из окружения. День пролежали в овсе, вечером подползли к деревне, которую уже занимали немцы. Моя раненая нога распухла, безумно хотелось есть, во рту было сухо.

Вдруг видим — гонит мальчишка коров. Я окликнул его, он подошел. Мы попросили, чтобы он принес нам что-нибудь поесть. Мальчуган притащил хлеба, молока, сала. Звали его Ваней. Он познакомил с нами местного учителя, который перевязал мне и старшине раны, дал еще бинтов, начертил

маршрут движения к своим через Пинские леса и болота. Учитель рассказал нам, что немцы уже углубились на восток, а наши войска отступают.

Почти через месяц, измученный и оборванный, я встретил советских бойцов на украинской станции Старушки и через четыре дня был зачислен в ряды действующей армии.

ОФ МГОВК, оп. 333, д. 17, лл. 18—25.

МАХНАЧ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, лейтенант, командир стрелкового взвода 455-го стрелкового полка.

Сражался в Цитадели крепости на участке своего полка и у Брестских ворот, 27 июня после тяжелых ранений потерял сознание и был захвачен в плен. Освобожден из концлагеря «Везувье» 9 апреля 1945 года. До августа 1947 года находился на излечении в советских госпиталях.

В настоящее время **А. И. Махнач** — член Союза писателей СССР. Пенсионер. Живет в г. Минске. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Не померкнет слава боевая

Нас, двенадцать молодых лейтенантов, выпускников Калининковского пехотного училища, направили в распоряжение 455-го стрелкового полка.

В последнюю среду накануне войны мы все явились в штаб полка. Нас принял начальник штаба старший лейтенант Н. Скрябин. При этом присутствовали начальник химслужбы полка лейтенант А. Виноградов и другие офицеры.

Разговор Скрябина с нами продолжался около часа. Он подробно рассказал историю 42-й дивизии, куда входила наша часть. Оказалось, что 455-й полк принимал участие в боях против белофиннов. Многие бойцы и командиры были награждены боевыми орденами и медалями. Один из младших командиров дивизии был удостоен звания Героя Советского Союза. Начальник штаба предупредил нас, что в части есть и новое пополнение и с ним нам придется много поработать. Здесь же, в штабе одновременно вел с нами разговор и заместитель командира полка по строевой части Панкратов. Ему на вид можно было дать не больше тридцати. На груди его гимнастерки поблескивал орден Красного Знамени. От Панкратова мы узнали, что фашисты за последние дни очень часто стали нарушать государственную границу. Пехоте запрещалось стрелять по вражеским самолетам, которые временами появляются

над крепостью. Подбитый немецкий самолет мог повернуть за Буг и там упасть. Тогда фашисты могли бы раструбить на весь мир, что Советский Союз первый нарушает границу и навязывает им войну. Правда, наши истребители нередко заставляли их приземляться.

Командир нашего полка ¹ находился в расположении второго батальона, который работал на возведении бетонированных огневых точек на участке Малорита — Домачево. Как обычно, на укреплении границы от каждого полка работало на протяжении месяца по одному батальону.

В этот день никто из нас не получил назначения. И все мы направились на проверку распорядка дня в первый батальон нашего полка, который находился в восьмом форту за 4—5 километров от крепости. Это было крепостное укрепление. В больших бетонированных казематах, которые почти не возвышались над поверхностью земли, размещались казармы. Вокруг них был подковообразный двор. Здесь же стояла наспех сколоченная из досок кухня командного состава и два длинных столика. За ужином я встретил своего бывшего пионервожатого по школе Ивана Урбановича ². Он только что приехал из Смоленского стрелково-пулеметного училища и был назначен командиром взвода.

Вечером мы подробнее ознакомились с укреплениями форта. Нам показали подземный бетонированный ход, который вел, по словам бойцов, на Центральный остров крепости. Зажигая спички, мы прошли этим ходом метров 150—200. Во многих местах стояла вода.

Ровно через сутки мы вернулись в штаб и доложили о выполнении своих заданий. Командира полка и на этот раз не было, но каждый из нас получил свое назначение, личное оружие, и мы разъехались по своим батальонам: одни — на укрепление гра-

¹ Майор Я. А. Лицэт.

² Как рассказывает И. А. Урбанович, в этом форту боев не было: весь первый батальон 455-го полка успели вывести по тревоге.

ницы, другие — в форт, откуда только что пришли, а я и еще три лейтенанта из наших выпускников (фамилии их не помню) остались в крепости.

Наш третий батальон размещался на Центральном острове. Его казармы начинались как раз возле ворот, которые соединяли двухэтажное здание 333-го полка с кольцевыми казармами, тянувшимися по берегу Мужавца. У самых ворот находился склад-каптерка с боеприпасами и вооружением, а за ним, в сторону Брестских ворот, размещались: склад с армейским обмундированием, 9, 8, 7-я стрелковые роты, гараж с легковой автомашиной марки «М-1», помещение 37-го Отдельного батальона связи, ворота-проезд к Мужавцу. Напротив костела был штаб полка.

На следующий день командир 7-й роты младший лейтенант Прокопчук отдал распоряжение сдать мне взвод.

В субботу я полностью принял взвод и в составе батальона был с ним на занятиях за городом. Как раз проходили тему «Рота в обороне». В предвыходной день, как обычно, занятия закончились раньше. Командному составу зачитали приказ. Привожу его примерное содержание: «22 июня 1941 года в 8.00 всему среднему и старшему командному составу 42-й стрелковой дивизии прибыть на полигон для осмотра военной техники». Дальше шло перечисление подразделений специальных войск (артиллерии, связи и др.), которым было указано немедленно выйти с вечера на полигон с необходимой боевой техникой для подготовительных работ.

Еще днем я договорился с командиром второго взвода нашей роты младшим лейтенантом Смагиным вечером пойти в город. Часов в семь мы зашли к лейтенанту Николаю Дамарацкому, у которого временно еще находились мои вещи. Он также, как и я, приехал из Калинковичского училища и был назначен командиром пулеметного взвода 84-го полка. Дамарацкий находился в другом общежитии комсостава, размещенном на втором этаже почти над самыми Холмскими воротами.

— Счастливики, а я вот со своим подразделением иду сейчас на полигон, — сказал он мне, наблюдая, как я собираюсь в город.

— Счастливики! — услышали мы это же и от лейтенанта Семена Пищикова, которого встретили в крепости неподалеку от Восточного форта с красной повязкой дежурного по части.

— Зайдем ко мне, я переоденусь, — сказал Смагин, когда мы поравнялись с небольшим домиком на Каштановой улице.

На квартире вместе со Смагиным были два лейтенанта. Один из них — связист, а второй — артиллерист. Они также выезжали на полигон.

Смагин познакомил меня со своей соседкой Валей. Мы провели этот вечер втроем: побывали в Доме офицеров, в городском парке, гуляли по улицам. Почти в два часа ночи я распрощался с ними около Валиного дома. Валя и Смагин остались сидеть в палисаднике на скамейке, а я пошел в крепость.

Проходя мимо настежь открытой двери своей роты, я проверил, как мои бойцы сложили обмундирование и почистили винтовки.

После проверки решил отдохнуть за перегородкой. Это была своего рода канцелярия командира роты. Но на кушетке спал дежурный, я не разрешил дневальному его тревожить. Пройдя в помещение соседней роты, прилег на свободный диванчик и заснул. Спал крепко, как никогда. Даже первая взрывная волна не совсем разбудила меня.

Я выбежал и тут же увидел убитых и раненых. Винтовки, стоявшие в стеллажах, попадали. Тотчас же решил броситься в свое подразделение, но передо мной по стенам застучали пули. Одна из них, отскочив, рикошетом разбила мне голенище сапога, повредив слегка косточку голеностопного сустава. Вернулся обратно, под прикрытием стены подполз к двери, где начал оценивать обстановку. Мне хорошо было видно, как на площади, которая находилась за зданием 333-го стрелкового полка, бушует артиллерийский огонь. Казармы нашего батальона

засыпаются пулями. Откуда стреляют — неизвестно. Стоит грохот, ничего не разберешь.

Подаю команду: «В ружье!» Изо всей роты осталось в живых человек 15—20, остальные — ранены или убиты. Мы вооружились ручными пулеметами, а также патронами, которые были в роте, с расчетом по 90 штук на каждого бойца. Кирками, ломом пробиваем ходы-сообщения в стенках между казармами подразделений до помещения отдельного батальона связи. К нам пришли бойцы и командиры из других частей. Всего стало человек 150—200. У бойцов, прибывших к нам, были уже трофейные винтовки, пистолеты, автоматы. Все это мы рассматривали как дииковинку.

Первым из командиров, которого я встретил во время боев, был выпускник нашего училища. Его курсанты называли «Сашка-пистолет». Небольшого роста, черноволосый, этот молодой лейтенант ворвался в раскрытую дверь, куда почти каждую секунду летели пули, удивив нас своим смелым появлением. Он был без головного убора и волновался за свое подразделение: «Там, вероятно, все наше командование..., а я? Как мои бойцы?» Что-то еще вспомнил про полковую школу, 84-й полк, свой взвод. На прощание он мне сказал: «Пусть только Москва узнает, что крепость в окружении, от врага и пыли не останется».

Часам к 10—12 в вещевом складе начался пожар. Дым переносился на казармы, прижимая нас к воротам, которые усиленно простреливались врагом. По настоянию бойцов и младших командиров я приказал отдать патроны пулеметчикам, и они, расположившись в объятых дымом казармах, оттянули на себя огонь врага, который бил из костела. Это дало нам возможность в количестве примерно человек 30—35 прорваться в другие помещения к штабу полка.

В это время со двора и казармы покатился густой синий дым. Кто-то крикнул: «Газы!» Многие из нас одели противогазы. Бойцы сообщили, что по ту сторону Мухавца, возле моста, ходят две немец-

кие бронемашины. Я возвращаюсь обратно. В помещении батальона связи на столе стоит крупнокалиберный пулемет, к нему есть только семь патронов. Здесь уже возглавил бойцов лейтенант, то ли артиллерист, то ли связист, хорошо не помню, но только не пехотный. Начали стрелять одиночными выстрелами по вражеским машинам.

В этот день я увидел лейтенанта Мартыненко¹. Он был тяжело ранен, но еще ползал с оружием и организовывал бойцов для борьбы с врагом. На участке обороны нашего батальона я встретил младшего лейтенанта Смагина² и лейтенанта Стельмахова³.

К вечеру стало трудно с боеприпасами. Склад-каптерка нашего полка еще с утра был охвачен огнем. Подступиться к этому району стало невозможно. В помещении батальона связи лежали убитые. Там находилось несколько радиостанций «6 ПК», телефонные аппараты. Но все это было повреждено. Кто-то пустил слух, будто наша армия пошла в наступление. В это время где-то за крепостью в направлении дороги, которая ведет на Кобрин, слышался большой бой.

В поисках боеприпасов группа Стельмахова и моя просочились на чердак двухэтажного дома 333-го стрелкового полка. По дороге, когда мы ползли, нас обстреляли из костела и с чердака здания 333-го полка. При нашем появлении одни из вражеских автоматчиков от неожиданности убежали, другие продолжали вести огонь; двух захватили в плен.

Наступило затишье. Оно длилось недолго. Затем начался артиллерийский обстрел, продолжавшийся около получаса. Снова затишье на несколько минут. Не успели мы пробраться обратно на участок обороны батальона, как налетела авиация. Началась

¹ Лейтенант Н. Ф. Мартыненко, командир пулеметного взвода 44-го сп.

² Младший лейтенант И. П. Смагин.

³ Младший лейтенант А. В. Стельмахов, командир пулеметного взвода 455-го сп.

бомбежка. Мы укрылись в подвале помещения связи. Очищаем от технической смазки ППД, которые принес со своими бойцами младший лейтенант Смагин.

На рассвете 23 июня началась ружейно-пулеметная перестрелка. Я вылез на площадь и начал пристреливать новый ППД, взятый вечером бойцами Смагина из склада. Вдруг почувствовал, что словно электротоком пронзило мне левую ногу. Превозможная сильную боль, оглянулся. За мной с пистолетом в руках лежал какой-то боец. Только я хотел спросить у него, кто мог со стороны наших казарм стрелять, как он опять открыл по мне огонь. Не целясь, я выпустил по нему целый диск. Выяснилось, что это был переодетый в красноармейскую форму немецкий унтер-офицер. У него в кармане мы нашли документы. Под гимнастеркой оказался мундир с погонами, обшитыми по краям серебряной лентой. Из трех ранений, которые я получил от этого фашиста, первое оказалось самым тяжелым. Пуля вошла в левую стопу, прошла вдоль ноги до коленной чашечки, разбила мелкие кости стопы, а также большую и малую берцовые. Остальные раны, полученные мной в рукопашном бою 22 июня, оказались сравнительно легкими, но и они не давали покоя. Я вынужден был переползти в гараж, где располагалась санчасть. Там военфельдшер извлек одну из пуль и перевязал ногу.

Бойцы принесли из подвала радиостанцию «6ПК». Штыревую антенну заменили навесной. Подняли ее над крепостью. Увеличился радиус действия рации. Но на всех волнах были слышны только позывные врага.

Днем в направлении Брестских ворот показались два легких немецких танка. Крупнокалиберный пулемет, установленный в помещении связи, открыл по ним огонь. Один танк остановился, не дойдя до моста, а второй ворвался в Цитадель и начал давить гусеницами раненых. Сжав зубы, мы смотрели на это варварство. Страшно было сознавать свое бессилие. Гранаты у нас были без запалов.

В этот день вражеские автоматчики ворвались на Центральную площадь. Они дошли даже до расположения казарм 9-й и 8-й рот нашего батальона.

На следующее утро фашисты несколько раз ходили в атаку, но все их попытки успеха не имели. Ночью опять артиллерийский огонь. Подвалы от взрывов, казалось, колыхались, как детские люльки.

Наступило утро. Молчал враг — молчали и мы. Вдруг слышим по радио предлагают убивать евреев, комиссаров и командиров и сдаваться в плен. В ответ прозвучал приказ: «Подготовиться к бою!» Его передавали по цепочке от Брестских ворот. Открывали огонь только наверняка, потому что было приказано беречь патроны. Использовали оружие, захваченное ранее. Подтянули 76-миллиметровые пушки, которые доставили от костела еще ночью в первый день обороны. На них не было прицела, и мы били просто на глаз. Откуда-то бойцы принесли еще несколько снарядов.

Ночью враг ведет огонь из всех видов оружия. Особенно сильно обстреливается район Восточного форта и Тереспольские ворота. Мы все в подвалах. Пробуем выкопать колодцы. Земля сырая, но воды нет. Взорвали водопроводные трубы в подвале помещения связи, но все напрасно.

В эту ночь рядом со мной находились тяжело раненные Мартыненко и один старший лейтенант. Мартыненко все время старался держаться бодро, но к утру силы начали его оставлять. Последние слова молодого лейтенанта были обращены к бойцам: «Бейте, давите проклятых, пусть война больше никогда, никогда не повторится!» Чтобы облегчить страдания своего командира, один из бойцов пополз под огнем врага к Мухавцу. Воин был ранен на берегу реки, но все же принес котелок воды.

Наступил следующий день. Крепость охвачена огнем. Вероятно, ночью враг бросал фосфорные бомбы. Шла беспорядочная перестрелка. От жары разлагались трупы. В ранах бойцов завелись черви.

Южнее крепости доносились звуки боя. В это время враг опять начал агитировать по радио, чтобы

мы сдавались в плен. Я собрал группу раненых бойцов, и вот мы ползем вдоль разбитых зданий на площадь, захватив с собой две коробки с пулеметными лентами и станковый пулемет «максим». Тут подготовились к бою. На этот раз гитлеровцы шли лавиной. Изю всех подвалов, бойниц и развалин раздался ответный огонь. В некоторых местах враг ворвался в кольцевые казармы, и там шли рукопашные схватки за каждый этаж, за каждое окно. Я вел огонь из пулемета. Расстреляли почти две ленты,— пол-ленты перед боем передали соседнему «максиму». Погиб старшина украинец, который помогал мне перезаряжать пулемет. Его место занял боец-казах, также павший в этом бою. Враг вел на ходу огонь из автоматов, и пули барабанили о щит пулемета. Мне обожгло руки и лицо брызгами расплавленного свинца. Я потерял сознание. Пришел в себя в подвале помещения связи.

Кто-то наложил мне металлические швы — скобы на раны. Часто, как сквозь сон, сознавал, что нахожусь рядом с другими ранеными бойцами и что подвал все время колыхается не то от разрывов бомб, не то от артиллерийского обстрела. Снова перед глазами разноцветные круги, и я опять теряю сознание.

Очнулся днем за Бугом. Со мной на лугу лежало около 50 раненых. Над нами стояли немецкий солдат и офицер. Я понял, что захвачен в плен. Здесь мы валялись почти сутки. Крепость от нас находилась не больше как в двух километрах. Все это время видно было, как высоко над крепостью стоит пыль и дым — значит, там еще шли бои. Слышна была перестрелка. Крепость казалась гранатой, которая шипит, не взрываясь, и враг боялся к ней подступиться. Когда я на следующий день спросил у поляка-переводчика, который сопровождал нас на подводах в лагерь Бяла-Подляска, которое сегодня чинило, он мне ответил: «Воскресенье», т. е. было 29 июня.

ОФ МГОВК, оп. 455, д. 22, лл. 21—31.

ЛАЕНКОВ ФИЛИПП ИВАНОВИЧ, старший сержант, помощник командира взвода полковой школы 455-го стрелкового полка.

Участвовал в обороне Брестских ворот Цитадели. 29 июня был схвачен фашистами. Дважды бежал из лагерей военнопленных Бяла-Подляска и Демблин. Оба раза неудачно. Будучи в лагере у г. Алгринген, работал на шахтах Эльзас-Лотарингии. Совершил несколько диверсий. Летом 1944 года, когда гитлеровцы спешно эвакуировали лагерь, Лаенков с помощью товарища убил конвоира, овладел его оружием и бежал. В Эльзасских лесах встретился с маки, стал участником французского движения Сопротивления.

Ныне Ф. И. Лаенков — токарь треста «Водоканал» г. Ташкента. Награжден орденом Красного Знамени и медалью.

21 июня 1941 года я заступил в наряд помощником дежурного по части. Было чуточку обидно, что перед отъездом в отпуск, в родной Воронеж, пропадают суббота и воскресенье. Но все равно у меня сохранялось хорошее настроение: в кармане гимнастерки лежали денежная премия, отпускное свидетельство и приказ, по которому объявлялась благодарность,— все это за первое место в стрелковых соревнованиях на первенство Брестского гарнизона.

...Начало светать. Я обошел посты, проверил караулы. Хотел результаты проверки занести в журнал несения караульной службы, но дежурный сказал: «Сделаю сам, отдыхай». Я сел к столу. Спать не хотелось. Представлялась мне поездка домой. Там, в Новохоперском районе мать, родные. Отца своего я не помню. Знаю его по рассказам матери как смелого и сильного человека. Отец был членом партии с 1902 года, за революционную работу не раз сидел в тюрьмах, погиб в двадцать первом году на посту комиссара продотряда.

Режущий ухо свист прервал мои размышления. Толстые стены казармы потрясли взрывы. Куда-то делся дежурный. Распахнув дверь в казарму, я заорал «В ружье!» Пришлось сразу же отражать нападение фашистов, пытавшихся захватить мост через р. Мухавец.

В окне подвала под кухней курсанты пулеметного взвода школы, которым командовал лейтенант Киреев, установили станковый пулемет. Они держали под огнем мост. С первого этажа по церкви и вдоль Мухавца вели огонь ручные пулеметы.

Около полудня первого дня к нам, в подвал, спустился капитан Зубачев. Его фамилию я узнал после того, как доложил ему по уставу об обстановке у моста. Он сказал, что берет на себя командование. По поручению Зубачева я с тремя-четырьмя курсантами несколько раз ходил в разведку вдоль казарм. Это так говорится «ходил». Ползали мы и, конечно, проделывали это гораздо незаметнее, чем на занятиях. Мы установили, что немцы обстреливают нашу казарму и места, прилегающие к ней, с Северного острова.

В середине дня капитан Зубачев собрал что-то вроде совета, на котором были Радченко и некоторые другие младшие командиры. Зубачев сказал, что необходимо установить связь с соседними подразделениями и попытаться вырваться из крепости для соединения с нашими частями. Он предложил выдвинуть группу бойцов во главе с Радченко (это был толковый командир отделения полковой школы) через мост. В задачу группы входило: занять рубеж на той стороне Мухавца и прикрыть наш прорыв.

Однако этот план не удался. Группа Радченко полегла на мосту.

С первого этажа нам стали кричать, что фашисты стреляют из-под моста. Мы решили отомстить за гибель товарищей, уничтожить эту вражескую группу. Но когда добрались до двери, я увидел, что фашисты идут с поднятыми руками. Напугал ли их наш сильный огонь по месту, где они засели, или кто другой из наших взял их в плен — не знаю.

Гитлеровцев обыскали, забрали противогазы, телефонный аппарат. Допрос снимал капитан Зубачев. Переводчиком был один из курсантов, который знал немецкий язык.

После этого Зубачев отправил меня с тремя курсантами в разведку. Потом пришлось двое суток

не отрывать рук от пулемета. Будто свинцом налилось все тело, хотелось спать, а того больше пить. Одеревеневшие пальцы едва сжимали гашетку. На третьи сутки к пулемету подполз капитан Зубачев. Он поручил отобрать самых крепких и смелых ребят и прорваться через кольцо врага в Кобрин, в штаб армии, доставить туда знамя нашей части. Когда стемнело, капитан Зубачев каждому из пятнадцати собравшихся в путь пожал руку. Он обнял меня и поцеловал. Что-то отцовское было в этом объятии. Оно растрогало меня. Под покровом ночи, метрах в 350—400 левее моста мы начали переправу.

Пятеро бесшумно проплыли к противоположному берегу, занятому врагом, но остаться незамеченными не удалось. Над головой вспыхнули осветительные ракеты. Воздух прорезали трассирующие пули. Но еще трое из нас все-таки смогли переправиться на тот берег. Нас стало восемь.

К рассвету добрались до северного вала. Четыре ночи пытались мы прорваться через огненное кольцо врага. После третьей ночи нас осталось трое. Мы спрятались в домах комсостава. Один из нас раздобыл банку крупы. Съели. Потом, видимо из мусорной ямы, притащили головы от соленой рыбы. Теперь еще больше стала мучить жажда. Устали смертельно. Вот и еще одна ночь. Опять не удалось прорваться. А боеприпасы кончились. Решили возвратиться к своим. Доберемся ли? Перед нами валяются перевернутые военные повозки. «Стоп!» — мелькнула мысль. Я сказал ребятам: «Прикройте!» Штыком от самозарядной винтовки вырыл под повозкой ямку, положил знамя вместе с комсомольским билетом, засыпал землей, закидал камнями, подался назад, оглянулся. Прикинул, что от трех огромных деревьев у западного форта это будет примерно метрах в 100—150. Ориентир!

Перед глазами вспыхнули оранжевые молнии взрыва... Воздушная волна бросила меня на камни...

ХВАТАЛИН ИВАН ФИЛИППОВИЧ, рядовой, старший писарь штаба 455-го стрелкового полка.

Участвовал в боях в Цитадели крепости у Брестских ворот. 29 июня 1941 года, раненый и контуженый, попал в плен. Находился в лагерях: Бяла-Подляска, Петраков, Эйслебен. После освобождения из плена в апреле 1945 года служил в рядах Советской Армии.

В настоящее время И. Ф. Хваталин живет и работает в Турковском районе, Саратовской области.

По окончании пединститута в 1940 году я был призван в ряды Красной Армии и зачислен в 455-й стрелковый полк 42-й стрелковой дивизии.

В эту дивизию нас, новобранцев-земляков, прибыло примерно 15 человек. Некоторые из моих земляков так же, как и я, окончили пединститут, несколько человек мединститут, а остальные были инженерами, ветврачами, зоотехниками.

Помню, в мае — июне немецкие самолеты часто нагло нарушали нашу границу. По рассказам пограничников и солдат, бывавших на границе, было известно, что немцы на Буге наводят понтонные мосты, завозят лодки, да и вообще вдоль границы скапливается большое количество войск. Многие считали, что война не за горами.

Крепость продолжала жить обычной мирной жизнью. День, как всегда, начинался физзарядкой и заканчивался поверкой. В часы, отведенные для личных целей, красноармейцы читали газеты, журналы, писали письма родным и знакомым. Помню своего сослуживца Ярового, который часто получал письма от своей невесты. По несколько раз перечитывал он каждую весточку, получаемую от нее, и радостная, светлая улыбка не сходила в это время с его лица.

— Ишь, вдохновляется парень, — шутили наши товарищи, и действительно, Яровой потом по не-

сколько дней ходил в заметно приподнятом настроении, был весел и, очевидно, счастлив. В выходные дни красноармейцам давали увольнительные в город. Помню, особую заботу о нашем отдыхе проявляли командир роты связи лейтенант Жданов, который выделялся среди командиров полка высоким ростом и атлетическим сложением, и командир химвзвода лейтенант Виноградов.

Примерно за неделю до начала войны в наш полк на переподготовку прибыли приписники из районов Западных областей, а дня за три — офицеры, только что окончившие военные училища. Штаб нашей дивизии располагался в городе.

В субботу 21 июня 1941 года мы раньше обычного закончили работу в штабе, где я был старшим писарем. Настроение у всех было очень хорошее. С двумя друзьями я решил сходить в баню. По пути нам встретились знакомые бойцы; мы много шутили и смеялись в тот субботний вечер.

А в бане все заслушалось пением одного бойца. Он пел в самом деле прекрасно. До сих пор у меня в памяти звучит его голос и даже мелодия песни.

По возвращении из бани в казарму я увидел ожидавшего земляка — врача срочной службы Щеглова. Расспросили друг друга о самочувствии, поговорили о своих боевых и личных делах, о политике, о... да мало ли о чем есть поговорить двум хорошим друзьям после недельной разлуки? Мы прогуляли на площади до сумерек и разошлись с чувством полного удовлетворения. Пришел в казарму. Некоторые бойцы из комендантского взвода уже спали. Разобрав свою койку, я тут же уснул.

И вдруг... Все затряслось. По казарме пронесся ураганный ветер. Воздух наполнился пылью и дымом, трудно стало дышать. Кругом слышались оглушительные взрывы. В казарме все вскочили, что-то крича друг другу. От сознания совершенного Гитлером преступления сильно сжались наши сердца.

— Подлецы! Мерзавцы, напали на нас! — раздавались крики бойцов.

— Как вор, крадучись, а еще договор о дружбе заключил!

Артиллерийская подготовка и бомбежка продолжались примерно в течение часа. Потом бомбежка на некоторое время прекратилась. Я с одним красноармейцем, фамилии его не помню, решили бежать к штабу полка, зная, что по долгу службы нам нужно быть там. Но, когда мы выбежали во двор, увидели, что на месте штаба дымятся груды развалин, среди которых лежало уже много наших убитых бойцов. Большинство из них были в нижнем белье. Тут мы заметили, что от бывшего костела в направлении наших казарм бежали четыре красноармейца. Навстречу им откуда-то появились пять вражеских автоматчиков. Они в упор расстреливали не успевших опомниться бойцов.

— Немцы это, — произнес один из стоявших около меня.

Не сговариваясь, мы открыли по этим разбойникам огонь, и они тут же, возле убитых ими красноармейцев, свалились замертво. В крепости началась ружейная и пулеметная стрельба.

Взошло солнце. Некоторые красноармейцы стали прыгать на землю со второго этажа, но большинство спускалось по канатам, связанным из простыней и одеял. Я вместе с ними тоже оказался во дворе крепости¹. Здесь после бомбежки собралось много солдат. Сюда сносили пострадавших.

Стонали раненые. В предсмертной агонии просили помощи умирающие. Мы все думали лишь об одном: как и что предпринять по борьбе с гитлеровцами? Командиры, жившие в городе, не могли к нам проникнуть, так как крепость к этому времени была уже блокирована. В наступившей после бомбежки передышке мы увидели первый воздушный бой между нашим и немецким самолетами, вызвавший среди защитников крепости уверенность в том, что наши вооруженные силы, наш народ помогут

¹ Автор имеет в виду двор полубашни в северной части Цитадели.

нам вырваться из кольца и отомстить врагу за его вероломное нападение. На лицах солдат светилась радость. Повсюду раздавались крики «ура», когда на глазах у всех безвестный наш летчик-герой¹ настиг один из гитлеровских самолетов и таранил его. В воздухе взметнулись клубы черного дыма, и вражеский самолет камнем стал падать на землю.

Часов в 9 утра среди нас появился лейтенант Виноградов. Он в ночь на 22 июня был дежурным. Все обрадовались его появлению, так как среди нас не было командиров. Виноградов объяснил нам создавшуюся обстановку и принял на себя командование.

С западной стороны фашисты обстреливали нас из автоматов. Они засели в комсоставской столовой, находящейся от нас в 30 метрах. А с восточной стороны огонь противника велся из-за берега реки. Необходимо было во что бы то ни стало выбить засевших в столовой гитлеровцев, так как они обстреливали оттуда всю внутреннюю площадь крепости и не давали нам возможности держать связь с 333-м стрелковым полком. Видимо учитывая это обстоятельство, Виноградов приказал подавить эти огневые точки врага. Через некоторое время красноармейцам удалось все же взять столовую, и гитлеровцы в ней были уничтожены. В бою погиб мой однокурсник по институту А. И. Иванченко. Он прикрывал огнем из станкового пулемета шедших в атаку.

После того как враг был выбит из столовой, восточную сторону нашей казармы начали обстреливать танки. Мы, человек 30, находились в кладовой подразделения связи. Там лежали провода и телефонные аппараты. Отсюда и открыли ружей-

¹ Как стало известно из краткой боевой истории 123-го истребительного авиационного полка, воздушный таран над Брестом был совершен в 10 часов утра командиром звена истребителей лейтенантом П. С. Рябцевым. После этого тарана П. С. Рябцев сбил еще шесть самолетов. Погиб 31 июля 1941 года при защите воздушных подступов к Ленинграду.

ный огонь по танкам. И хотя каждый знал, что подобными выстрелами нельзя причинить вреда этой стальной машине — все равно стреляли, так как ненависть к подлым фашистским захватчикам переполняла наши сердца. Огонь их пушек унес немало людских жизней. Погиб и писарь нашего полка Ермаков, уроженец Смоленской области. Я тоже в это время получил легкое ранение в голову. Кровь заливала лицо, я ничего не видел и вначале решил, что мне выбило глаза, до них дотронулся — оказались целы. Я выбежал из кладовой во двор. Меня увидел лейтенант Виноградов и взволнованно спросил: «Что, Хваталин, убили тебя?» Я ему ответил: «Не убили, а что такое, сам не пойму». Голову я потом перевязал натальной рубашкой, и кровь не сочилась. Весь день и всю ночь в разных сторонах крепости шла ожесточенная перестрелка. Нашу группу, находившуюся в развалинах казармы 455-го полка, немцы беспрерывно обстреливали. В особенности беспокоили те, что засели в костеле.

Оборону нашего участка возглавлял сержант 455-го стрелкового полка, статный, красивый, подвижной блондин, кажется, его фамилия Смирнов, родом из Москвы или Ленинграда. Он организовал телефонную связь с 333-м стрелковым полком, поставил огневые точки, руководил бойцами. Смирнов решил выбить немцев из костела. Он разыскал артиллеристов нашего полка, вместе с ними откуда-то прикатил пушку. Было решено, как только артиллеристы откроют огонь, немедленно начинать атаку. Так и сделали. Раздались первые выстрелы, и мы ворвались в здание бывшего костела, уничтожили гитлеровцев.

Отсутствие питания и воды изнуряло нас. Подойти к речке — значило почти наверняка распрощаться с жизнью, так как берег и днем и ночью тщательно простреливался. Вода нужна была нам не только для утоления собственной жажды, но и для охлаждения стволов пулеметов, которые при стрельбе сильно раскалялись. И все-таки ребята додумались,

как добывать воду: они привязывали на шнур флягу с грузом и из-за простенков кидали ее в речку. Груз тонул в воде — фляга наполнялась, тогда ее волоком тащили назад. Хлеб добывали, раскапывая развалины столовой.

Бойцы не допускали переправы гитлеровцев через мост и с восточной стороны, хотя они многократно пытались преодолеть его, но каждый раз оставляли только трупы своих солдат. Переодевшись в нашу форму, они пытались под видом своих подойти и уничтожить нас. Но этот маневр им не удавался. Иногда они подходили близко к нашему расположению и на ломаном русском языке отвечали на окрики защитников крепости, пытаясь забросать гранатами наших пулеметчиков. Встретив яростный огонь, они оставались лежать на чужой земле убитыми.

Шли дни. Мы переставали узнавать друг друга. От бомбежек, непрерывного укрытия в земле и развалинах все были грязные, многие обросли бородой, обмундирование изорвалось в клочья. В воздухе стоял запах дыма, гари, разлагающихся трупов.

Снова гитлеровцы открыли сильный артиллерийский огонь. Снаряды ложатся один возле другого. Мы укрылись в одном из подвалов. Рядом разорвался снаряд. Нас чуть не засыпало. Несколько бойцов получили ранения. После того как обстрел закончился, мы вылезли наверх с оружием в руках, так как после обстрелов гитлеровцы начинали атаки. Командовал нами уже какой-то незнакомый мне командир без знаков различия. Лицо его было сильно обожжено и покрыто волдырями. Помню, что он к нам в полк прибыл лишь за 3—4 дня до начала войны. При приближении немцев бойцами 333-го полка, а затем и нами, был открыт сильный огонь, продвижение фашистов приостановилось. Теперь пулеметчики нашей группы вели по гитлеровцам прицельный огонь. Так продолжалось до наступления темноты.

Однажды ночью перед рассветом мы трое, в том числе и старший повар нашего полка, кажется, его

фамилия Гришин, рылись в развалинах столовой в поисках хлеба. Метрах в 20 от нас стояли два наших пулемета. Один — в развалинах восточной стены стволом в сторону моста, а другой — в развалинах западной стены. Вдруг слышим — вскрикнул один пулеметчик, от него метнулся человек и прыгнул за стену. Это был гитлеровец, пробравшийся к нам с тыла и зарезавший пулеметчика. Гришин тут же погнался за этим гитлеровцем, пристрелил его и, торжествуя, принес трофеи — автомат и две гранаты.

Все меньше оставалось людей... Вот, в нескольких метрах от нас, среди развалин, лежит убитый боец. Лицо у него спокойное, гордое. На правой щеке засохшие сгустки крови. И так почти повсюду, куда бы ни взглянул...

Бойцы нашего участка решили во что бы то ни стало перебраться через речку или мост на ту сторону Мухавца и, прорвав вражеское кольцо, выбраться через леса к своим. В моменты затишья откуда-то с востока доносилась оружейная стрельба. «Там наши», — думали мы, и это воодушевляло бойцов.

У нашего командира от сильных ожогов поднялась температура. Его перетащили в подвал. Он вынул пистолет, положил рядом с собой и уселся на какой-то брезент. При нем хотел остаться один из бойцов, но он отослал его от себя, сказав: «Защищайтесь». Командование нашей группой принял ефрейтор-пограничник. Он приказал открыть по гитлеровцам, засевшим на противоположном берегу реки, огонь из трех пулеметов и под его прикрытием попытаться переправиться вплавь через Мухавец. Однако переплыть речку смогли только двое из группы в 40 человек. Многие погибли, остальные вернулись назад.

Опять началась бомбежка. Вражеские самолеты безнаказанно летали над нами. Гришин убедил ефрейтора, что можно перейти на правый берег реки через мост. Он решил под видом немецкого фельдфебеля, с немецким автоматом подойти к фа-

шистам, находившимся возле моста, взорвать их гранатами и открыть тем самым путь своим.

Короткими перебежками он направился к мосту. Мы вели по нему ложный огонь, но, видимо, в расположении нашей полковой школы его действительно приняли за врага и стали стрелять по-настоящему. Однако Гришин успел бросить в немцев гранаты. Мы поднялись и побежали за ним. Гитлеровцы открыли ружейный и минометный огонь. Впоследствии стало известно, что Гришин в это время был убит. Меня контузило. Очнулся рано утром в одном из подвалов, где находились раненые и обессилевшие бойцы. Стрельба не утихала. Вдруг в полдень к нам забежало несколько человек, крикнув: «Немцы около нас, у кого есть патроны, давайте сюда». Они собрали патроны и ушли. Над подвалом раздался взрыв, и через несколько минут сюда ворвались гитлеровцы. Они приказали всем встать. Тяжелораненых тут же пристрелили из пистолетов.

Если бы хоть что-нибудь было в руках, одним взмахом уничтожил бы этих подлецов! «Самое главное сейчас — не поддаваться врагу, — думал я, — выстоять, выдюжить и отомстить за все». Как передать чувства, которые обуревали нас в этот момент?

Мы поддерживали друг друга. Немцы, ударяя прикладами, погнали нас на мост. В расположении 333-го полка снова поднялась стрельба — там сражались. Повсюду валялись трупы гитлеровцев.

Подогнав к Бугу, нас стали переправлять на лодках. У одной из них стоял гитлеровец с засученными рукавами, руки его были в крови: каждого пленного он ударял кулаком по лицу. Стоявший рядом с ним пожилой офицер-верзила от удовольствия хохотал, наблюдая, как этот молодчик издевался над безоружными, ранеными и обессилевшими бойцами. Но вот один из наших, не стерпев, размахнулся и дал по морде этому молодчику такую сдачу, что тот, словно подкошенный, отлетел

в сторону. Рассвирепевшие гитлеровцы в отместку за это тут же расстреляли не только этого красноармейца, но и ряд других, стоявших поблизости. «Нет,— думал я,— если не расстреляют, соберусь с силами — убегу из плена. Не такие мы, советские люди, чтобы безропотно гнуть перед врагом спину».

ОФ МГОВК, оп. 455, д. 32, лл. 4—12.

КОШКАРОВ ПЕТР ПАВЛОВИЧ, политрук, помощник начальника Отдела политической пропаганды 42-й стрелковой дивизии по комсомолу.

Сражался в районе Брестских ворот Цитадели до 30 июня. С 26 июня исполнял обязанности начальника штаба сводной группы. Попал в плен. По дороге в Бяла-Подляску бежал с Н. Есланниковым и А. Терещенко. Участвовал в стычках с небольшими группами противника. 16 июля пленен вторично. Прошел через фашистские лагеря: Бяла-Подляска, Замостье, Хаммельбург, Нюрнберг и другие. Принимал активное участие в подпольных антифашистских организациях военнопленных.

В настоящее время П. П. Кошкаров работает на одной из московских автобаз. Член КПСС. Награжден орденом Красного Знамени и медалью.

Кажется, никогда так не были хороши июньские дни, как в 1941 году. То памятное лето выдалось сухим и знойным. Обильный урожай зрел на полях, хлеба стояли в рост человека, природа щедро наградила людей за труд. Жизнь с каждым годом становилась все лучше, краше и богаче.

Молодое советское государство вступило в 24 годовщину своего существования. Везде и всюду советские люди были заняты мирным созидательным трудом. Только бы жить и радоваться, как вдруг...

...21 июня я поздно вечером возвращался в крепость на отдых. Шел медленно, ночь была тихая, глубокая, молчаливая.

Прошел Северные ворота, Восточный форт, мост через реку Мухавец, Трехарочные ворота и повернул направо. Кое-где слышались отдельные голоса красноармейцев. Поднялся к себе на второй этаж. Товарищи мои уже спали глубоким сном. Бодрствовали лишь дневальные и дежурный по 455-му полку. Я быстро лег и крепко уснул.

Проснулся от сильного взрыва, подбежал к окну, но в это время взрывной волной выбило стекла с рамой, порезало мне лицо. Над крепостью вспыхнуло пламя. Его багровые языки заволокли горизонт. Земля и небо вздрагивали от сильных взрывов, Среди

дымящихся развалин лежали первые жертвы гитлеровского разбоя, стонали раненые.

Я скомандовал: «В ружье! За мной!» Спустившись со второго этажа вниз, встретил дежурного по штабу лейтенанта Анатолия Виноградова. Когда я спросил, в чем дело — он посмотрел на меня и ответил: «Война». Виноградов принимал все меры к тому, чтобы связаться со штабом дивизии, но бесполезно: связь оказалась перерезанной. Лейтенант Виноградов — волевой командир, участник финских боев, орденоносец. Вот с ним мы и приняли командование подразделениями 455-го стрелкового полка и батальона связи.

Когда первый штурмовой фашистский отряд развернулся вдоль казарм 84-го стрелкового полка, мы внезапно ударили им во фланг. Немцы были разрезаны на две части. Одну из них прижали к реке Мухавец, а вторую добили бойцы 333-го стрелкового полка. Под прикрытием сильного огня фашисты переправляли с левого берега на лодках, плотках и понтонах своих штурмовиков. В это время немцы обошли нас через Северо-Западные ворота и земляной вал, очевидно, с целью атаковать с тыла и ворваться через мост Мухавца и Трехарочные ворота. Но и здесь они потерпели неудачу. Еще во время бомбежки, минометной и артиллерийской подготовки лейтенант Егоров привел к нам двух «языков», от которых стал известен замысел противника. Мы с Виноградовым приняли действенные меры. Командиру взвода полковой школы лейтенанту Попову¹ было приказано занять оборону и контролировать мост через реку Мухавец и Трехарочные ворота.

На рассвете прибежали жены и дети комсостава, больные из госпиталя, жены пограничников, которые сообщили о том, что на Южном и Западном островах пограничники ведут неравный бой.

После первой неудачной атаки фашисты стали бросать на нас одну за другой штурмовые группы,

¹ Лейтенант С. И. Попов — командир взвода 9-й стрелковой роты.

причем каждая из них действовала в своем направлении. Центральная площадь крепости покрылась трупами. В этих первых контратаках погибли старший лейтенант Иванов¹, младший политрук Гулько² и многие другие боевые друзья. Несмотря на усталость и ранения, мы с Виноградовым решили собрать командиров, подвести итоги наших первых боевых операций, назначить новых командиров вместо погибших и тяжелораненых, известить весь личный состав о сложившейся обстановке на нашем оборонительном участке. Враг стремился обойти нас и тем самым отрезать наш район обороны. Поэтому мы решили усилить круговую оборону. Красноармейцы и младшие командиры собрали тяжелораненых и бережно перенесли в подвалы. Еще не успели оказать им помощь, как вдруг прибегает связной от лейтенанта Попова и докладывает о том, что фашисты снова рвутся к Трехарочным воротам.

Виноградов взял с собой два взвода и поспешил туда. Я же остался в районе обороны, чтобы держать под огнем площадь, а станковые пулеметы сосредоточил по валу берега Мухавца, прижимая плотным огнем фашистов к земле. Одновременно Виноградов и Попов завязали рукопашный бой на мосту через Мухавец, настил которого горел. Курсанты, красноармейцы, пехотинцы, саперы, связисты штыками и гранатами уничтожали фашистов, сбрасывая их в реку. Вода приобрела багровый оттенок, а трупы плыли, словно дрова на речном сплаве. Мы захватили много автоматов, гранат и другого оружия.

Два фашиста забрались на чердак казармы 455-го стрелкового полка с целью уничтожить наш пулеметный расчет, который косил врагов на валу Мухавца, не давая им подняться. Я заметил это и тоже поспешил пробраться туда. Там в полумраке

¹ Старший лейтенант В. А. Иванов — помощник начальника штаба 455-го стрелкового полка.

² Младший политрук Г. Д. Гулько — заместитель командира минометной роты 44-го стрелкового полка по политической части.

прижал одного фашиста к стене, схватил его за щиколотки и сбросил вниз, другой вначале растерялся, но затем штыком дважды пронзил мне левую ягодицу. Но сила у меня тогда еще была, и мне долго с ним возиться не пришлось.

Атака была отбита. Наступила минутная тишина. Фашисты включили громкоговоритель и стали нас агитировать сдаваться в плен. Но предателей среди нас не оказалось.

Немцы направили против нас танки. Они прошли в центр крепости и прямой наводкой с расстояния 10—15 метров били по амбразурам и окнам казармы. Нам приходилось перебираться с первого этажа на второй и обратно, и наконец мы вынуждены были уйти в подвалы. Наверху остались только наблюдатели. Сейчас даже трудно себе представить, какое это было испытание нервов. Враг был силен оружием, а мы — духом, волей к борьбе. Как только танки вошли в Цитадель, фашисты снова бросились на штурм. Цепь за цепью, с засученными рукавами, с автоматами наперевес, продвигались они навстречу. Мы подпускали их до бывшего костела и затем встречали пулеметным огнем. Нас поддерживали с левого фланга — со стороны Белого дворца — бойцы 84-го стрелкового полка, а с правого фланга — красноармейцы 333-го и 44-го полков. Часть фашистов засела в бывшем костеле, столовой комсостава и столовой инженерного полка.

Незаметно опустились сумерки, уменьшилась стрельба. Хотя небо еще полыхало от вспышек, прошло время после восьми рукопашных и огневых атак, продолжавшихся весь первый день войны, подвести итоги борьбы, подумать о раненых, детях и женах командиров.

Пришлось все каптерки и вещевые склады батальона связи и 455-го стрелкового полка перенести в подвальные помещения. Простыни, белье были переданы санинструктору как перевязочный материал. Большую помощь оказывали раненым жены командного состава. Кушать никто не просил, лишь тяжелораненые и дети просили воды. Она нужна

была и для пулеметов. А день стоял жаркий. От разрушенных казарм в глаза, нос и рот лезла известковая и кирпичная пыль, воздух был пропитан гарью. В подвалах и казематах пахло гнилью, и от сырости каменных стен становилось зябко.

Мы ожидали, что на рассвете 23 июня фашисты вновь предпримут танковую атаку. Поэтому решили с наступлением темноты послать опытных артиллеристов в артиллерийский парк, который размещался недалеко от столовой комсостава и казарм 455-го стрелкового полка. Этот участок подвергся ожесточенной бомбежке, и трудно было сказать, осталось ли там что-нибудь годное. Правда, еще днем один из бойцов попытался пробраться к батарее, но этот смельчак сразу же был сражен вражеской пулей.

Ночью мы вызвали командира батареи (не помню фамилии этого скромного младшего лейтенанта) и поставили перед ним задачу: учитывая важность орудий для всех нас в отражении танковых атак, доставить их сюда. Командир батареи коротко ответил: «Задача ясна», и один, прижимаясь к дому, маскируясь за камнями, трупами, пополз. Проверив исправность орудий и уточнив наличие уцелевших снарядов, он вернулся и доложил, что два орудия исправны, к ним имеется 20—30 снарядов. Младший лейтенант взял с собой два расчета артиллеристов, несколько бойцов и без особого шума подтянул орудия к помещению 455-го стрелкового полка и батальона связи. Здесь их быстро вкатили в помещения. Но фашисты заметили это. Из костела и подвала комсоставской столовой они открыли беспорядочный пулеметно-автоматный огонь. Несколько человек было ранено, а один боец убит. Хорошо помню еще одну дерзкую вылазку этой ночью. Немцы прислали к нам красноармейца, который рассказал, что в костеле находятся наши женщины с детьми и человек 30—40 пленных бойцов из разных полков.

— Мне приказали передать вам, что, если я не приведу с собой человек 50—100 в плен и не вер-

нусь сам, всех, кто находится там, уничтожат,— произнес он.

Решение было принято такое: немедленно создать сильную группу из добровольцев, человек в 40, вооружить их гранатами, пистолетами и с поднятыми руками во главе с пришедшим красноармейцем направить в костел. Руководил этой смелой операцией один лейтенант и заместитель политрука полковой школы 455-го стрелкового полка.

Все это происходило как раз в то время, когда наши бойцы вкатывали орудие в помещение. Гитлеровцы, находившиеся в куполе костела, естественно, открыли по нашим огонь. А те фашисты, которые находились внизу, видимо, подумали, что огонь открыли мы, так как видно было, что эта группа «шла в плен». Немцы быстро открыли дверь и впустили наших вовнутрь. Как только бойцы очутились там, лейтенант скомандовал: «Огонь!», и смельчаки, открыв стрельбу по врагу, освободили людей, находившихся в плену, и привели их к нам. Вся эта ночь, с 22 на 23 июня, была напряженной. Шли вторые сутки. После того как мы потревожили фашистов в костеле, они снова стали просачиваться туда и в столовую комсостава, а на валу, с правой стороны реки Мужавец, почти напротив Трехарочных ворот, окопался противник с пулеметами и автоматами.

Под утро пулеметно-минометную и автоматную стрельбу сменила бомбежка. С правого берега Мужавца открыла огонь пушка. Сколько же она причинила нам неприятностей, сколько жизней она вырвала из наших рядов! Как только немного стихла канонада, пришло время расчитаться с этой проклятой пушкой. Наводчик первого орудийного расчета одним снарядом заставил замолчать врага. Часов в восемь утра из Северных ворот Кобринского укрепления по направлению к Трехарочным воротам промчались на большой скорости два фашистских танка. По-видимому, дорога им была хорошо знакома, и они были уверены в том, что здесь для

них нет преград. Мы подпустили их почти до моста и вывели из строя первый танк; второй развернулся и ушел в укрытие за вал. В течение 23 июня нашими двумя орудиями и гранатами было уничтожено несколько фашистских танков и больше роты вражеских солдат.

В центре крепости враги не давали нам покоя. Они ползли, как черви, стремясь пробраться вовнутрь казарм, а их прикрывал сильный пулеметный огонь из костела и столовой комсостава. Точными выстрелами из орудий по сильнодействующим огневым точкам мы заставили фашистов замолчать. Атака их захлебнулась.

Нам с Виноградовым часто приходилось спускаться в подвалы к раненым товарищам, детям и женщинам. Положение здесь с каждым часом становилось все хуже. Воспалились раны, и многим товарищам пришлось ампутировать руки, ноги. Ампутировали ножом, не соблюдая даже примитивных правил гигиены. Люди стонали от боли, непрерывно просили воды. Особенно сжималось сердце от жалости к детям. Всю воду, которую удавалось достать из Мухавца, давали в первую очередь тяжелораненым, детям и женщинам, заливали в пулеметы. Остатки делили между защитниками.

Я помню наш разговор с тяжелораненым лейтенантом из инженерного полка. Лежал он в подвале и стонал от сильной боли. Ему осколком разорвало живот, и, когда я заговорил с ним, он сказал мне: «Думаю о своих стариках. Они люди уже пожилые и больны, вся надежда была у них на меня, я ведь один...» Он умер.

Весь день 23 июня фашисты действовали по-прежнему интенсивно, но в то же время более осторожно, стремясь проникнуть мелкими группами в наиболее уязвимые места центральной части крепости. Танки противника били по амбразурам и окнам, а высаженный десант стремился ворваться в помещение казармы. Здесь их встречали кто чем мог: гранатами, штыками, ножом, прикладами, но не выпускали живым ни одного гитлеровца.

В стыке казарменных помещений 455-го стрелкового полка и батальона связи большая группа фашистских десантников проникла в помещение. Я бросил гранату. Присел. Жду взрыва. Справа все время короткими очередями, экономя патроны, стрелял пожилой красноармеец. Потом сразу один за другим последовало несколько взрывов. Меня оглушило. Над головой пронеслись камни. Когда я подошел к пожилому красноармейцу, который стрелял правее меня, то увидел, что он сидит спиной к стене, зажав ладонью глаза. Я отнял его руку. Ладонь была вся в крови, а лицо залито кровью; он ощупал землю, на которой сидел, стену перед собой и медленно начал подниматься.

— Да, дети... Не о себе я думаю... А у вас, товарищ командир, есть дети? — спросил он меня.

— Нет, — ответил я.

— А у меня четверо. Ну что же, в колхозе, среди людей, проживут и людьми станут, хотя детям отец нужен.

Я хотел отвести его в каземат, но он отказался. Я бросился к товарищам на помощь, а этот солдат, с трудом держась за стену, спотыкаясь, шел сам.

Еще вечером 22 июня мы принимали меры, чтобы связаться с соседями, действующими в районе 333-го стрелкового полка, 44-го и 84-го полков. Но вражеские непрерывные атаки, авианалеты, артиллерийская и минометная канонада не давали нам этой возможности. Утром 24 июня мы послали туда связных. Связь была установлена с полковым комиссаром Фоминым. Я остался на своем участке, а Виноградов взял с собой несколько бойцов и отправился к нему. Спустя минут 30—40 наш связной вернулся от капитана Зубачева, который действовал от нас справа, в районе 44-го и 333-го стрелковых полков. Связному капитана Зубачева я написал записку. Примерно через час ко мне пришел капитан Зубачев и, после короткого знакомства, я сообщил ему, что в помещении инженерного полка ведет сейчас оборону полковой комиссар и что туда

пошел лейтенант Виноградов. Зубачев тоже отправился к ним.

После короткого утреннего затишья фашисты снова открыли оружейно-минометный огонь, засветили пули, и вслед за ними враг мелкими группами начал пробиваться к Белому дворцу, к бывшему костелу. Но все эти попытки противника кончились неудачей. Мы косили их метким пулеметно-ружейным огнем, забрасывали гранатами, пороли штыками, били прикладами. В одной из рукопашных схваток под Трехарочными воротами два курсанта полковой школы 455-го стрелкового полка хотели взять «языка», но гитлеровцев было много; к курсантам на помощь бросились другие наши бойцы. Здесь, в проеме ворот, произошла кровопролитная схватка. Один из курсантов, перехватив автомат, бил фашистов прикладом по каскам, в лицо, сваливал их на землю.

Небольшая группа противника проникла в помещение со двора, и когда я повернулся, то почти в упор выстрелил в лицо первого, поднявшего на меня автомат. Мне на спину прыгнул второй, у меня даже позвоночник хрустнул. Мы молча боролись. Фашист заламывал руки мне назад, но я вывернулся и сильно ударил его головой в лицо. Он залился кровью, схватился руками за лицо, и тут я его добил. Мои товарищи быстро справились с остальными. Спустя 3—4 часа мне было приказано явиться на совещание командного состава.

Совещание должно было происходить на первом этаже казармы инженерного полка в третьем или четвертом отсеке от Трехарочных ворот. Я перебежал арку ворот, открыл дверь в казарму инженерного полка и увидел: наши бойцы вели бой с фашистами, выбивая их из нижнего этажа. Навстречу мне шел воентехник с разорванным животом. Он упал, я хотел поддержать его, но не мог.

— Отомстите за меня, товарищи, и пристрелите, чтобы не мучиться.

Я приказал бойцам взять воентехника и отнести в подвал к военфельдшеру. Он умер у них на руках.

Внезапно раздалась команда лейтенанта Виноградова: «Прекратить рваться, взломайте пол и забросайте гранатами!». Его приказание бойцы выполнили, фашисты замолчали.

— Ну, как дела, Анатолий Александрович? Я думал, ты уже за круглым столом, а ты здесь дерешься...

Виноградов засмеялся:

— Драться наша профессия, а вот попить чайку, глотка два — не мешало бы... Ну, а как там дела?

— Щелкаем помаленьку,— ответил я и рассказал о том, как занимался с фашистами «французской борьбой».

— Ну ладно, пошли,— хлопнул он меня по плечу.

Фомин и Зубачев сидели, склонив головы над картой. Рядом с ними стояло несколько командиров из разных полков и лейтенант в саперной форме, крепкий, коренастый молодой человек, вошедший перед нами. Виноградов познакомил меня с полковым комиссаром и с остальными командирами, фамилии которых я уже забыл.

— Начнем, товарищи,— сказал Фомин. Он коротко остановился на сложившейся в крепости обстановке, записал фамилии, имена, отчества, звание и адреса всех присутствующих. После короткого обмена мнениями было принято решение — создать единое командование и объединить все силы в сводную группу, командиром которой назначили капитана Зубачева, заместителем — полкового комиссара Фомина. Сопсовещание происходило во время сильного артиллерийского, минометного огня, а когда в ход снова была пущена авиация, пришлось временно прервать и разойтись по своим участкам обороны. Я пошел, а Виноградов задержался с Зубачевым и Фоминым. Позже он пришел и рассказал мне, что принято окончательное решение: прежде чем делать прорыв, уточнить наличие командного и личного состава, оружия, боеприпа-

сов, проверить состояние тяжелораненых, престарелых, женщин и детей.

Всю ночь мы с Виноградовым ходили по развалинам своего участка обороны, уточняя личный состав, боеприпасы, доводили до сведения решение совещания, объясняли, что требуется от каждого из бойцов в этот ответственный момент. И куда бы мы ни пришли, все были на своих боевых местах, а ведь шла третья бессонная ночь. Сколько их будет еще впереди — трудно ответить, но об этом никто и не спрашивал. Весь личный состав был готов выполнить любую задачу, поставленную командованием. Затем мы спустились в подвал. У нас было около 140 тяжелораненых, но редко кто из них жаловался. Сердце сжималось от боли, но мы ничем не могли помочь, ничем не могли облегчить их страдания и муки. Знали только одно — что, может быть, не сегодня, так завтра нас положат рядом с ними или разорвет на куски снарядом, бомбой, миной. Попрощались со всеми, вышли из подвала, а рано утром Виноградов отправился докладывать о нашем ночном обходе Зубачеву и Фомину, которые в течение этой ночи занимались той же работой.

Бои шли все ожесточеннее. Требовались прямо нечеловеческие усилия, чтобы устоять против фашистов. Помню, курсант полковой школы 455-го стрелкового полка из взвода лейтенанта Попова разместился в одном из помещений казармы. С одной стороны он поставил ручной пулемет, а с другой — винтовку. Разложил кругом гранаты и, когда гитлеровцы подбирались к нему, встречал их метким огнем.

Я спросил, зачем он так сделал? Он улыбнулся и ответил: «Товарищ командир, это вот зачем: если много фашистов наступает, то я ложусь за пулемет. Если появится один немец — я из винтовки, а когда поближе подползут — гранатами забрасываю, и хорошо получается. Так я и дерусь, посмотрите, сколько нащелкано».

Напряженные бои требовали от каждого бойца и командира исключительного воинского мастер-

ства, бдительности, умения быстро ориентироваться в сложной обстановке. Ведь буквально на каждом шагу нас подстерегала опасность.

На совещании командного состава был написан Приказ № 1. Писал его Виноградов. В этом приказе, по сути дела, излагалось решение совещания с добавлением, что 26 июня 1941 года на 12.00 назначается общий прорыв из крепости. Формирование головного отряда и командование им поручалось лейтенанту А. А. Виноградову. План предполагал, что вслед за отрядом двинутся остальные силы во главе с капитаном Зубачевым.

Вместе с Виноградовым мне пришлось создавать головной отряд. Его формирование проходило под скользящим огнем противника. К 8.00 26 июня отряд был выведен на исходные позиции. Во время скопления бойцов у Трехарочных ворот фашисты заметили перегруппировку наших рядов и открыли сильный оружейно-пулеметный огонь. Ровно в 12 часов станковым пулеметам была дана команда: открыть огонь по огненным точкам противника, окопавшегося на валу правого берега реки, и первый взвод бросился на мост через Мухавец. Деревянный настил моста загорелся. Бойцы штыками и прикладами сбрасывали немцев в воду. Остальные взводы бросились вплавь.

Отряд вырвался, и мы расстались с лейтенантом Виноградовым. Он сбивал на пути огневые точки врага и шел к юго-восточной части Кобринского укрепления. Первая часть приказа была выполнена, а вторую часть, т. е. выход из крепости главных сил вслед за головным отрядом, выполнить не удалось. Фашистов взбесило, они не ожидали, чтобы таким стремительным броском большая группа наших людей, сбив огневые точки, стремительно прорвала кольцо вражеской осады.

По отряду Виноградова был открыт огонь. Кроме того, немцы бросились в атаку на центр крепости; по-видимому, они рассчитывали на то, что мы все пошли на прорыв, и стремились ударить уходящему отряду с тыла. Но, как только фашисты бро-

сились в центр, мы, подпустив их до костела и Белого дома, встретили плотным пулеметно-ружейным огнем. Противник в панике бросился назад, но его настигали наши пули. Примерно в 16.00 над крепостью появилась большая группа самолетов. Вражеские бомбардировщики на бреющем полете с раздирающим визгом строчили из мелкокалиберных пушек и крупнокалиберных пулеметов.

Заваленных руинами товарищей мы откапывали. С этой целью с капитаном Зубачевым мы прошли к развалинам казарм батальона связи, 455-го стрелкового полка, 44-го и 333-го стрелковых полков. Во время обхода нас застала артиллерийско-минометная канонада, вернулись мы, когда уже стемнело. Полковой комиссар Фомин оставался на левом фланге и также обошел все помещения, развалины и подвалы, воодушевляя людей на непоколебимую борьбу с врагом. Многие в крепости знали Зубачева¹, ему верили. В 44-м полку нас угостили водичкой, а в 455-м дали по кусочку сухаря. Я осторожно грыз его, каждый раз оглядывая со всех сторон и выбирая край помягче.

— Теперь бы в горячем чайке размочить его, товарищ командир,— сказал один красноармеец,— а у нас пока и холодненькой водички маловато.

Глаза у всех были воспалены не только от бессонницы, но и от известковой пыли. Лица заросшие, усталые, грязные.

¹ С большой теплотой отзывается о капитане Зубачеве участник обороны крепости старший сержант 44-го полка Я. И. Котолупенко. Он рассказывает: «Как старший оружейный мастер, я часто бывал вместе с ним на стрельбище. Помню, он метко стрелял и старался побольше тренироваться. Большой шутник, Зубачев всегда умудрялся получать лишние патроны, хотя они всегда были строго учтены и лишних никому не давали, будь то боец или командир. Высокий, подтянутый, жизнерадостный, он пользовался большим уважением среди своих сослуживцев. Зубачев был очень требовательным, однако вне службы вел себя чрезвычайно просто и скромно».

Я. И. Котолупенко живет и работает в г. Симферополе. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Наступило утро. Капитан Зубачев предложил мне вернуться в расположение 333-го и 44-го полков и незаметно для врага отвести часть людей в расположение 455-го полка, батальона связи и инженерного полка. В течение примерно двух часов я выполнял эту задачу. Возвращаясь, услышал выстрел, за ним второй; затрещали пулеметные очереди. Я подумал, что стреляют по мне, и укрылся за стеной разрушенного здания погранзаставы. Прошло немного времени, и до меня донесся крик «Помогите», затем наступила тишина. Я бросился на первый этаж, откуда раздался крик, и тут передо мной предстала страшная картина: трое фашистов издевались над телом нашего раненого воина. Они исполосовали его финками так, что он уже не был похож на человека. Я бросил гранату и нажал на спусковой крючок автомата. Для фашистов это было так неожиданно, что они даже не ответили ни единым выстрелом. Но кто это был из наших? Недалеко валялся конверт, я поднял его, там оказалось письмо и фотокарточка командира в форме политрука. На конверте стояла фамилия — Калюжный. Значит, передо мной лежал обезображенный труп политрука Калюжного. Забрав у фашистов гранаты и взрывчатку, направился в штаб, но не дошел до него: к казарме прорвались танки врага. Они били прямой наводкой. Мы спустились в подвалы, оставив наверху наблюдателей.

Красноармеец Рябов подобрался к танку и, быстро приподнявшись, швырнул связку гранат под гусеницы. Танк был подорван. Примеру Рябова последовали другие бойцы. Атака врага захлебнулась. После такой удачи к людям вернулось хорошее, бодрое настроение, и, перебивая друг друга, бойцы громким голосом рассказывали подробности уничтожения танков. Один — белорус, приписник из западных областей — рассказывал, что он никогда еще так хорошо не кидал гранат. Второй ответил: «Мы еще многого с тобой не умеем. Мы только учились, и потом вот сразу пришлось воевать».

Пока шло сражение с танками, десантники выбирали наиболее выгодные и уязвимые места для

обстрела. С теми, которые проникли в казармы, мы быстро расправлялись. Вести интенсивный огонь нам было невыгодно: у нас было мало патронов и гранат. Приходилось пропускать фашистов в помещения и уже здесь сводить с ними счеты.

Столовая комсостава, где засел немецкий десант, не выходила у меня из головы. Я послал связного к капитану Зубачеву с просьбой прислать мне немного боеприпасов для штурма столовой комсостава. Через этого связного сообщил ему обстановку. Примерно через час я получил десяток гранат, несколько лент для станкового пулемета и короткую записку: «Держать до наступления темноты под наблюдением и обстрелом, а с наступлением темноты взять столовую любой ценой». Внизу стояли подписи «Зубачев, Фомин». Я собрал командиров и прочел им это. Ответ был один: «Выполним!» В это время к нам подошло несколько человек: один из них был лейтенант-пограничник, а двое — артиллеристы. Одного из этих артиллеристов я узнал: мы вместе с ним мылись в бане в субботу в городе Бресте по улице Буденного. Он тоже меня узнал. Бросились друг другу в объятия и познакомились уже основательно. Фамилия его оказалась Терещенко¹, имя Анатолий. Анатолий Терещенко познакомил меня и с остальными товарищами: лейтенантом Николаем Есланниковым и лейтенантом-пограничником Усовым. С ними было еще три красноармейца-пограничника. Это пополнение меня взбодрило, поднялся дух и у всех остальных бойцов. Внешний вид пограничников говорил о том, что ребята побывали в жарком деле... Сражались они в районе Западного острова, а затем отошли в расположение 44-го и 333-го полков. Я прочел им приказ командования, объяснил обстановку.

— Будет выполнен, — сказал лейтенант Усов.

Столовую решили блокировать со всех четырех сторон.

¹ Младший лейтенант А. К. Терещенко — командир взвода батареи противотанковой обороны 455-го стрелкового полка. Член ВЛКСМ.

С наступлением темноты группы вышли из казармы. Решили, что лейтенант Усов первый завязывает бой, а справа от нас, со стороны кустарника, лейтенант Терещенко штурмует столовую с главного входа, лейтенант Есланников действует влево от нас, а младший командир атакует по направлению от костела, отрезая пути отхода врагу. Штурм всех трех групп наступит после того, как лейтенант Усов завяжет бой с врагом на правом фланге.

Группа Усова двинулась вперед и вскоре завязала бой с фашистами. Враг открыл сильный беспорядочный огонь. Остальным трем группам пришлось пробиваться штыком и гранатой. Вот взлетела на воздух одна комната столовой, вторая, третья, взорванные красноармейцами группы Усова. А группы лейтенантов Терещенко, Есланникова и младшего командира подошли к назначенным местам. После ожесточенного боя им удалось ворваться в подвал столовой. Мне пришлось собрать несколько красноармейцев и броситься в штыковую атаку на убежавших в сторону костела и Холмских ворот фашистов. Наконец цель достигнута — столовая взята. Но как же ее взорвать? Я со своей группой увлекся погоней за убегающими в панике врагами и у костела столкнулся лоб в лоб с матерым гитлеровцем. Он хотел вонзить в меня штык, но я поймал его руками и не выпустил. Падая, успел заметить, что мне на помощь подскочил красноармеец Рябов. Очнулся я уже на груди кирпича и щебня, весь окровавленный. Около меня хлопотал Рябов.

С трудом добрались мы с бойцом Рябовым до столовой. Вошли вовнутрь, но там уже никого не было. Только валялись трупы фашистов. Мы стали смотреть, не остались ли боеприпасы и что-либо съестное. Скоро я обнаружил ящик со взрывчаткой с подключенной, но уже потухшей зажигательной трубкой. Приказав Рябову уходить к своим, в казармы 455-го стрелкового полка, поджег трубку и поспешно выбежал из столовой, но силы-то свои не рассчитал. Чувствую, что надо спешить, а руки и ноги не слушаются. Кое-как добрался до выходной двери

из подвала, затем на улицу, повис головой через порог. Тут раздался взрыв, и дальше я ничего не помню.

Меня подобрала Усов и Рябов и, когда стихла стрельба, перенесли в помещение 455-го стрелкового полка. На рассвете я очнулся: из ушей, носа шла кровь... Лейтенант Усов шутя говорил мне, поднося флягу с водой ко рту: «Я немного не рассчитал и слишком укоротил зажигательную трубку, а вы повторили мою ошибку, товарищ начальник штаба, но ничего, это дело поправим в следующий раз».

Столовая была взорвана, и после этого фашисты в ней уже больше не укрывались. Группами лейтенантов Усова, Терещенко, Есланникова и младшего командира во время освобождения столовой комсостава было взято четыре станковых пулемета, 31 автомат, много гранат, патронов и взрывчатки, очевидно подготовленной для взрыва наших казарм. Кроме того, они привели двух немецких ефрейторов. Я спросил Усова, нет ли больше военнопленных? Он мне ответил: «Хватит двух, нам самим нечего кушать, а они жрать горазды, смотрите, какие морды».

Говорит, а сам свою руку тряпкой заматывает. Трое его людей были тяжело ранены, а остальные почти все получили легкие ранения. Я доложил Фомину и Зубачеву об обстановке на правом фланге и представил новое пополнение, то есть лейтенантов Есланникова, Усова, Терещенко и красноармейцев-пограничников.

Затем капитан Зубачев и полковой комиссар Фомин приказали мне представить к награде особо отличившихся бойцов и командиров. Кроме того, мне было приказано назначить командиров группы правого фланга обороны и разбить ее на две части: командиром группы стал лейтенант Усов, командирами рот — лейтенанты Терещенко, Есланников. Начало темнеть, и я вместе с новыми командирами пошел по всему правому флангу обороны, познакомил их с красноармейцами и младшими командирами, спустился в подвалы к тяжелораненым. Усов

принял командование, а в 6.00 я доложил капитану Зубачеву о проделанной работе.

Наступило 28 июня. Утро было тихое, теплое, тишину нарушал только противный голос громкоговорителей: «Убивайте своих командиров, комиссаров и коммунистов, сдавайтесь в плен, вам будет спасена жизнь. Ваше сопротивление бесполезно. Войска великой Германии взяли Ленинград, пала Москва» и т. д.

Полковой комиссар Фомин поднялся с ящика из-под патронов и сказал: «Я, товарищи, уйду в подвал к раненым, детям и женщинам». Он взял с собой двух красноармейцев и пошел. Мы остались вдвоем с капитаном Зубачевым.

— Положение тяжелое,— задумчиво проговорил капитан,— главное, как быть с ранеными и женщинами, погибнут они здесь вместе с нами: ведь седьмой день сидят почти без пищи и воды. Вернется комиссар, давайте решим, и сегодня же детей и женщин отправим в плен, быть может, ради детей фашисты пощадят женщин. Другого выхода нет.

Люди доведены до предела. Вернулся комиссар Фомин, и по его лицу было видно, как тяжело переживал он то, что пришлось ему видеть в подвалах. Он опустился на ящик и обхватил обеими руками голову.

— Комиссар,— сказал капитан Зубачев, глядя на Фомина,— мы вот беседовали и думаем, что ты нас поддержишь.

— В чем? — спросил Фомин.

— Не лучше ли будет нам отправить женщин и детей в плен, возможно, их пощадят, и они останутся живы. Все-таки это женщины и дети, а не вооруженные солдаты.

— Я тоже пришел к такому выводу,— тихо произнес Фомин,— отправить, и немедленно.

Прежде, до войны, я всегда думал, что впереди у меня тысяча лет. Я не считал дней, а сколько их у меня осталось теперь? Может быть, совсем немного, до первой рукопашной схватки? Так или иначе, но и в последние часы надо жить в полную

силу. Я вышел из помещения и пошел по зданию инженерного полка. Люди стояли на своих местах, их обросшие грязные лица, воспаленные от бессонницы, покрасневшие от известковой и кирпичной пыли глаза, окровавленные лохмотья обмундирования наводили ужас.

— Тихо? — спросил я.

— Тихо, — ответил красноармеец, — скоро, видимо, начнут.

— Они думают, что победят. Ладно, крепость они, возможно, и смогут взять и даже нас здесь ухлопают, но все равно победа будет наша, — со злостью сказал один из бойцов.

Внезапно с западной стороны крепости почти на бреющем полете пронеслась группа фашистских самолетов. Земля затряслась, задрожала от взрывов бомб, заскрежетали, завывли минометы. Открыла огонь артиллерия...

В это время капитан Зубачев был на правом фланге у тов. Усова, а комиссар Фомин оставался в штабе. Но вот утихли взрывы, и фашисты с победными криками устремились к Трехарочным воротам, мы бросились им навстречу. Враги побежали вспять. Капитан Зубачев с группой красноармейцев увлекся погоней и оторвался на правый фланг. Недалеко от костела он был ранен. Пересиливая боль, Зубачев полз между убитыми фашистами, оставшимися лежать на плацу, полз на руках, волоча раненую ногу, и находил еще силы снимать по пути с фашистов гранаты и автоматы. Комиссар тоже получил ранение, досталось и мне. Многие бойцы были убиты и ранены.

Услышав очередной рев фашистских самолетов, мы ушли в укрытия, но на сей раз вместо бомб посыпалась масса листовок, на каждого оставшегося в живых защитника хватило бы по сотне штук. Затем гитлеровцы включили усилители и снова принялись агитировать нас. В который раз на размышление нам отводили один час. Мы решили использовать этот момент и вывести детей и женщин из подвалов.

Они вышли, построились, взяли белый флаг, попрощались с нами и отправились через Трехарочные ворота, через мост Мухавца к главным воротам¹. Колонна женщин с детьми на руках двигалась тихо, словно похоронная процессия.

Сколько было слез и рыданий! А минуты прощания! Трудно представить, как тяжело было нам с ними расставаться. Что ожидает их, как поступят с ними фашисты?

Но что было делать? Так складывалась обстановка в эти тяжелые дни. Помню, как сейчас, когда я спустился в подвал к тяжелораненым, детям и женщинам, ко мне подошел мальчик лет шести. Он уцепился за брюки и, дергая, просил: «Дядь, пить, пить». От жажды губенки у него потрескались до крови, а вокруг стояли другие, такие же грязные, измученные, голодные дети. Сжалось сердце, и я, не помня себя, вышел из подвала. Мы всю ночь охотились за водой, но напоить всех так все же и не смогли.

Огонь по детям и женщинам немцы не открыли. Мы провожали колонну глазами.

Враг ожидал, что вслед за женщинами и детьми пойдем и мы. Поэтому время, данное нам на размышление, длилось больше часа. Мы успели напоить людей, немного запастись водой, а некоторые умудрились даже умыться в Мухавце. Я и комиссар Фомин обошли районы обороны, говорили с командирами и красноармейцами. Капитан Зубачев, еле волооча левую ногу, с палкой в руках, обходил помещения инженерного полка. Часов в 13—14 фашисты начали сильно стрелять из автоматов и пулеметов по нашим людям, увлекшимся доставкой воды. Затем группы противника стали перебегать к костелу, к Белому дому; все ближе и ближе подпускали мы их к себе, а когда фашисты находились на расстоянии нескольких десятков метров, открыли огонь.

¹ Автор имеет в виду Северные ворота Кобринского укрепления.

С правого фланга часть бойцов бросилась в атаку, но их встретил огонь из костела. Снова началась бомбежка, обстрел, пустили слезоточивые газы. Дым ел глаза, ядовитой горечью проникал вместе с гарью в ноздри, в рот, в легкие. Трудно передать, с каким звуком разрывается над тобою бомба, кажется, вот-вот лопнут перепонки от этих мощных ударов. Мы карабкались по обломкам крепостных зданий, а падающие перекрытия и стены напоминали нам стремительное движение гигантских каменных оползней в горах.

Этот кошмар продолжался до наступления темноты. Тяжело был контужен комиссар Фомин, ряды бойцов сильно поредела. Как ни уговаривал я капитана Зубачева, он не согласился остаться в штабе и, пересиливая адскую боль в ноге, держась за меня, добрался до лейтенанта Усова. Зубачев предполагал сузить район обороны, усилить главное направление, оставив небольшие группы для наблюдения, охраны и связи. Это дало возможность лучше управлять огнем и маневрировать людьми.

Всю ночь шла пулеметно-автоматная перестрелка, всю ночь мы лазили по убитым фашистам, снимая с них гранаты, автоматы, забирая боеприпасы, кинжалы и прочее, что необходимо было для нас. Всю ночь над руинами крепости взлетали ракеты, самолеты сбрасывали зажигалки, было светло, как днем. Мы чувствовали, что фашисты задумали что-то недоброе, по-видимому, настроились решительно с нами кончать.

В эту ночь пришлось устроить засады, ибо фашистские саперы, переодетые в нашу форму, пробирались в помещения со взрывчаткой. Мы уничтожили несколько таких подрывных групп, особенно на участках Усова, Терещенко и Есланникова, т. е. на правом фланге.

Наступало утро 29 июня. Остервеневшие фашисты снова открыли ураганный артиллерийский огонь, бросили в бой большую группу танков, которые на расстоянии пяти-десяти метров били прямой наводкой по окнам казарменных помещений, по ходам

подвалов из орудий и огнеметов. Эта таинковая атака продолжалась больше двух часов. В подвалах погибло много наших тяжелораненых боевых друзей, храбро сражавшихся за свою Родину. Красноармейцы бросались со связками гранат под танки, многие прямо из окон и дверей, со словами: «За Родину!» Но нечем было отражать танковую атаку, иссякли запасы гранат и патронов, отнятые у фашистов во время штурма столовой комсостава.

Фашисты стали проникать в расположение наших казарм. Они стреляли из-за угла в красноармейцев и особенно выслеживали командиров. От взрыва гранаты я был ранен, а трое красноармейцев убито. В этот день вновь был ранен капитан Зубачев. Группа вражеских автоматчиков в количестве 15 человек проникла в подвал и стала издеваться над ранеными: резать штыками их тела, выкалывать глаза. Поднялся душераздирающий крик.

Мы бросились вниз. Но, когда спустились на первый этаж, нас встретил автоматный огонь фашистов, оставшихся у входа в подвал. Завязалась жестокая рукопашная схватка, она была далеко не равной, так как к четверем фашистам, находившимся у входа, выбежали остальные. Мы загнали их в угол ленкомнаты и забросали гранатами, а троих, выпрыгнувших в окно, добили из их же автоматов. В этой схватке особое мужество проявил красноармеец Рябов. Тяжелораненый, он бросился на врагов с двумя гранатами в руках и с расстояния пяти метров бросил их, а сам упал, истекая кровью.

Когда я попал в подвал, передо мной предстала страшная картина. Невозможно без содрогания вспоминать о том, как расправлялись гитлеровские мерзавцы с незащитными, тяжелоранеными людьми. Без оружия, истекавшие кровью, голодные, изнывающие от жажды, наши бойцы все-таки оказали врагу отчаянное сопротивление. Они там, в подвале, задушили руками трех фашистов. Оставшиеся в живых товарищи отдали нам три автомата, патроны к ним и восемь гранат. Один

автомат мы хотели оставить им для защиты. Но они отказались, ссылаясь на то, что нам наверху он нужнее. Мы отнесли в подвал Рябова, попрощались с ранеными и ушли.

Я решил проверить и выловить фашистов, спрятавшихся на чердаках и в развалинах, в подвалах и казематах. О своем замысле доложил капитану Зубачеву и полковому комиссару Фомину, ибо это мероприятие нужно было провести только днем, иначе ночью фашисты могли причинить нам много неприятностей. Мне было приказано действовать. Я передал распоряжение лейтенантам Усову, Есланникову, Терещенко и другим, а сам с группой красноармейцев пошел проверять чердаки.

И вот, когда мы поднялись на чердак, сразу же, метрах в 15—20 от себя, заметили занятых работой фашистов, переодетых в красноармейскую форму. Они спускали на шнурах нитротол к окнам первого и второго этажей казармы, откуда строчили наши автоматы. Фашисты о чем-то переговаривались между собой. Я прижал палец к губам, приказывая соблюдать тишину. Мы были уже совсем близко, когда один из негодяев обернулся, в недоумении вылупил на нас глаза и вдруг заорал, словно собака, получившая удар. Но поздно. Мы крепко чеканули их из пяти автоматов так, что только лоскуты полетели. Сняли с них гранаты, кинжалы, фонарики, автоматы, забрали взрывчатку, патроны. Трое красноармейцев понесли все трофеи к Зубачеву, так как там кончались боеприпасы. Я остался с одним из бойцов, не помню его фамилии, знаю, что сам он был музыкант. Капитан Зубачев и комиссар Фомин не прекращали боя внизу ни на минуту.

Спускаясь, красноармеец толкнул меня в плечо, чтобы я остановился: он показал мне на пробирающихся по развалинам второго этажа четырех фашистов. Мы спрятались за колонну, а когда они поравнялись с нами, красноармеец ударом приклада разбил голову двоим из них, а третьего схватил за горло и стукнул головой о колонну так, что гитлеровец сразу отдал богу душу.

Приближалась ночь. Измученный, еле волоча ноги, весь оборванный, почти не спавший восемь суток возвращался я в штаб. Таким же был и мой боевой друг красноармеец-музыкант. Когда мы с ним подходили к Трехарочным воротам, его смертельно ранило в живот; я успел отскочить назад, в помещении батальона связи.

Наступила темнота. В казарменных помещениях ничего не было видно. Вдруг я споткнулся. Передо мной лежал труп. Ощупал его руками. Лохмотья обмундирования были мокрые и липкие. В кармане обнаружил книжечку и взял ее с собой. В штабе я с комиссаром Фоминым пытался разобрать, кому принадлежал этот комсомольский билет, но он был весь залит кровью, и мы ничего не смогли прочесть.

Вся ночь с 29 на 30 июня прошла в тяжелых боях, в вылазках за водой. Это была ужасная ночь. Утром 30 июня я долго не отрывал глаз от взятого мной окровавленного комсомольского билета, разбирая каждую букву, пока наконец разобрал, что он принадлежал Рябову, который, по-видимому, собрав последние силы, вылез из подвала и здесь был убит.

30 июня ночью над Трехарочными воротами неизвестным бойцом-героем был закреплен красный флаг. Он гордо развевался над крепостью, а когда фашисты на рассвете заметили его, они открыли и по знамени и по казармам ураганный огонь из всех видов оружия.

Часов в 11 дня поднялась в воздух вражеская авиация, и снова на нас посыпались бомбы, снаряды, мины. Нас качало, словно в лодке. Несколько бомб прямым попаданием ударили в здание казармы инженерного полка, как раз туда, где размещался штаб. Рухнули перекрытия второго и первого этажей, и нас, т. е. капитана Зубачева, полкового комиссара Фомина, меня и нескольких красноармейцев, засыпало руинами. Это был последний этап моей борьбы с врагом в Брестской крепости. Пока нас откапывали, фашисты сжали кольцо. В бессознательном состоянии мы попали в плен.

Когда я очнулся, перед нами стояло несколько бойцов. Капитану Зубачеву пробило голову, полковому комиссару Фомину разбило всю левую половину лица, мне сдавило грудную клетку и проломило голову, ранены были и другие товарищи. Зубачева, меня и красноармейцев фашисты вели отдельно от комиссара Фомина через площадь, устланную трупами врагов, через Холмские ворота на Южный остров. Фомина вывели из ворот, поставили к стене казармы 84-го полка и на наших глазах расстреляли в 25—30 метрах от ворот. Фомин, пересиливая боль, что-то хотел крикнуть, но не успел: его перерезала автоматная очередь. Так погиб замечательный человек, полковой комиссар Ефим Моисеевич Фомин.

Фашисты нас тщательно обыскали, посадили на площадку, высланную бутовыми камнями. Они снимали с бойцов сапоги, часы. Здесь, на этой площадке, я встретился с лейтенантами Терещенко и Есланниковым. На мой вопрос, где Усов, никто не ответил. До сих пор о судьбе Усова — смелого, волевого командира-пограничника — и красноармейцев, с которыми он пришел, я ничего не знаю. После того как нас разули и раздели, всех построили в колонну по четыре и повели за Буг через понтонный мост, наведенный фашистами. Мы шли вчетвером: капитан Зубачев, лейтенант Анатолий Терещенко, Николай Есланников и я. Мы почти несли, а не вели капитана Зубачева. Когда нас переправляли на левый берег Буга, нам дали возможность напиться, умыться, а затем погнали на запад. Многих товарищей, тяжелораненых, которые не были в состоянии двигаться, немцы расстреляли на месте. Дорога, по которой нас вели, была покрыта щебнем, острые камни резали наши босые ноги, из ран сочилась кровь. Особенно было тяжело в эти часы капитану Зубачеву; он просил нас оставить его. А позади осталась Брестская крепость, где еще шли бои...

РОМАНОВ АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВИЧ, сержант, командир пулеметного отделения, секретарь комсомольского бюро полковой школы 455-го стрелкового полка.

Сражался в Цитадели на участке Брестских ворот и Белого дворца. В ночь на 2 июля вместе с группой товарищей выбрался из крепости. С боями отходил на восток. В конце июля был схвачен гитлеровцами. Был членом подпольной антифашистской организации в концлагере «Феддель». В декабре 1943 года вместе с Иваном Мельником проник в трюм шведского торгового парохода «Ариель». Иван Мельник умер. Романова, потерявшего сознание, выгрузили в порту Гетеборг. При помощи шведских друзей он связывается с советским посольством и в 1944 году возвращается на Родину.

В настоящее время А. Д. Романов — старший инженер в проектно-институте «Гипрострой-материалы» города Москвы. Член КПСС. Награжден орденом Красного Знамени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Их подвигов не перечислить

Шел 1941 год. Зловещая тень фашистской свастики уже затмила солнце над многими странами Европы.

Возомнив себя Наполеоном, бесноватый ефрейтор решил в молниеносной войне покончить с нашей Советской страной, уничтожить лучшую часть нашего народа, а оставшихся сделать рабами.

Весной 1941 года фашисты подтягивали к границе нашей Родины полчища убийц и огромное количество военной техники.

Мы — солдаты гарнизона Брестской крепости — слышали в мае и в июне, как гудят на той стороне Буга моторы, видели, как там из-за маскировочных сеток и насаждений поднимаются тучи пыли.

Чувствовалось что-то неладное.

455-й стрелковый полк (командир полка майор Я. А. Лицыт), в полковой школе которого я учился до марта 1941 года, дислоцировался в Березе-Картузской. В марте полк был переведен в Брест.

К этому времени я уже окончил полковую школу (начальник школы — капитан С. В. Пашинин, политрук — Шулико¹). Мне присвоили звание сержанта и оставили в школе командиром отделения в пулеметном взводе лейтенанта Д. П. Киреева. Еще

¹ Политрук А. М. Шулико в обороне крепости не участвовал. В настоящее время живет и работает в Одесской области.

в Березе-Каргужской я был избран секретарем комсомольской организации, а в мае 1941 года меня приняли в члены ВКП(б).

За несколько дней до войны произошло что-то непонятное. Нам было приказано сдать все виды оружия старых образцов и даже патроны НЗ, взамен обещали выдать новое оружие.

На партсобрании (это было, кажется, 14 июня) командиру полка майору Лицыту задали вопрос: «Почему мы сдаем и оружие и патроны НЗ? Логичнее получить вначале новое оружие: ведь мы находимся в нескольких сотнях метров от границы».

Ответ был лаконичен: «Приказы не обсуждаются, а исполняются...»

Вечер в субботу 21 июня выдался тихий, ласковый и теплый. Сидя на скамьях среди деревьев, мы смотрели кино «Цирк».

А в это время на той стороне Буга враг наводил на крепость тысячи орудийных стволов, подвешивал бомбы к бомбардировщикам и приводил в боевую готовность штурмовые группы гитлеровских головорезов...

Позже обычного пропела труба сигнал «Отбой-отбой...» Уснули солдаты, а на рассвете 22 июня проснулись в огненном вихре расплавленного свинца и железа, среди страшного грохота и душераздирающих криков. Схватив пистолет, чью-то винтовку и обмундирование, закричав: «В ружье!», я нырнул в бушевавший пламенем коридор, к лестнице, и тут же был сбит взрывной волной.

Выпрыгнув в окно со второго этажа в сторону, противоположную от обстрела, я скатился по довольно крутому берегу к реке, недалеко от моста. Вода в Мухавце кипела от бомб и осколков. В разных позах лежали убитые. Прижимаясь к обрыву, сидели раненные... полураздетые и безоружные (одеться не успели, а пирамиды с винтовками и стеллажи с пулеметами были разбиты).

Придя немного в себя, выдернув из ноги первый осколок — к этому времени уже не чувствовалось страха: злоба и какое-то озверение владели мною,—

пополз я под обрывом Мухавца вниз по течению и стал собирать в одно место всех, кто мог двигаться. Собрав человек 50—55, я еще не знал, что предпринять дальше, и вдруг увидел, что от Трехарочных ворот к нашей группе бежит лейтенант-коммунист Аркадий Ногай¹ — командир минометного взвода нашей школы. Это был человек с железной волей и удивительным хладнокровием.

Опаленный, с обгоревшими руками, в прожженной, окровавленной гимнастерке, он подбежал к нам и тут же скомандовал: «Командиры, ко мне!» Я сразу ощутил прилив сил.

К нему подползли сержант Автономов, старший сержант Колтаров (или Котляров — хорошо не помню) и я.

Разбив солдат на три группы, Ногай приказал группе Автономова и моей, не дожидаясь окончания бомбежки, переправиться через Мухавец на Северный остров, забрать там в уцелевшем складе оружие и боеприпасы и вернуться обратно. Группе Котлярова было приказано соорудить из дров и бревен (рядом находилась наша столовая, и здесь, на берегу Мухавца, лежало топливо) средства переправы для нас и добытого нами оружия и боеприпасов.

По пути в склад пришлось несколько минут отсиживаться в какой-то дыре под валом: над нами пикировали вражеские бомбардировщики. Здесь мы наблюдали такую картину: по центральной дороге к мосту через Мухавец неся на предельной скорости, лавируя среди взрывов и воронок, мотоцикл с коляской.

В коляске сидел седовласый, в кожаной куртке генерал. Это был командир 42-й стрелковой дивизии генерал-майор Лазаренко².

¹ Командир минометного взвода полковой школы 45-го стрелкового полка младший лейтенант А. М. Ногай проживает в Днепропетровской области.

² Командир 42-й стрелковой дивизии, член ВКП(б) И. С. Лазаренко участвовал в боях в районе Бреста. Сражался на разных фронтах Великой Отечественной войны. Погиб 25 июня 1944 года у деревни Холмы, Могилевской области. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Я не мог ошибиться, так как видел генерала, его заместителя полковника М. Е. Козыря и начальника политотдела дивизии полкового комиссара Богатикова¹ несколько раз на совещании отличников боевой и политической подготовки и в штабе дивизии, где я бывал по комсомольским делам, получал из рук генерала Почетную грамоту. Мотоцикл нырнул в смерч огня и пыли... что было с ним дальше, я не знаю. Но крики: «Смотрите, генерал в крепости!» — удесятерили наши силы.

В ту же минуту мы увидели, как, размахивая наганом и стреляя на бегу, к Цитадели бежал лейтенант. Несколько раз над ним проносился фашистский истребитель, рещеча землю пулями. Потом раздался взрыв — лейтенант упал. Узнать его было невозможно — лицо превратилось в окровавленную массу. Но в кармане гимнастерки мы нашли партийный билет: это был лейтенант Дмитрий Киреев.

В горящем складе решительно действовал Александр Автономов. Нырняя в пламя в дымящейся гимнастерке, он выбрасывал оттуда винтовки, пулеметные коробки, ящики с патронами. Вместе с ним мы вытащили четыре «максима».

В ожидании нашего возвращения бойцы группы Котлярова, несмотря на бомбежку, переплывали на связанных бревнах к противоположному берегу. С помощью этих бревен нам удалось переправить два «максима» и другое оружие; из 55 вернулось нас только 9 человек, израненных и окровавленных. Значительная часть добытого нами оружия утонула в реке.

Лейтенант Ногай ожидал нас под Трехарочными воротами. Там к этому времени собралось больше сотни бойцов из разных подразделений. Были и командиры, в частности командир стрелкового взвода лейтенант Попов.

Часть этих людей во главе с Ногаем под разрывами снарядов и бомб перебежками пересекла Цент-

¹ И. Н. Богатиков погиб 9 октября 1942 года под Волгоградом.

ральный остров и вышла на берег Буга, где вскоре и произошла рукопашная схватка с гитлеровцами. Бой был неравным, коротким и жестоким. Берег Буга у моста, ведущего к Тереспольским воротам, мост и дамба были усеяны вражескими трупами.

Теснимые превосходящими силами фашистов, откатывая пулемет, мы на бегу отстреливались.

И здесь я впервые на практике увидел прием штыкового боя. Прыгнув откуда-то сбоку и сделав глубокий выпад, Александр Автономов сразил фашиста; мгновение — и от удара прикладом в лоб падает другой; третий бросился бежать, но, сделав два широких прыжка, Автономов вонзил ему штык между лопаток.

Так он спас меня от смерти. Впоследствии мне и самому пришлось не раз использовать прием Автономова.

Когда штурмующие части фашистов ворвались на Центральный остров, остатки нашей группы и бойцы из разных подразделений заняли круговую оборону в полуразрушенном здании Белого дворца и за его оградой.

Внизу ограда была бетонная, с железными прутьями. Она послужила нам хорошим бруствером.

В этот момент грянуло громовое «ура». Из помещений 84-го полка в гущу фашистов врезались наши бойцы. Ошеломленные враги бросились в разные стороны: одни обратно к Тереспольским воротам, другие — в сторону Трехарочных.

По убегающим с перекрытия Белого дворца строчили наши пулеметы. За одним из них лежал сержант Тимофей Гребенюк.

Очень скоро атака возобновилась... Затем вторая, третья...

Захватив во время первой атаки клуб 84-го полка и укрывшись там, фашисты поливали территорию пулеметным дождем.

Ногай приказал бить по зданию из пулеметов. В первый же день пришлось немало драться врукопашную.

На рассвете 23 июня человек 6 бойцов, в том числе и я, поползли собирать у убитых немцев оружие и к Мухавцу за водой.

На берегу попали под пулеметную очередь фашистов, трое погибло. Пришлось отползть.

Одному из бойцов, очевидно разрывной пулей, вывало всю нижнюю часть лица. Обливаясь кровью, без перевязки, он продолжал отстреливаться.

А на второй день, когда фашисты предприняли танковую атаку и мы пытались подбить танки пулеметным огнем, я видел этого бойца еще раз. В это время у Трехарочных ворот, в подвале столовой и нескольких отсеках казарм сражались в основном наши курсанты под командованием лейтенанта Попова.

Когда вражеский танк мчался через Мухавецкий мост, боец с разбитой челюстью бросился на дорогу с ручным пулеметом и открыл по машине огонь. Танк мчался на него, а он, не двигаясь с места, бил короткими очередями...

Над ним прогрехотала стальная машина, а он... так и не сдвинулся с места.... К нему бросился лейтенант Попов, но, видимо, герой уже не нуждаясь в помощи... Попов плакал.

Видели мы и еще один самоотверженный поступок. Вражеские автоматчики перебежками приближались к казармам. Их поддерживал огнем пулемет, строчивший по окнам, не давая нашим возможности высунуть головы.

Вдруг из оконного проема второго этажа метнулась фигура бойца. В три прыжка он оказался около вражеского пулемета. Короткая схватка, и пулемет уже строчил в спины фашистских автоматчиков. Это было утром двадцать четвертого, когда фашисты предприняли очередную атаку у моста около Трехарочных ворот и когда часть вражеских автоматчиков прорвалась на Центральный остров.

Уже давно снаряды вражеской артиллерии искрошили массивную чугунную ограду Белого дворца, превратили в щебень и пыль бетонное ее основание. Окутанные багровым облаком дыма и пла-

мени, горели развалины. Казалось, уже ни одно живое существо не уцелело в этом огненном вихре... Но так только казалось. Серо-зелеными волнами одна за другой катились на дворец атакующие вражеские цепи и, оставляя на пути десятки убитых и раненых, откатывались назад. Прямо из огнедышащих развалин бросались врукопашную на врага защитники крепости.

Во время одной из атак у стены дворца, обращенной к Холмским воротам, закрепились фашистские пулеметчики. Надо было их уничтожить, а пулемет захватить, так как своего оружия у нас уже почти не было.

Выполнить это задание должны были Гребенюк, я, курсант Перепелюк и еще двое красноармейцев, фамилии которых не помню.

Не так-то просто было подобраться к вражескому пулемету: все подступы простреливались, да так, будто вокруг летал свинцовый рой. Поэтому мы стали пробираться туда по обломкам рухнувшего во многих местах перекрытия 2-го этажа дворца. И вдруг — провал в перекрытии шириной не менее двух метров преградил нам путь. Внизу пылал огонь. Если бы было где разбежаться, можно было бы перемахнуть огненную пропасть, но места для разбега не было.

Один из бойцов нашей группы, присев на корточки, рывком бросился вперед и вверх. Но в следующее мгновение вместе с исковерканной обвалившейся балкой он исчез в провале.

— Ну, — прохрипел Гребенюк, — не гореть же нам здесь без толку.

И он вопросительно глянул на меня.

— Сейчас попробую, — ответил я. — Только вы подбросьте меня.

Стал на винтовку, как становятся на трамплин пловцы перед прыжком в воду, придерживаясь за плечи Гребенюка и Перепелюка.

— Раз, два, три!

Подброшенный товарищами, я перелетел через провал. Мой «акробатический номер» был не совсем

удачным. Ободрав при падении кожу на коленях и больно стукнувшись раненой рукой, я чуть не полетел в огонь. К счастью, успел удержаться за острые камни полуразрушенной стены.

Лежа на стене, увидел на внешней ее стороне внизу вздрагивающий конец ствола вражеского пулемета.

Мне не видно было, сколько фашистов скрывается под нависшей глыбой. Решил прыгнуть на ствол пулемета. От толчка фашистский пулеметчик не удержит рукояток пулемета и на какой-то миг растеряется от неожиданности. А мне это только и нужно.

Беру автомат на изготовку, прыгаю... Лязг железа о камни, вопли фашистов. Ожесточенно строчу из автомата...

Через несколько минут из фашистского пулемета я вел огонь по захватчикам.

На труднейших участках боев — на этажах казарм, у Трехарочных ворот, в подземельях, у ограды Белого дворца — многие видели смуглого, художавого и удивительно спокойного человека.

— Ну как, ребята, жарко? — спрашивал он. — Держись, проучим эту сволочь. — И сам бросался в атаку или ложился за пулемет. А «жарко» было иногда до такой степени, что плавился даже кирпич.

Когда 15 лет спустя во время одного из выступлений я встретил П. П. Кошкарова, его лицо показалось мне очень знакомым. Мы разговорились, вспомнили несколько боевых эпизодов. У меня не оставалось больше сомнений: тот смуглый, удивительно спокойный человек был не кто иной, как поллитрук Петр Павлович Кошкаров.

Лейтенант Ногай — человек с железной волей и какой-то сатанинской выдержкой. Весь обгорелый, с перебитой правой рукой, он не один раз водил бойцов в атаки, стреляя из пистолета левой. Даже в страшные минуты он умел шутить. Когда курсанту Кормщикову пробило нос пулей, Ногай сказал: «Ну, брат, теперь ты будешь жить сто лет: смерть у тебя на носу была, но ей не понравилось, и она ушла».

27 июня, лежа среди трупов и раненых в подземелье Белого дворца, истекая кровью, Ногай приказал Гребенюку с группой бойцов пробить кольцо блокады, любыми средствами достать оружие или же, вырвавшись из крепости, попросить подкрепления у своих в Бресте (мы не знали, что в Бресте наших войск уже нет).

Начиная с 25 и по 28 июня было много попыток пробиться из кольца. То тут, то там вдруг гремело «ур-р-а» и слышалась частая пулеметно-автоматная трескотня. Потом наступало зловещее затишье.

Трудно достались нам какие-то сотни метров от Белого дворца до Мухавца: из 27 человек мы потеряли 20, и лишь ночью на 29 июня, лавируя среди трупов, переплыли Мухавец метрах в 150—200 от моста, вверх по течению.

На противоположном берегу реки в зарослях камыша и лозняка мы обнаружили узкий сводчатый проход, ведущий в подземелье.

Видимо, это был вентиляционный штрек. Абсолютно темный коридор в начале вел на подъем, потом под уклон и оканчивался сводчатым тесным помещением с тремя амбразурами, выходящими на дорогу, ведущую к Центральному острову.

Наблюдая в амбразуры за дорогой, мы увидели быстро передвигавшихся немцев. Они спешили. Трудно пропускать мимо себя врага, причинившего нам столько зла. И хотя был у нас только потрепанный пулемет и очень мало патронов, мы, с разрешения Гребенюка, открыли по колонне фашистов сгонь, перебив не один десяток гитлеровцев.

Стрельба продолжалась более двух часов. Мы — Гребенюк, Автономов, Носов, я и еще два товарища, фамилии которых не помню, — отползли в глубь подземелья, ожидая схватки под землей. Но фрицы «стеснялись» лазить в подземелья: благо там с ними не обнимались.

Под покровом ночи 29 и 30 июня мы ползали по крепости в надежде достать оружие, но все попытки были тщетны. Усеянная трупами территория представляла собой дымящиеся руины, но продолжала

сражаться. Это была тяжелая разведка: за камнями и кустами притаился враг.

Не достав оружия и боеприпасов, мы решили выполнить хоть вторую часть приказа: вырваться в город и попросить подкрепления. Я предложил снять обмундирование с убитых фашистов и, переодевшись в него, попробовать выйти.

В подземелье мы брились осколком битого стекла, замазывали кровь на одежде грязью и пережеванным камышом. Поскольку раньше я изучал немецкий язык, то стал учить своих товарищей необходимым немецким словам.

В ночь с 1 на 2 июля вышли из подземелья и пошли открыто. Надеялись на ночь, на войну, на суматоху и на дерзость. В одном месте попробовали остановить: «Хальт, пароле?» Из немецкого же автомата пришлось уничтожить часового.

Потом пришлось бежать среди немцев же, орущих «аларм» (тревога) и беспорядочно стреляющих. Четверых немцев по дороге прикончили штыками-кинжалами. Так в середине ночи 2 июля мы оказались вне крепости...

Побывав в 1959 году в замечательном и родном Бресте, в Цитадели над Бугом, чувствую, что оставил там частицу своего сердца... Впечатления от посещения мест боев в крепости, которой я не видел с 1941 года, не поддаются описанию. Перемешались чувства горя, горечи и гордости за наших замечательных советских людей, за героических воинов нашей армии.

Эти стихи в какой-то мере отражают мои чувства:

Приходилось ли быть тебе там,
Где в пожарах военных лет
Ты в атаки бросался сам,
Оставляя кровавый след?
Где ты полз под огнем врага,
Поля навстречу ему, не назад!
А вокруг — огневая пурга...
И предсмертный товарищевой взгляд.
Где глоточек воды речной
Стоял жизни, и не одной,

А солдатский сухарь ржаной
Был несбыточной мечтой.
Где ты юношей в двадцать лет
Стал за сутки морщинист и сед...
И где, помнишь, тебя не раз
Твой товарищ от смерти спас.
Где пробитое знамя полка
Из руин на солдатских штыках,
Развеваясь, валетало ввысь!
И где насмерть стоять мы клялись.
Сила страшная тянет туда
Через версты и через года...
Ран души не изгладится след,—
Сколько б ни жил ты после лет.
Там,— куда бы ни сделал ты шаг,
Видишь след жесточайших атак,
И от вида пробони рваных
Чуешь боль незажившей раны.
Вот в зеленом налете патрон...
Из груди вырывается стон.
Вот огнем исковерканный штык
Отзывается в сердце, как крик.
Вот израненный пулями свод,
Будто в злобе оскаленный рот...
И речная вода здесь течет,
Будто с кровью смешанный пот.
А из тихих прибрежных кустов
Явью слышится клятва: «Готов
За тебя до конца я стоять,
Мой народ, моя Родина-мать!»
И идет по следам за тобой
Безымянный, безвестный герой.
Окровавлен, израненный весь,
Он незримо присутствует здесь.
«Не забудь, не забудь! — он твердит,—
Человечества враг не добит:
Бредят новой кровавой войной,
Кто нажился на крови людской,
Кто руками чужими создал
Миллиардный себе капитал.
Не забудь, не забудь, не забудь!
Будь готовым и бдительным будь!»

БЕЛОУСОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ, рядовой, начальник библиотеки и руководитель художественной самодеятельности 44-го стрелкового полка.

Участвовал в обороне северо-западной части Цитадели. Пленен 26 июня. Находился в лагере близ Бяла-Подляски. В апреле 1942 года бежал, но неудачно. В 1944 году совершает побег из лагеря военнопленных недалеко от Кракова. Вошел в состав действующих частей Советской Армии. Принимал участие в освобождении Варшавы, штурмовал Берлин. Войну закончил на Эльбе.

В настоящее время Н. С. Белоусов — заслуженный артист РСФСР. Живет и работает в г. Орле. Член КПСС. Награжден орденом Красной Звезды и четырьмя медалями.

Стойкость и бесстрашие

Помню, в начале мая состоялся открытый концерт. В нем принял участие и я, ибо склонность к театральному искусству проявилась у меня еще в школьные годы. В скором времени после этого комиссар полка Артамонов ¹ перевел меня в клуб, и я стал там заведовать библиотекой и руководить художественной самодеятельностью.

В субботу после просмотра кинофильма я зашел в библиотеку и, как часто бывает перед сном, читал. Потом прилег на диван и заснул. Видимо, первый же снаряд угодил в стену, так как я проснулся от сильного сотрясения. Бровь у меня была рассечена, глаза залило кровью. Задыхаясь от кирпичной пыли, чувствуя сильную боль, я потерял сознание. Помню, когда я пришел в себя, голову сверлила мысль: «Ах, гады, что наделали, как решились? Сволочи, мразь, на кого полезли. Ну, погоди...» Было уже светло. Со стороны полковой школы доносилась перестрелка ². Я стал выбираться из развалин

¹ Батальонный комиссар Н. Р. Артамонов — заместитель командира 44-го стрелкового полка по политической части. Участник боев в районе Бреста и на других фронтах Отечественной войны. В настоящее время полковник Артамонов работает в Карельской АССР.

² Как вспоминает Я. И. Котолупенко, утром 22 июня группе вражеских автоматчиков удалось ворваться в помещение полковой школы 44-го полка. Но бойцы сумели вскоре их оттуда выбить.

во двор крепости. Кое-где лежали трупы наших бойцов и командиров.

Вдруг я увидел группу бойцов в здании, где располагался наш штаб. Окликнул их. Они закричали, чтобы я не перебежал к ним, так как немцы бьют из пулеметов, установленных в церкви. Не слушая их, я побежал. Вслед раздалась пулеметная очередь, однако мне удалось проскочить к своим. Там я достал себе винтовку и несколько обойм патронов.

Вначале мы расположились с винтовками у окон, а потом стали втроем пробираться в противоположный от библиотеки угол, чтобы узнать, что делается на Буге. Солнце уже было высоко. Мы увидели pontонный мост через реку, клубы пыли и немцев, которые густой массой ползли на восток. Огонь открыли сразу, злоба клокотала в каждом из нас. Вскоре немцы ударили по нас из пулеметов, а потом снова заговорила артиллерия. Укрылись. Сквозь разрушенную стену полковой школы увидели курсантов и стали перебегать к ним.

Наступила вторая половина дня. Встретился с Анатолием Коржем¹ (он участвовал со мной в драмкружке). Запаслись патронами и снова вернулись в здание, где располагался наш штаб. Большинство ребят знали меня, помню, многие называли по имени. Я тоже почти всех знал в лицо, знал, что они из нашего полка, у всех расспрашивал о Комиссаренко² и Георгии Савенкове, моих друзьях, но их судьба была неизвестна. Не знали мы, где находится наш командир, майор Гаврилов и комиссар Артамонов. Средних командиров тоже не было.

Помню, был среди нас молодой рыженький паренек, раненный пулей навывлет в пятку. Он очень

¹ Старший сержант А. И. Корж — командир химвзвода 44-го стрелкового полка. В настоящее время живет и работает в г. Краснодаре.

² Рядовой М. Г. Комиссаренко — шофер 44-го стрелкового полка. Вышел в район сосредоточения. Был ранен. После излечения в госпитале участвовал в битве на Волге и на других фронтах Отечественной войны. Сейчас живет и работает в г. Ростове-на-Дону. Награжден двумя медалями.

переживал свое неудачное ранение и часто обращался ко мне с такими словами: «Когда придут наши и узнают, что я ранен в пятку, еще подумают, что убежал и потому так получилось». Гневно горели его глаза. Мы все время подшучивали над ним.

Перед рассветом прибежали бойцы из соседнего подъезда и сказали, что на втором этаже из пробойны слышен тихий немецкий разговор. Мы начали стрелять из винтовок по стене второго этажа, рассчитывая, что пули рикошетом будут отскакивать в сторону немцев. Так и получилось. В ответ они стали бросать гранаты, но мы не пострадали. Под нашим нажимом гитлеровцы отступили, но попали под обстрел другой группы бойцов и были убиты.

На нашем участке через Мухавец немцы сначала не предпринимали атак. Не знаю, откуда появились эти шестеро, они, видимо, были разведчиками.

Утром оттуда, где раньше мы стреляли по переправе, снова послышались пулеметные очереди по врагу.

Среди нас уже находился младший лейтенант из новеньких, прибывших в крепость перед самой войной. Он оказался смелым воином, был всегда бодрым и уверенным, как будто уже в прошлом нюхал порох. Мне он понравился. Младший лейтенант поддерживал связь с другими участками обороны, бывал у Бытко.

Старший лейтенант Бытко во всех отношениях был образцовым командиром. Стройный, выше среднего роста, с мужественным и, казалось, суровым лицом, он располагал к себе, хотелось ему подражать, он убеждал своей логикой, простотой, человечностью. Недаром его очень любили. Несмотря на строгий, жесткий режим учебного дня, несмотря на суровую дисциплину, курсанты с гордостью говорили о своем начальнике школы. Ни от одного курсанта не слышал я нареканий на В. И. Бытко. В мирной обстановке был он примером для многих, в том числе и для меня.

Оказавшись внезапно в крепости в наитруднейшей военной обстановке, мы почувствовали, как правы были наши командиры и политработники, которые в мирное время направляли все наши силы и возможности на освоение боевой техники, на выработку высоких моральных качеств советского воина. Всем известно, что гарнизон крепости не дрогнул перед внезапно напавшим врагом, а выстоял в неравной борьбе до последнего. Большая заслуга в успешной обороне северо-западной части центра Брестской крепости принадлежит В. И. Бытко.

Он появился среди своих курсантов во второй половине дня, кажется, 23 июня¹. Я и еще группа бойцов находились неподалеку от нашего штаба, когда услышали в районе полковой школы крики «ура». Мы послали от нас человека, узнать, в чем дело. Оказывается, курсанты встретили появление своего командира криком «ура». Наш связной прибежал и сказал, что появился Бытко. Без преувеличения скажу, у всех нас глаза загорелись особым блеском. Многие преобразились, воспрянули духом, загорелись решимостью биться до конца. Мы почувствовали тогда, и это осознается теперь, как важно, чтобы в трудную минуту пришел именно тот человек, за которым, как говорят, можно пойти в огонь и воду. Нас несколько человек побежали к полковой школе. Я увидел старшего лейтенанта Бытко в форме, из-под нависших бровей смотрели беспокойные глаза, но во всей осанке его чувствовалось присутствие воли. Он что-то тихо, без единого жеста говорил двум курсантам, остальные, видимо, уже были на своих местах. Мы по-военному его поприветствовали, он ответил

¹ Старший лейтенант, член ВКП(б) В. И. Бытко в первые часы войны вывел из крепости часть курсантов полковой школы и бойцов 44-го стрелкового полка. Позднее он вернулся в расположение полка и возглавил здесь оборону вместе со старшим лейтенантом А. И. Семеновым. О времени возвращения Бытко имеются разноречивые свидетельства: так, рядовой А. П. Бессонов сообщает, что Бытко возвратился 24 июня. После многодневных боев оглушенный В. И. Бытко был схвачен гитлеровцами. Но в тот же день бежал из плена. Погиб, переплывая р. Западный Буг.

нам кивком головы. Младший лейтенант остался ждать, пока Бытко окончит разговор. Один из курсантов сказал, что со старшим лейтенантом теперь ничего не страшно.

По указанию В. И. Бытко станковый пулемет полковой школы перетащили на более выгодную позицию у окна, чтобы не дать возможности фашистам с севера берегом Мухавца пробраться к мосту у Трехарочных ворот.

Я подошел к В. И. Бытко, когда он говорил с младшим лейтенантом. Они обсуждали положение, сложившееся у нас, в западной части, вернее, речь шла об обороне устья реки Мухавец. Василий Иванович спокойным голосом говорил о том, что днем надо зорко следить за противоположным берегом. Ночью не спать, продолжать оборону, беречь боеприпасы. О дисциплине речи не было, он верил, что все выполнят с честью свой долг. Он говорил о том, что наши части недалеко и что скоро придет подкрепление. Нервозности в его голосе не было. Была только сосредоточенность. Со мной даже нашел время пошутить: «Что, теперь книги читать некогда, надо матушку-землю нашу защищать».

Помню, начался сильный обстрел, мы с лейтенантом тотчас бросились через пробитые в стенах ходы сообщения к месту своей обороны. Бытко тоже, видимо, занял свое командное место.

Часто появляться в районе полковой школы вследствие напряженных боев не представлялось возможности. Однажды, не помню, на какой день, я увидел Бытко, выходявшего из подвала, где находились наши раненые. Осунувшийся, усталый, он кивком ответил на мое приветствие. Видимо, положение наших раненых, оказавшихся почти без медицинской помощи, очень беспокоило его, он был угрюм. Потом Василий Иванович приходил к нам в район штаба полка, беседовал с нами. Правдивый и честный коммунист, Бытко говорил убедительно.

Однажды в период затишья после сильного боя, когда немцы неосмотрительно сунулись атаковать

центральную часть крепости на участке полковой школы, им была устроена достойная встреча. На противоположном берегу на склоне земляного вала были видны многочисленные трупы фашистов. В это время я увидел Бытко. Впервые был он таким возбужденным, веселым и в то же время злым. С его уст не сходили слова: «Молодцы, ребята, молодцы, ребята». Обратясь к нему, я сказал, что на нашем участке очень тяжело с боеприпасами. Он стал совершенно другим, глубоко сосредоточенным: «А ведь и у нас, Белоусов, неважно с боеприпасами». Эти слова я запомнил хорошо. Беспокойство о боеприпасах тревожило всех. Я видел, как больно было ему говорить мне об этом.

В окно мы видели результат недавней схватки. Бытко говорил, что эти зеленые черви, лежащие мертвыми, уже не встанут, но живые, подлые и гадкие, еще поползут на нас. Их надо бить.

Василий Иванович все же дал нам немного боеприпасов, но я, откровенно говоря, потихоньку вернул их одному курсанту. Честное слово, я чувствовал, что им патроны тоже нужны как воздух. Я солдат, и мне надо выполнять приказ командира нашего участка младшего лейтенанта и достать боеприпасы. Через некоторое время я уже был в районе 333-го полка. Там к этому времени обнаружили один небольшой склад с боеприпасами (говорят, что нашел его Петя Клыпа). Бойцы 333-го полка поделились со мной боеприпасами. Оборона продолжалась. Последний раз я видел Василия Ивановича Бытко, когда решался вопрос о прорыве из крепости небольшой группы. Василий Иванович вызвал меня, одного сержанта и бойца и приказал в сумерках потихоньку переплыть Мухавец под старым железным мостом¹, добраться до кустарников на противоположном берегу, по балке пробраться к разбитым помещениям и таким образом ночью выйти из кольца окружения, добраться до наших основных

¹ Автор имеет в виду мост у Белостокских ворот Цитадели.

частей и доложить о положении в Брестской крепости. «Вы исполняйте приказ,— сказал он,— а мы будем продолжать оборону. Верю, что к нам придет помощь». Мы были очень взволнованы, он удивительно спокоен. Приказ был отдан троим. Он всех нас поцеловал на прощание. Больше я Василия Ивановича не видел.

ОФ МГОВК, оп. 44, д. 4, лл. 4—10.

ДЕМИН СЕРГЕЙ ТИХОНОВИЧ, рядовой, шофер санитарной машины 44-го стрелкового полка.

Сражался в Цитадели на участке своего полка. Был пленен. Прошел фашистские лагеря военнопленных, после освобождения служил в рядах Советской Армии.

В настоящее время С. Т. Демин живет и работает в городе Харькове, награжден орденом Красной Звезды.

За погибших товарищей

Помню, что в субботу у нас проводилась большая подготовка к командирским учениям, которые намечались на 22 июня. Мы готовили машины, оборудование, а на рассвете проснулись от страшного грохота. Снаряды и бомбы сыпались на крепость не переставая.

На нашем участке объединил силы и руководил боевыми действиями старший лейтенант Василий Иванович Бытко — начальник полковой школы 44-го стрелкового полка. Участник войны с белофиннами, награжденный орденом Красной Звезды, Бытко был опытным, способным, отчаянно храбрым командиром, добрым и исключительно отзывчивым человеком. Бойцы очень любили Бытко, и приказы Василия Ивановича выполнялись особенно охотно.

Бытко собрал курсантов и всех тех, кто остался цел, и с этой горсткой защитников оборонял участок северных казарм на берегу Мухавца.

Там я встречал старшего лейтенанта Семененко и младшего лейтенанта Сгибнева ¹.

¹ Младший лейтенант И. В. Сгибнев — командир 4-й стрелковой роты 2-го батальона 44-го стрелкового полка. Погиб.

Признаться, в памяти все со временем поблекло. Но вот яркий эпизод. Бытко приказал под покровом ночи, когда утихли пожары, принести миномет и 120-мм мины. Приказ был выполнен.

Более половины оставшихся в живых людей не имело оружия — оно сгорело в пирамидах во время пожара. Бытко приказал пользоваться им по очереди: когда одна группа бойцов вела огонь по противнику, другая в то же время отдыхала. Стреляли только наверняка, так как экономили патроны.

У нас стало правилом: каждый в бою должен убить двух вражеских солдат за себя и столько же за своего погибшего товарища. Идея эта принадлежала нашему командиру Бытко. Надо сказать, что и с этой задачей мы справились.

В тот роковой, последний для меня день нашей трагической «эпопеи» я заметил, что Бытко хочет уединиться. Своими опасениями я поделился с Семененко. Мы решили не допустить, не дать возможности покончить ему с собой, так как это могло плохо подействовать на боевой дух бойцов. Поэтому стали следить за ним.

От потери крови, от голода, от жажды у меня кружилась голова, огнем горели раны. А фашисты все били, били, били...

Стоило проявить малейшую неосторожность, как тут же тебя легко могли сразить шальная пуля или осколок мины.

К этому времени у нас совсем не было патронов. Даже к пистолетам «ТТ», их не хватало; у Бытко, вооруженного револьвером «Наган», оставалось два патрона.

Гитлеровцы, воспользовавшись длительным молчанием на нашем участке, подъехали на танках и, подойдя к окнам, стали выкрикивать: «Рус, сдавайся!».

Бытко стоял у окна, выходящего на реку Мухавец, он сказал:

— Ну, немец, хотел я себя, да передумал, придется тебя...

И в тот же момент прозвучали два выстрела, гитлеровец упал и покатился под откос. При этом Бытко сказал: «Умру бесславно, но знаю, что и от моей руки не один фашист остался здесь навсегда». Позднее он погиб при побеге из плена.

ОФ МГОВК, оп. 44, д. 17, лл. 6—9.

КУЗНЕЦОВ ИЛЬЯ ПЕТРОВИЧ, рядовой 44-го стрелкового полка, наводчик 120-мм миномета.

Сражался у Северных ворот Кобринского укрепления, затем в Цитадели.

В ночь на 2 июля вместе с шестью бойцами выходит из крепости и пробирается на восток. В конце июля 1941 года контуженным попадает в плен. После побега в мае 1943 года становится бойцом партизанского отряда имени Кирова соединения партизанских отрядов дважды Героя Советского Союза генерал-майора А. Ф. Федорова. В 1944 году вместе с другими партизанами соединяется с частями Советской Армии.

В настоящее время И. П. Кузнецов живет в селе Ильинском, Красноярского края. Награжден двумя медалями.

В первые часы войны наша батарея под руководством младшего лейтенанта Шелеста¹ открыла огонь по врагу. Несколько позже я и боец Шиманский получили от старшего сержанта Никулина приказ добраться до нашего полка на Центральном укреплении, взять там достаточное количество винтовочных патронов и доставить их к себе в подразделение². До Цитадели добрались благополучно. Запаслись боеприпасами. Однако выполнить до конца приказ старшего сержанта Никулина не удалось.

Мост, по которому нам предстояло пройти, чтобы вернуться на Северное укрепление, ожесточенно обстреливался врагом. Таким образом мы оказались отрезанными от своего подразделения.

Мы с Шиманским присоединились к группе красноармейцев из пяти человек. Эту группу под руководством младшего сержанта Кухты лейтенант из стрелковой роты нашего полка отправил за боеприпасами. Мы доставили на их оборонительный пункт три ящика винтовочных патронов, ящик гранат, ящик автоматных патронов и станковый пулемет. По прибытии Кухта доложил о выполнении за-

¹ Младший лейтенант Ф. С. Шелест — командир 1-го огневого взвода батареи 76-мм орудий 44-го стрелкового полка.

² В район расположения своей батареи у Северных ворот Кобринского укрепления.

дания и о том, что с ним прибыло пополнение. Я представился лейтенанту стрелковой роты и рассказал, что вместе с Шиманским, выполняя приказ старшего сержанта Никулина, оказались отрезанными от своего подразделения. Нас зачислили в роту. Мы поклялись выполнять любые приказы, не щадя жизни. Этот лейтенант (фамилии его не знаю) лишь за несколько дней до войны прибыл в Брестскую крепость из училища. Он назначил меня командиром отделения. После того как мы еще раз сходили за боеприпасами, моему отделению поручили участок на левом фланге обороняемого здания. Наш лейтенант трижды посылал связного, чтобы связаться с теми, кто защищал здание 333-го полка. Но все посланные не вернулись.

Фашисты бросали все новые и новые силы, но безрезультатно. Тогда из Западных ворот вышел танк. Он начал разворачивать башню в нашу сторону. Тотчас ему навстречу послали со связками гранат неизвестного мне пограничника и Шиманского. Они проползли метров 150—200, и во вражескую машину полетела связка гранат. Танк остановился. Из его башни застрекотал пулемет. Был убит боец-пограничник. Не растерявшийся Шиманский второй связкой гранат приглушил огонь. Задание выполнили, но передышка была недолгой. Почти сразу же показались еще два танка, которые начали обстреливать нашу оборону из орудий. Бойцы открыли дружный огонь, стремясь отсечь от танков вражескую пехоту, двигавшуюся под прикрытием стальных машин. Лейтенант приказал младшему сержанту Кухте, мне, Шиманскому, Кириченко и еще двум красноармейцам из 333-го полка уничтожить танки. Под сильным огнем, взяв по две связки гранат, мы поползли выполнять задание, предварительно разделившись на две группы. В одной группе были я, Шиманский и Кириченко, во второй — младший сержант Кухта и два красноармейца, фамилии которых я не знаю. Один танк шел прямо на нас. Первым бросил связку гранат Кириченко, так как у него бросок был посolidнее, и угодил в башню. Раздался

взрыв, но танк двигался. Тогда я бросил впереди танка связку гранат под правую гусеницу. Танк остановился, завертелся на месте и задымил. Мы бросились бежать, ожидая взрыва, так как он был очень близко от нас. Не успели пробежать и 30 метров, как раздался оглушительный взрыв снарядов в танке. На месте танка осталась груда железа. Второй танк был подорван группой младшего сержанта Кухты. В огромной воронке боком лежала взорвавшаяся машина, похоронив под своими обломками трех смельчаков, вступивших с ней в единоборство. Вместе с Кириченко и Шиманским я вернулся на оборонительный пункт. Было очень больно сознавать, что не все вернулись с задания.

26 июня был убит наш лейтенант. Командование принял на себя сержант-узбек из 44-го стрелкового полка. Кажется, его фамилия была Ханджибаев. На 9—10 сутки, измученные, голодные, оборванные и грязные — только глаза да зубы сверкали, мы решили выбраться из подземелья. Сержант дал задание Кириченко и пограничнику найти выход, но они не вернулись. Почему? Мы не знали. Ночью на 11-е сутки мы форсировали канал, благополучно перешли железнодорожное полотно. В крепости продолжались бои отдельных подразделений, мне неизвестных. Около аэродрома попали под обстрел. Сержант был убит. В селе Дубровка я переоделся в гражданскую одежду.

СЕМЕНЕНКО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, старший лейтенант, помощник начальника штаба 44-го стрелкового полка.

Один из руководителей обороны на участке своего полка. 26 июня контужен. С этого времени находился в подвалах. Попал в плен. Прошел фашистские лагеря: Бяла-Подляска, Хаммельбург, Штраубинг, Фойт. 25 апреля 1945 г. освобожден из плена.

В настоящее время А. И. Семененко работает в городе Николаеве.

Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Лето 1941 года началось как обычно. В крепости шла деятельная подготовка к летнему периоду, проводились полевые учения. На одном из таких учений я должен был присутствовать в качестве посредника. Поэтому не удивился, когда за пять дней до начала войны меня вызвали в штаб корпуса на инструктаж.

На следующий день я выехал вместе со штабом дивизии на полевые учения. К исходу дня 21 июня начальник штаба корпуса подвел итоги занятий, и мы разъехались по своим частям.

К 8 часам вечера были уже в крепости. Там я встретил командира нашего полка майора Гаврилова и комиссара Артамонова. Майор Гаврилов приказал мне проверить: все ли подразделения сдали боеприпасы на склад. Он предложил оставить на винтовку один боекомплект, выбить из лент и дисков патроны, перетереть, смазать и сдать их на склад боепитания.

На артиллерийском полигоне на 6 часов утра намечался смотр боевой техники, на котором должны были присутствовать командиры взводов, рот, батальонов. Гаврилов приказал мне обеспечить сбор и отправку всех командиров на полигон.

Начальник штаба нашего полка капитан А. Ф. Ширяев выехал в военный городок Кошарка

за своей семьей и должен был вернуться только вечером 22 июня. Поэтому обязанность начальника штаба Гаврилов и Артамонов возложили на меня. Отдав необходимые указания, они уехали домой, а я пошел в общежитие, умылся, побрился, переоделся и решил поужинать. По пути встретил ответственного дежурного, еще раз напомнил ему о необходимости сбора комсостава к 6 часам. Попросил разбудить и меня, так как сам мог не проснуться: давал себя чувствовать четырехдневный выход в поле.

Заснул я действительно таким крепким сном, что вначале не услышал страшной канонады. Меня разбудили дежурные и начали докладывать о том, что бомбят и так далее. Со сна сразу не мог толком понять, что говорят, и пока собирался с мыслями, рядом в стену ударил снаряд. Языки пламени, осыпавшаяся на голову штукатурка вернули меня к действительности.

Многим, очень многим не суждено было проснуться... Рушились перекрытия и стены, раздавались стоны и крики заваленных обломками людей...

Я понял, что все это значит!

Отдал приказ выводить подразделения к месту сбора по боевой тревоге. Этот маршрут знал каждый командир. Оценивая обстановку, я пришел к выводу, что после 30—40-минутной артиллерийской подготовки пойдут танки и пехота, за это время мы должны успеть или выйти из крепости в свой район сосредоточения и организовать там оборону, или пойти в атаку на врага. Позже я встретил на лестнице начальника полковой школы старшего лейтенанта Бытко. Он объединил оставшихся курсантов и организовал оборону.

Собрали командный состав на малое совещание. Приняли решение организовать небольшие группы и вести оборонительные бои. Мы не имели права сдавать крепость! Мы должны были мстить ненавистному врагу до последней капли крови, до последнего патрона, мстить за обгавленную заревом пожарищ родную землю, за пролитую кровь наших людей, за слезы детей.

Правда, у нас была надежда, что через несколько дней подойдут свои и отбросят врага, стальное кольцо которого все теснее сжимало нашу крепость.

24 июня 1941 года около 23.00, когда я был в расположении 333-го стрелкового полка, туда пришли два бойца и передали распоряжение капитана Зубачева, чтобы я немедленно явился в казарму, где организован штаб обороны. Не медля ни минуты, в сопровождении этих бойцов под прикрытием темноты я отправился туда, где был капитан Зубачев и полковой комиссар Фомин. Там я узнал о том, что меня назначили начальником штаба сводной группы. Этот приказ решили довести до сведения оборонявшихся групп устно. В частности я ушел в расположение полковой школы, где командовал старший лейтенант Бытко. После того как я рассказал о совещании и приказе, возвратиться на КП сводной группы мне не удалось, так как наступил рассвет, а территория простреливалась противником. Я остался на участке 44-го стрелкового полка. Потекли дни обороны. После ожесточенных артиллерийских обстрелов и бомбежек гитлеровцы предпринимали одну атаку за другой, нередко вводя в действие танки. Каждый раз после неудачной атаки противник через репродукторы от имени гитлеровского командования предлагал нам прекратить сопротивление и сдаться в плен.

Артиллерийские снаряды и бомбы проламывали стены. Мы перебегали сквозь эти проломы из одного помещения в другое, как сквозь сумрачные туннели, наполненные едким дымом. Крепость с каждым днем все больше напоминала огромную каменоломню. Но все это лишь усиливало мужественную решимость наших бойцов сражаться до конца.

Когда мы поняли всю сложность обстановки, то приняли меры к уничтожению личных дел командного состава, секретной переписки. Документы облили керосином и сожгли.

ОСКИРКО ИВАН ПЕТРОВИЧ, рядовой приписного состава роты связи 455-го стрелкового полка.

Сражался в северо-западной части Цитадели на участке 44-го стрелкового полка. В ночь на 13 июля с несколькими товарищами прорвался через вражеское кольцо. Продолжал борьбу с гитлеровцами в партизанском отряде имени Макаревича бригады имени Свердлова Брестского соединения, затем в действующей армии.

Член КПСС. Пенсионер. В настоящее время И. П. Оскирко проживает в Ивановском районе, Брестской области. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, «Знак Почета» и четырьмя медалями.

Ночь на 22 июня была нарушена оглушительными взрывами снарядов, которые разрывались в нашем расположении. Было убито и ранено много солдат. По тревоге, не успев одеться, побежали к складу и стали быстро вооружаться. Командиром нашего отделения был сержант Рутенко, ротой командовал лейтенант Андрусенко. Он дал команду занять оборону в районе моста ¹.

Там мы продержались около 5—6 дней. Бойцы, принявшие военную присягу, поклялись стоять насмерть. Враг через каждые 3 часа пытался прорваться, но мы его отбрасывали с большими для него потерями.

Затем переместились на участок обороны, где фашисты пытались ворваться в крепость, построив через Буг мост. На этом маленьком участке противник сосредоточил большие силы. Бойцы дрались героически, многие погибли, однако враг здесь не прошел.

Мало было продуктов, воды, хотелось как-то отдохнуть, но приходилось почти непрерывно отражать атаки. Установив рупоры, гитлеровцы кричали: «Сдавайтесь». Фашисты не брезговали никакими

¹ Автор имеет в виду мост у Белостокских ворот Цитадели.

средствами, чтобы заставить нас выйти из укрытия. Однажды разнесся слух, что на выручку осажденным идут наши войска. Сержант Рутенко решил вместе с красноармейцами перейти мост и соединиться со своими, а я, в случае необходимости, должен был прикрыть их огнем из ручного пулемета. Наши бойцы попали в ловушку, ибо, как только они вышли из укрытий, немцы открыли огонь. Погибли почти все бойцы вместе с сержантом Рутенко, погиб и мой первый номер. Я остался у пулемета один. Когда это происходило — точно не помню, но, кажется, в первых числах июля. После гибели Рутенко мы все продолжали еще обороняться, пытались установить, кто из наших соседей остался жив. Помню даже, как я и еще три бойца по приказу лейтенанта Андрусенко ходили в разведку в здание костела. Вместе с другими бойцами, еще державшимися там, мы уничтожили несколько немцев.

Потом мы опять перешли в северную часть Цитадели. После гибели лейтенанта Андрусенко командование принял на себя политрук Иван Мазанков.

Мы продолжали обороняться, укрывшись в глубоких подвалах. Трудности все усиливались, но о сдаче в плен не было и речи.

Умирая, политрук Мазанков сказал нам: «Ребята, не сдавайтесь в плен, попытайтесь пробиться».

Оставшиеся в живых 24 человека решили при любых условиях выйти из окружения. Со мной был Зиновий Балюк, Иван Бухилко, Жаламаев, Юсупов и другие. Пробились из крепости севернее Бреста. Фронт был уже далеко. И когда в Ивановском районе, Брестской области, начал организовываться партизанский отряд, я и мои товарищи стали народными мстителями, продолжали громить фашистов в отряде имени Макаревича бригады Свердлова Брестского соединения. Я был полон желания отомстить врагу за смерть своих товарищей, за нарушенную мирную жизнь. Всегда выполнял любое поручение командования, ходил в разведку, взрывал воинские эшелоны и совершал другие диверсии.

Гитлеровцы, узнав о том, что я партизан, зверски расстреляли мою семью: жену, двоих детей и мать-старушку, уничтожили все хозяйство. Разве можно было им это простить? После освобождения Брестской области в 1944 году я ушел добровольцем на фронт, продолжая мстить врагу. Был ранен. День Победы встретил под Берлином.

Балюк Зиновий работает трактористом в нашем районе, знаю, что жив и Бухилко, но где он сейчас — мне неизвестно. Жаламаев и Юсупов были в партизанском отряде, потом вместе со мной ушли на фронт. С тех пор о их судьбе ничего не знаю, но всегда помню как хороших боевых друзей.

ОФ МГОВК, оп. 455, д. 25, лл. 2—4.

БЕССОНОВ АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ, старший сержант, оружейный мастер 44-го стрелкового полка.

Сражался в северо-западной части Цитадели крепости до 14—15 июля. Раненый и контуженый, попал в плен. Дважды бежал из плена. Боролся в партизанских отрядах на территории Белоруссии и Польши, потом служил в рядах Советской Армии.

В настоящее время А. П. Бессонов живет и работает в городе Краснодаре.

Член КПСС. Награжден орденом Отечественной войны II степени и двумя медалями.

Каждый квадратный сантиметр земли, каждый камень, уступ, траншея, амбразура крепости таят в себе то, о чем можно многое рассказать.

Наш полк передислоцировался из Пружан в Брестскую крепость в марте—апреле 1941 года. Замечу, что все боеприпасы, за исключением нескольких тысяч ящичков патронов, перевезенных в крепость, были свезены в блиндажи, которые находились в 6 км от крепости. Май, конечно, прошел в перевозках.

И вот настала суббота 21 июня 1941 года. Позже обычного мы задержались в мастерской, где разрабатывали способ экономии пороха и гильз при учебных стрельбах. Наше приспособление должно было испытываться практически на полигоне в воскресенье.

Закрыв мастерскую, я пошел в душ помыться, одел выходную форму, но настроение было почему-то подавленное, идти в город не хотелось. Мы пошутили с Владимиром Пузаковым¹ над моим плохим настроением, прогулялись и улеглись в постели, но спать не хотелось.

¹ Рядовой В. П. Пузаков — оружейный мастер 44-го стрелкового полка. В настоящее время живет и работает в г. Геленджик. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Вернулись бойцы из кино, слышались оживленные разговоры. Ребята коллективно обсуждали фильм «Валерий Чкалов». Судя по разговорам, он произвел на всех большое впечатление. А кузнец на украинском наречии с восторгом сказал: «У, чертяка, какой смелый, под мост залетив, так не зацепився». Раздался дружный смех. Дежурный прокричал «отбой», и через несколько минут все в казарме затихло.

Проснулся я в два часа ночи, почему-то сон ушел от меня: или вспомнил я дом, друзей, завод, или меня тревожило испытание изобретения — не знаю. Вышел из помещения. Предутренний речной воздух освежил тело. Кругом тишина, только шаги часовых нарушали покой ночи. Было около 2 часов 15 минут. Потом я уснул.

И вдруг что-то подбросило меня. Вскочив с постели, я схватил Пузакова за плечи и стал кричать: «Володя, Володя, пожар». Но, глядя на рухнувшую стену, на раненых и убитых, я понял все. Пришлось пока остаться в трусах и майке, ни сапог, ни обмундирования не нашел, все было завалено кирпичом и щебнем. Я приказал не выходить из помещения, ибо на площади рвались снаряды, мины, бомбы, бензиновые баки, и те, кто в панике выбегал из помещения, моментально находили смерть. А здесь хоть чуть-чуть прикрывали стены.

В первую минуту был тяжело ранен в брюшную полость боец Амосов. Он прожил три дня и умер в страшных страданиях. Тяжелое ранение в лицо получил кузнец, фамилии его не помню. Через несколько часов он также умер.

...У нас собрались бойцы из разных полков. Одежды были кто во что, с трудом различали, где командир, а где рядовой. Правда, первый день не разочаровал нас, а даже подбодрил, ибо в результате трех атак мы заставили противника отступить. Снова бомбежка и артиллерийский обстрел, атака, переходящая в рукопашную...

В этот день по крепости разнеслась весть о подвиге какого-то нашего командира.

Первый батальон 44-го стрелкового полка размещался по обе стороны Северных ворот в казематах. При нападении врага бойцы батальона заняли оборону на валу. Фашисты атаковали ворота, но безуспешно. Тогда немецкое командование решило двинуть на прорыв нашей обороны танки, снабженные огнеметами (замечу, что позже, когда танки врывались в крепость, они часто пользовались огнеметами).

Первый танк был подорван в нескольких метрах от ворот, но положение оставалось критическим, нужно было во что бы то ни стало выдержать натиск врага. Недолго думая, этот командир, пропустив второй танк в тоннель ворот, бросился со связкой гранат под его гусеницы. Танк повернулся и застыл поперек ворот. Храбрец погиб, но гитлеровцы были отброшены. Мы дали клятву отомстить за него.

Первый день подходил к концу. Обстановка в крепости складывалась не весьма хорошо. Мало было среди нас командиров, ведь многие жили в городе и в субботу ушли домой.

Мы связались с капитаном Зубачевым. Он дал указание собрать людей, организовать оборону, найти оружие, привести его в порядок, объяснил, как расставить силы, и приказал выделить бойца для связи.

Спустились сумерки. С большим трудом наши воины собрали оружие и привели в порядок людей. Мне пришла мысль, что надо улучшить связь с обороняющимися соседние помещения. Часть бойцов стала пробивать проходы во внутренних перегородках, чтобы иметь возможность, не выходя из здания, поддерживать связь с соседями, заделывать пробоины в стенах.

Настала ночь. Выстрелы не прекращались. Зеленые цепочки трассирующих пуль нарушали тишину, горел склад отдела вещевого снабжения. Нужно было думать, чем кормить и поить людей, но главное, где доставать боеприпасы.

Я был назначен «снабженцем», вернее не назна-

чен, а сам себя назначил по доставке оружия и боеприпасов на наш участок. Ведь это входило в мои обязанности работника боепитания полка. Приходилось под огнем врага делать вылазки, доставлять патроны, гранаты и снаряды для двух чудом уцелевших 45-мм пушек.

Вот когда вспомнились нам блиндажи с боеприпасами вне крепости. Ведь мы остались без патронов, снарядов, мин, гранат, было маловато трехлинейных винтовок, недоставало пулеметов. И все-таки, несмотря на такое критическое положение, крепость сдавать мы не думали. До слез было больно смотреть на искареженную технику, развалины, на убитых, умирающих и раненых товарищей. Страшно вспомнить старшего сержанта Григоряна, обожженного, с безумными глазами, грудь которого в нескольких местах была прострелена. Тяжело было смотреть на одну из женщин, которая получила ранение в первые же минуты войны, не успев встать с постели. Она блуждающими глазами смотрела на нас, как бы моля о помощи, а рядом с ней рыдала девочка лет 4—5.

Никогда не забудется полураздетая женщина с ребенком на руках и вторым мальчиком лет семи. Когда мы пошли на прорыв, эта женщина выбежала из дома и не своим голосом закричала: «Это наши, наши». Она побежала вместе с нами к реке Мухавец. И вот какая-то фашистская тварь нажала на спусковой крючок пулемета и, не посчитавшись с тем, что перед ним женщина с двумя детьми, оборвала им жизнь.

...Нередко случалось, что боец слезно просил воды, а мы с болью в сердце отказывали ему, ибо вода была для раненых и детей. Несмотря на то, что в 5—6 метрах от стены протекала река Мухавец, добывать воду было очень трудно.

На третий день в 5 утра я, Николай Гайворонский и Владимир Пузаков сделали вылазку, надеясь разыскать боеприпасы. В помещении общежития комсостава на втором этаже мы услышали глухой стон. Но где? Кругом никого не было. Стон

раздался снова, пришлось взобраться на второй этаж, глухие стоны слышались из-под развалин. Разбросав кирпич, мы извлекли оттуда воентехника Кудрявцева. К счастью, он не очень пострадал...

Кончался третий день. Канонада не утихала, мы увеличили свою осторожность, ибо знали, что после обстрела можно ждать атаки. Все были на местах и при оружии. По цепи передали, что из-за вала у моста, который был перекинут через Мухавец, по-пластунски ползет человек. Я приказал не стрелять, но зорко следить за ним, и несколько винтовок были направлены в его сторону. Замечу, что немцы вели огонь из-за вала через Мухавец. Мы увидели, что обмундирование этого человека было наше, и, когда он подполз к стене, узнали старшего лейтенанта¹ из нашего полка. Он старался прорваться в крепость. Пробивая себе путь пистолетом и ножом, он шел сюда, чтобы руководить своими бойцами. При виде старшего лейтенанта громкое «ура» пронеслось по рядам защитников. Он пользовался у личного состава огромным авторитетом; орден Красной Звезды блестел на его груди. И этот орден, и его забота о людях, его мужество, и то, что он решился бросить семью и, рискуя жизнью, прорвался в Цитадель,— все это вселило в нас силу и бесстрашие.

После совещания командиров 24 июня оборона стала более организованной.

Мы прилагали много усилий, чтобы пополнить свои запасы. Помню, ночью подползали к убитым лошадям, отрезали куски и этим мясом поддерживали себя; иногда попадались консервы, а вообще я часто задаю теперь вопрос: что же мы ели все эти дни?

Становилось все труднее отражать натиск упорно нападавшего врага. Презирая смерть, снимали ночью с убитых немцев автоматы, карабины, писто-

¹ Речь идет о В. И. Бытко.

леты и доставляли своим товарищам. Чаще всего в этих вылазках принимали участие Коля Гайворонский, Владимир Зайцев, Владимир Пузаков, Николай Журавлев...

Все меньше и меньше становилось у нас людей. На десятый день обороны нас осталось совсем мало, причем из обороняющихся не было ни одного не раненого. Ранен был Коля Гайворонский, убиты Владимир Зайцев, Николай Журавлев. Ушли от нас такие хорошие, бесстрашные товарищи!

Самым большим вопросом для нас были патроны. Но где их брать? Кто-то сказал, что костел пустой и там много убитых немцев. Однако его держат под обстрелом. Я решил пробраться туда. Со мной было еще два товарища. Кое-что удалось раздобыть. На обратном пути я услышал вой мины и больше ничего не помню. Когда очнулся, чувствовал себя плохо, ничего не слышал, а в голове стоял сплошной звон. Да, стукнуло меня порядком. Кое-как я поднялся на ноги, но ходить в разведку и на поиски боеприпасов уже не мог. Прошло несколько дней. Защитников с каждым днем становилось все меньше и меньше. Обстрел подвалов из огнеметов, установленных на танках, уничтожал людей. Многие получали страшные ожоги, которые причиняли людям нестерпимую боль. Мы понимали трудность своего положения и чувствовали, что подходит конец, но что ожидало нас, мы еще не представляли. Крепость наполнило сильное зловоние: разлагались трупы людей и лошадей (в центре крепости на конюязи стояли около 300 лошадей, все они были перебиты).

На 23-й день нас осталось человек 16—17, совершенно обессиленных, истощенных. Но руки продолжали сжимать оружие.

Наступила опять мучительная ночь. Тишина. Лишь кое-где раздавался хрип умирающего или стон раненого. Изредка раздавались выстрелы. Признаюсь, что в эту ночь слезы душили меня,

я плакал не от ран, не от страха перед будущим, а от обиды, что так нелепо приходилось сидеть в этой мышеловке без оружия, без боеприпасов. Так дешево отдавать свою жизнь в 19 лет просто не хотелось...

ОФ МГОВК, оп. 44, д. 6, лл. 14—22, 25—26, 28.

САНИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ, лейтенант, помощник начальника штаба 333-го стрелкового полка.

Вместе со старшим лейтенантом Потаповым и лейтенантом Кижеватовым возглавил оборону в районе Тереспольских ворот Цитадели. 26 июня 1941 года в бессознательном состоянии попал в плен.

Находился в лагерях военнопленных в районе Бяла-Подляски. В лагере Хаммельбург в течение трех месяцев был санитаром при генерал-лейтенанте Д. М. Карбышеве.

Освобожден из лагеря военнопленных 24 апреля 1945 года.

В настоящее время А. С. Санин живет и работает в г. Омске. Член КПСС. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Наши держались

Приехал я в Брест за неделю до начала войны, жил в общежитии командного состава при штабе 333-го стрелкового полка.

Как сейчас помню тот теплый субботний вечер. После показательного учения по тактике на тему «Стрелковый батальон в обороне» мы возвращались в казармы с командиром полка полковником Матвеевым. По существу, это было наше первое знакомство. Он похвалил меня за хорошо проведенное занятие и по-дружески просил активно включиться в работу. Весь вечер находился я под впечатлением этого разговора, даже отказался идти в городской сад, несмотря на усиленные приглашения моих товарищей, молодых командиров, которые жили вместе со мной.

Написал письмо домой, немного почитал перед сном и уснул с книгой. Вообще, эта ночь была для меня беспокойной; мои друзья возвращались с гулянья в разное время, и я часто просыпался. Но вот, часам к трем ночи, все, наконец, утихло, и я уснул крепким сном праведника.

Вдруг оглушительный грохот потряс стены нашей казармы. Моя койка стояла у стены, и это спасло меня, так как тяжелая бомба пробила здание от крыши до первого этажа, и все, кто был в комнате, оказались под грудой кирпича и обломков. Я с трудом натянул брюки и сапоги, нашел

пистолет и по краю стены пробрался в дверь на лестничную клетку.

В первый момент невозможно было ничего понять — огонь, грохот разрывов, обвалившиеся стены, повсюду пыль, дым. Я решил уйти от здания, чтобы не попасть под рушащиеся стены. В проветах дыма и пыли заметил мелькающие фигуры бойцов, которые скрывались в подвалах нашей казармы. Я тоже поспешил туда. Мне и в голову не приходило, что под этим зданием находились такие капитально сделанные подвалы с толстыми стенами, амбразурами и цементными полами. Сюда сбегались уцелевшие от первых бомб бойцы и командиры. В большом отсеке подвала они стояли группами вдоль стен. Вбежав в отсек, я крикнул несколько мог громко: «Кто здесь старший?» После некоторых усилий мне удалось установить, что старше меня по званию и должности никого не было. Тогда я объявил, что командование принимаю на себя, и приказал выстраиваться. К этому моменту в подвале собралось человек 30—40. Я начал расставлять бойцов по амбразурам и входам.

Один из командиров (звания не помню) назвал себя начальником химической службы¹, и я ему приказал организовать круговую оборону на этажах здания.

В то время когда я формировал группы, в подвал вскочил мальчик в полной красноармейской форме, подбежал ко мне и по-военному доложил: «Товарищ командир, я только что был на втором этаже — оттуда все хорошо видно». Одним из моих первых приказаний по обороне было распоряжение, или, может быть, задание, отданное этому мальчику, — подняться снова на этажи, наблюдать, при появлении противника доложить. Это был воспитанник нашего полка Петя Клыпа.

Петя Клыпа — в полном смысле слова геройский, бесстрашный мальчонка, даже одним видом

¹ Начальник химической службы полка старший лейтенант Н. Г. Семенов. Погиб в крепости.

своим вселял во всех бодрость духа. Удивительная для его лет смышленность, быстрота, инициатива и подвижность отличали его в этой тяжелой обстановке в дни обороны. Он то и дело появлялся и исчезал вновь иногда на полчаса и больше под всякими предлогами. Ходил в разведку, стрелял, помогал выносить раненых, полз к реке под бомбежкой или перекрестным огнем, чтобы хотя немного принести воды для тяжелораненых и детей. Я очень боялся за него и, чтобы он был больше на глазах, назначил его связным. Но это не помогало. Он продолжал исчезать, бросаясь на самые опасные участки боя.

К концу бомбежки мы уже в достаточной степени оправились от первой растерянности.

В подвале собрались женщины и дети. Многие были в состоянии невменяемости. Полураздетые, зачастую с мертвым ребенком на руках, они бежали к нашему зданию, чтобы здесь найти укрытие от страшной бомбежки. Для них отвели отдельный отсек.

Мы хорошо знали, что после бомбежки следует ожидать штурм противника. Однако боевых патронов было совсем мало.

Чем обороняться? — вот что волновало каждого из нас. И тут на помощь взрослым пришли мальчики — Петя Клыпа и Коля Новиков. Они слышали, как взрослые разговаривали об оружии и боеприпасах. Под бомбежкой, рискуя собственной жизнью, ребята поползли к складу, место расположения которого хорошо знали. Они благополучно добрались до склада, проникли туда, захватили с собой патроны, пистолеты и возвратились обратно. Торжество бойцов было неопишное, так же как удивление, с которым были встречены эти два мальчугана.

Вскоре была организована команда по подноске патронов и оружия. И примерно через час или два мы имели два станковых пулемета, несколько ручных пулеметов, автоматы, пистолеты, боевые патроны.

Один из станковых пулеметов был установлен в подвальном помещении в направлении на западный мост, а другой — на этажах в направлении наводимого немцами понтонного моста.

После того как утихла первая бомбежка, когда улеглась вся эта пыль и копоть, окутывающая Центральный остров крепости, перед нами открылась страшная картина разрушений. Даже тот, кто долгое время прожил в крепости, плохо понимал, где и что было раньше. Я же был полностью дезориентирован. Разрушенные здания, глубокие воронки от разрывов тяжелых бомб и снарядов окончательно сбивали меня с толку. Ведь с крепостью я был знаком только неделю.

За давностью времени я уже позабыл подробности хода обороны. Однако в памяти моей осталось невероятное желание всех, кто оборонялся на нашем участке, держаться до последней капли крови. И моя роль, как командира, сводилась к решению общих вопросов. Мне кажется, что я совсем и не командовал. Все, кто способен был действовать, действовали без всякой команды, и уж только тогда, когда что-нибудь было сделано, следовал доклад. Например, «Товарищ командир, там ребята принесли телефон» или «Товарищ командир, два артиллерииста говорят, что из артпарка можно к зданию пушки подкатить...» Инициатива, самостоятельность и быстрота действий проявлялась всеми без исключения.

Не помню точно, но, пожалуй, в первый день обороны у нас появились телефоны и телефонная связь со всеми наблюдательными пунктами. Около амбразур и входов в подвал установили по сменам дежурства. Никто никого не заставлял, не приказывал — как-то все шло само собой, по собственной инициативе бойцов и командиров. В то время порою было трудно понять, кто боец, кто командир, все были равными, все одинаково горели желанием не подпустить врага к зданию.

Хорошо помню двух младших командиров артиллеристов. По их инициативе были снаряжены две

45-мм пушки. Их катили из артпарка под градом пуль, через глубокие воронки. А сколько было торжества, гордости и радости, когда были сделаны первые выстрелы из этих пушек! Наши артиллеристы действовали образцово, без промаха. Они почернели от дыма, пыли и порохового газа. Им можно было кричать как угодно громко, но они ничего не слышали: от выстрелов и разрывов совсем оглохли.

Раненые сплошь и рядом перевязывали себя нижним бельем и продолжали стрелять, стиснув зубы, изнывая от жажды. Фельдшер 31-го автотранспортного батальона Василий Челобанов в одном из писем, полученных мною недавно, пишет: «Помню, как вы оставляли одного бойца нашей части, раненого в руку, а он сказал, что еще может держать винтовку и стрелять. А если придется умирать, то умрет вместе с братом. Это были братья Росс», — поясняет тов. Челобанов.

На второй или третий день после начала войны мы связались по телефону с соседями по обороне, а затем состоялась и личная встреча с капитаном, который возглавлял соседний участок. Высокий, с волевым лицом, в полной форме — вот каким я запомнил его с той встречи, которая была недолгой и проходила во время бомбежки.

Мы подошли к разрушенному зданию, у которого каким-то чудом уцелела одна стена. Капитан после приветствия начал задавать вопросы о том, сколько у нас людей, что думаем предпринять и т. д. Затем он сообщил нам, что гарнизоном центральной части крепости командует майор. Мне кажется, что беседовал я тогда с Зубачевым.

Неожиданно двое бойцов из нашей группы подошли ко мне с большим чемоданом и доложили, что они принесли шоколад. Когда мы открыли крышку, то увидели, что чемодан до краев наполнен темно-коричневыми цилиндриками — шоколад НЗ. Тут же эти бойцы повели нас показать то место, где случайно обнаружили это богатство. Мы все отошли за угол стены, так и оставив чемодан раскрытым. В этот момент тяжелый снаряд упал под осно-

вание стены, она дрогнула и повалилась, накрыв наш чемодан. Оставаться здесь дольше было опасно. Обстрел усиливался. Мы с капитаном попрощались и разошлись по своим местам.

Помню и первого военнопленного, которого привели на командный пункт. Большой, белобрысый, он робко вошел в отсек — я в этот момент был чем-то занят. Его окружили несколько бойцов и начали разговор жестами, как с глухонемым. Смотрел я на эту сцену и удивлялся: никакого чувства вражды и злобы. Его, как друга, хлопали по плечу и даже нашлись такие, которые готовы были вместе покурить. Сколько доброты, простоты, гуманизма заложено в природе русского человека! Среди нас нашелся и переводчик, который переводил ответы немецкого солдата. Тот говорил, что война — это плохо, что воевать он не хочет, что русские хорошие, что он очень боится смерти, что у него есть жена и дети. После допроса его увели и посменно охраняли.

На следующий день я почувствовал себя совсем больным. Еще с вечера у меня разболелась голова и горло (в то время я страдал хронической ангиной). Этот день был насыщен множеством событий: я встретился со старшим лейтенантом Семененко, ребята привели в подвал пленного унтер-офицера, которому мы učinили допрос.

Я чувствовал себя все хуже и хуже. Усталость, высокая температура валили с ног. В этот день почти никуда не выходил из подвала. Как сквозь сон вспоминаю бомбежку, плач детей, стоны раненых...

В себя я пришел 27 июня утром. Открыл глаза и увидел потухающее звездное небо. Приподнял голову и убедился только в том, что вокруг нашей небольшой группы, лежащей в кучке на траве, ходят вражеские автоматчики. Я был в плену.

Тут же шепотом мне рассказали, как все это произошло. Тяжелая фугасная бомба глубоко прошла в землю у стены здания, взорвалась, и взрывной волной меня отбросило к противоположной стене подвала. Я ударился, очевидно, головой о стенку

и потерял сознание. Очень долго приводили в чувство, но ничего не могли сделать. Тогда два бойца положили меня на шинель и, ухватив ее с двух сторон, потащили к соседям, чтобы там привести в сознание. Но не успели они отползти от здания и несколько десятков метров, как были схвачены около одной развалины засадой немцев. Надо полагать, что к нашему зданию гитлеровцы к этому времени проделали скрытые подходы. Когда стало совсем светло, нас подняли, начали считать и строить по 5 человек в шеренгу.

Я совсем не мог стоять на ногах, меня держали под руки. Кто эти бойцы? Как их фамилии? Так и не знаю до сих пор. Всех, кто не мог идти в строю самостоятельно, расстреливали на наших глазах. Мои дорогие товарищи держали меня под рукой и тащили на себе, а я только делал вид, что иду на собственных ногах. Откуда они брали силы? Сами измученные, голодные и уставшие, они все же не бросили меня и дотащили до места, а в лагере принесли хлеб и воду.

Нас вели все дальше и дальше, но ожесточенная стрельба из крепости была превосходно слышна.

Наши держались!!!

ГУРЕВИЧ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ, рядовой музыкантского взвода 333-го стрелкового полка.

Сражался в районе Тереспольских ворот Цитадели. Пленен 26 июня. Весной 1945 года освобожден и вместе с нашими наступающими частями участвовал в освобождении Праги.

После демобилизации окончил Белорусскую государственную консерваторию.

В настоящее время М. П. Гуревич — артист симфонического оркестра Белгосфилармонии. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Напротив нашего помещения находился взвод управления. Забежав туда после первых же взрывов, мы увидели, что в большой комнате возле окон громоздились обломки железных коек вперемешку с телами убитых. Мы выбежали в коридор, бросились к выходу, но пройти оказалось невозможно. Лестничная клетка была совершенно разрушена, бомбы густо ложились вокруг дома. Кто-то в глубине коридора нашел небольшое отверстие в подвал, и все бросились туда, где обнаружили склад с оружием — автоматы и патроны. У каждого входа и у каждого окна сразу расставили небольшие группы людей.

Так заняли мы оборону.

В одном из казематов подвала находился штаб, во главе которого стоял старший лейтенант Потапов.

Когда рассвело, немцы на короткое время прекратили бомбежку. Ворвавшись в крепость, гитлеровцы повели наступление на нашем участке. Мы отстреливались, но им удавалось подбираться к окнам так близко, что приходилось убитых затаскивать в подвал, чтобы не завалило окно. Потом опять началась бомбежка, артиллерийский обстрел, и так почти непрерывно. Помню, к нам в подвал прибежала дочь старшины Зенкина¹ и рассказала, что

¹ Воспоминания В. И. Зенкиной-Сачковской см. на стр. 499.

немцы захватили башню над Тереспольскими воротами (Зенкин с семьей жил там). Гитлеровцы послали девочку в качестве парламентаря с ультиматумом о капитуляции. Валя осталась с нами. Потом прибежало еще несколько женщин, у одной из них на руках была девочка лет 4-х, с почерневшим, обожженным личиком.

К нам присоединились пограничники, которые располагались в здании напротив нашего полка, потом еще два артиллериста. С первых же минут войны они вели огонь из окна нижнего этажа казармы прямой наводкой по Тереспольским воротам и в подвал спустились совершенно оглохшие. Помню, что один из них был высокий, молодой украинец.

Через несколько дней к нам из штаба пришел лейтенант, поднял руку и сказал: «Товарищи, вы знаете, что положение тяжелое, кто желает пойти на прорыв?» Бойцы откликались и выходили в сторону, я также присоединился к ним. Набралась большая группа. Мы стали пробираться к ближайшему окну, выходявшему к Тереспольским воротам, но гитлеровцы заметили нас и начали обстреливать. Несмотря на непрерывный огонь, люди не останавливались. Многие падали, а те, кто уцелел, бежали к Тереспольским воротам. Тогда враги перенесли огонь на бегущих, но, отстреливаясь, мы все-таки прорвались вначале через ворота, а затем и через плотину. Бежали врассыпную, чтобы меньше была поражаемость. Преодолеть плотину оказалось очень трудно. На самом верху ее лежали огромные острые камни. Люди то и дело падали и, поскользнувшись, скатывались вниз.

Наконец мы очутились возле одного из зданий пограничников и увидели ужасную картину: все помещение было разбито, слева зияла большая воронка, в ней стоял разбитый пулемет, возле него лежало трое или четверо растерзанных пограничников. Здесь мы снова попали под обстрел. Огонь с противоположного берега стал настолько сильным, что мы вынуждены были взять влево и залечь в болоте. Спустя некоторое время по цепи пере-

дали, что фашисты обходят нас с правого фланга. По команде мы начали отходить к плотине.

Вот здесь-то опять многие полегли, так как немцы были хорошо замаскированы и вели сильный огонь. У Тереспольских ворот нас тоже встретил поток смертоносного свинца из боковых помещений башни, а в спину неслись выстрелы с острова. Отстреливаясь, добрались до ворот, а оттуда вернулись опять в подвал.

Итак, прорыв окончился неудачей. Вернулось всего лишь несколько человек. Началась очередная бомбежка, настолько сильная, что, казалось, стены подвала качаются и вот-вот лопнут барабанные перепонки. Кто-то достал старую ватку, мы выщипали из нее вату и заткнули уши.

Примерно 25—26 июня, утром, меня с одним бойцом поставили охранять центральный выход из подвала. Последние два дня немцы почти не предпринимали атак, очевидно, надеялись уничтожить нас с воздуха. Налеты вражеской авиации сменялись артиллерийским обстрелом и наоборот. В левом крыле здания был пробит даже подвал. За все дни люди почти не ели и начали заметно слабеть.

26 июня, под вечер, мы решили небольшой группой во главе с младшим командиром вновь попытаться прорваться из вражеского кольца. Мы пробирались через площадь в развалины, находившиеся правее Тереспольских ворот. Но, как только достигли этих развалин, навстречу нам выскочили находившиеся там немцы. Произошла рукопашная схватка. Врагов было во много раз больше, и нас смяли...

ОФ МГОБК, оп. 333, д. 19, л. 32.

АЛЕКСЕЕВ ИЛЬЯ АЛЕКСЕЕВИЧ, рядовой, писарь продовольственно-фуражного снабжения 333-го стрелкового полка.

Сражался в районе Тереспольских ворот Цитадели.

Раненый и контуженый попал в плен 26 июня 1941 года. Находился в фашистских лагерях военнопленных Бяла-Подляска Седлец, Маутхаузен и Эбензее.

После освобождения из плена служил в рядах Советской Армии.

В настоящее время И. А. Алексеев живет и работает в городе Рязани. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Это не должно повториться

Меня, как и всех, кто был в крепости в то памятное утро, разбудили разрывы бомб и снарядов. После второго залпа осколками снаряда, влетевшими через окно, ранило в ногу Черных, писаря комиссара полка, родом, как мне помнится, из Киевской области.

Все выскочили из помещения и сразу увидели тяжелораненого красноармейца из нашей части. Мы с сержантом Лазаревым¹ остановились и сделали ему перевязку, сняв для этого нижнюю рубашку. Через некоторое время боец скончался. Я взял его винтовку и побежал к мосту догонять ушедших вперед товарищей. Враг встретил нас ураганным огнем. Мы вернулись обратно и заняли линию обороны на территории отдельного батальона связи. В нашу группу попал солдат из пограничного отряда, который учился на курсах шоферов, располагавшихся на островке. Он рассказал нам, что в одном из зданий находилось 34 человека, а он был дневальным. Первые фашистские бомбы попали в этот дом. Сонные бойцы не успели выскочить и сгорели. И только дневальный добрался до центра крепости.

На нашем маленьком участке обороны расстановку сил произвел сержант Лазарев. В западной

¹ Старший сержант А. Л. Лазарев — заведующий складом продфуражного снабжения 333-го стрелкового полка.

стороне ворот мы установили пулемет, а у восточной стороны расположились бойцы, лишавшие врага возможности проходить мост в крепость.

К вечеру я перебрался в расположение своего полка. Немецкие танки, стрелявшие из-за реки, приносили нам очень большой урон, так как все наши убежища быстро разрушались. Командовал нами старший лейтенант Семенов и помощник начальника штаба полка лейтенант Санин.

На второй день мы узнали, что рядом сражаются бойцы 84-го стрелкового полка во главе с комиссаром Фоминым. Старший лейтенант Семенов поручил нам с сержантом Лазаревым добывать питание, так как дети, женщины, раненые и бойцы за весь день не съели ни крошки хлеба. Мы с Лазаревым пробрались в продовольственный склад, где оказалось незначительное количество мешков с сухарями и солонина.

Рано утром мы во главе с помощником командира взвода разведчиков старшим сержантом Гордеевым пробрались в склад боепитания для того, чтобы запастись боеприпасами. Вдруг Гордеев увидел немецкие части, переправляющиеся через реку на территорию 125-го стрелкового полка. Он быстро установил в окне станковый пулемет и открыл огонь по противнику. Неожиданная стрельба создала у врагов переполох. Опомнившись, они стали отстреливаться. Гордеев, Букин и я вернулись в подвалы. Нужно было уничтожить огневую точку противника, расположенную в бывшем костеле, но без артиллерии эта задача оказалась нам не под силу. Поэтому группа артиллеристов во главе с замполитом батареи¹ ушла подбирать орудие. Под сильным огнем врага они долго искали в артпарке, расположенном между зданиями нашего полка и столовой, пригодную пушку. Наконец среди груды покалеченного металла артиллеристы нашли исправное орудие. Они вытащили его на дорогу и открыли огонь.

¹ Это был заместитель командира батареи по политчасти А. Е. Щербаков.

Первые снаряды были направлены в здание столовой. Когда часть его разрушили, начали стрелять по костелу. Фашисты, видя такое положение, открыли ответный огонь, а потом начали атаковать ворота со стороны острова. Навстречу им бросилась группа солдат во главе с младшим лейтенантом, но враг не принял боя и отошел обратно. Помню, младший лейтенант был смелый, волевой, обладал хорошими организаторскими способностями.

Мы вынуждены были теперь стрелять по острову, стремясь раскодовать снаряды более эффективно. Тогда немцы перешли в наступление со стороны главного входа крепости. Они находились уже у второго земляного вала, в кустарниках. Нужно было немедленно остановить их. И мы потащили орудие на этот раз на территорию, где ранее располагался батальон связи. Неожиданный огонь ошеломил противника. Обозленные фашисты вызвали на этот участок танки. Мы ушли в подвалы.

Никогда не забыть мне моих товарищей по оружию, погибших в эти тяжелые дни. Особенно запомнился мне старший сержант Гордеев. Смелый, боевой, он пользовался среди бойцов большим уважением. Утомленный, как и все мы, неравной, напряженной борьбой, похудевший, без еды, без воды, под ураганным огнем противника Гордеев продолжал стрелять, посылая в адрес гитлеровцев проклятия. Так и погиб герой-сержант на боевом посту. В те же дни потеряли мы и сержанта химслужбы Лазарева, солдата Гадниева. Тяжело ранен был сержант Чекмарев, солдат Малышев, я и другие.

В поисках снарядов и патронов, недостаток которых ощущался нами все сильнее, часть людей из нашей группы ушла в сторону инженерного полка, остальные, раненые и обессиленные, продолжали обороняться на месте...

ЕРЕМЕЕВ ГРИГОРИЙ ТЕРЕНТЬЕВИЧ, рядовой, пулеметчик 9-й заставы 17-го Краснознаменного пограничного отряда.

Оборонял Цитадель в районе Тереспольских ворот.

26 июня получил приказ разведать обстановку и связаться с нашими войсками. Пленен за пределами крепости. 4 апреля 1943 года совершил побег, после чего до конца войны находился в партизанском отряде, действовавшем на территории Италии и Югославии.

В настоящее время Г. Т. Еремеев — директор школы в городе Кизыл-Кия, Киргизской ССР. Член КПСС. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Они защищали Родину

В январе 1940 года меня призвали в ряды РККА и после окончания учебного батальона направили в Брест на линейную заставу. В ночь с 21 на 22 июня я был назначен в секрет. Перед уходом на границу начальник заставы лейтенант Кижеватов сказал нам: «Сегодня ночью ожидается нарушение границы со стороны тыла в районе хутора Янюка. Ваша задача: не допустить этого и задержать нарушителя». Ровно в 22 часа мы ушли.

Возвращаясь с задания на заставу, я услышал сильный шум моторов на немецком аэродроме, и когда докладывал о прибытии из наряда помощнику начальника заставы лейтенанту Полякову, то рассказал об этом. Получив разрешение на отдых, мы перед сном зашли на кухню перекусить. Было около 3 часов 30 минут. Не успел заснуть, как раздался оглушительный взрыв. Я быстро вскочил и дал команду: «В ружье!». Хотел включить свет, но света не было. Выход на улицу оказался завален (мы располагались на втором этаже). Тут же последовал второй взрыв, потом еще, еще.

Я забежал в комнату к начальнику заставы. Его семья состояла из жены, троих детей и матери¹. Взял за руку сынишку Кижеватова Ваню, сам он

¹ В 1942 году в Малоритском районе, Брестской области, гитлеровцами была расстреляна семья Кижеватова: мать, жена, дети Нюра, Ваня и Галя.

схватил младшего ребенка, и все мы направились к лестнице, которая вела со второго этажа вниз, во двор. Едва успели выйти из комнаты, как там разорвался немецкий снаряд.

Артиллерийский обстрел продолжался. Мы укрылись в комнатухе около квартиры политрука Пенькало¹. Всего осталось в живых человек 17 во главе с начальником заставы. У коновода Алексеева² нашлась махорка. Закурили по сигарке и стали искать оружие. Все были в одних трусах. Кижеватов приказал мне узнать обстановку во дворе. Я заметил, что на дровяных штабелях расположилось человек 40—50 немцев и обстреливают наших бойцов, выбегающих из укрытий. Выслушав мое донесение, Кижеватов приказал немедленно достать пулемет. Пулеметы были завалены кирпичом разрушившихся стен и потолка. Мы откапывали их под ураганным огнем противника. Вместе со мной работали командир отделения Федосеев и мой второй номер Василий Данилов³. Пулемет оказался исправным. У большинства бойцов уже были винтовки. Я выкатил пулемет во двор в тыл немцам и по команде «пли» начал обстреливать противника.

Наш огонь застал гитлеровцев врасплох. Почти все они остались лежать на месте. Когда операция кончилась, мы вернулись на заставу. Мне и Алексееву было приказано защищать пулеметным огнем ворота, выходящие в сторону острова. Возле лестницы, которая вела на улицу, под грудой кирпича мы слышали стон, а затем просьбу о помощи. Лейтенант послал на выручку товарищу двух пограничников, но они не успели этого сделать, ибо последовал очередной взрыв снаряда, похоронивший и этих пограничников и того, кто просил о помощи.

¹ Младший политрук Ф. И. Пенькало — заместитель начальника по политической части 3-й резервной заставы.

² Ефрейтор П. А. Алексеев — кавалерист 9-й пограничной заставы.

³ Рядовой В. И. Данилов — станковый пулеметчик 9-й пограничной заставы.

Мы с Алексеевым поставили пулемет на стол в кабинете начальника заставы, направив ствол его в сторону ворот. На окне сохранились шторы, их задвинули так, что немцы не могли заметить ни нас, ни пулемет. Было уже около шести часов утра. Артиллерийская подготовка кончилась, кругом все горело, однако взрывы не прекращались. К нам подошел Кижеватов и приказал сжечь всю документацию заставы. Так как в огне недостатка не было, я и Алексеев немедленно выполнили приказание и снова заняли свои места.

После артиллерийской подготовки враги решили, очевидно, проверить, есть ли живые. В воротах появился вражеский разведчик, которого мы пропустили, за ним еще двое, пропустили их тоже. Слышим, за воротами поднялся галдеж, и показалась группа фашистов. Мы прицелились и, когда первые из них вошли во двор, открыли пулеметный огонь. В это время к нам в окно влетела немецкая граната с деревянной ручкой. Я думал, что это с потолка упала дранка или кусок доски, и не обратил вначале внимания. Раздался взрыв. Нам засыпало глаза песком и известковой пылью. Алексеева отправили в лазарет.

Наблюдателем ко мне прислали командира отделения Федосеева. Он должен был сообщать мне о наличии немцев. В комнату влетела еще одна граната. Вошел Кижеватов. Мы доложили, что все время летят гранаты, но найти гранатометчика не удается. Уничтожить его вызвался снайпер Голубцов¹. Он забрался на стену и сверху пристрелил немца, лежавшего против нашего окна среди разного мусора и кирпичца.

Следующая атака гитлеровцев началась около восьми часов утра. Но войти во двор заставы им опять не удалось. Тогда они со стороны острова установили пулемет и попытались через ворота обстреливать нас, однако безуспешно.

¹ Рядовой Н. И. Голубцов — пулеметчик 9-й пограничной заставы.

Попытка врага проникнуть во двор со стороны ворот снова окончилась неудачно.

В 9 часов мне было приказано сходить в санчасть, которая располагалась в подвале 333-го стрелкового полка. Раненых там было человек 50—60. Я промыл глаза и прилег немного отдохнуть. Проснулся от грохота — началась артиллерийская подготовка. Мы вновь заняли прежние места, наскоро перекусили: хлеб, сливочное масло и немного воды.

Приблизительно около 12 часов дня снова начался штурм. Недалеко от нас ударил в стену снаряд, и воздушной волной меня отбросило назад. Я сильно ушиб голову и левую руку. Опомнившись, увидел, что Федосеева со мной нет, его вызвали в штаб, вместо него прислали другого бойца, татарина по национальности, который дежурил со мной до вечера.

Фашисты на русском языке агитировали советских бойцов сдаваться в плен. Командующему обороной они обещали сохранить жизнь, хвалили его за храбрость, но заявили, что всякое сопротивление к хорошему не приведет: все равно, дескать, крепость падет, будет стерта с лица земли, а ее защитники — обречены на голодную смерть.

С наступлением темноты была организована охрана, расставлены наряды. Нам в помощь прикрепили девушку, кажется ее звали Катей, — помню, что она была сестренкой жены лейтенанта комендатуры Иванова¹.

Ночь прошла относительно спокойно. Я задремал до рассвета, а девушка и второй номер дежурили у пулемета. Утром опять началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся часов до 9—10. После этого гитлеровцы предложили защитникам крепости поднять белый флаг. Но крепость не сдавалась. Защитники твердо стояли на своем. Ночью мы послали разведку в Брест. На рассвете бойцы вернулись и доложили, что в городе находятся советские вой-

¹ Старший лейтенант В. Ф. Иванов — заместитель коменданта 3-й пограничной комендатуры по разведке.

ска и скоро наши основные силы подойдут на помощь. Были ли наши разведчики на самом деле в Бресте — я не знаю, но думаю, что они сообщили эту вестъ, чтобы поддержать оборонявшихся.

В 9 часов утра по радио предложили провести переговоры. Через час к нам с белым флагом должен был зайти немецкий переводчик. Кижеватов усилил оборону. Мне было приказано замаскироваться с пулеметом возле места переговоров.

В 10 часов появился немец с плетеными погонами. Когда подошли вплотную, он хотел поздороваться за руку, но Кижеватов руки не подал и сказал: «Ваши руки внешне очень чисты, а на самом деле облиты человеческой кровью». Он показал в сторону убитых немцев, лежавших в воротах, и в сторону наших, которых еще не успели убрать, и спросил: «Скажите, за что погибли эти люди?»

Гитлеровец не ответил, а начал со следующих слов: «Во избежание лишних жертв немецкое командование предлагает прекратить оборону крепости, так как дальнейшее сопротивление бессмысленно. Немецкие войска уже под Смоленском». Кижеватов сказал: «Я такие государственные дела решать не уполномочен. Прежде всего я должен собрать всех, кто обороняет крепость, и тогда принять решение».

Немецкий переводчик спросил: «А вы разве не желаете спасти себя? Немецкое командование сохранит вам жизнь и обещает спасти всю вашу семью до конца войны. Если вы пожелаете назвать свою фамилию, я сообщу немецкому командованию. Вам будут созданы самые лучшие условия». Кижеватов перебил его: «Мне будет дан выбор на смерть между повешением и пулей. Уж лучше погибнуть от собственной пули». Немец хотел угостить его сигаретой — Кижеватов отказался. Тогда парламентар сказал: «Если ваш народ пожелает прекратить бессмысленную оборону, то в четыре часа дня поднимете белый флаг, и мы пришлем солдата, который покажет, куда вам направиться».

На этом переговоры кончились. Фашист направился в сторону Западных ворот. Когда он скрылся, Кижеватов спустился в подвал, собрал всех, находившихся поблизости, и сообщил результаты переговоров. Без лишних слов вопрос был поставлен на голосование, все решили бороться до последней капли крови. Других мнений не было.

В пять часов вечера началась снова артиллерийская подготовка, длившаяся часов до восьми вечера. Ночью я дежурил на территории 333-го стрелкового полка. Немцы пытались заслать разведку, но проникнуть к нам вражеским лазутчикам не удалось, так как мы их встретили дружным огнем. После этого мне разрешили отдохнуть.

Утром следующего дня вновь налетели немецкие самолеты. Они бомбили и расстреливали из пулеметов. Лейтенант Кижеватов запретил выходить из укрытий во избежание лишних потерь. В этот же день он дал распоряжение убрать трупы, начавшие разлагаться. Кижеватов послал меня за водой. Не успел я выскочить из-за укрытия, как гитлеровцы открыли огонь. Я упал около убитой лошади. Наши открыли ответный огонь, под прикрытием которого мне удалось зачерпнуть два ведра воды и благополучно доставить ее в подвал, где находились дети и раненые. Воду раздавал сам Кижеватов.

Лейтенант предупредил меня, чтобы я менял место после каждой очереди. Как только я окончил обстрел движущейся пехоты и сменил место, то увидел, что там, где находился ранее, произошел взрыв. Не прошло и пяти минут, как прибежал Кижеватов, справился о моем здоровье, похвалил за точное выполнение его распоряжений, угостил папиросой и сказал: «Мы должны держаться до прихода наших. Когда они придут, нас всех отправят на отдых и мы обязательно побываем в Москве». Этими словами он хотел, очевидно, еще больше воодушевить нас, чтобы мы не падали духом.

Нужно сказать, что наше командование умело поднимать дух бойцов и пользовалось авторитетом и любовью.

Помню такой случай. Однажды еще до войны я получил увольнительную в город до четырех часов дня. Время уже истекало, и я направился в сторону дома (так называли мы заставу). Меня догнала легковая машина, в ней сидел майор Кузнецов. Я его поприветствовал. Он остановил машину, позвал меня и спросил: «Вы куда идете?». Я сообщил, что возвращаюсь из города на заставу.

Майор предложил мне сесть и поинтересовался, сколько я имею в своем распоряжении времени. Я ответил, что минут двадцать. Тогда он сказал шоферу, чтобы тот подвез меня до заставы, а об исполнении доложил. Помню, как тронуло меня тогда это внимание, сколько было во мне гордости, что майор разговаривал со мной так душевно, да еще и доставил на заставу.

Но вернусь к событиям обороны.

Лейтенант Кижеватов послал в разведку несколько бойцов 333-го стрелкового полка, но они еще не возвратились.

«Нас забыть не должны,— говорил Кижеватов,— наши знают, что крепость сражается, и если посчитают нужным оставить ее, то прилетят самолеты, сообщат нам. Мы очистим посадочную площадку и нас вывезут».

В ночь с 26 на 27 июня был захвачен в плен вражеский солдат. Он сообщил, что немецкое командование решило покончить с крепостью не позднее 1 июля. От него узнали также, что город Брест находится в руках немцев, а солдаты между собой говорят, что немецкие войска как будто бы уже взяли Минск.

27 июня продолжались сильные бои. Гитлеровцы несколько раз штурмовали крепость. По железнодорожному мосту шли вражеские танки, а за ними двигалась пехота.

В 12 часов дня Кижеватов пригласил меня в подвал, дал кусок хлеба, сахару, напоил водой и велел отдохнуть. Я хотел отказаться, но он сказал, что нам придется, быть может, держаться несколько дней и мы должны свои силы беречь.

Разбудили меня приблизительно около 4—5 часов вечера и вместе с пулеметчиком Даниловым послали в разведку. Надо было пробраться через кольцо, установить связь с нашими войсками, сообщить, что крепость держит оборону и просить немедленной помощи.

Когда я получал задание, на нашем участке в живых оставались: лейтенант Кижеватов — начальник заставы, Кочкин¹ — командир отделения, Федосеев — командир отделения, Алексеев — коновод начальника заставы, Голубцов — снайпер, Петров² — коновод помощника начальника заставы, Антоненко — повар, был контужен, лежал в санчасти, и другие. Погибли: Данилов Иван³, повар Сердечный, старшина Шиколаев⁴ и другие.

Кижеватов пожелал нам счастливого пути, проводил до выхода, расцеловал, и мы стали пробираться к Северным воротам.

Внимательно просмотрели противоположный берег, немцев не было видно. Понаблюдав, мы выпрыгнули из окон и направились к реке, решив плыть к кустам, которые росли у самого берега. Напились, повесили винтовки на шею и поплыли. Как раз в это время начался очередной налет вражеской авиации. При каждом залете самолетов мы ныряли и находились под водой до тех пор, пока хватало воздуха.

Внезапно я почувствовал, что правую ногу свело судорогой, и сохранять лежачее положение стало трудно. Данилов помог мне освободиться от винтовки и подсумков, я лег на воду, и он стал меня подталкивать головой. Почувствовав, что ноги задевают дно, попробовал шагать, но не смог. «Василий выплыл, подал руку, подтащил к кусту и стал помогать растирать ногу.

¹ Младший сержант Д. В. Кочкин — командир отделения.

² Ефрейтор И. П. Петров — кавалерист.

³ Рядовой И. К. Данилов — стрелок.

⁴ Старший сержант П. И. Шиколаев — старшина 9-й пограничной заставы.

Солнце уже клонилось к западу. Видя свою беспомощность, я предложил Данилову оставить меня, а самому продолжить путь, чтобы выполнить задание, но он категорически отказался. После долгих усилий нога наконец согнулась...

Мы двинулись дальше. За крепостью у железнодорожного полотна увидели, что из домов немцы выносят вещи и грузят на машины. Перебрались на другую сторону железнодорожного полотна. Правее нас оказался куст. Зная каждую травинку на этом участке, мы решили, что он создан искусственно. Тогда повернули влево, в сторону Буга. Там рос тальник, в котором удобно было скрыться до наступления темноты.

Когда подползли поближе, на нас накинулись трое немцев с автоматами, а затем на помощь к ним прибежали еще четверо. Нас били прикладами и кулаками, плевали нам в глаза и запрещали вытирать. Оказалось, что мы попали к самым озверевшим фашистам — эсэсовцам...

ОФ МГОВК, оп. 17, д. 5, лл. 3—18.

КЛОПОВ КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ, сержант, заведующий складами продовольственно-фуражного снабжения 333-го стрелкового полка.

Сражался в районе Тереспольских ворот Цитадели. 26 июня, при попытке выйти из окружения, был ранен и схвачен фашистами. Весной 1944 года вместе с двумя товарищами бежал из лагеря военнопленных в районе г. Сувалки (Польша). Вступил в партизанский отряд им. Александра Матросова, действовавший в Беловежской пуще. После соединения с частями Советской Армии участвовал в боях на территории Восточной Пруссии.

14 февраля 1945 г. был тяжело ранен.

Ныне К. В. Клопов работает главным инженером «Костромлесосплава». Член КПСС. Награжден орденом Славы III степени.

По характеру службы мне приходилось бывать в разных частях крепости, поэтому крепость знал сравнительно хорошо.

21 июня мы с товарищем лейтенантом Елисейко¹ вернулись из города около 24.00. А часа в 4 в нашей комнате вылетели оконные рамы и взрывная волна сбросила нас с кроватей.

В первый момент растерялся, но скоро понял: это вероломно напали фашисты. Нужно защищаться организованно. Часть товарищей выбежали на дорогу к погранзаставе. К этому времени враг уже захватил Западные ворота и вел такой плотный огонь, что многие сразу же были убиты и ранены.

Вскоре под градом осколков снарядов мы поползли через площадь в склад боепитания, доставали себе оружие. Трое или четверо артиллеристов из полковой батареи с трудом тащили 75-мм пушку к Западным воротам. Человек шесть из нас выскочили, помогли подтащить и установить на прямую наводку. Организатором этого дела, если мне не изменяет память, был старшина полковой школы Михаил Тютяев. Артиллеристы около часа вели поединок с гитлеровцами, пока прямым попаданием снаряда не вывело из строя орудие. Они сдержали атаку немцев, которые прорвались через погранпо-

¹ Техник-интендант II ранга В. П. Елисейко — начальник снабжения 333-го стрелкового полка.

сты и ринулись по мосту в Западные ворота. Наши ребята сделали большое дело: в первые минуты, когда царила полная растерянность, они ценой своей жизни дали возможность личному составу 333-го полка привести себя в боевую готовность и расставить силы для обороны.

Во время первого обстрела крепости Горохов Иван Гаврилович с группой штабных работников бросился в штаб полка, чтобы спасти знамя части, но погиб под осколками рухнувших стен.

Из штаба погранзаставы выбежал старший лейтенант и при перебежке через дорогу был убит. Следом за ним выскочила, видимо, его жена с сынишкой лет 4—5. Мальчик, увидя отца, бросил руку матери, сел на дорогу возле убитого и тряс его за руку, звал: «Папа, папа!». Фашисты, не считаясь с тем, что это малыш, открыли по нему огонь. Пуля перебила мальчику руку ниже локтя. Ребенок же с большими от испуга глазами продолжал звать папу. Кисть его руки безжизненно висела, но он не плакал. Мы внесли его через амбразуру в подвал.

Днем 22 июня 1941 года мне впервые пришлось вплотную лицом к лицу столкнуться с гитлеровцами. Это были откормленные, рослые детины с нашивками черепа и перекрещенных костей на рукавах и касках. Они лезли, не разбирая ничего, все пьяные, что-то кричали. Большинство их легло у наших амбразур, а часть укрылась в здании костела.

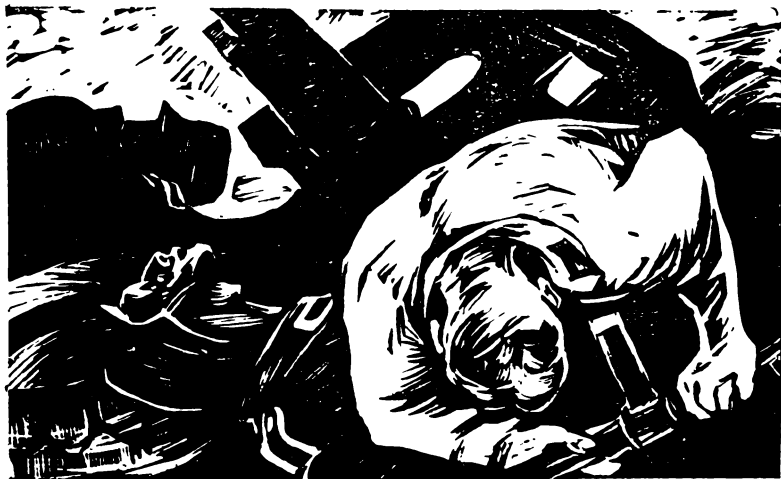
23 и 24 числа вражеские атаки стали реже, но зато часто повторялись артоналеты и бомбежка с самолетов. 25 июня мы втроем — Березкин, Ильичев и я, вышли к Западным воротам и по чердаку казармы, в которой располагался батальон МВД, направились к Юго-Западным воротам. Здание было сильно разрушено, опустошено огнем, но никем не занято. У самых Юго-Западных ворот мы столкнулись с немцами. Они не ожидали нас здесь и поэтому после первой же гранаты удрали. Сразу же начался сильный обстрел. Мы вынуждены были отойти к костелу и затем в распоряжение отдельного разведывательного батальона.

На другое утро было приказано подготовиться к контратаке с форсированием Мухавца, чтобы отбросить группировку врага, вклинившуюся по реке в центр крепости и мешавшую соединиться с соседними бойцами.

Контратака была молниеносной — две коротких перебежки и мы уже в реке. Вода кипела от снарядов и пуль. Здесь погибло много наших товарищей. На середине реки меня, видимо, немного оглушило, я очнулся уже у самого берега. Уничтожив огневые точки врага, наша группа разделилась. Одни прорвались в направлении северо-восточной части крепости, другие преследовали отступивших фашистов до шоссе Варшава — Минск. В это время наша группа (человек 11) заняла оборону на правом фланге.

По шоссе непрерывным потоком шли тяжелые автомобили с пехотой и артиллерией и другая боевая техника. Из вооружения у нас оставалось — у меня автомат, у остальных пистолеты «ТТ». Помню только троих участников нашей контратаки — начальника боепитания нашего полка старшего лейтенанта; заведующего складом боепитания старшего сержанта Семенова Сашу и Ильичева.

Здесь, на открытом месте, силы стали совсем неравными. За какие-то полчаса участок нашей обороны буквально перепахали бомбы и снаряды. Во время этого налета меня ранило осколком в бедро правой ноги. Когда кончился обстрел, по шоссе быстро подъехали две машины, обтянутые полотнищами с красным крестом. Мы даже не стреляли по ним, считая их машинами Красного Креста. Но зато они сразу же открыли огонь из двух пулеметов и двух десятков автоматов. Оказалось, что это были бронемашины. Ударом приклада меня заставили подняться, и с помощью товарищей я добрался до шоссе. Здесь только дошло до сознания, что мы попали в фашистский плен...

ТИМОФЕЕНКО ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ, лейтенант, командир огневого взвода батареи противотанковой обороны 333-го стрелкового полка.

Сражался в районе Тереспольских ворот Цитадели крепости.

27 июня раненый попал в плен. Находился в лагере Бяла-Подляска, затем в Хаммельбурге. После освобождения из плена служил в рядах Советской Армии.

Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В настоящее время В. И. Тимофеенко — преподаватель в школе-интернате города Каменска, Ростовской области. Член КПСС.

В город Брест я прибыл вместе с другими товарищами по училищу за 3 дня до начала войны. 19, 20, 21 июня мы занимались личными делами и знакомились со всем необходимым для службы.

В то памятное утро наспех одевшись и захватив с собой документы и пистолет, я стал пробираться в расположение батареи. Уже в первые минуты повсюду возникли пожары, рушились постройки. Часть бойцов батареи погибла, так как она располагалась в корпусе, обращенном к границе. Из него отчетливо был виден железнодорожный мост через реку Буг. Первым нашим решением было: собрать бойцов, боевую технику, занять выгодную позицию и оказать сопротивление. Мы разместились в подвалах крепостных зданий.

Бойцы и командиры вытаскивали уцелевшие орудия и другую материальную часть, подносили боеприпасы и примерно через полчаса открыли ответный огонь. Старших командиров среди нас не было. Спустя 2—3 часа, когда обстановка прояснилась, стали известны наши силы и вооружение (солдат оказалось больше 100 человек, младших командиров человек 10, пять лейтенантов). Среди командиров были распределены обязанности. Общее командование принял на себя лейтенант-пехотинец, знавший лучше всех расположение крепости, энергичный, волевой человек. Мне приказано было

быть его заместителем и командовать имеющимися орудиями.

Оборона была круговой. Мы установили связь с соседним участком. Эта связь осуществлялась только посылкой связных. До позднего вечера наш участок обороны, как и вся крепость, методически обстреливался. Когда стало очевидно, что крепость находится в окружении, все мы приняли твердое решение: оборонять ее до последнего человека.

Во второй половине следующего дня появились немецкие танки и под их прикрытием — пехота. Наши славные бойцы оказывали должное сопротивление, и атаки немцев отбивались. Не могу забыть одного пулеметчика, который не уходил со своего поста, будучи дважды раненым в голову и в плечо. Он вел огонь в самое выгодное время, подпуская немцев на очень близкое расстояние. Стрелял метко, умно, то из одного пулемета, то из другого. Его сектор обстрела был всегда надежен.

Шло время. Были выведены из строя орудия. Станковые пулеметы ввиду отсутствия воды перегревались. Стояла нестерпимая жара, и пыльный воздух, наполненный гарью, сдавливал и сушил горло. Раненые погибали от обвалов. Связь с соседним участком, где находился мой товарищ по училищу лейтенант Иван Терещенко, была прервана.

Атаки немцев не унимались. Если в первые три дня нас атаквали с одной стороны, то на 4-й день эти атаки велись уже с 3 сторон. Был убит лейтенант и тяжело ранен младший лейтенант. Несмотря на такую обстановку, все, кто мог держать винтовку, не покидали своих позиций. Если у раненого бойца были целы руки, он начинал патронами пулеметные ленты. На 4-й день обороны погиб наш командир, и командование оставшимися в живых бойцами перешло ко мне.

Не могу забыть такого эпизода.

26 июня перед рассветом я послал 12 бойцов на поиски боеприпасов, воды и питания. Вооружены они были винтовками и гранатами. Пробираясь по подвалам и зданиям, они натолкнулись на немецкое

подразделение и в течение дня вели непрерывный бой; оказать им помощь мы не могли, так как наш район был почти со всех сторон окружен и подвергался сильнейшему обстрелу и атакам.

Только ночью мы узнали от одного тяжело раненого бойца, его фамилия не то Криворогов, не то Кривошеин, о трагической участи бойцов, сражавшихся весь день. Их окружили и забрасывали гранатами даже тогда, когда почти все они были убиты.

В то место, где я находился, упала граната, и рухнула еле державшаяся стена с оконным переплетом. Мне придавило обе ноги, я получил сильный удар в правую часть спины. Боец, находившийся рядом со мной, стал освобождать меня. Но не успел он освободить мне левую ногу, как раздались автоматные очереди. Он был ранен или убит, а мне пуля и осколок попали в левый висок, и я потерял сознание...

ОФ МГОВК, оп. 333, д. 65, лл. 6—10.

КОНТРОВСКАЯ НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА,
вольнонаемный зубной врач 333-го стрелкового
полка.

Во время боев в крепости находилась у Тереспольских ворот.

В последних числах июня по решению командования вместе с другими женщинами и детьми была отправлена из крепости.

В настоящее время Н. М. Контровская живет и работает в городе Бресте.

В то памятное трагическое утро, когда на нашу Родину напала фашистская Германия, первыми, кто принял на себя удар вооруженных до зубов немецко-фашистских войск, были советские пограничники. Я знала их. Жила среди них в течение года, вплоть до начала войны, своими глазами видела, как они защищали нашу Родину, и потому не могу не рассказать о том, что пережила. Это мой долг, моя обязанность перед светлой памятью замечательных людей.

Мой муж, Сергей Алексеевич Чувиков, в прошлом мастер Московского шарикоподшипникового завода, а по окончании училища — лейтенант пограничных войск, накануне Великой Отечественной войны был помощником начальника штаба 3-й комендатуры 17-го Краснознаменного погранотряда. На границу я приехала в августе 1940 года.

3-я пограничная комендатура располагалась в Цитадели, в районе Тереспольских ворот. Она занимала большой двухэтажный дом П-образной формы, в котором размещалась также 9-я застава, несколько квартир семей командиров.

В непосредственной близости от нас по рукаву Буга проходила линия границы, а вдоль реки на

протяжении нескольких километров стояли пограничные заставы.

Горячими и интересными буднями была наполнена жизнь пограничников крепости. В большинстве своем это были молодые, смелые, находчивые ребята. Они составляли большую, сплоченную и дружную семью. Упорно учились, любили заниматься спортом, активно участвовали в художественной самодеятельности, которая, кстати, пользовалась большим успехом не только на заставах, но и в частях Брестской крепости. Славилась наша комендатура и вкусными обедами. Бывая в солдатских столовых, начальник погранотряда Кузнецов не раз говаривал, что такого вкусного борща он не ел ни дома, ни в других подразделениях.

Но при всей этой разносторонней жизни главной мыслью, главной заботой пограничников оставалась граница. Днем ли ночью, в дождь или вьюгу они с честью несли охрану рубежей нашей Родины.

С наступлением лета 1941 года почти каждую ночь приходил дежурный (квартира не закрывалась). Бывало только скажет: «Товарищ командир, тревога». Сергей быстро вставал, одевался, наспех целовал нас и убежал.

Чего только не передумаешь, пока не услышишь знакомые шаги. Помню первую ночь, когда он не вернулся домой. Чтобы успокоить себя, я вставала и занималась вышивкой. По возвращении он догадывался, что я не спала, и с тех пор дежурный будил его словами: «Товарищ командир, вас просят к телефону».

Судя по поведению пограничников, надвигающаяся война не была для них неожиданностью. Вместе с другими ее возможность допускал и мой муж.

Буквально накануне войны пограничники видели немецких солдат в полном боевом снаряжении, которые лежали под кустами на той стороне границы. Замечали также передвижение войск. Обо всем замеченном передавали по команде. В ответ на эти действия немцев был получен приказ усилить охра-

ну границы. Отдыхали только бойцы, вернувшиеся с наряда, все остальные пограничники находились на боевых постах.

Помню, в субботу Сергей пришел домой только в шесть часов вечера. Сама я тоже весь день была на работе. (Накануне мы получили приказ проверить неприкосновенный запас медикаментов.) Во время обеда он был чем-то озабочен, но, как всегда, ничего не сказал. Пообедав, ушел и вернулся только в десять вечера. Я купала в ванной нашу маленькую дочурку. Неожиданно открылась дверь.

— Сережа, — вскрикнула я, загоразвивая Светлану от ворвавшегося сквозняка. Он быстро закрыл дверь и ушел. Если бы я знала, что вижу его в последний раз!

Никогда еще не было так, чтобы муж ушел не попрощавшись со мной и дочкой, кроме этой субботы, когда он ушел навсегда. Это было в двенадцатом часу ночи 21 июня. Позже, уже во время боев, я узнала, что за два часа до начала войны он выехал из крепости верхом к пограничным нарядам в направлении железнодорожного моста над Бугом. Зная его хорошо, я не сомневалась, что он до конца остался верен своему долгу.

Помню страшной силы взрыв, от которого инстинктивно схватила ребенка, успела крикнуть няне: «Катя, Катюша», и тут же меня присыпало кирпичами.

Выбежав из квартиры, я увидела, как из окна заставы прыгали бойцы, отдыхавшие после наряда. На ходу натягивая обмундирование, они вооружались, готовые на смертный бой. Из окон комендатуры стреляли наши пулеметы. Во дворе была убита с ребенком на руках жена лейтенанта Шульженко. Сверху сбежали семьи старшего лейтенанта Перова и капитана Михайлова. Кругом горели склады, сарай, была разбита та часть здания, где мы жили.

Укрываясь от пуль и осколков, перебежали от стены к стене. Рядом с нашим зданием начали рваться снаряды. Очевидно, немцы попали в склад боеприпасов комендатуры... Мы должны были перебраться в другое крыло дома через огонь трех наших и нескольких немецких пулеметов.

Жена капитана Михайлова сказала своим детям, сыну и дочке: «Бегите». Дети испуганно заплакали. Она строго повторила: «Если я побегу первой и погибну, то вы, безусловно, погибнете. Бегите». Дети перебежали первыми, а за ними все остальные, кроме одной женщины, сраженной вражеской пулей. Впоследствии все мы через пробитое в каменной стене отверстие перебрались в комендатуру, которую защищали пограничники.

А при комендатуре дело было так. Часовой, стоявший на мосту, который вел к пограничному острову на Буге у Тереспольских ворот крепости, заметил что-то подозрительное. Он позвонил дежурившему по комендатуре младшему политруку Жукову¹. Тот направился к часовому, но в этот момент на крепость посыпались снаряды. Жуков был тяжело ранен. Он с трудом сумел вернуться и сообщить о нападении в погранотряд, и тут же связь с отрядом была прервана.

Командовал обороной комендатуры начальник 9-й заставы лейтенант Кижеватов. Это был смелый, деловой командир. Своим спокойствием, решительными действиями в трудной обстановке он внушал пограничникам веру в нашу победу. Кижеватов умел руководить людьми не только в мирное время, но и в бою.

Перестрелка не прекращалась ни на минуту. Уже были убитые и раненые. Фельдшера не оказалось в крепости, так как его послали на курсы усовершенствования, и пограничники остались без медицинского работника. Помню, лейтенант Кижеватов попросил меня помочь перевязать одного бойца.

¹ Младший политрук М. М. Жуков — заместитель коменданта 3-й пограничной комендатуры по политической части.

Он был ранен пулеметной очередью в обе ноги. На правую ногу его же ремнем наложили жгут, но перевязывать было уже нечем. В санитарной сумке не осталось ни одного бинта. Разорвав простыню, наложили повязку. Несмотря на тяжелое состояние, он не хотел уходить и все время просил помочь ему лечь у пулемета, уверяя, что руками он еще может бить фашистов...

Под вечер один из бойцов выбрался из развалин, подполз к разрушенному во дворе погребу и принес кусок льда. В пути он нашел двухлетнего сынишку лейтенанта Шульженко. Тот лежал у трупа матери и тихо, почти беззвучно плакал. Его маленькое тельце было изранено в нескольких местах, ребенок чудом остался жив.

Когда здание комендатуры было разбито, мы перебрались в подвалы 333-го стрелкового полка, а лейтенант Кижеватов с группой пограничников продолжал вести бой из развалин. В подвалах было очень много раненых. Здесь же находился старший лейтенант Потапов, который командовал красноармейцами 333-го полка.

Я плохо разбираюсь в военных делах, и мне было непонятно, почему Кижеватов с группой бойцов сопротивлялся из руин комендатуры и заставы. Когда он с бойцами принес к нам в подвал раненого пограничника Туманова¹, я сказала ему, что ведь из подвала полка, который находится рядом, безопаснее и лучше вести огонь.

— Нет, нельзя нам уходить, — ответил Кижеватов. — Немцы сейчас же воспользуются этим и передадут, что пограничники уничтожены, а комендатура и застава заняты.

И все же им пришлось уйти. Они сделали это тогда, когда не осталось ни малейшего укрытия. Артиллерийским огнем немцы сравняли с землей здание комендатуры и заставы. Пограничники перебрались к нам.

¹ Сержант В. В. Туманов — инструктор службы собаководства 3-й резервной заставы 3-й пограничной комендатуры. Погиб.

Кижеватов и Потапов организовали оборону подвалов 333-го полка. К нам очень близко подползали немцы и что-то кричали. Помню, я услышала в ответ на предложение врага о сдаче слова, сказанные бойцом-узбеком: «Моя коммунист, моя ни с места». И вслед за этим раздалась пулеметная очередь.

Число раненых все увеличивалось. Их приносил санитар. Кто-то предложил вывесить полотнище с красным крестом. Мы оборвали околышки от пехотной фуражки, скрепили их булавками на простыни и выбросили в окно. Сначала было тихо. Мы думали, что эту часть подвалов не будут больше обстреливать, ведь здесь раненые, но скоро по красному кресту стали бить снарядами, да так, что не стало видно ни окон, ни дверей. В первые минуты слышались только стоны раненых и крики детей. Потом в подвале наступила мертвая тишина. Казалось, что все умерли. А по кресту все били и били...

Встретив упорное сопротивление советских воинов, немцы послали к нам в подвал 14-летнюю девочку Валю Зенкину. Она передала защитникам крепости ультиматум немцев: прекратить огонь и сдаться в плен. В противном случае гитлеровцы обещали сравнять нас с землей.

На этот ультиматум пограничники и бойцы 333-го полка ответили сильнейшим огнем, а Валя Зенкина осталась с нами. Оборонявшимся нечего было есть, не было воды, медикаментов, перевязочного материала. На глазах умирали раненые, а помочь мы им не могли. Все, кто способен был держать оружие в руках, дрались с врагом. Но хуже всего было то, что кончались боеприпасы. Разыскивая их среди развалин, группа бойцов вместе с 14-летним воспитанником муззвезда 333-го стрелкового полка Петей Клыпа в разрушенном магазине нашли конфеты.

Положение защитников крепости становилось все тяжелее. Женщины и дети уже дважды пытались выйти из крепости, но всякий раз возвращались назад. В первый раз нас заметил вражеский

летчик и обстрелял из пулемета. Вторично, выйдя из подвала, мы наткнулись на немцев.

Видя безвыходность положения, лейтенант Кижеватов приказал женщинам с детьми снова выйти и сдаться в плен. Он попрощался со своей матерью, женой и тремя детьми.

— За меня не беспокойтесь,— сказал он,— в плен не попаду. В тяжелую минуту не забуду оставить себе пулю.

— Постарайтесь выйти из окружения и прикнуться к нашим частям,— просила жена.

— Это я сделаю, если в крепости не останется ни одного воина. А пока буду бороться до конца,— сказал он и просил любой ценой связаться с погранотрядом и передать, что бойцы сражаются и ждут подкрепления.

С тяжелым сердцем уходили мы, забрав с собой тяжелораненых. Немцы взяли нас под охрану, посадили в лодки и перевезли через Буг. Они сразу же отделили раненых мужчин и увели их, а потом посадили женщин и детей на землю и, прикрываясь ими, стреляли по крепости.

Через некоторое время после ухода из крепости мы попали в деревню Волянка, где располагалась одна наша застава. Крестьяне рассказали нам о последних днях ее защитников. Немцы окружили заставу и хотели взять в плен всех оставшихся в живых пограничников. До последнего момента они отбивались, а потом перешли в сарай и продолжали стрелять. Немцы подожгли сарай, полагая, что бойцы выйдут. Но никто не вышел, все сгорело в огне.

ОФ МГОВК, оп. 333, д. 28, лл. 13—22.

САЧКОВСКАЯ ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА, дочь старшины музыкантского взвода 33-го инженерного полка **И. В. Зенкина**.

Во время обороны находилась у Тереспольских ворот Цитадели крепости. В конце июня вместе с женщинами и детьми по решению командования была отправлена из крепости.

В настоящее время **В. И. Сачковская** живет и работает в г. Могилеве. Награждена орденом Красной Звезды.

Накануне войны я окончила седьмой класс 15 средней школы города Бреста. Вместе со мной учились воспитанники 333-го полка Петя Клыпа, Коля Новиков и Петя Васильев, а также дети многих командиров, которые служили и жили в Брестской крепости. Квартира наша находилась в Тереспольской башне. Нашими соседями были Нагановы, Мулины, Поповы, Маковы — всего восемь семей.

Мы с Нюрой Кижеватовой были одноклассники. Часто влезали на верхний этаж башни и оттуда любовались панорамой старинной крепости: ее обводными каналами, сооружениями, островами, Бугом. Бывали и у пограничников. Особенно нравилась нам их художественная самодеятельность. Лучшими артистами нам тогда казались пограничники Шугаев и Шаргалин¹.

На границе были частые тревоги. Помню, в последнюю предвоенную пятницу от железнодорожного моста прорвался в нейтральные воды немецкий катер и взял направление к Тереспольской башне. И только после того, как заметил, что к нему направился наш, он повернул назад.

В субботу вечером в клубе пограничники давали концерт. После концерта вернулась домой и долго

¹ Рядовые А. И. Шугаев и А. П. Шаргалин — стрелки комендантского отделения 3-й пограничной комендатуры. А. П. Шаргалин живет в г. Ленинграде.

читала очерки об освобождении Советской Армией Западной Белоруссии. Когда легла спать, мне приснился сон, будто бы началась страшная гроза. У нас было раскрыто окно, которое выходило в крепость. Проснувшись, я бросилась закрывать его, а мама — трубу в печи. Над башней были два водонапорных бака, их пробило снарядами, вода лилась с потолка по лестнице и начала затапливать нашу квартиру. Мы не понимали, в чем тут дело. Угадывая мои мысли, отец скороговоркой сказал: «Это война, дочка. Оденьтесь, сойдите вниз, сюда летят осколки. А мне надо идти в полк». Потом остановился на пороге, хотел что-то сказать, но уходившие мужчины уже собрались. Он только молча погладил меня по голове. Так навсегда я рассталась со своим отцом.

Все восемь семей, проживавшие в башне, начали искать пристанища, блуждая по лестнице, а затем спустились вниз. Из башни вел узенький коридорчик в электростанцию. Мы побежали и спрятались в помещении, где были сложены дрова. Через сорванную взрывом дверь мы хорошо видели, что делалось на улице: застава горела, бежали немцы с пулеметами. Одни из них бросились к костелу, а другие — к помещению пограничной заставы. Но со двора комендатуры через дым и огонь летели в них гранаты.

К 12 часам дня немцы два раза делали попытку прорваться через мост в расположение 333-го полка, но наши отбили эти атаки. Во второй половине дня фашисты снова начали вести артиллерийский и минометный обстрел крепости. За гулом, грохотом и дымом мы не слышали и не видели, как они ворвались в помещение электростанции и стали перед собой бросать гранаты с криками: «Рус, сдавайся!»

Одна граната взорвалась рядом с нами. Закричали дети, женщины. Нас выгнали на берег Мухавца. Тут же лежали раненые красноармейцы. Над ними с автоматами на изготовку стояли фашисты.

Из окон между Холмскими воротами и Тереспольской башней бойцы открыли огонь по фашис-

там, которые нас охраняли, а затем, разобравшись, что тут есть женщины и дети, замолчали.

— Стреляйте, чего стали? Фашисты все равно нас прикончат! Стреляйте! — приподнявшись, крикнул один из наших раненых.

Мы были как заложники. Если группа немцев пойдет в крепость и оттуда не вернется, так фашисты ставят кого попало к стенке по 10—15 человек и расстреливают.

На моих глазах начали бить сапогами одного нашего раненого черноволосого бойца и кричать на него, что он еврей. Мне стало очень жаль этого человека, я вцепилась в фашиста и начала его оттаскивать.

— Это грузин, это грузин, — в одно слово повторяла я. Меня позвал офицер и на ломаном русском языке приказал идти в крепость и передать нашему командованию, чтобы гарнизон сдался в плен.

Я хотела, чтобы со мной пошла мама, но ее не пустили.

— Мать останется здесь. Ты должна вернуться сюда и передать нам ответ советского командования.

Меня повел солдат в помещение электростанции и вытолкнул через дверь во двор Цитадели. Я шла, опустив голову, вспоминая кадры из знакомых кинофильмов, где показывалось: когда враги хотели избавиться от человека, ему говорили «иди», а затем пускали в спину пулю. Сначала ждала этого и я, но затем осмотрелась. Крепость горела, кругом было тихо, вся площадь усеяна убитыми. Мне стало страшно. Вдруг из костела заговорил пулемет. «Есть еще живые», — повеселела я и бросилась бежать навстречу выстрелам. Следующая пулеметная очередь просвистела над самым ухом. Я пригнулась и сразу поняла, что наши так шутить не будут. Там враги. Тогда я повернула к зданию погранкомендатуры. От него остались одни развалины. Затем слышу выстрел из подвала 333-го полка и крики: «Валля! Ползи! Ползи сюда!» И я побежала к окну подвала. Кто-то подхватил меня на руки, поставил на пол. Здесь уже можно было видеть наше и немец-

кое оружие. Бойцы были в касках, большей частью в немецких. Кижеватова я привыкла видеть в форме пограничных войск, а теперь он был в пехотной.

Все на меня смотрели молча, удивленно. Мне показалось, что они меня считают изменницей и расстреляют. Я чувствовала себя виноватой перед ними за то, что побывала в плену.

— Почему ты разгуливаешь одна по крепости, где родители? — обратился ко мне Потапов. Странно прозвучал этот вопрос. Я рассказала обо всем. Он меня привел в другой отсек подвала. Там кто-то возле коптилки на газете вел счет наших раненых и убитых. Меня посадили в углу. Расспросили, сколько возле Мухавца врагов, какое у них вооружение, а затем Потапов сказал мне:

— Что видела у нас и слышала, забудь. Фашисты не должны об этом знать. Им от нас передай только одно: мы в плен не сдаемся. Они наверно забывают, что мы советские воины.

— Я не вернусь туда. Там, может, в живых уже никого нет, — заплакала я и начала рассказывать, как фашисты расстреливают наших людей. Потапов внимательно выслушал и сказал:

— Если так, то мы не можем тебе приказать... Решай сама.

И я осталась в крепости. Меня отправили в подвал, где в одном углу находились женщины и дети, а в другом — раненые. Вместе с другими женщинами я помогала перевязывать раненых. Помню пограничника Туманова, который был ранен в голову и плечо и просил, чтобы ему все время прикладывали что-нибудь холодное ко лбу. Я прикладывала платочек к стене, а потом к голове. В этом же подвале радист старался настроить радиоприемник. Вечером удалось поймать сообщение правительства о нападении Германии. Прослушать полностью не удалось, но понятно было все. Это сообщение передавалось из уст в уста.

Вечером наши освободили вышку, электростанцию. Приезжал на броневике комиссар. У него была забинтована голова. Потапов с бойцами про-

рвался даже на остров, но вернулся назад. В этот вечер Клыпа, Бугаков¹ и другие ходили искать медикаменты. Принесли шоколадных конфет и рулон мануфактуры.

— Вот если бы иголки и нитки сюда, то хоть какую-нибудь одежду можно было бы сделать,— говорили женщины, многие из которых остались только в белье.

— Я вас научу, как без иголки и нитки фасонное платье сшить,— отозвался Петя Клыпа. И тут же он начал демонстрировать перед присутствующими свои способности в портняжном деле. Оторвав метра два мануфактуры, сделал в ней середине дырку и набросил себе на голову, а другим куском подпоясался. Над выдумкой Пети Клыпы от души посмеялись даже тяжелораненные. Через несколько минут новый фасон платья можно было видеть на многих женщинах.

Петя Клыпа и в тяжелые минуты всегда оставался веселым. Однажды возле амбразуры с винтовкой в руках задремал усталый боец. Петя отстегнул у него флягу, где находилась еще капля воды, которая была для нас большой ценностью. Это заметил командир.

— Разве можно так поступать? — спросил у него лейтенант.

— А разве можно на посту спать? — ответил Петя и протянул бойцу флягу.— Бери и не спи больше, в другой раз не помилюю.

Вторая группа бойцов принесла мины без минометов, автоматы без дисков, гранаты без запалов, но среди всего этого было и самое необходимое — патроны.

От Тереспольских ворот прибежал весь обгоревший и раненый боец. Он рассказал, что фашисты

¹ Младший сержант И. А. Бугаков после прорыва 29 июня сражался в партизанском отряде им. Чернака Брестского соединения, затем в рядах Советской Армии. Ныне живет и работает в Екатеринославском районе, Саратовской области. Награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Славы и тремя медалями.

ночью забросали их подвал гранатами и кричали, чтобы наши сдавались в плен. Но бойцы продолжали вести огонь. Тогда фашисты залили подвал горючим и подожгли. Все там погибли.

Кижеватов всегда ходил с санитарной сумкой. Многие бойцы приходили к нему на перевязку. Кижеватов хотел перевязать и этого бойца, но тот отказался.

— Дайте мне лучше патронов,— едва слышно сказал он и, зарядив винтовку, ушел в том направлении, откуда пришел.

Где-то на острове немцы установили агитмашину. Они передавали наши песни: «Катюшу», «Широка страна моя родная» и вели агитацию, чтобы крепость сдалась без боя.

Положение с каждым днем становилось все тяжелее. Не было воды. Слизывали капли влаги с холодных стен подвала. От раненых и детей мы не слышали ничего другого, кроме слов: «пить... пить... пить...». Не было медикаментов, рвали уже свои «фасонные» платья, чтобы было хоть чем-нибудь перевязывать раненых.

На третий день решили отправить в плен всех детей и женщин. Но когда вышли из ворот, неприятель открыл огонь. Было убито несколько человек. Пришлось вернуться назад.

Раненых перенесли в другой подвал. Туда отправили и нас. Кто-то предложил вывесить над этим подвалом флаг с красным крестом: может, сюда стрелять не будут. А когда вывесили, то все оказалось наоборот: по нашему зданию начали вести ураганный артиллерийский огонь. Один отсек подвала, где были раненые, совсем завалило. Дети кричали: «Мамочка, погибаю».

Когда немного утихло, к нам пришел Кижеватов.

— Знаете, бабоньки, что? Нечем вас кормить, надо вам опять в плен собираться... Может, кто-нибудь из вас и останется в живых... Да вы не забывайте, что у вас дети...

— А вы как? — спросили женщины.

— Наше дело известное,— ответил он,— мы воины.

Однако вывести нас из крепости в этот вечер не пришлось — начался бой.

Утром было тихо. Нам дали белый флаг, собрали детей. Молча распрощались, заплакали. И мы пошли...

— Напишите в Могилев... Я из Курска... Может, зайдете. Передайте родителям.— Доносилось нам вслед. Это были слова раненых.

Воспитанники полка с нами не пошли. Они заявили: «Мы тоже бойцы».

На острове фашисты использовали нас как заслон, чтобы из-за наших спинок стрелять по крепости. В этот день был налет нашей авиации (28 самолетов). Два самолета сбросили листовки.

Спустя 3—4 дня из-за Буга нас перевезли в Южный городок. Из крепости доносились выстрелы. Наши держались!..

Месяца через полтора немцы разрешили нам сходить в крепость собрать вещи в квартире. Там мы ничего не нашли, но зато прочитали надписи, оставленные бойцами на стенах.

Воспитанник Коля Новиков обнаружил в церкви останки Пети Васильева¹.

Через час наше время истекло, мы покинули крепость, унося в памяти своей образы дорогих героев, обновленные посещением крепости.

ОФ МГОБК, оп. 333, д. 55, лл. 19—25.

¹ Как рассказывает старшина запаса М. И. Игнатюк, семнадцатилетний воспитанник музыкантского взвода П. Васильев погиб у пулемета во время боя в здании церкви 27 июня 1941 года. М. И. Игнатюк ныне проживает в г. Бресте. Песнионер. Награжден медалью «За отвагу».

КОТЕЛЬНИКОВ ПЕТР ПАВЛОВИЧ, воспитанник музыкантского взвода 44-го стрелкового полка.

Будучи 12-летним мальчиком, посильно участвовал в обороне Цитадели в районе Тереспольских ворот. С группой женщин и детей попал в плен. Вместе с Петей Клыпой и другими воспитанниками музыкантских взводов выбрался из брестской тюрьмы.

После освобождения Бреста советскими войсками окончил школу ФЗО. В 1950 году призван в ряды Советской Армии.

В настоящее время старший лейтенант П. П. Котельников служит в одной из частей Советской Армии. Член КПСС.

Вместе со взрослыми

Все то, о чем я расскажу в своих воспоминаниях, излагаю так, как запечатлела моя память в те далекие годы. Я очень хорошо запомнил поведение Пети Клыпы во время боев. Он был для меня образцом мужества и находчивости, достойным подражания. О нем, пленившем мое детское воображение, больше всего и хочется рассказать.

В 1940 году в числе других воспитанников детского дома им. Красного Октября, что располагался в станице Константиновке, Каменской области, я прибыл в музыкантский взвод 44-го стрелкового полка. Мне было тогда 12 лет. Вместе с Володей Измайловым и Володей Казминым я ходил в школу.

Война застигла нас в Брестской крепости. Первые же взрывы сброшенных бомб и снарядов разбудили музыкантов. Кто-то крикнул: «Тревога!» Наспех одевшись и разобрав оружие, бойцы по лестнице побежали вниз, к выходу. Вместе с ними побежал и я.

Уже пылало здание 333-го стрелкового полка. Наша казарма тоже горела, находиться в ней стало невозможно, мы выскочили во двор. С группой бойцов я побежал вдоль стены. Внезапно сильный удар камнем в голову сшиб меня с ног, но я быстро поднялся и побежал дальше в ту часть казармы, где раньше размещались лошади. Там находилось не-

сколько человек с оружием в руках и четверо пожилых мужчин, одетых не по-военному. Они пробились проход в кирпичной стене в смежную казарму. Позже я узнал, что эти пожилые люди были местными жителями, призванными на кратковременные сборы.

Когда утихли взрывы, в крепости появились немецкие солдаты. В тот же миг из нашей казармы и из других укреплений бойцы открыли огонь по врагу. Немцы укрылись в развалинах. Завязалась перестрелка. В казарме, где мы находились, возник пожар. Горели постели, дощатые нары. Помещение наполнилось дымом, стало трудно дышать. С одним из бойцов мы разыскали противогазы, одели их сами и предложили другим.

Огонь усиливался, жара становилась невыносимой. Решили пробраться к Центральным воротам. Немцы непрерывно стреляли, и в живых нас осталось только двое — я и еще один боец, потому что бежать пришлось под непрерывным огнем. Мы попали в какой-то вещевой склад, где на полках лежало военное обмундирование. Боец нашел хлеб, колбасу. Мы перекусили. Он очень беспокоился обо мне, неоднократно предупреждал, чтобы я не отставал и никуда от него не отходил. «Мы будем здесь, пока не подойдут свои, а если не дождемся их, то попробуем вместе пробиваться», — сказал он. Помню, что этот боец был из нашего полка, командовал каким-то подразделением и хорошо знал нас, воспитанников.

Вскоре возобновился артиллерийский и пулеметный обстрел. Очевидно, враг стрелял зажигательными пулями, так как загорелись тюки с обмундированием. Красноармеец взобрался на полку и сбросил несколько горевших тюков на пол, но рядом воспламенялись другие. Я побежал за огнетушителем, но никак не мог снять его: слишком высоко он висел. Наконец, после долгих усилий мне удалось оборвать всю доску вместе с огнетушителем. Когда я вернулся, боец держал в руках другой огнетушитель и направлял струю кипящей жидкости на огонь. Пожар не унимался, горели даже стеллажи. На складе ста-

ло жарко. Пламя жгло лицо и руки. Пришлось покинуть горящий склад и перейти в другие помещения, ближе к Центральным воротам.

В одном из подвалов мы наткнулись на группу бойцов, и вечером, когда стемнело, все направились в подвалы 333-го полка, где к этому времени хорошо была организована оборона. Вот там-то утром следующего дня я встретился и ближе познакомился с Петей Клыпой и Колей Новиковым. До этого мы виделись только несколько раз в городке, но близко друг друга не знали. Одет Петя был в свою военную форму, на боку у ремня висел пистолет. Первое, о чем он меня спросил, боюсь ли я этих немцев и умею ли я стрелять из винтовки. Он водил меня по подвалу, знакомил с обстановкой. Потом мы подошли к окну, засыпанному кирпичами и землей, за которыми виднелись валявшиеся трупы фашистов. И Петя подробно рассказал, как они их били. Проворный, никогда не унывающий, смелый, Клыпа часто покидал подвал, куда-то исчезал и каждый раз приносил ценные сведения. Вернувшись, он всегда докладывал по-военному, приложив руку к головному убору. Его подтянутость нередко ставили в пример взрослым бойцам, но он никогда не гордился этим перед нами. Когда Петя обнаружил склад с боеприпасами, мы все доставляли патроны и гранаты к амбразурам, откуда вели огонь по фашистам. Храбростью своей и бесстрашием Петя завоевал доверие нашей пятерки¹ и молчаливо был признан нашим вожаком и старшим товарищем. Позже, находясь уже в брестской тюрьме, где фашисты морили пленных голодом, пытаясь окончательно сломить волю советских людей, он также проявил немало инициативы и находчивости.

Выйдя на свободу, Петя разыскал на южной окраине города Бреста склад с боеприпасами и тут же предложил его немедленно взорвать. Но осуществ-

¹ Автор имеет в виду пятерых мальчишек, воспитанников 333-го и 44-го стрелковых полков, принявших участие в германской обороне крепости: Петю Васильева, Колю Новикова, Володю Измайлова, Петю Клыпу и самого себя.

вить этот план нам не удалось, так как участились облавы, и мы, покинув город, стали пробираться к своим. Находясь в тылу у гитлеровцев, он никогда не унывал, не давал унывать и нам, постоянно напевал свою любимую песенку, слова которой я услышал тогда впервые от него: «По морям, по океанам красный вымпел над волной, не ходить врагам незванным по берегам земли родной». Он верил в будущую победу, не сомневался в ней, смело говорил местному населению, что Советская Армия опять вернется сюда.

Через некоторое время в этом же подвале я встретился с Володей Измайловым. Володя так же, как и все мы, выполнял поручения старших.

По решению руководства нашего участка примерно 30 июня защитники стали прорываться через кольцо врагов. Вместе с группой бойцов я, Володя Измайлов, баритонист Никитин (он был из нашего взвода) попытались пробиться к Центральным воротам. Шла ожесточенная бомбежка, кругом все горело. Наша группа забежала в какой-то вещевой склад, где находилось гражданское имущество бойцов. Одного из командиров нашей группы ранило в голову; там же в складе ему сделали перевязку. Внезапно где-то рядом с нами разорвалась бомба. На нас посыпались кирпичи. Несколько человек погибло под этими обломками.

Мы побежали дальше. У ворот стояла пушка, ствол которой был направлен в сторону моста. Около нее валялись разбросанные гильзы, лежало много убитых бойцов и командиров. Нельзя было пройти, не наступив на труп человека. Ползком пробрались через туннель ворот. С противоположной стороны реки стреляли фашисты.

Выбравшись из ворот, мы побежали к берегу. Левее нас группа бойцов переправлялась через реку, но переплыть Мухавец удалось немногим. С противоположного берега враг непрерывно стрелял, поливая ряды наших бойцов пулеметным огнем. Мы не знали, сумеем переплыть или нет. Никитин с оружием в руках бросился в воду. Я с Володей

Измайловым — за ним. Немцы стреляли непрерывно, пули около нас вспенивали воду. Достигнув середины реки, я почувствовал усталость. В рукава гимнастерки и в брюки набиралась вода, плыть было тяжело, но я напрягал все силы, чтобы не отстать от товарищей. Быстрое течение отнесло нас далеко в сторону.

Наконец достигли берега, где валялось несколько убитых вражеских солдат, одетых в мундиры. Недалеко располагалось укрепление, оттуда доносились выстрелы. Мы во главе с Никитиным поползли туда. Это было укрытие, в середине выложенное кирпичами, а сверху засыпанное большим слоем земли. Там оказалось много женщин с детьми. Бойцы и раненые стреляли по немцам и не подпускали их. В этом убежище я с Володей обнаружил склад, где лежало много консервов, сыра, брынзы и других продуктов. Подкрепившись сами, мы набрали еды с собой и отнесли женщинам. Потом еще несколько раз приходили сюда за продуктами.

Так провели ночь. Фашисты непрерывно бомбили крепость. От взрывов бомб толстые стены убежища качались во все стороны. Дети плакали. Утром бойцы предложили женщинам с детьми выходить наверх и идти в город. Вместе с ними отправили и нас с Володей.

Однако в город мы не прошли. Всех женщин и детей немцы собрали в одно место и увели из крепости. А нас с Володей отобрали в группу раненых пленных бойцов и погнали за Буг, в лагерь.

По дороге мы встретились с Петей Клыпой, который рассказал нам историю, происшедшую с ним за это время. Один немецкий офицер стал фотографировать пленных бойцов. Петя поднял вверх сжатую в кулак руку и пригрозил ему. Гитлеровцы избили его до полусмерти. Он без сознания лежал в канаве. Когда мимо проходила очередная колонна пленных, конвоир хотел пристрелить его. Тогда какой-то капитан медицинской службы выбежал вперед и упросил, чтобы тот не стрелял и оставил мальчика в живых.

Шли целый день. К вечеру достигли населенного пункта Бяла-Подляска. Недалеко от него располагался лагерь военнопленных. Это был большой участок площади, огороженный высоким забором из колючей проволоки в несколько рядов. В лагере мы пробыли 10—12 дней. Я, Петя Клыпа, Володя Измайлов, Коля Новиков и Володя Казьмин жили вместе. Надеюсь на то, что нас выпустят, потому что каждому из нас было 12—14 лет, мы обратились к гитлеровскому офицеру, чтобы он выслушал нашу просьбу и помог выйти из этого лагеря смерти. Вместо ответа Петя получил от гитлеровца сильную пощечину, а мы — несколько ударов прикладами в спину. Ждать помилования со стороны озверелых фашистов было нечего. Из лагеря никого не выпускали. Пленные десятками ежедневно умирали от голода и болезней.

Однажды утром немцы стали куда-то отправлять большую группу пленных. Первым узнал об этом Петя Клыпа и сообщил нам. Куда погонят эту группу — мы не знали, но решили пойти с ней из лагеря, а там убежать. Однако бежать не удалось, так как усилили охрану. Мы очутились в брестской тюрьме.

Истощенные, мы четверо суток сидели без еды, испытывая настоящий голод. Старшие предупреждали нас, что надо меньше пить воды, тогда больше продержимся. Наши лица стали пухнуть, кружилась голова. Хуже всех чувствовал себя Коля Новиков, но мы везде и всегда старались быть вместе и не оставляли его одного. Мало кому удалось выйти из этого страшного места. Около трехсот человек фашисты заморили, а подозрительных и неповиновавшихся расстреливали.

Однажды во дворе тюрьмы появился какой-то новый немецкий офицер. Мы все пятеро подошли к нему. Петя Клыпа, умевший немного говорить по-немецки, объяснил ему, что мы — из ближайшей деревни и попали сюда за то, что дали хлеба пленным. Немец выслушал, поверил и повел нас к выходу. Через несколько минут мы были на свободе.

Несколько дней пробыли в Бресте. Петя Клыпа и тут проявил себя. Он разузнал, что на южной окраине Бреста находится немецкий склад с боеприпасами и предложил его взорвать. Но этот замысел не удалось осуществить, так как участились облавы и мы вынуждены были уйти из города.

ОФ МГОВК, оп. 44, д. 28, лл. 1—5.

КОНОВАЛОВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ, рядовой, радиотелеграфист роты связи 333-го стрелкового полка.

Сражался у Тереспольских ворот Цитадели. 29 июня попал в плен.

Находился в лагерях военнопленных недалеко от Мюнхена (Германия).

Освобожден 1 мая 1945 года.

В настоящее время К. И. Коновалов работает в троллейбусном парке г. Ростов-на-Дону.

Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Никогда не забыть

Мне никогда не забыть недели обороны, проведенной в Брестской крепости. Как сейчас помню, проснулся я от бомбежки и разрывов снарядов, суеты бойцов и окрика дежурного по роте младшего сержанта Румянцева «Тревога!» (его тут же убило осколком снаряда). Мне стало не по себе. Начал искать около своей койки сапоги и в суматохе надел два правых. Послышались стоны. Я старался найти у пирамиды свой номер винтовки, но не мог. Тогда схватил первую попавшуюся и побежал к шкафу, где стояла моя радиостанция. С прямо-передатчиком и упаковкой питания спустился по разрушенной лестнице на первый этаж.

Все мы спустились в подвал. Там уже находились раненные бойцы, пограничники, а также жены командиров с детьми и старики. Наше раздумье было прервано окриком младшего командира: «Берите противогазы и патроны». Их выдавали в одном из отсеков подвала. Там я услышал, что командовать стал дежурный по полку лейтенант¹. Получив патроны, мы заняли места у амбразуры.

После артиллерийской подготовки и бомбежки настало небольшое затишье. Утро было солнечное,

¹ Дежурным по 333-му стрелковому полку с 21 на 22 июня 1941 года был старший лейтенант А. Е. Потапов. Помощником дежурного по полку был командир 1-го взвода полковой школы лейтенант А. Ф. Наганов.

ясное. Слышу, зовут радистов, и я пошел в отсек, где, видимо, расположился штаб обороны участка. Здесь встретил лейтенанта и несколько младших командиров разных подразделений. Когда я вошел, лейтенант говорит: «Рация исправна?» Я ответил: «Исправна». — «Ну, слушай, — продолжал он, — не вызывают ли нас».

Снова подошел ко мне лейтенант и приказал: «Попробуй вызвать 125-й полк». Только я перевел ручку диапазона на передачу и дал три раза позывные 125-го полка, как в нашем здании разорвался снаряд.

— Пеленгуют, сволочи, — с возмущением произнес лейтенант и сказал мне, — не вызывай, только слушай.

Часов в 10—11 утра притащили убитого фашиста, у которого нашли фотокарточки Гитлера и его сообщников, спирт, концентраты. Над крепостью непрерывно кружили самолеты фашистов.

Рано утром 23 июня немцы стали агитировать нас сдаваться в плен. На русском языке они заявляли, что сопротивление бессмысленно, что германские войска уже далеко впереди и т. д. Кто-то из наших начал стрелять по репродуктору, и он замолчал. Вновь бомбежка. К нам в подвал прибежал раненый и сообщил, что гитлеровцы ворвались в помещение у Тереспольских ворот. Значит, они совсем рядом. Тогда младший командир артиллерист пополз из подвала во двор к пушкам. Немцы заметили это и стали по нему стрелять. Но артиллерист все же дополз до пушек. Не обращая внимания на свистевшие пули, он тщательно обследовал одну за другой, приполз к нам обратно и сообщил: «На пушках нет артиллерийских приборов, но, главное, надо достать снаряды, я их и без приборов выбью». Тут один из бойцов вспомнил, что с другой стороны здания он видел снаряды. Вместе с артиллеристом они поползли туда и скоро вернулись, таща за собой снаряды. Младший командир опять пополз к пушкам. Спустя некоторое время мы услышали его крик «Бей гадов!» и выстрел. Он бил по водонапорной башне в упор, на

расстоянии 100—150 метров. Оттуда доносился шум, стоны, вопли. Немцы выскакивали и, отстреливаясь, перебегали в костел. У нас поднялось настроение, мы восхищались мужеством и находчивостью младшего командира.

Все сильнее становилась жажда. Раненые и дети просили есть. Решили поискать пропитание в ларьке, который находился с другой стороны здания. Мы поползли из подвала туда. Передо мной открылось ужасное зрелище: во дворе валялись трупы убитых, железо, кирпич, догорали автомашины. Воздух был пропитан смрадом и гарью. Трудно было дышать. В ларьке уже суенилось несколько бойцов. Они клали за пазуху папиросы, махорку, хлеб, конфеты. Все это роздали в подвале. Однако жажда продолжала мучить. Тут я вспомнил, что уборная цела, а там в баке должна быть вода. И действительно, бак оказался наполненным. Никогда мне не забыть, какой радостью светились лица детей, бойцов, увидавших воду.

Снова и снова, десятки раз прослушивал я эфир, но позывных по-прежнему не было. Вместе с несколькими бойцами вызвался обследовать второй этаж, нет ли там немцев. С трудом пробрались мы по разрушенной лестнице наверх, так как она была завалена трупами. В одной из комнат услышал крик нашего бойца: «Руки вверх!» Мы вбежали туда и видим: на койке под матрацем спрятались два фашиста. Обезоружив, повели их с поднятыми руками в штаб к лейтенанту. Нашелся боец, который немного знал немецкий язык и начал переводить то, что они говорили. Фашисты просили их не убивать, говорили, что «Гитлер капут». На вопрос лейтенанта — «почему пошли воевать», они ответили — «погна!».

А к вечеру опять началась бомбежка...

ОФ МГОВК, оп. 333, д. 29, лл. 5—8.

БОБРЕНОК СЕРГЕЙ ТИХОНОВИЧ, младший сержант 3-й комендатуры 17-го Краснознаменного пограничного отряда.

Сражался у Тереспольских ворот Цитадели. Попал в плен. С 1941 по 1945 год находился в лагерях военнопленных в Польше, Восточной Пруссии, Норвегии.

В настоящее время С. Т. Бобренко — артист Львовского драматического театра им. Заньковецкой. Награжден орденом Славы III степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Автор книг «Под стенами Бреста», «Слово о товарищах».

Они были первыми

21 июня 1941 года последний предвоенный вечер... В ярко освещенной ленинской комнате пограничной комендатуры, расположенной в самом центре Цитадели Брестской крепости, необычно шумно: участники художественной самодеятельности готовятся к завтрашнему выступлению.

— Младший сержант Бобренко, к начальнику комендатуры!

В кабинете начальника штаба комендатуры старшего лейтенанта Перова сидят заместитель по политчасти младший политрук Жуков и незнакомый мне старший лейтенант-пехотинец. Перов стоит у раскрытого окна.

И вдруг, резко повернувшись к сидящим за столом, горячо, как-то неожиданно зло добавляет: «И в такое тревожное время выводят части в лагерь, забирают оружие на обмен... А война — вот она — притаилась за окном».

Очевидно, между ними продолжается разговор, прерванный моим приходом.

— Младший сержант ждет, — тихо напоминает Жуков.

— Да, да... — Перов отрывается от окна, подходит ко мне.

— Отправитесь в распоряжение начальника 9-й заставы. Там заболел сержант — вместо него пойдете в наряд на границу. Быть на заставе в 22.00.

Посмотрел на часы, уточнил:

— Через пять минут.

Ровно в 22.00 вхожу к начальнику 9-й заставы. Лейтенант Кижеватов встречает мой рапорт коротким «добро», встает из-за стола, расправляет гимнастерку, подтягивает ремень, встряхивается до хруста в суставах, удивленно говорит:

— Никак соснул маленько?

Глаза у него воспаленные. Всем известно, что он вот уже который день не ночует дома, а квартира его в одном здании с заставой.

— В 23.00 пойдете с сержантом Деминым на границу. Ели? Добавьте немного, в дороге пригодится.

Получил оружие и патроны у дежурного по заставе. И вот мы с Деминым уже стоим перед Кижеватовым.

— Вы идете охранять и оборонять линию государственной границы Союза Советских Социалистических Республик.

Есть в этих привычных для пограничника словах какая-то торжественная и мобилизующая сила возложенной на тебя ответственности.

Заряжаем винтовки. Демин — он идет старшим наряда — жадно и поспешно затягивается сигаркой, передает ее мне.

Проходим Тереспольские ворота, по деревянному мосту идем над излучиной Буга — в ее глянцево-черноватой воде отражаются огни из окон массивного красного здания внешнего кольца Цитадели, — вступаем на Западный остров и сходим с дороги на обочину. Последняя затяжка, и сигарка летит на землю, притаптывается сапогом: дальше курить нельзя. Еще сотня метров — и Демин, идущий впереди, исчезает в зарослях кустарника. Дозорная тропа.

В это время на дороге появляются один за другим двое пограничников: возвращается наряд с ле-

вого фланга заставы. Условным щелканьем прицельной планки винтовки останавливают Демина. Сходимся четверо под густым кустарником. Короткий разговор.

В восемь сорок пять на Варшавском шоссе к самой линии пограничных столбов вышла группа немецких офицеров. Среди них 2 генерала. Двадцать восемь минут рассматривали в бинокль Западный остров, о чем-то совещаясь, что-то записывая. Наш наряд позвонил на заставу, и вскоре туда прибыл Кижеватов.

Так, разделенные узкой полоской вод Буга, встретились невидимые врагу трое советских пограничников и откровенно рассматривающие крепость немецкие офицеры. Что это? Очередная инспекция или последнее уточнение будущих переправ и боев?

Уже больше часа мы идем по дозорной тропе вдоль линии границы. Невидимые в ночи, нас встречают и провожают пограничные наряды правого фланга 9-й заставы. Пароль, отзыв, короткий разговор вполголоса. Ничего особенного, кроме необычной, даже для границы, тишины. Эта тишина настойчива и волнует.

Невдалеке от сереющих контуров недостроенного дота мы останавливаемся. Дальше начинается участок левого фланга соседней заставы. Демин подходит к стволу огромной сосны, вытаскивает из-за пояса телефонные наушники...

— Дошли до стыка, идем на заставу... Тихо, товарищ лейтенант... (значит, к телефону подошел не дежурный, а лейтенант. И эту ночь не спит начальник заставы). Не слышно собачьего лая... Наряды тоже не слышны... Есть, усилить наблюдение.

Сержант, закончив рапорт, молча идет в обратный путь.

— Как ты думаешь,— вдруг обращается ко мне Демин,— почему начальник собачками интересуется?

Мы оба не находим подходящего ответа, хотя отсутствие собачьего лая с той стороны удивляет

и нас: немецкие сторожевые собаки всегда отличались своим умением поднимать ночные концерты без всякого повода. Вдруг залает одна, ей отвечает другая, третья. И долго в ночи, бывало, идет эта собачья переключка.

Усилить наблюдение... Я перебираю в памяти события последних дней...

По дороге от Тереспоя к границе ползут немецкие танковые колонны. Вадымая облака пыли, маршируют пехотные части. Тягачи подтягивают тяжелые орудия. С наблюдательных вышек, установленных вдоль нашей границы, пограничники хорошо видят, как день за днем немецкие дивизии растворяются в лесах над самым Бугом, расквартировываются в пограничных селениях. Тревожные сообщения из заставы в комендатуру, из комендатуры в отряд, из отряда в округ. Оттуда, в обратном порядке, идет приказ: «Усилить наблюдение».

День и ночь усиленные наряды наблюдают за противоположным берегом. Там, маскируясь заборами из свежесрубленного лозняка, устанавливают тяжелые орудия, расчищают и бетонируют площадки. При дневном свете, ночью — при электрическом непрерывно ведут работы чужие солдаты. Почти в открытую...

Каждый день над крепостью появляется самолет с фашистской свастикой на крыльях. Он неторопливо кружит над нами, подолгу висит над Цитаделью. Избегая провокаций, его не тревожат.

Еще вчера по ту сторону Буга шла лихорадочная работа. По всему берегу против крепости устанавливались крупнокалиберные орудия. В зарослях кустарника появились, рожка, грузовики и тягачи. Сегодня все стихло. Затишье перед бурей.

— Ты откуда родом, младший сержант? — Перебивает мои мысли Демин.

Мы вышли на Западный остров.

— Из Киева...

Отчетливо-ясно вижу притихший, сонный Крепчатик, нашу маленькую улицу — провели ли туда электричество, — спокойно спящих дома сестренку,

маму... Отец, наверное, на дежурстве — железнодорожник. Родные мои! Виноват перед вами — давно не писал. Завтра напишу...

— А я из Ростовской области, — мечтательно говорит Демин. — Старики мои там. Хорошо жить начали... Ну, и невеста, как водится, Варюха... Ты карточки ее не видел? Нет?.. Придем на заставу — покажу... Э, брат... Закурим?

Стоим у моста через Буг, закурили. Помолчали...

— Вот за них воевать будем, — как-то спокойно, будто давно продуманное и решенное, произносит сержант.

Наши шаги по деревянному мосту¹ гулко отдаются в предрассветной тишине. Серееет. От речки веет освежающей прохладой.

— Спит «старушка», — тепло говорит Демин. Старушка — это наша крепость. Я не впервые слышу такое определение. Мне оно кажется любовным и очень метким. Ведь и правда — старушка...

У заставы разряжаем винтовки. Подходит чайной.

— Ну, как там?

— Тишина. Да, тишина, — как бы недоумевая, отвечает Демин. Входим на заставу.

Мы жадно слушаем последние новости: около двух часов ночи Кижеватов разговаривал по телефону с начальником отряда майором Кузнецовым. Лейтенант доложил, что показания перебежчика подтверждаются сообщениями нарядов — пограничные немецкие части отошли от границы, уступив свое место регулярным войскам. (Так вот откуда такой интерес к собачкам у лейтенанта!)

Короткий доклад Демина принимает старшина заставы. Ставим винтовки в пирамиды, укладываем гранаты. Молча. Только здесь, в густом тепле казармы, чувствую, что устал и чертовски хочется спать. Демин уже сидит на краю койки, снимает сапоги.

¹ Автор имеет в виду мост у Тереспольских ворот Цитадели.

— Карточку я тебе покажу, пожалуй, завтра... Уже три часа. Спать!

Кто знал, что в это время, минута в минуту, скрытно по всей линии советской границы были подняты по тревоге фашистские войска.

Вхожу в нашу маленькую комнатку младших командиров. Туманов, собаковод отряда (вторую неделю живет в комендатуре — поближе к границе), в одних трусах сидит на неразобранной койке. Перед ним стоит табурет, на нем бумага, чернила.

— Что не спишь?

— Да так, не спится что-то. Сел писать письмо — не пишется.

Медленно раздеваюсь, аккуратно укладываю одежду — ремень, брюки, гимнастерку, фуражку... Туманов молчит. Разбираю постель, украдкой поглядываю на сержанта. Он, не вставая, дотягивается до брюк, вынимает из кармана папиросы. Зажигает спички. Не закурив, бросает пачку на табурет...

— С час тому назад начальник отряда звонил по прямому проводу в Москву, — ни к кому не обращаясь, тихо говорит Туманов.

— От кого слышал?

— Точно... А ведь это — чрезвычайное происшествие! И в такую ночь... Знать бы, что они, фашистские сволочи, задумали: провокацию или...

Он не произносит этого последнего слова, но оно вошло в нашу комнату, заставило забыть о сне. Война!

Что заставило начальника отряда звонить в Москву?

За два года моей службы на границе много было чрезвычайных происшествий: поимка крупных шпионов и диверсантов, налет банды, вырезанное село, увод пограничника за границу, обстрел наряда... Но никогда не было звонка по прямому проводу в Москву. А сегодня?.. Что случилось сегодня?

Подхожу к Туманову. Опасность всегда хорошо встречать плечом к плечу. На границе дружат крепко, по-солдатски. А сейчас этот коренастый парень мне особенно близок и дорог.

По-мужски, неумело положив друг другу руки на плечи, мы курим одну папиросу, забыв о том, что «Курить в казарме запрещается».

— Из-за этого и был переполох в крепости?

Туманов непонимающе смотрит на меня. Я также тихо объясняю: «Дежурный говорил, что тебя куда-то вызывали».

— Ах, да... Вызывали, в двенадцать часов. Понимаешь — задержали двоих. Форма — красноармейская, пропуска — чин чином, а оказались немцы. Пришлось побегать вокруг крепости...

— Начальник отряда проводит совещание в комендатуре?

— Нет, уехал в отряд. Минут десять побыл.

— Значит, в комендатуре и на заставе знают о звонке в Москву?

— Должны.

Туманов идет к выключателю. Где-то вдалеке чуть слышны глухие удары. Гром?.. От страшного взрыва лопаются стекла. В комнату врываются удушливые клубы дыма, пороховые газы. На койку падает кусок потолка. Бросаюсь к одежде и не могу ее найти. Вместе с Тумановым выскочили в коридор. Обалдело смотрим вверх, вниз. Над нами — небо в огненных разрывах, под нами — груда битого кирпича, пыль. Слышатся крики и стоны заваленных бойцов: прямым попаданием крупнокалиберного снаряда завален угол нашего дома, от крыши до фундамента. Но ведь — там комендантский взвод, курсы наблюдателей. Разрывы снарядов сливаются в один сплошной рев.

Так кончился последний предвоенный день. Многим, очень многим не пришлось увидеть рассвета. Кровавого рассвета 22 июня 1941 года.

В о й н а

В непрерывный грохот разрывов мин и снарядов врываются глухие удары. Десятки бомбардировщиков сбрасывают на крепость свой смертоносный груз.

Лестничная площадка под нашими ногами начала оседать. Вот-вот она рухнет. Вбегаем в комнату. Удушливый черный дым. Трудно дышать. Газы?! Как-то бесшумно и очень медленно рушится потолок.

— Володя!

Сержант Туманов силится подняться с пола... Очевидно, его сбило обломками, но он жив. С трудом встает на четвереньки. Что-то злобно, иступленно кричит. Подтягиваю его к стенке. Опираясь на мою руку, Владимир встает. Его спина в крови. Я скорее угадываю, чем разбираю, слова: «Гришин... Где Гришин?»¹

— Гришин!.. Гришин!..

Ответа нет.

И оттого ли, что мы раздеты, что нет в руках оружия, что не слышно человеческих голосов, мы чувствуем себя совершенно беспомощными.

На какие-то короткие минуты страх берет верх над нашей волей, рассудком... Жить, во что бы то ни стало жить! Кричал ли я, взывал ли о помощи? Не знаю. Помню только, как прикрыл голову руками, будто они — хрупкие, человеческие руки — могли оградить от страшной силы взрывов, огня, железа, падающих глыб кирпича.

Справа от нас вдруг не стало стены — грохота ее падения я не слышал. Остатки пола под ногами наклонились и повисли. В провал сползло несколько коек. Нас отбросило на пол и занесло в маленькую нишу, над которой уцелел потолок. Спасительное перекрытие над головою.

В это время мы снова услышали крики и стоны раненых. Недалеко от нас гибли товарищи, им нужна была наша помощь. Я еще вздрагивал от каждого взрыва, но страх уже прошел. Не сговариваясь, осторожно ползем к провалу по обломкам кроватей, через груды битого кирпича и нагромож-

¹ Рядовой Н. П. Гришин — стрелок комендантского отделения 3-й погранкомендатуры. Ныне работает на одной из шахт в г. Макеевка.

дения железных балок скатываемся вниз. Сквозь плотную завесу пыли и дыма идем на стоны раненых. Человек шесть уцелевших пограничников молча разбирают завалы. Присоединяемся и мы.

...Пятерых вытянули из-под обломков. Живы. Двое из них вскоре встанут на ноги. Что-то силятся сказать...

Собираем и рвем гимнастерки, брюки, перевязываем раны...

Разворачиваем груды кирпича, растаскиваем обломки кроватей, какого-то дерева. Злоба, ненависть удесятерят наши силы. Нам нужно оружие.

Здесь были винтовки. Ровными рядами стояли они в пирамиде... Одну за другой вытаскиваем несколько винтовок, изогнутых, с разбитыми прикладами...

В низком, маленьком подвале нашли убежище женщины и дети. Полураздетые матери прижимают к груди, закрывают своими телами испуганных ребятшек. Дети молчат.

Солдаты-пограничники во главе с Гришиным выносят из развалин верхних этажей женщинам и детям одежду, бережно передают в подвал раненую. Та, на минуту затихая от боли, беспрестанно повторяет: «Аллочка... Аллочка...» Ее маленькой дочери уже никто не сможет помочь.

Младший политрук Жуков — он один среди пограничников одет — держит на вытянутых руках сверток: матрац и одеяло с подушечкой. Из свертка доносится тоненький голосок плачущего ребенка. И среди сумасшедшего грохотания войны женщины услышали голосок недавно родившегося человека. Родившегося, чтобы жить!

Забыв о своем горе, они передают из рук в руки маленький, розовый от сна комочек, ласкают его, согревают теплом материнских рук и сердец.

Торопливо протираем оружие от густой смазки.

Жуков смотрит на часы. Нас обстреливают уже свыше сорока минут. Бомбардировщики ушли на восток. И только снаряды и мины рвутся, не умолкая ни на минуту.

Нужно пробираться на пограничную заставу. Она — в противоположном конце здания. До нее — метров сто. Идти двором или улицей нельзя — перебьют: с нами женщины, дети, раненые. Решили добраться до заставы сквозь проломы внутренних стен.

Бойцы несут оружие, волочат за собой ящики с патронами, гранатами. Женщины деловито, молча помогают друг другу. Все, кроме тех, у кого есть дети, бросают громоздкие узлы, берут оружие. Тяжелораненых — их пятеро: три бойца и две женщины — оставляем в подвале. За ними придем позже.

— Потерпите, товарищи.

Как тяжело иногда принимать самые правильные решения!

Невдалеке от дверей лежит полузасыпанный труп командира. Массивный стол коменданта цел. Дверцы сейфа в стене открыты. На полу — кипы выпавших бумаг. Все уходит дальше. Мне и одному из бойцов приказано уничтожить документы. Стол не поддается ударам приклада. Отходим за стену и оттуда бросаем две гранаты под стол. После взрыва выбираем бумаги из сейфа, ссыпаем в одну кучу. Зажигаем ее в нескольких местах и догоняем товарищей. Жуков отправляет на заставу бойца. Тот выскользнул в окно, пополз меж руин. Мы слышим его голос.

— Товарищи! Идите!

Когда умолкли разрывы снарядов в Цитадели, — мы не заметили. Но вдруг явственно стали слышны пулеметные очереди, сухие винтовочные выстрелы, глухие разрывы гранат. Бросаемся к окнам и к проломам в стене, выходящей к 333-му полку.

По улице, через обломки и трупы, бегут солдаты в касках, с оголенными по локоть руками, поливая из автоматов окна зданий.

— Немцы в Цитадели!..

По ним стреляют из проломов окон, амбразур, подвалов. Последние слова команды Жукова: «К бою!» — покрывают выстрелы наших ручных пу-

леметов. Через головы пулеметчиков летят в гущу немцев гранаты.

Нарастает могучее «ура» — уцелевшие защитники Цитадели идут в контратаку. Из здания 333-го стрелкового полка, из заставы, из подвалов и окон оборонительной казармы бегут бойцы, полураздетые, раненные, в кровавых повязках.

Жуков бросает еще одну гранату и сразу после взрыва прыгает из окна на улицу. «Ура!» Врукопашную сходятся с врагом.

Гитлеровцы в панике бегут к воротам — немногие из них добегают туда.

Затихло красноармейское «ура». Проскакиваем ворота, выбегаем к мосту. Из-за Буга прямой наводкой бьют немецкие штурмовые орудия. Бьют и по нас, и по своим, не успевшим перебежать мост. Падаем на землю, стреляем по ненавистному врагу. По дороге к мосту идут танки. Вот первый выполз на мост.

— В укрытия, — командиры отзывают бойцов назад за прочные стены казармы.

На дороге, у самого моста, боец ведет огонь из ручного пулемета. Танк наезжает на него... И только тогда смолкает пулемет.

Из окон казарм, из-за массивных выступов ворот под танк летят гранаты. Взрывы. Подбитый танк заклинил выход на мост. Автоматчики, бежавшие за ним, повернули вспять. Их достают наши пулеметные очереди, пули винтовок.

Жива наша крепость!

Я лежу у пулемета с сержантом Деминым, только что отбили еще одну атаку немцев.

— Дешево взять захотели, сволочи, — переводя дыхание, зло говорит Демин. — Погодите... подойдут наши... сочтемся.

Все на заставе уверены, что вот-вот на подмогу придут части гарнизона из летних лагерей, танкисты.

Был второй час дня 22 июня.

Мы не знали, что ценой огромных потерь фашистам к полудню удалось захватить Брест.

Задрожала земля. Налет продолжался минут пятнадцать. Новые пожары бушуют в Цитадели. Застава лежит в руинах. Над головами уцелевших пограничников — дымное небо: верхние этажи разметало взрывами. Стоны раненых, заваленных обломками.

От Тереспольских ворот доносятся крики, выстрелы. Очередная фашистская атака. Заговорили пулеметы, винтовки, полетели гранаты. Груды руин мешают нам стрелять. Кижеватов, сержант Данилов и я силится взобраться на маленькую площадку второго этажа, уцелевшую в углу здания. Бойцы подтянули огромную балку. По ней взбираемся наверх, подтягиваем пулемет.

Ободренные нашим молчанием, немцы поднимаются в атаку, подстегивая себя истошными криками «хайль», стрельбой из автоматов. Заговорил пулемет Кижеватова, из-за укрытий ударили пулеметы и винтовки бойцов. Одна за другой рвутся среди немцев гранаты.

Кижеватов, соскочив с площадки на высокие груды обломков, ведет в атаку пограничников. Справа поднимаются с ружьями наперевес бойцы 333-го стрелкового полка. Наш пулемет расстреливает бегущих врагов. Еще одна атака отбита. Бойцы устанавливают пулеметы, подтягивают новые ящики гранат. Устало ложатся на спину. Женщины влажными тряпками вытирают потные, почерневшие от копоти и пыли лица бойцов.

Наталья Михайловна Чувикова, жена помощника начальника штаба комендатуры, бережно положила на землю свою одиннадцатимесячную дочурку Светлану, разорвала поданную кем-то из бойцов простыню, склонилась над раненым пограничником.

— Больно? Потерпи немного, перевяжем...

Пограничник ранен в обе ноги выше колен. Закусив губы, закрыв глаза, он молчит. И только ноги его вздрагивают от мучительной боли. Наложены повязки. Все еще крепкая рука солдата благодарно ложится на плечо Чувиковой.

— Спасибо за ремонт, сестрица. Живы будем — не порем!

И как-то неожиданно, вдруг, доверительно и совсем по-детски: «А жить-то как хочется!»

К нему подошли трое бойцов, чтобы отнести к раненым. Наталья Михайловна стоит рядом, прижав к груди ребенка.

А жить-то как хочется!

Раненый увидел девочку.

— Стой, хлопцы,— не туда несете. Рано мне еще отлеживаться.

Подошел Кижеватов.

— Товарищ лейтенант, прошу — прикажи положить к пулемету. Руки у меня целы. За себя, за них вот,— указал он глазами на женщину с ребенком,— должен... Не откажи, товарищ лейтенант...

За руинами в проломе ворот стоит немецкий броневомобиль с четырьмя мощными репродукторами на башне. Сухие, короткие, как выстрелы, щелчки. Охрипший голос очень громко, старательно выговаривает русские слова: «Доблестные защитники крепости! К вам обращается немецкое командование... Немецкое командование предлагает вам сдаться, обещает сохранить жизнь».

— Издеваешься, сволочь! — зло кричит Кононов¹, бросаясь к пулемету.

— Отставить,— одергивает бойца Кижеватов,— беречь патроны!

Нам предлагают сдаться.

Вокруг лежит израненная родная крепость, под ее руинами похоронены товарищи, жены, сестры, дети, за нами — Родина. И нам предлагают сдаться! Один час на размышление. Жизнь или смерть!

Снова сухой щелчок.

— «Концерт» окончен,— объявляет Харченко².

Но «концерт» еще не окончен. Из репродукторов

¹ Рядовой А. В. Кононов — стрелок резервной заставы 3-й пограничной комендатуры.

² Рядовой А. И. Харченко — ручной пулеметчик 3-й пограничной комендатуры. Погиб.

раздается громкое тиканье часов. Тик-так, тик-так...
В их биение врывается тот же охрипший голос:

— Осталось 55 минут. Жизнь или смерть!

И снова — удары часов: тик-так, тик-так...

— Скорей бы стемнело, — это Кижеватов размышляет вслух, осматривая уцелевших бойцов. — А там — в подвалы 333-го полка и посмотрим: кому жизнь, а кому смерть, — уже громко заканчивает он.

Мы с надеждой смотрим через улицу на полуразрушенное здание 333-го стрелкового полка. Кое-где в нем уцелели стены даже второго этажа. Фундамент и стены до окон первого этажа выложены из массивных гранитных глыб.

— Оттуда сподручней, — соглашается с командиром сержант Нестеренко.

— Да и потолок над ними будет, — Кижеватов кивает головой в сторону женщин и детей. — Отдохнут немного...

Как непривычно звучит здесь слово «отдохнут».

— Осталось 20 минут. Жизнь или смерть!

...Тик-так, тик-так...

Кружит самолет.

Возвратился боец из подвалов 333-го полка. Нас ждут, помогут перебраться. Старший лейтенант передал Кижеватову записку. Кижеватов быстро прочел ее, спрятал в карман гимнастерки, подошел к пролому в стене. Ему навстречу с немym вопросом потянулись женщины.

— Подготовьтесь, родные, потемнеет. — будем перебираться в подвалы, потерпите немного.

Быстро отошел от пролома.

— Старшина Охремчик!

Ленинградец Анатолий Охремчик подошел к лейтенанту. Между ними начался тихий разговор.

...Тик-так, тик-так...

— Осталось 5 минут. Жизнь или смерть!

Бойцы застыли у пулеметов. Возвратились пограничники из здания комендатуры, свалили в кучу оружие, отдельно сложили свертки с продуктами, десяток флаг с водой.

— Приготовьтесь, товарищи!

— Женщины и дети — в углы, под стены, укрыться матрацами.

Над Цитаделью появились бомбардировщики.

Тик-так, тик-так.

— Осталась одна минута. Жизнь или смерть! Молчит Цитадель. Тик-так, тик-так...

В сумасшедшем грохоте взрывов тонут последние удары часов.

...Бомбежка кончилась. Немцы не показываются.

Поднимаю звенящую ушибленную голову, ощущаю себя...

— Вы живы, товарищи?

Медленно рассеивается дым, оседает пыль... Рядом лежит Демин. Он мертв.

Стонут раненые... Где-то рядом слышу хриплый прерывающийся голос Кижеватова:

— Пулеметчики остаются у пулеметов. Остальным помочь раненым женщинам!

Поднимаюсь на ноги. Иду. У разбитого пулемета засыпанный до половины лежит, раскинув руки, мертвый боец.

Пулеметчики остаются у пулеметов...

Кижеватов с двумя бойцами стоит на коленях перед грудой битого кирпича. Бережно, кусок за куском разбирают завал. Из-под него видны голова и плечи сержанта Мищенко¹. Временами он открывает глаза и тихо стонет. Каждое прикосновение причиняет страшную боль: многопудовая глыба раздавила ему ноги, навалилась на тело. Сняты обломки с груди Мищенко. Он приходит в себя...

Пытается пить из поднесенной к губам фляги, но даже дышать ему трудно, больно.

— В кармане... заявление...

Кижеватов достает из кармана комсомольский билет, вчетверо сложенное заявление: «Прошу принять меня в ряды Коммунистической партии!»

— Не успел подать... Война...

¹ Рядовой Н. Г. Мищенко — стрелок 9-й пограничной заставы.

Лейтенант наклоняется над сержантом и крепко, по-мужски целует его...

Шепот Мищенко едва слышен: «Выберетесь... напишите ... маме ...»

— Напишем, дорогой,— Кижеватов стоит над сержантом, и голос его звучит твердо, как при присяге.— Не мы, так другие напишут. Родина никогда не забудет своих верных сынов...

Снова немецкое командование предлагает сдать-ся, обещая «хорошее обращение и заботливый уход за ранеными».

Из окна подвала подан условный сигнал: солдатская каска на штыке винтовки. Сержант Нестеренко и сержант Долгих первыми переползают улицу, волоча за собой по ящику гранат. Вот они добрались до стены противоположного здания, передали ящики в окна подвала и залегли у стен. Выходят из руин женщины и дети. Матери доверчиво отдают детей в солдатские грубые, но бережные руки.

Последним ползет Кижеватов¹. Влазим в окна, нас подхватывают чьи-то руки, передают следующим — подвал глубокий,— бережно опускают на сырую землю.

— Все?

Кижеватов о чем-то договаривается со старшим лейтенантом. Лицо старшего лейтенанта, сейчас запыленное и вспотевшее, мне очень знакомо. Вот он забрасывает через плечо автомат, снимает фуражку и усталым движением руки вытирает лоб. Теперь узнаю его. Это тот самый командир пехотинец, которого я вчера вечером застал в кабинете у коменданта.

Он отдает какую-то команду близстоящим бойцам.

— Старшина, к старшему лейтенанту Потапову! — передается от бойца к бойцу и затихает вдалеке под сводами подвала.

¹ Несмотря на то, что пограничники вынуждены были оставить здание своей заставы, там постоянно находился их передовой заслон.

Так впервые услышал я о старшем лейтенанте Потапове — одном из командиров 333-го полка.

...Кижеватов проверяет наряды у амбразур.

— Не спать... Сменять будем каждый час.

Я и сержант Данилов дежури́м у пулемета, установленного на шаткой площадке под амбразурой. До боли в глазах всматриваемся в темноту за стеной: под покровом ночи легко подползти среди руин...

После вспышек от разрывов мин темнота подступает особенно густая, и к ней нужно каждый раз привыкать. От напряжения или от усталости — слипаются глаза. Пытаемся разговаривать, но разговор у нас не вяжется. Закурить бы, да нечего. У меня за спиной автомат — щедрый подарок бойцов 333-го полка: пограничники встречаются с автоматами впервые. Пробую снимать и вставлять диск, переводить флажок... Все же занятие. Данилов прильнул к самой амбразуре, обнял пулемет рукой. Мы наблюдаем поочередно. Прошел лейтенант Кижеватов. Он явно озабочен — что-то долго не возвращаются наши разведчики. У основания площадки в обнимку с оружием лежат бойцы. Тревожен их короткий сон.

Приходит разводящий, будит смену. Через несколько минут мы уступаем ей место у пулемета, скатываемся с площадки и...

— В ружье!

Какое-то мгновение недоуменно осматриваюсь по сторонам, поднятый на ноги привычной командой. Оказывается, я спал. Долго ли?..

Немецкие пулеметы молчат. Откуда-то слышны разрывы гранат, наше русское «ура!». Сквозь амбразуры, выходящие во двор полка, пулеметчики ведут огонь длинными очередями. У выхода из подвала, отдавая короткие команды, стоит старший лейтенант Потапов. Мимо него с винтовками наперевес одна за другой пробегают группы бойцов.

— Немцы отходят от Цитадели.

Убедившись, что штурмом пехотных частей крепости не взять, немецко-фашистское командова-

ние решило под покровом ночи отвести свои подразделения с тем, чтобы подвергнуть крепость огню артиллерии и бомбардировке.

Мы сталкиваемся с врагами метрах в тридцати от Тереспольских ворот. Какая-то группа защитников отрезала гитлеровцам путь к отступлению. Сходимся врукопашную. Бой идет и правее нас, там, где река Мухавец образует угол с внешними строениями Цитадели, и левее — где-то возле Белого дворца.

Фашисты, ошеломленные неожиданной атакой, расцвели небо осветительными ракетами. В их матово-белом свете видны серые фигуры фашистских солдат и бегущих со всех сторон наших бойцов. В водовороте чужих солдат запомнился фашистский офицер, что-то истошно кричащий и размахивающий пистолетом. Его достает то ли очередь моего автомата, то ли пуля другого защитника, и он, все еще крича, падает на землю.

Фашисты, окруженные полукольцом, дерутся с ожесточением обреченных. Часть из них пытается прорваться к воротам. Вдруг, поднявшись с земли, они бросаются с оружием наперевес, ведя огонь из автоматов, на левый фланг нашего полукольца. Вижу, как Кижеватов разряжает пистолет в набежавшего немца. Спешу к лейтенанту и почти вплотную сталкиваюсь с фашистом. Близок оскал его кричащего рта, штык, направленный мне в грудь. Нажимаю на гашетку автомата, но выстрела не слышу. Расстрелял все патроны! Успел ли подумать, что это мой конец? Не знаю. Наверно, нет — в то же мгновение немец передо мной согнулся, будто переломился пополам. Из-за моей спины вырывается еще раз стреляющий пограничник — кажется, это Харченко — и добивает фашиста ударом штыка.

— Спасибо, друг!

Командиры, избегая ненужных потерь, отводят бойцов от ворот. Подбирая раненых, под прикрытием своих пулеметов, медленно, очень медленно проползаем среди грохота разрывов, прижимаясь к развороченной, будто вспаханной, горячей земле.

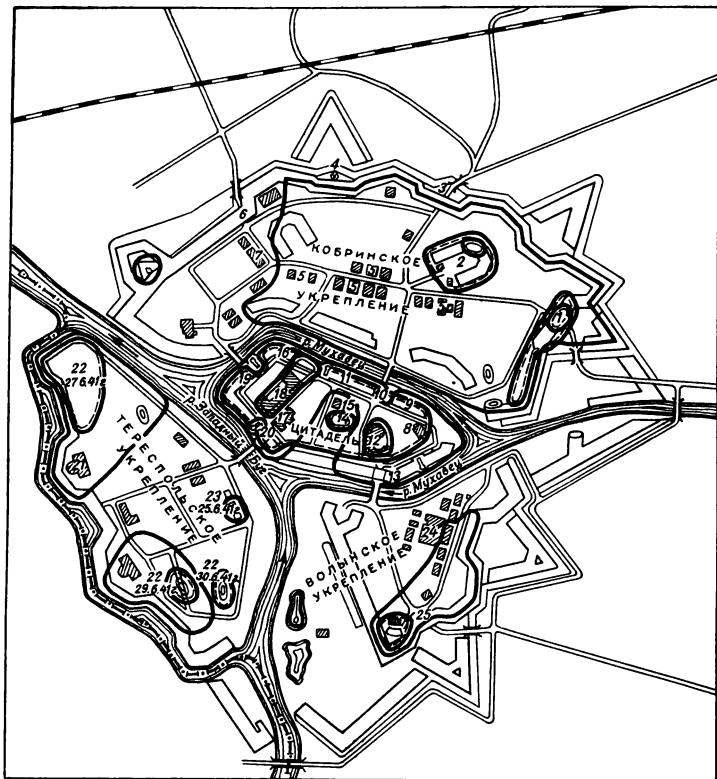
Через пятнадцать лет. Слева направо:
А. И. Семененко, Н. И. Зориков (умер в ноябре 1961 г.),
П. М. Гаврилов. Фото 1956 г., Москва.

Мясников М. И.

Черный А. С.

У С Л О В Н Ы Е О Б О З Н А Ч Е Н И Я

Положение наших подразделений к исходу 22. 6. 41 г.

Положение наших подразделений к исходу 27. 6. 41 г.

Последние очаги сопротивления

П р и м е ч а н и е

1. Восточные ворота (расположение 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона)	11. Расположение 455-го сп
2. Восточный форт (расположение 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона)	12. Инженерное управление
3. Северные ворота	13. Холмские ворота (расположение 84-го сп)
4. Капониры. Место пленения Гаврилова	14. Клуб (бывшая церковь)
5. Жилые дома командного состава	15. Столовая командного состава
6. Северо-западные ворота	16. Расположение 44-го сп
7. Расположение 125-го стрелкового полка	17. Расположение 9-й пограничной заставы.
8. Белый дворец	18. Расположение 333-го сп
9. Инженерная казарма (24. 6—30. 6. 41 г. местонахождение штаба обороны Цитадели)	19. Белостокские ворота
10. Брестские ворота	20. Тереспольские ворота
	21. Расположение окружной школы шоферов погранвойск
	22. Местонахождение группы лейтенанта Жданова
	23. Расположение транспортной роты 17-го погранотряда
	24. Госпиталь
	25. Южные ворота

План Брестской крепости с обозначением положения наших подразделений на различных этапах обороны.

Губарь И. Л.

Ткачева П. Л.

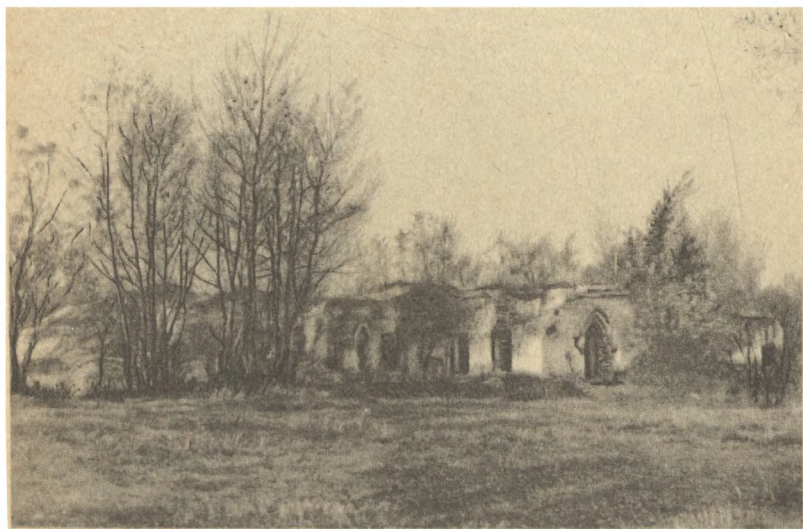
Бойцы и воспитанники 333-го сп. (слева направо): Петя Клыпа, Петя Васильев (погиб), Коля Новиков (умер в 1956 г.), Ефим Лис (ныне живет и работает в Самарканде), Леонид Михайлов (погиб).

Фурсов В. И.

Хидиров Турсун.

Развалины казармы курсов шоферов.

Сиваков П. Е.

Ландышев Г. А.

Никитин А. М.

Кюнг Н. Ф.

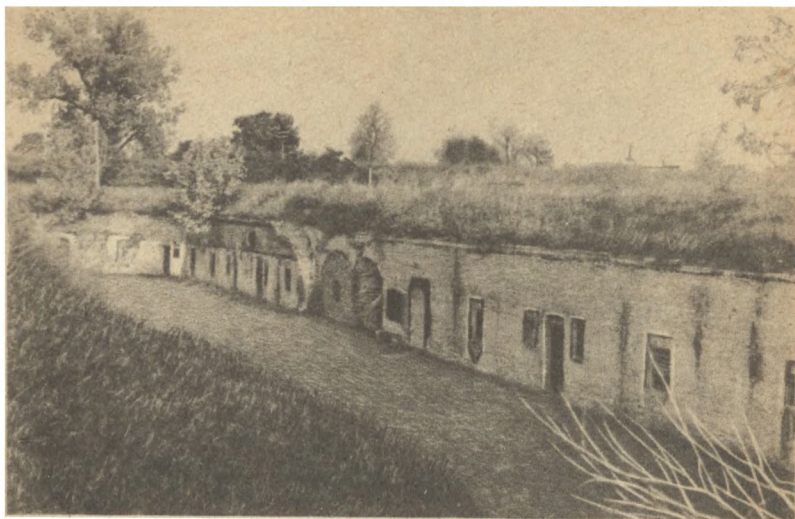
Никифоров В. П.

Горбатов К. Г.

Костякова Е. С.

Внутренний вид Восточного форта.

Пискун М. Г.

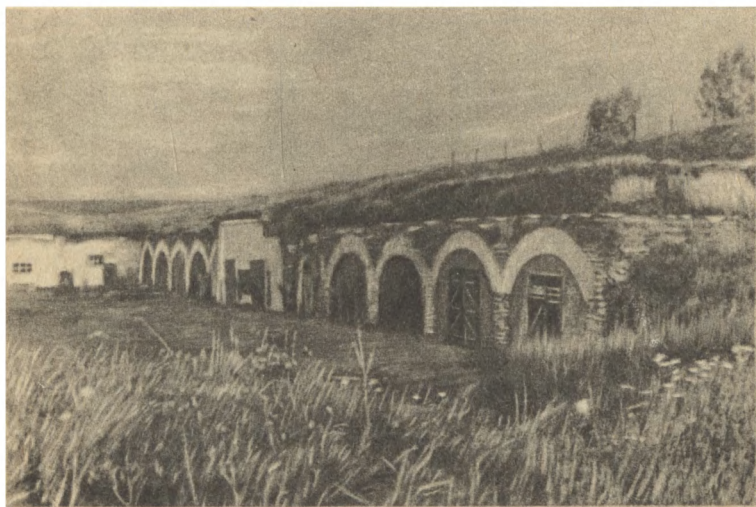
Исполатов Н. М.

Зайцев В. К.

Дубинин М. С.

Капонир во рву Кобринского укрепления.

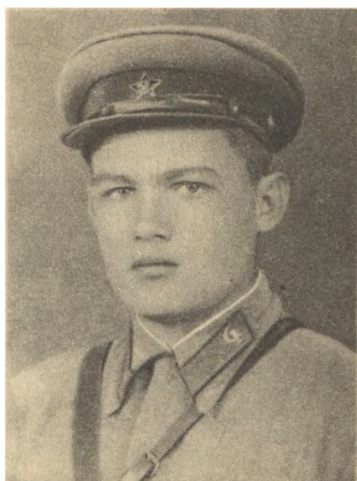
Никитина-Аршинова А. А.

Соколов Н. И.

Коломиец Я. И.

Макаров Г. С.

Восточная часть главного вала.

Черняев И. Ф.

Семенюк Р. К.

Касаткин К. Ф.

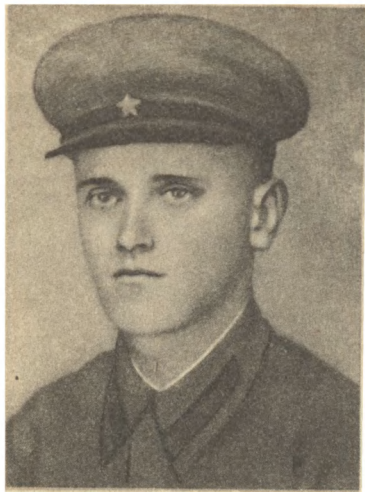
Терехов С. П.

Казьмин В. П.

Сухолуцкий С. М.

Гаврилов П. М.

Солозобов В. С.

Забирко Ф. Е.

Филь А. М.

Милькевич С. Е.

Мельников И. П.

Холмские ворота Брестской крепости.

Кочин Л. А.

Дурасов А. И.

Здание Инженерного управления.

Жигунов А. В.

Абдуллаев Даниял.

Ковтун З. С.

Матевосян С. М.

Кувалин С. М.

Тарасов Н. А.

Журавлев Ф. Ф.

Нуриджанян С. Б.

Развалины здания Инженерного управления.

Долотов И. И.

Морозов Н. М.

Довоенный вид Тереспольской башни.

Гноевой А. З.

Виноградов А. А.

Лаенков Ф. И.

Кошкарров П. П.

Хваталин И. Ф.

Махнач А. И.

Белусов Н. С.

Семененко А. И.

Демин С. Т.

Кузнецов И. П.

Романов А. Д.

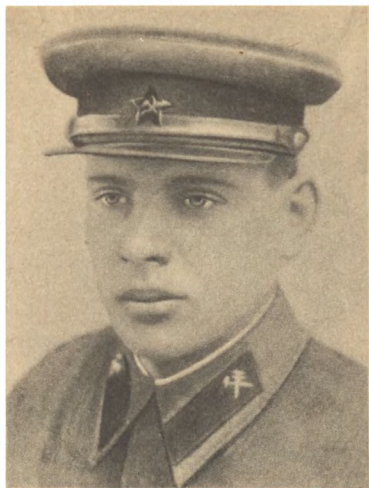
Оскирко И. П.

Развилка реки Мухавец.

Санин А. С.

Бессонов А. П.

Гуревич М. П.

Тимофеевко В. И.

Развалины здания бывшей церкви, в котором до войны находился клуб 84-го стрелкового полка.

Алексеев И. А.

Еремеев Г. Т.

Клопов К. В.

Коновалов К. И.

Бобренок С. Т.

Котельников П. П.

Сачковская В. И.

Контровская Н. М.

Знамя 393-го Отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона.
Фото 1956 г.

Партийное собрание в Восточном форту. С картины В. Бундина.

Караваев А. И.

Клыпа П. С.

Петлицкий А. Л.

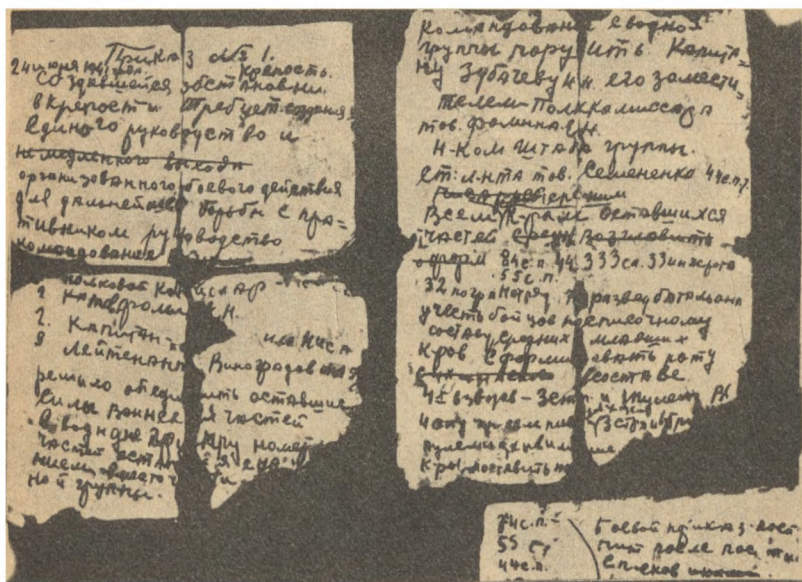
Хлебников Е. Г.

Капитан
И. Н. Зубачев.

Полковой комиссар
Е. М. Фомин.

Приказ № 1 штаба обороны Цитадели крепости,
написанный 24 июня 1941 г.

Я УМ И РА Ю. П Р О Щ А И
НО НЕ
С Д А Ю С Ъ ! П Р О Д И Н А
20/VI-41,

Надпись, обнаруженная в одном из казематов Брестской крепости после войны.

Рядовой В. А. Волокитин.

Капитан
В. В. Шабловский.

Лейтенант
И. Ф. Акимочкин.

Старший политрук
И. М. Почерников.

А. В. Почерникова.

Политрук
С. С. Скрипник.

Замполитрука
А. Н. Дервянко.

Лейтенант
Д. П. Киреев.

Старший лейтенант
В. И. Бытко.

Уполномоченный орган
ВОСХОДИТЕЛЬНЫЙ ВОЕННЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№ 0957171

Фамилия *Наганов*
Имя и отчество *Алексей Федорович*
Год рождения *1915*
Время вступления в ВЛКСМ *сентябрь 1936*

Место для
фотографии

Уплата членских взносов за 1938г

Месяц	Месяц по-латышскому языку	Членские взносы	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

ВСТАВКА

1938

Комсомольский билет лейтенанта
Алексея Федоровича Наганова.

**Старший политрук
Н. В. Нестерчук.**

**Лейтенант
А. М. Кижеватов.**

**Батальонный комиссар
Н. С. Богатеев**

**Старший лейтенант
А. Е. Потапов.**

...Еще дважды в эту ночь покидали мы своды подвала, ожесточенно атакуя трусливо выскальзывающих из Цитадели врагов.

...У груды трофейного оружия, сваленного недалеко за входом в подвал, уставший боец передает старшине снятую с убитого фашиста флягу.

— Вода, раненым...

У самого бойца, едва стоящего на ногах, от усталости и жажды запеклись, почернели губы. Старшина снимает с горлышка фляги плоскую алюминиевую кружку, отворачивает пробку. Протягивает флягу и стаканчик бойцу.

— Выпей пару глотков.

Первые капли влаги наполняют стаканчик. Старшина отворачивается, судорожно проглатывает слюну.

— Водка? — говорит недоуменно боец. И уже зло повторяет: — Водка.

Старшина явно озадачен.

— Вояки, сволочи!

Пересмотрены десятка два трофейных фляг — во всех водка.

— Отнести в лазарет.

Смолкли минометы. Над Цитаделью одна за другой взлетают ракеты, освещая дымящиеся руины, забираясь внутрь подвала, скользит яркий луч прожектора. То и дело бьют минометы. Фашисты явно нервничают. Их страшит темнота, загадочная темнота, грозные руины в отсветах пожара.

Скоро рассвет...

Час назад в штаб вызывали младших командиров. Обходя в темноте казематы подвала, по одному выкликают пограничников сержант Туманов и боец Шугаев. Подошла моя очередь... Вхожу в узкий, небольшой каземат. Желтый свет коптящего фитиля в консервной банке на ящике вырывает из темноты небольшой кусок угла. От входа ящик с коптилкой отгорожен листом кровельного железа (зажигать свет в подвале запрещается. Исключение — для лазарета и штаба). Большая часть казематов утопает в темноте. Правее ящика, на деревянном насти-

ле, сидят Кижеватов и старший лейтенант Потапов. Рядом с ними — еще один командир с забинтованной головой.

Наклонившись к коптилке, Кижеватов записывает в тетрадь мое звание, фамилию.

— Семнадцатый? — спрашивает Потапов у Кижеватова.

— Семнадцатый, — отвечает тот и пододвигает ко мне стоящий на ребре патронный ящик.

— Садись, младший сержант...

Ящик низкий, и мне сейчас хорошо видно уставшее лицо лейтенанта, его глубоко запавшие глаза...

Получаю задание: отобрать трех-четыре пограничников и осмотреть руины той части здания, где размещалась комендатура. Может быть, удастся обнаружить боеприпасы в пограничной кладовой.

— Боеприпасы на исходе...

...Четверо ползем от подвалов к дому комендатуры. Проваливаемся в неглубокие воронки, взбираемся, как по насыпи, по разметанным глыбам стен, по нагромождениям битого кирпича и причудливо изогнутым балкам перекрытий, между выброшенными до середины улицы железными кроватями, устало прижимаемся к невысоким остаткам стен. Скоро взойдет солнце.

Сиротливо протянулись к небу обугленные стволы деревьев. В глубине двора низко стелется сизый дым. Легкие порывы утреннего ветра, взметнув мелкую пыль, поднимают в воздух почерневшие обрывки бумаг, и тогда кажется, что мертвые шевелятся, будто силась подняться.

Тяжело дыша, поддерживая друг друга, мы стоим на руинах комендатуры. Вдруг, будто задыхаясь, рванул ворот гимнастерки Харченко. Вцепилась в мое плечо рука сержанта Нестеренко. Глухо, сквозь стиснутые зубы застонал Шугаев... Молчим... Это молчание хорошо знакомо каждому солдату, всем, всем, кому на дорогах войны довелось встретиться с пепелищем родного дома.

Мы напрасно обыскивали руины — склад похоронен под многометровой толщей развалин. Десятка

два полупустых подсумков, несколько дисков ручных пулеметов да один ящик с патронами — вот и вся наша добыча. Впереди и левее нас где-то у Холмских ворот вспыхивает перестрелка. Иногда пули вздымают щебенку и рядом с нами. Среди развалин заставы встречаемся с бойцом — он охраняет снайпера, расположенного где-то невдалеке.

— Нужно уходить — стервятник появился, — говорит нам пограничник, указывая взглядом на небо.

Прямо над нами висит «рама» — фашистский наблюдатель. Шестеро вползаем в подвал — к нам присоединился снайпер пограничник Кононов. Сдаем свои небогатые «трофеи» старшине Охремчику. От него узнаем, что и другие поисковые группы принесли не больше нашего.

— Боеприпасы на исходе...

Бойцам отдан строгий приказ — беречь патроны. Что будет, если фашисты начнут новый штурм?

Возвратившимся из поисков старшина выдает дневной паек: банку рыбных консервов, четыре сухаря, два куса сахара, кусок колбасы. Это — на десять человек. Никто не спрашивает, но Охремчик, будто оправдываясь перед товарищами, произносит: «Вода, может, будет, как стемнеет...» Вода. Уж лучше бы он не напоминал о ней!

День начался с очередного артиллерийского налета. Рядом разорвались первые снаряды. Кижеватов успевает отдать несколько команд. Снаряды ложатся все гуще. В подвал скатываются наружные дозоры. Земля под ногами качается, как палуба корабля. К свисту снарядов примешивается пронзительный вой пикирующих бомбардировщиков. Вскоре все звуки сливаются в один сплошной грохот. Пыль, густой дым и гарь закрыли амбразуры темной пеленой.

В едкую темноту молниями вонзаются кровавые вспышки. Вздрагивают, будто корчась от боли, стены подвала. Бесшумно расползаются площадки под амбразурами. В нескольких местах рушится перекрытие подвала. Под обломками похоронена часть

лазарета. Все происходит, как в кошмарном сне. Не слышно крика раненых. Не слышно собственного крика. Оглушенные, задыхаясь, падая, поднимаясь, бойцы переносят раненых. Снова и снова возводят площадки под бойницы. Разбирают завалы в коридорах, у выхода из подвала. Паники нет. Было ли страшно? Да. Но чувство воинского долга помогало бойцам преодолеть мгновенный страх за свою жизнь, найти в себе силы молча и привычно делать положенное солдату.

Улетели бомбардировщики, но снаряды еще продолжают распаивать — в который раз — руины. К амбразурам возвращаются бойцы. Большая группа у выхода из подвала ждет конца артиллерийского налета. Возможна атака гитлеровцев. У стен под каждой амбразурой Кижеватов — голова у него перевязана — расположил по нескольку бойцов. Смолкли орудия, но в ушах все еще грохот, звон... Дрожат, подкашиваясь, ноги, слезятся глаза, мучительный кашель раздирает грудь. Один за другим красноармейцы выскальзывают в амбразуры, ползут к руинам комендатуры и заставы, поближе к Тереспольским воротам, укрываются в воронках.

Сержант Туманов ведет нашу семерку — четыре пограничника и три бойца 333-го полка при двух пулеметах. Вслед за сержантом взбираемся по еще горячим кирпичам на уцелевшую площадку второго этажа здания. Засвистели пули.

— Откуда бы это?

Туманов коротко бросает:

— В гарнизонном клубе немцы. Значит, вчерашняя атака защитников крепости не дала результатов. Будем брать клуб сегодня.

Возвращается наш связной, волоча за собой полышка патронов. Откуда? Еще во время артиллерийского налета воспитанник музыкантского взвода 333-го полка обнаружил среди развалин чудом уцелевший склад боеприпасов. Мне еще не раз придется слышать об отважных делах маленького солдата. Иногда они настолько необычны, что бойцы, восхищенные отвагой мальчика, недоверчиво переспра-

пивают друг друга. А лейтенант Кижеватов с теплой отцовской улыбкой рассказывает о нем и обязательно прибавляет: «Музыкантский Петушок». И мне вспоминается один из концертов нашей пограничной самодеятельности в клубе 333-го полка. Перед началом за кулисы зашли два паренька, одетые в полную солдатскую форму, — два воспитанника музыкантского взвода. Один из них, любопытный и подвижной, сероглазый мальчик лет четырнадцати, быстро познакомился с нами. «Трубач, а зовут меня — Петя». Только после войны я услышал фамилию героя — Петя Клыпа.

Защитники бинтуют свои раны, чистят оружие, поддерживая друг друга, становятся по своим местам. И еще дважды атакуют фашистов, стараясь выбить их из зданий Цитадели, пробиться на помощь товарищам на Западном острове. В минуты затишья с Западного острова доносятся звуки перестрелки. Защитники острова все еще оказывают упорное сопротивление прорвавшемуся врагу. В ночь накануне войны на Западном острове были только усиленные наряды пограничников 9-й заставы, 3-й комендатуры да курсанты окружной школы шоферов погранвойск. Вооруженная до зубов фашистская стая ничего не может сделать с этими храбрецами вот уже два дня.

Должно быть, уже поздний вечер. Должно быть, ибо дня мы не видели: не рассеиваясь, стоит плотная завеса черного дыма. Наши атаки отбиты. Разведчики не сумели пробраться к Бресту — крепость окружена плотным кольцом. Надежды на помощь наших частей нет. Эту суровую правду сейчас сказал лейтенант Кижеватов. Трудно, очень трудно говорить лейтенанту, но он обязан сказать. Он верит нам, своим товарищам. Вот он стоит перед небольшой группой бойцов, опираясь на винтовку, с кровавой повязкой на голове. И отблеск пожаров освещает его обросшее, почерневшее, мужественное лицо.

Да, можно попытаться выбраться из окружения. Не многие, но все же кто-то сумеет прорваться, уйти из крепости, остаться живым. А женщины, дети, ра-

неные? А крепость? Оставить врагу? Развязать руки полкам гитлеровских солдат, завязшим здесь? Дать им возможность двинуться дальше, в глубь нашей территории, убивать наших людей, жечь наши села и города? Пока мы в крепости, пусть под руинами, но нас трудно взять. Возможно, все оставшиеся погибнут. Даже наверняка погибнут. Но за каждого нашего бойца фашисты заплатят десятками своих солдат. Сотни тонн бомб, снарядов, брошенные на эти руины, никогда не смогут взрываться на земле наших отцов.

— Я пришел к вам за советом, товарищи. Коммунисты, вам первое слово.

Настала напряженная минута молчания.

— Сегодня здесь все коммунисты, товарищ лейтенант,— это встал пограничник Харченко.— Вспомните, как умер сержант Мищенко. Я не затем присягу давал, чтобы в трудный час о собственной шкуре думать. Нам некуда уходить. От себя не уйдешь. И стоять будем насмерть.

Один за другим встают пограничники, и каждый своими словами сурово и торжественно, как клятву, повторяет единственное решение: «Стоять насмерть».

И снова минута молчания, и многие видели, как повлажнели глаза лейтенанта.

— Спасибо, други мои, товарищи мои. Спасибо за службу, товарищи.

— Служим Советскому Союзу!

Я не знаю, как проходило собрание коммунистов у защитников крепости из 333-го стрелкового полка. Не знаю, кто и как сообщил бойцам о трудном положении. Но я знаю, что и бойцы 333-го полка решили сражаться до последнего патрона, до последнего удара сердца. Все!

Лейтенант Кижеватов перебрался в левое от выхода во двор крыло подвала. Со старшим лейтенантом Потаповым его связывает телефон, разысканный бойцами 333-го полка. Над крепостью снова осветительные ракеты, дуги трассирующих пуль, мечутся, скрепяваясь, лучи прожекторов.

Из пяти добровольцев, ходивших за водой, возвратились двое. Один принес шесть фляг воды. Второй — четыре, но пустые — забыл закрыть, и вода расплескалась по дороге. Боец упал на пустые фляги, обхватив голову руками. Плечи его вздрагивали.

По рассказам бойцов 333-го полка, в конце здания, на первом этаже, был небольшой продуктовый магазинчик для семей комсостава. Возможно, что-нибудь сохранилось...

Идти на поиски продуктов вызвались многие. Старшина Охремчик отобрал троих. Ползем по двору за нашим проводником — бойцом 333-го полка. Прирастаем к земле, когда луч прожектора пробегает по спинам. Переждав, пока он уходит в сторону, ползем снова. Вспоминается большой двор пограничной заставы. Сколько раз мы ругались про себя, ползая там на занятиях «по-пластунски». А как сейчас нам пригодилось наше умение.

Боец и двое пограничников скрылись. Я и старшина залегли невдалеке. Появляется пограничник Шугаев. Подползаем к нему:

— Ну?

— Ни черта нет, камни.

Неужели мы ничего не принесем? Все трое перебираемся в развалины. «Сюда, товарищ старшина, нашли!» Из-под камней и досок извлекаем полмешка кускового сахара. Мешок пришлось разрезать. Снимаем гимнастерки и делаем из них сумки. Сумки с сахаром. Рядом с ними складываем буханки белого хлеба, банки с консервами, печенье пополам с песком, несколько кружков колбасы. Гимнастерок становится явно недостаточно. Под «тару» идут наши брюки. Должно быть, смешные из них вышли мешки. Но нам не до этого — нашего прихода ждут голодные люди. На долю каждого бойца приходится по два увесистых узла. Опоясываем пистолеты, подсумки и гранаты на голое тело. Винтовка в руке. Идем в обратный путь. Да, до выхода из развалин мы могли еще идти, но дальше... Шугаев привязывает узлы к ногам, пробует ползти... А ведь это выход!.. Так и

ползем, обдирая тело об острые камни, с привязанным к ногам грузом.

Кое-кто изменяет «методу» и волочит узлы в руках... До подвала добираемся благополучно. Только у старшины по дороге лопнул узел.

Рассвет нового дня пришел с ожесточенной артиллерийской канонадой и налетом бомбардировщиков. Сегодня налет особенно свирепый. Около часа десятки тонн металла и взрывчатки рвут землю. И кажется, что подвалы оседают и вот-вот рухнут, как картонные домики. Но подвалы стоят. И только в стенах и перекрытиях появляются все новые и новые раны. От прямого попадания тяжелой бомбы рухнуло перекрытие сводов над соседним с женщинами казематом.

Дважды в это утро ходили в атаку.

... Полдень. Рассеялся дым еще одной — третьей по счету — бомбежки, и над руинами крепости встало яркое июньское солнце. Только что на бреющем полете прошел самолет и разбросал тысячи листовок. В них немецкое командование предлагает все ту же почетную капитуляцию, «жалея» храбрых солдат — защитников крепости. Далее идет восхваление непобедимых фашистских армий, красочное описание земных благ для тех, кто станет предателем. На обратной стороне листовки отпечатан пропуск.

— Да что же они, сволочи, дураков ищут? — недоуменно и зло вскрикивает один из пограничников. — Нет, ты скажи, старшина, для чего они столько бумаги переводят? Или эти идиоты в самом деле думают найти среди нас подлецов...

— Издеваются... «непобедимые»... Встретиться бы один на один...

— Чудак человек! О его здоровье заботятся, жалеют, а он недоволен. Тебе же чистую бумажечку подбрасывают, подотритесь, мол, на здоровье... Цивилизация!.. Понимать надо, куда что предназначено...

— На нервах играют, — вступает в разговор старшина Охремчик, — прощупывают, слабохарактерных

ищут... Да и на подлеца, гляди, наскочат. И такие не перевелись на земле...

Поздно вечером в подвалах 333-го полка появился политрук. Обходя защитников подвала в сопровождении лейтенанта Кижеватова и еще двух незнакомых нам командиров — лейтенанта и старшего лейтенанта, — политрук рассказывал бойцам о положении на отдельных участках обороны, о решениях совещания. Мне не пришлось участвовать в беседе с политруком — в это время наша двойка (я и сержант Данилов) несла службу среди руин 9-й заставы, — и только по возвращении я узнал о беседе. На совещании было принято решение — объединить уцелевших защитников в сводную группу и продолжать борьбу, погибнуть, но не отступать. Командир сводной группы — капитан Зубачев, его заместитель по политической части — полковой комиссар Фомин. О капитане Зубачеве слышу впервые. О полковом комиссаре нам уже рассказывали бойцы.

В первый день войны к полуразрушенному зданию полка подъехал броневедомоцикл, в котором находился полковой комиссар. Очевидно, он был ранен — из-под фуражки белели бинты перевязки... Беседовал с бойцами и командирами полка, не обращая внимания на обстрел. И оттого, что полковой комиссар спокойно, с большой убежденностью и верой в победу говорил с бойцами под пулями врага, исчезла растерянность застигнутых врасплох красноармейцев.

Ночь прошла спокойнее. Но на рассвете от Тереспольских ворот снова донеслись выстрелы винтовок и автоматов, часто-часто ударили пушки. К их грохоту присоединились приближающийся шум моторов, металлический лязг гусениц.

Шли танки...

Лучи прожекторов освещают двор, слепят бойцов у амбразур. По бронированным машинам ведут огонь из подвалов, из руин заставы, из гарнизонного клуба. Танки, стреляя из пушек и пулеметов, стараются поскорее проскочить в северную часть Цитадели. Это им удается.

Два танка ворвались во двор 333-го стрелкового полка. Один из них, невзирая на ружейно-пулеметный огонь защитников, близко подходит к углу здания, выходящего к Тереспольской башне. Второй танк, стреляя, движется по двору. Бойцы со связками гранат ползут между руин навстречу. По ним ожесточенно стреляют фашистские пулеметчики. Первый танк продвинулся еще на полдесятка метров и вдруг выпустил слепящую струю огня. Что-то вспыхнуло.

— Огнемет!

И тогда в ярком свете пожара и лучей прожектора защитники подвала увидели: в нескольких метрах от танка на короткие доли секунды возникла фигура вскочившего с земли бойца. Размеренно, как на учении, он заносит руку, рывком бросает связку гранат. Делает еще несколько шагов и падает одновременно со взрывом. Из горящей машины высыпают два фашиста. К ним на помощь спешит второй танк. Но, воодушевленные подвигом неизвестного бойца, идут в атаку защитники крепости. Танк, отстреливаясь, поспешно скрывается в черном проломе ворот.

Безымянный герой лежит у самого танка, обгоревший, обезображенный до неузнаваемости.

Кажется, все свое зло, рожденное беспомощностью и растерянностью перед стойкостью защитников, фашистское командование изливает сотнями снарядов и тоннами бомб. В немногих местах над головой уцелевших осталась крыша. Завалы похоронили под собой многих бойцов, оружие. Отдельные группы защитников отрезаны друг от друга. Много раненых. Теперь они лежат во всех полуразрушенных подвалах казематов...

26 июня. Ночью несколько групп бойцов ходили за оружием. Его добывали, навязывая штыковые бои немецким дозорам, уничтожая вражеских саперов, пробиравшихся в крепость. На обратном пути к подвалам разыскивали еще неубранные трупы фашистов. И вот сейчас у меня, кроме винтовки, немецкий автомат и к нему две запасные кассеты да три

гранаты с длинными деревянными ручками. Правда, немецкие гранаты — детские игрушки по сравнению с нашими РГД-33, но и они убивают.

Над Цитаделью пролетает фашистский самолет, разбрасывая листовки-пропуска. Радио надрывно кричит: «Взят Минск... Бой на подступах к Смоленску...»

Нам ясно одно — нашим сейчас очень трудно там, на далеком от нас фронте. И то, что крепость еще жива, хоть в какой-то мере помогает истекающей кровью родной армии.

«Ура!» — гремит над Цитаделью. Подбегаем к проломам-амбраурам. Что случилось? Вот волна криков приближается к нам. Сбит вражеский самолет, разбрасывающий листовки. Объятый пламенем, он падает где-то за крепостью. И еще раз в этот день слышали развалины крепости радостное «ура». Но это были крики приветствия и вспыхнувшей вдруг большой надежды.

Днем, во время очередного артиллерийского налета, в небе появился советский самолет. Вот он снижается, привлеченный, очевидно, артиллерийской канонадой, бушующей за сотни километров от фронта, и на его плоскостях ясно видны красные звезды. Плачущие от радости защитники, забыв об опасности, выбегают во двор Цитадели, приветственно машут пилотками, оружием, кричат. Заговорили зенитки. Сопровождаемый разрывами снарядов и грассирующих пуль, самолет делает круг над крепостью и уходит на восток.

Утро следующего дня.

Тяжелый снаряд разорвался недалеко от амбрауры, под которой с винтовками (пулемет в один из артралетов был погребен под развалинами) лежали я и сержант Данилов. Помню яркую вспышку, слепящую глаза. Какая-то страшная сила бросает меня на обломки противоположной стены. Все, что происходило дальше в этот день, вспоминаю с трудом, отрывками. Куда-то несут меня. Хочу что-то спросить, но боль мешает. И еще я видел: Данилов на коленях, его голова прижата к земле, он обхватил ее ру-

ками, будто силясь оторваться от земли, и медленно движется по кругу.

Чертовски болит голова. Я лежу среди раненых. Рядом со мной винтовка. Это товарищи побеспокоились, чтобы я не был безоружным. Очевидно, отделался я легкой контузией, но меня здорово поцарапало при падении. Очень тяжелые, непослушные, будто чужие, руки, ноги. Но они целы. Прижимаю к себе винтовку, дотягиваюсь рукой до головы... а позже: сижу, опираясь на обломок стены, мучительно вспоминаю, какой сегодня день. В первый день войны осколки кирпича рассекли мне кожу на голове. Кто-то из бойцов сделал перевязку, и я несколько дней ходил с забинтованной головой. Потом повязку сбросил — она очень мешала. Когда же снова появились эти тряпки?

Грохот разрывов. Сыплется штукатурка. Прижавшись ко мне, вздрагивает маленькая девочка. Она доверчиво ищет у меня защиты. Я не могу, не смею лежать. Крики во дворе: очевидно, наши идут в атаку. Ползу по развалинам к амбразуре, стреляю. Кажется, я теряю сознание.

Ночь. Рядом со мной застрелился тяжелораненый. Возле него, на перевернутом котелке, лежат бережно собранные кусочки снеди. Сколько дней отказывался раненый от еды, чтобы собрать эту небольшую кучку продуктов. Она — последняя помощь бойца еще живым товарищам.

Неумело утешаю девочку. Несколько раз она приносит мне патроны, собранные среди тяжелораненых и убитых, очень серьезно и деловито помогает добираться к амбразуре.

28 июня. С небольшими перерывами весь день немцы бомбят Цитадель. Исступленно кричат:

— Сдавайтесь.

Угрожают уничтожить все живое, сравнять крепость с землей. Готовится генеральный штурм. От нас отрезаны защитники развалин бывшего гарнизонного клуба. Уцелевшие бойцы (они почти все ранены) достают друг для друга оружие...

...Перед рассветом я и Владимир Туманов вы-

ходим из развалин подвалов. Ползем к Мухавцу, решив пробираться в сторону тюрьмы, к железнодорожной линии. Там леса, болота... Очень долго преодолеваем пространство от подвалов до берега реки. У меня не хватает сил. Кажется, что от боли вот-вот потеряю сознание. Тогда — конец. Отдыхаю после каждого десятка метров. Володя терпеливо ожидает меня. Входим в воду. Я плохо плаваю, и ему приходится поддерживать меня плечом. Правда, река не глубокая, и проплыть нужно всего несколько метров, но в одной руке пистолет и винтовка — не замочить бы. Выходим на противоположный берег.

Холодная вода немного освежила. В это время нас накрывает луч прожектора. Рядом впадают в песок пули. Заметили! Бежим, пригибаясь к кустарнику, ползем задыхаясь. Кажется, луч прожектора потерял нас. Но пули свищут над головой. «Наугад бьют», — тяжело дыша, говорит Туманов. Ползем еще до тех пор, пока хватает у меня сил.

КЛЫПА ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ, воспитанник музыкантского взвода 333-го стрелкового полка.

Сражался на участке у Тереспольских ворот Цитадели крепости до 1 июля.

Во время прорыва из крепости попал в плен.

Проявив выдумку и находчивость, вместе с четырьмя сверстниками выбрался из брестской тюрьмы.

Пытался связаться с партизанами, но был пойман и угнан на каторжные работы в Германию, откуда совершал побеги, но неудачно.

После освобождения служил в рядах Советской Армии.

В настоящее время П. С. Клыпа работает на одном из заводов города Брянска. Член КПСС.

Вечер был теплый, тихий. «Хороший будет клев,— заключили мы, засыпая.— Завтра покушаем свежей рыбы».

На рассвете мы очнулись на полу, среди осколков стекла и кусков штукатурки. Кругом были крики, стоны, кровь. За выбитыми окнами — сплошная пелена дыма и пыли, вспышки огня. Мы выбежали в коридор и тут услышали команду сержанта полковой школы: «К оружию!»

Здание рушилось. Схватив карабины, побежали вниз, в подвал. Там собралась уже большая группа бойцов и несколько командиров, стонали раненые. Какие-то минуты было замешательство — никто толком не знал, что произошло. Но только минуты. Находившийся здесь старший лейтенант Потапов приказал занять круговую оборону. Помощник начальника штаба полка лейтенант Санин быстро привел людей в боевой порядок, расставил их по местам, а затем обратился к нам, юным музыкантам:

— Наверху здания надо установить наблюдательный пункт. Кто согласен это сделать?

Грохот продолжался, идти было боязно. Но все уже были заняты делом. И я, преодолев робость, сказал:

— Я пойду.

Помнится, Санин ничего не ответил, только по-

теплевшими глазами как-то по-особому посмотрел на меня.

Сказать по правде, подниматься наверх было страшновато. Рвались бомбы и снаряды, свистели пули. Но любопытство взяло верх. Потихоньку, приседая после каждого разрыва снаряда или цокота пуль о камни, я с бьющимся сердцем поднялся на уцелевшее крыло казармы, подошел к выбитому окну.

То, что открылось моему взору, было еще страшнее, чем пробуждение среди огня и смерти. Над крепостью с воем проносились на бреющем полете самолеты с черными крестами на хвостах. Повсюду бушевало пламя, с треском рушились стены. Во дворе метались полураздетые женщины, дети и тут же падали, подкошенные осколками. А вокруг крепости за земляным валом смыкалось кольцо танков с такими же, как на самолетах, черными крестами. За ними бежали густые цепи солдат в касках и зеленых мундирах.

Камнем слетел я вниз, доложил обо всем виденном командиру. Потапов и Санин, не медля ни минуты, повели бойцов к окнам и амбразурам первого и второго этажей казармы. Мне было приказано продолжать наблюдение.

Снова прильнув к амбразуре, я уже не испытывал того страха, как в первый раз. По-прежнему свистели пули. Через мост, прямо к нашим казармам, бежали вражеские автоматчики. Но вот с шумом распахнулись двери соседнего здания, и с криком «ура» на них бросились бойцы 84-го стрелкового полка. Теперь я узнал, что атаку возглавлял комсорг Матевосян. Они ударили врага в штыки, разрезали его отряд на две части. Ошеломленные этой неожиданной атакой, немцы пустились наутек. Но наши преследовали их по пятам. Прижав к реке, быстро перебили всю группу. Другую часть автоматчиков, которая повернула назад к Тереспольским воротам, встретили кинжальным огнем стрелки нашего полка. Путь к отступлению был отрезан.

Не считаясь с потерями, враг вновь и вновь предпринимал атаки, но под сильным огнем защитников откатывался назад. Стреляли все, кто мог держать оружие. Помню, в подвале оказался раненый пограничник Бобренок. Он потерял много крови, но продолжал стрелять. Нередко он был без сознания, но как только приходил в себя, снова брался за карабин. Пулю за пулей посылал в стан противника кавказский кузнец, немец по национальности, Эдуард Дамм. Рядовой боец Иван Бугаков, когда в пылу сражения был убит командир взвода, принял командование подразделением на себя, и бойцы продолжали драться, не щадя своей жизни.

Беспримерную отвагу проявил не известный мне политрук. С наблюдательного пункта я увидел его лежащим в крови возле поворота казармы 44-го полка. Руки его были согнуты, рядом с ним, распластавшись, — два трупа фашистов. Убитых кругом было много, но этот мне особенно запомнился. Вечером бойцы, перебежавшие к нам в подвал из другого подразделения, рассказали о том, что накануне войны политрук пришел домой поздно и спал в своей квартире. При первых взрывах снарядов два бойца вбежали к нему, а через минуту вслед за ними по коридору протопали ворвавшиеся в расположение полка гитлеровские автоматчики. Бойцы притаились за раскрытой дверью. Немец с ходу пустил из коридора в комнату очередь. Но как только он сунулся в дверь — политрук выстрелил в него в упор. В ту же секунду он подхватил его левой рукой и выставил обратно в коридор. Заслоняясь этим трупом, он стрелял в бежавших гитлеровцев.

Затем этот человек бросился во двор, собрал группу бойцов и повел их навстречу наступающим фашистам. Заняли одно из зданий над дорогой, по которой вражеские автоматчики рвались в крепость. Целый день горстка наших людей сдерживала во много раз превосходящие силы противника, и только когда немцы прямой наводкой начали разрушать здание, политрук дал команду отходить. Бойцы

успешно переплыли Мухавец, окаймляющий остров. Но из углового здания кольцевых казарм выскочили фашисты. Политрук приказал бойцам продвигаться, а сам, чтобы отвлечь от них внимание, выпрямился во весь рост и пошел прямо на врага.

Увидев идущего к ним советского командира, гитлеровцы перестали стрелять, решили взять его в плен. Когда они приблизились к нему вплотную, политрук выхватил гранату. Но бросить ее не успел — враги перехватили ему руки. Гранату немцы отнять не могли, она была зажата намертво. И вот в какую-то долю секунды он изловчился и сдернул кольцо гранаты зубами. Раздался взрыв. Политрук погиб, одновременно уничтожив двух фашистов.

В бою прошел весь день. К вечеру, когда началась бомбежка, бойцы подразделения опять собрались в подвал. Командиры перегруппировали силы, создали штаб обороны. Но оружия было мало, боеприпасы почти все кончились. Приняли решение связаться с другими группами обороняющихся и попытаться пробиться к своим. Требовалось выяснить, где у фашистов меньше сил, чтобы прорвать их кольцо. Помнится, руководивший обороной нашего участка старший лейтенант Потапов говорил Санину:

— Хорошо бы пробраться к Тереспольской башне, взобраться на ее вышку да посмотреть кругом. Но все пути к этой башне простреливаются. Разве вот только эти мальчики проскользнут.

Мы с Колей Новиковым были рядом и слышали их разговор.

— Пойдем? — спросил тихо Николай.

— Пойдем, — ответил я и обратился к Потапову: — Товарищ командир. Разрешите, мы пойдем в разведку?

— Согласен, только будьте осторожны, — помолчав, произнес Потапов.

— Есть быть осторожным.

На рассвете мы вышли во двор. Плотнo прижмаясь всем телом к земле, поползли через площадь.

Когда до башни оставалось 12—15 метров, оттуда по площади ударил пулемет. Пули стучали рядом. Вскочив, мы устремились под защиту крепостной стены.

Выждав, когда на башне прекратилась стрельба, мы снова поползли. С башни опять ударил пулемет, где-то неподалеку застрочили автоматчики. Но здесь нам была знакома каждая извилина, и мы благополучно добрались до ближнего отсека. Оказавшись в здании, прислушались. Тихо. О наружную стену ударяют пули, но немцев тут, кажется, нет. Поднявшись, побежали вдоль стены в глубь казармы. Завернули за угол. И вот он — склад. Целые пирамиды винтовок, пистолетов, ручных пулеметов и даже автоматов «ППД». В штабелях ящики с патронами, гранаты, мины.

Набрав с собой сколько смогли унести оружия и боеприпасов, мы вернулись в подвал. Увидев нашу добычу, бойцы встретили нас восторженным «ура». Как связной Потапов, я доложил ему: «Товарищ командир, на башню пробраться не смогли, она захвачена. Но нашли большой склад оружия, и туда можно пройти».

— Молодцы! Объявляю вам благодарность,— радостно сказал Потапов и тут же отправил с нами несколько бойцов за оружием. На этот раз пошел и перешедший в подвалы казарм из расположения 44-го стрелкового полка наш сверстник музыкант Петя Котельников.

Ходили за оружием несколько раз.

Однако с наблюдательного пункта немцы заметили, что мы переносим оружие и боеприпасы. В расположение склада посыпались вражеские снаряды, и вскоре он был взорван.

— Ничего,— утешали себя бойцы и командиры.— Теперь мы живем, будет чем обороняться!

В дверях подвала были установлены минометы. К ним натаскали целую кучу мин. И когда немцы стали переправлять по наведенному ими за ночь через Буг понтонному мосту свои танки, пехоту и машины с боеприпасами, минометчики взяли их

под сильный обстрел. Гитлеровцы открыли ответный орудийный огонь. Мост уничтожили, вражескую переправу сорвали. Но несколько фашистских танков все же прорвались в Цитадель через Трехарочные ворота. Один из них стал прямой наводкой обстреливать наши казармы. Тогда из подвала, в котором держали оборону подразделения нашего полка, выбежали два смельчака. Это был рослый с резкими чертами волевого лица старшина 333-го стрелкового полка¹ и помощник начальника штаба 44-го стрелкового полка старший лейтенант Семенов. Устремившись к уцелевшей пушке, они повернули ее в сторону врага, снаряды находились рядом. Семенов подал один снаряд старшине, тот навел орудие по стволу (панорама у пушки была разбита вражеским арснарядом), и у самых гусениц фашистского танка взметнулось черное облачко земли.

Вторым снарядом смельчаки заклинили башню танка и двумя последующими выстрелами вывели его из строя. Тогда немцы из минометов начали обстреливать двор, где стояла пушка. Но старшина и Семенов, сделав свое дело, успели укрыться в подвале.

Сопrotивление защитников крепости росло.

В разгар боя фашисты снова предложили нам сдаться. В качестве парламентаря послали девочку-подростка, захваченную ими в плен вместе с советскими женщинами и детьми в районе электростанции.

Под огнем девочка побежала в казармы. Это была моя сверстница, 14-летняя дочь старшины сверхсрочной службы Ивана Зенкина — Валя. Мы вместе с ней учились в одной школе. Ее знали многие наши бойцы. Заметив бегущую, стрелки и пулеметчики прекратили огонь, а когда она приблизилась — втащили в подвал, доставили к Потапову. Она передала вражеский ультиматум: немедленно сдаться, в противном случае немцы грозили сме-

¹ Старшина 3-й минометной роты 333-го стрелкового полка Е. Г. Хлебников. Его воспоминания см. на стр. 561.

шать оборонявшихся с землей. Но о сдаче никто не помышлял. С новой силой заговорили наши карабины, пулеметы, минометы. Осталась с нами и Валя.

А лишения становились все тяжелее. Вся крепость была в плотном кольце. Все ожесточеннее становились бомбежки и артиллерийский обстрел. На нас сбрасывали зажигательные бомбы, поджигали здания огнеметами. Кругом полыхало море огня. Казалось, там не оставалось ничего живого. Но стоило приблизиться врагам, в них снова летели пули.

Такой же решимостью — биться до последнего вздоха — жил и наш участок. Но силы были неравны. У нас снова не было боеприпасов. Обороняться приходилось только тем, что захватывали у врага. С нежностью и болью смотрели бойцы на исхудалых ребятишек, готовые пожертвовать всем, лишь бы облегчить их участь. В этом помогали им и мы, воспитанники музыкантского взвода. Трудно подсчитать, сколько раз под перекрестным огнем подползали мы с котелками в зубах к Мухавцу и Бугу, чтобы достать воды и утолить жажду детей и раненых. Для них же мы часто разыскивали медикаменты, пробирались в разрушенный склад продовольствия и кухню, собирали и приносили за пазухой сахар, воблу, сухари.

Не в силах больше смотреть на страдания детей и женщин, командование приняло решение отправить их в плен. Все знали, что враг жесток, но надеялись, что, быть может, он пощадит детей и они будут спасены.

В первые дни все защитники верили, что скоро придет помощь. Теперь все яснее становилось, что на скорый приход наших войск надежды нет, и каждый видел свою задачу в том, чтобы как можно дольше задержать здесь силы немецко-фашистских захватчиков. Поэтому все дрались до последней капли крови. С винтовками, пистолетами и гранатами в руках можно было видеть на разных участках обороны и многих женщин.

Они с материнской любовью старались облегчить страдания раненых. И вот теперь женщин отправляют в плен. Узнав об этом, они запротестовали, стали упрашивать не отправлять их на муки к врагу.

— Эти муки, — ответил им весь израненный лейтенант Андрей Кижеватов, — вы примите во имя Родины. Уходите. Постарайтесь спасти детей.

Со слезами на глазах вышли из укрытий женщины и дети с белым флагом и направились в фашистский плен.

О сдаче, конечно, никто в эти тяжелые дни не думал. Но положение становилось безвыходным, и командование решило пойти на прорыв. Старший лейтенант Потапов тщательно разработал план. Он состоял в том, чтобы вырваться через мост на Западный остров, переплыть рукав Буга, выйти на соседний Южный остров, в район госпиталя, и оттуда пробираться в сторону Южного военного городка, где перед войной стояли наши танковые и артиллерийские части. Потапов надеялся, что танкисты продолжают еще обороняться в этом городке. Расчет был построен на том, что немцы, очевидно, ждали прорыва в северном направлении и сосредоточили там свои главные силы. Потапов же выбрал направление на запад, где немцы оставили лишь незначительные заслоны. После очередного ультиматума, когда гитлеровцы предложили защитникам центральной части крепости полчаса «на размышление» и прекратили артиллерийский огонь, Потапов с оставшимися в живых бойцами перебежал в помещении казармы, примыкающей к Тереспольской башне. В момент, когда срок ультиматума истек и немцы с удвоенной силой принялись обстреливать центр крепости, Потапов командовал бойцам: «За мной, вперед!» — и ринулся из окна.

За ним все устремились на берег Буга... В быстрой, как молния, рукопашной схватке бойцы уничтожили вражеский заслон и бросились через дамбу на Западный остров. Бежали без единого выстрела, и потому враги не сразу заметили эту атаку.

Первый этап прорыва прошел удачно. По зарослям острова мы быстро добрались до второго рукава Буга и пустились вплавь. Но в момент, когда уже отплывали последние бойцы, откуда-то из-за кустов с противоположного берега по воде ударили немецкие пулеметы. Большинство бойцов погибло в реке.

Вскоре нас осталось 13, потом 9. Изможденные, голодные мы выбрались наконец в лес. После долгих бессонных ночей крепко уснули. Проснулся я от сильного удара в бок. Мои товарищи уже стояли рядом под конвоем...

ОФ МГОВК, оп. 333, д. 38, лл. 12—23.

ХЛЕБНИКОВ ЕВГЕНИЙ ГЕОРГИЕВИЧ, старшина 3-й минометной роты 333-го стрелкового полка.

Сражался в районе Тереспольских ворот Цитадели до начала июля. В ночь под 1 октября 1941 года вместе с С. М. Матевосяном и другими товарищами бежит из плена. Зимой перешел линию фронта. Сражался в рядах Советской Армии. В феврале 1942 года снова пленен. После освобождения из плена в 1945 году продолжал службу в рядах Советской Армии.

В настоящее время Е. Г. Хлебников работает в Духовщинском районе, Смоленской области. Награжден орденом Славы III степени, член КПСС.

Оборона крепости помнится хорошо, такое не забывается. Но, как обычно, что-то ярче запечатлелось, что-то больше поразило воображение. О некоторых эпизодах, а особенно о своих боевых товарищах мне хотелось бы рассказать.

...Старший лейтенант Потапов появился среди нас еще во время артиллерийского обстрела. Приняв командование подразделениями, он тотчас же расставил по местам бойцов, организовал круговую оборону...

...Вот помощник командира взвода полковой пешей разведки старший сержант Гордеев из окна нашего склада боепитания стреляет по очереди из трех самозарядных винтовок, а два раненых красноармейца заряжают магазины. Таким образом они уничтожили немало гитлеровцев, которые рвались к расположению 125-го стрелкового полка.

...Пулеметчик 8-й стрелковой роты 3-го батальона старший сержант Владимир Логинов буквально скашивал противника из пулемета с воздушным охлаждением. Когда же не хватало боеприпасов, бойцы переходили врукопашную.

Проходя с боем участок в 75 метров к столовой командного состава, сержант Чалов из 3-й минометной роты в ожесточенной рукопашной схватке уничтожил 19 гитлеровцев. Сам он вышел из боя

легко раненым. В этом бою я тоже получил ранение в голову.

Мы отлично понимали, что значит воевать с фашистами, которые ползут со всех сторон. Немцы с каждой минутой усиливали огонь по центральной части крепости. Враг стремился закрыть огнем вход в центр крепости и тем самым не дать возможности нам пробиться к своим.

Не помню, какого числа немецкий корректировщик и несколько фашистских автоматчиков засели на втором этаже столовой командного состава. Надо было их немедленно снять оттуда. В уничтожении этих фашистов принял участие и старший лейтенант А. И. Семенов, бесстрашный, волевой человек.

...Уже в июле, при попытке прорыва в сторону армейского госпиталя, повел бойцов в атаку начальник химической службы 333-го стрелкового полка старший лейтенант Семенов (лет сорока на вид, в бушлате). Он погиб. Это было между бывшим костелом и столовой саперов.

...Все меньше и меньше оставалось среди нас живых. А мы с еще большей яростью брались за оружие. Только бы выстоять, только бы выстоять, только бы подороже продать свою жизнь! Но силы наши таяли с каждым днем. А враг, вооруженный до зубов, все лез и лез. Снова и снова мелькали перед нами ненавистные зеленые мундиры. Гитлеровцы беспрерывно через установленные по крепости громкоговорители предъявляли нам ультиматум о сдаче в плен, грозили уничтожить, смешать нас с землей.

И хотя боеприпасов и так не хватало, хотя каждая пуля была у нас на особом счету, мы не выдерживали и всякий раз после очередной брехни стреляли в ту сторону, откуда раздавался хриплый, квакающий голос вражеского диктора. Пусть знают, как мы воспринимаем их ультиматум!

...Помню, когда мы пытались прорвать через Трехарочные ворота кольцо окружения, сержант Рыбаченко Петр Максимович и младший сержант

Чалов подняли свои группы-взводы врукопашную. Плотный, маленького роста, сержант Петр Рыбаченко был неуязвимым и неуловимым человеком. Его всегда можно было видеть на самом трудном участке. А спустившись в подвалы после боя, он еще шутил.

Все они до сих пор стоят передо мной как живые.

ОФ МГОВК, оп. 333, д. 70, лл. 3, 4, 6.

ПЕТЛИЦКИЙ АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВИЧ,
лейтенант, командир взвода противотанковых
орудий 44-го стрелкового полка.

Сражался в районе Тереспольских ворот Ци-
тадели до 8—9 июля.

Прошел через фашистские лагеря военно-
пленных Бяла-Подляска, Хаммельбург.

В настоящее время А. Л. Петлицкий работает
на радиозаводе в городе Минске. Награжден
орденом Красной Звезды.

Огонь противника превратил Центральный остров в нечто огненное, непроходимое: Площадь между северными кольцевыми зданиями и казармой 333-го полка была завалена жестью, сорванной с крыш, и грудями кирпича. Машины, стоявшие тут же, на площади около штаба 44-го стрелкового полка, горели. Все окуталось черным дымом и пламенем. Не дожидаясь конца обстрела, я стремился пробраться к своему подразделению, расположенному около Северных (главных) входных ворот. Сначала я добрался до красноармейской кухни, находившейся в кольцевых зданиях по пути к Трехарочным воротам. Тут вынужден был взять на себя инициативу по приведению в боевую готовность здоровых и укрытию раненых.

Разыскав боеприпасы, приказал занять оборону в помещениях, обращенных окнами в северную часть крепости. Раненых опустили в подвал котельной, которая находилась под кухней. Пробираясь дальше к Трехарочным воротам, я остановился у фуражного склада, где бойцы и командиры уже организовали оборону и вели огонь по противнику, пытавшемуся под прикрытием своей артиллерии прорваться на Центральный остров с северо-западной стороны крепости. Не хватало оружия. Бойцы брали его у убитых товарищей и продолжали вести

огонь. Командир (выпускник нашего училища, фамилии не помню), возглавлявший оборону на этом участке, предложил мне взять несколько бойцов, разыскать орудие и установить его для обстрела моста у Трехарочных ворот. Мне выделили шесть человек — все младшие командиры. Один из них, помню, был высок, прекрасно сложен, его уже успело где-то оглушить.

Орудия решили взять из артпарка, который находился на Центральном острове между зданием клуба (бывшая церковь) и зданием 333-го стрелкового полка.

Вместе с группой я пробрался в подвалы 333-го стрелкового полка, где находился штаб обороны нашего участка, которым командовали старший лейтенант Потапов и лейтенанты Санин и Кижеватов. Я доложил о наших действиях старшему лейтенанту Потапову. Это был человек средних лет, невысокого роста, черноволосый, с орденом Ленина или Красного Знамени, точно не помню, на груди. Он одобрил их и разрешил добраться к артиллерийскому парку.

Пробираться к орудиям было трудно, так как немцы вели огонь из церкви по окнам, а как раз из них-то и нужно было нам вылезать. Все-таки мы пробрались к артпарку и выкатили уцелевшее 76-мм орудие. С большим трудом доставили его к Трехарочным воротам.

После выполнения задания мне приказали вернуться в штаб 333-го полка, а расчету вести огонь прямой наводкой только в случае подхода танков и бронемашин противника или при наступлении больших подразделений. Снарядов было очень мало. Их приходилось экономить.

В подвалах мне выделили группу бойцов и поручили оборонять один из участков здания. Стреляли по воротам, что вели на Северный остров. Оттуда прорывались большие группы фашистов.

Левее нас занимала оборону группа во главе с выпускником нашего училища лейтенантом Капустиным.

Особенно трудно приходилось ночью. Измученные дневными боями, недосыпанием и недоеданием люди падали и засыпали. Ночью немцы пробирались небольшими группами, стараясь забросать нас гранатами. Поэтому и ночью напряжение почти не ослабевало.

С первых часов мы наладили телефонную связь с подразделением, занимавшим оборону левее Тереспольской башни, но очень скоро она нарушилась. Мы отправили туда связного, который, вернувшись, сообщил, что бойцы без командира и ведут огонь по Западному острову, так как немцы пытаются прорваться к мосту, используя для переправы понтонные лодки. Меня послали к ним. Это были бойцы из 132-го конвойного батальона войск НКВД. Выяснив обстановку, я отправил на командный пункт связного. Бой продолжался с нарастающей силой. Обойдя Тереспольскую башню, немцы начали атаковать нас с фланга. Им удалось вклиниться в нашу оборону.

Перейдя в контратаку на первом этаже казармы, мы отбросили врагов к столовой и там полностью их уничтожили в рукопашном бою. Бой был тяжелым, силы врага превосходили наши: их было до взвода, а нас только 12 человек. Они предприняли еще несколько попыток выбить нас, но им это не удалось. Тогда немцы решили поджечь здание и выкурить нас дымом. Мы едва успели выхватить из огня несколько ящиков с патронами и выбросить на внутренний двор. Захватив еще два станковых пулемета, стали отходить вдоль стены здания к Тереспольской башне, чтобы от нее пройти в подвалы 333-го полка.

Не доходя до Тереспольской башни, выдержали еще один бой в помещении электростанции. После боя нас осталось человек шесть. В подвалах 333-го полка мы установили два свои пулемета, повернув их в сторону западной части зданий. В это время немцы возобновили артиллерийский обстрел.

С каждым днем обстановка ухудшалась. В последних числах июня в подвале 333-го полка со-

стоялось партийное собрание. Обсудив положение, все согласились, что надо идти на прорыв в сторону государственной границы. Миновав Тереспольскую башню, прошли около моста по камням, перекрывающим русло реки, и стали продвигаться дальше. Однако с левой стороны у нас оказалась немецкая засада. Развернувшись, наша группа приняла бой, стараясь сблизиться для рукопашной схватки. От начавшегося артиллерийского обстрела группа понесла исключительно большие потери.

Оставшиеся в живых уходили, кто как мог.

Я и несколько бойцов стали пробираться влево к реке, но там нас обстреляли. Тогда мы переползли вправо к насыпи, на которой, помню, стояла разбитая легковая машина, затем перебежали к бревенчатому строению, что виднелось позади насыпи; хотели залезть в сарай, но он оказался крепко заколоченным. Не теряя времени, я переполз к плотине, глотнул воды и бросился бежать. Видел, как ложились около меня рядки пуль, но всем уже удалось скрыться за стеной электростанции¹, а потом уйти в подвалы 333-го полка.

Там находились раненые, которые не могли идти на прорыв. Они подползали к огненным рубежам и вели огонь, зачастую тут же, на месте, умирая от потери крови и жажды.

Каждый выстрел тревожил немцев. Через установленный репродуктор они говорили о взятии Минска, о продвижении своих войск дальше на восток, заканчивая передачу словами: «Сдавайтесь, сдавайтесь».

В ответ на предложение врага наши раненые открывали огонь, и немцы, уточнив, откуда ведется стрельба, начинали усиленный обстрел этого участка, превращая все в груды развалин.

Когда я выбрался из подвалов с намерением разведать, что происходит у Трехарочных ворот, меня обдало жаром пылающих казарм. Среди кирпича

¹ Электростанция находилась в юго-западной части кольцевой казармы неподалеку от Тереспольских ворот.

множество обуглившихся трупов. Мне помнится, что, когда я, проходя к Трехарочным воротам, заскочил в развалины еще не догоревшего склада с телогрейками, то увидел на тлевшей одежде кровь, а у разрушенной стены пристроившихся для ведения огня раненых бойцов. У Трехарочных ворот, накрившись влево, стояла пушка, которую мы выкатили в первый день.

Я снова вернулся в подвал 333-го полка. Там тоже лежали раненые. Те из них, которые могли немного передвигаться, занимали боевые места. Немцы стали засылать мелкие группы своих солдат по 3—4 человека. Но таким группам редко приходилось возвращаться назад. Раненые стреляли метко.

Время шло, а помощь не подходила. Люди слабели... Кончились патроны, надо было разыскать боеприпасы, а также найти удобное место для подхода к воде.

Я пробрался к Тереспольской башне, осмотрелся, там никого не было. Пошел в машинное отделение электростанции и стал искать в трубах воду, чтобы хоть немного утолить жажду. Во рту было сухо до такой степени, что на губах выделялось что-то белое, липкое. Страшно болела голова, к тому же после контузии я оглох.

Занимаясь поисками воды и выбирая удобный подход к Бугу для наполнения фляг, я не слышал, как сзади на меня налетели немцы и сбили с ног. Это произошло 8 или 9 июля.

ОФ МГОВК, оп. 44, д. 47, лл. 10—15.

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ, писарь
обозно-вещевого снабжения 333-го стрелкового
полка.

Сражался в районе Тереспольских ворот Ци-
тадели. Раненый пленен 15 июля.

Из лагеря военнопленных в Бяла-Подляске
пытался бежать, но безуспешно. Затем нахо-
дился в лагерях Хаммельбург, Маутхаузен.

Из лагеря, расположенного в Германии у го-
рода Егерь, в марте 1945 года бежал. В чехо-
словацком местечке Хиняво, округ Кладно, во-
шел в партизанский отряд.

С мая 1945 года продолжал службу в Совет-
ской Армии.

В настоящее время А. И. Караваяев работает
бухгалтером в одном из колхозов Калининской
области.

На западном рубеже

Мы организовали оборону в подвалах под зданием нашего полка. Само здание давало нам большое преимущество в обороне по сравнению с другими участками: оно имело П-образную форму, располагалось в самом центре крепости, а массивные, толстенные подвальные помещения были соединены между собой ходами. Накануне войны примерно более половины личного состава полка было отправлено на укрепление государственной границы.

В пять часов утра старший лейтенант из штаба полка (фамилии его не помню) приказал принести полковое знамя, находившееся на 2-м этаже, который к тому времени был уже частично разрушен. Солдат Борисов, старшина и я вызвались выполнить это задание. Добравшись до второго этажа, мы увидели в одной из комнат немецкого солдата. Выстрелом из винтовки Борисов смертельно ранил его...

...Принесли знамя полка. Старший лейтенант произнес короткую речь, призвал всех, находившихся в подвале, защищать крепость и заверил личный состав, что боевое знамя 333-го полка врагу не достанется.

Примерно в 6 часов утра немцы проникли в коридор, комсоставскую столовую, электростанцию. Наша часть, а также бойцы 84-го полка, сражавшиеся на соседнем участке обороны, начали обстрел этих объектов.

У входов в подвал установили пушки, а у амбразур — пулеметы, преградив таким образом врагу отход. К 12 часам немецкие группы, прорвавшиеся в расположение нашего участка обороны, были полностью уничтожены. Враги, повторив огневой налет, снова перешли в атаку, но бойцы, получившие боевое крещение, были уже подготовлены к длительной обороне. До наступления темноты немцам так и не удалось добиться никакого успеха.

На второй день фашисты стали строить переправу через реку Буг. Своевременно заметив и разгадав их планы, часть защитников перешла из подвалов в помещение столовой автобата, которая находилась на самом берегу реки. И как только началась переправа, дружный огонь защитников крепости заставил вражеских солдат снова откачаться на прежние позиции.

Помню, как наши бойцы подобрали малыша лет трех, совсем голенького, закопченного, страшно перепуганного; он был ранен пулею в живот и ничего не отвечал на наши расспросы. Мы отнесли его в подвал, передав находившимся там женщинам.

Немцы неоднократно предлагали нам сдаваться в плен. Они заявляли, что уже заняли Минск. Подходят к Смоленску. Но красноармейцы честно и самоотверженно выполняли свой воинский долг.

Положение становилось все тяжелее: кончались боеприпасы, мин и снарядов уже не было, каждый винтовочный патрон берегли на самый крайний случай. Еще хуже обстояло дело с продовольствием. Пытались раскопать что-либо в разбитом складе, но тщетно. Правда, иногда в гудах кирпичей находили сливочное масло и мясо, которые уже были попорчены, но все это были только крохи. Особенно мучила жажда. Вода в подвалах отсутствовала, и мы перебрались в гараж, находившийся возле берега реки Мухавец, в надежде как-нибудь добыть воду.

Фашисты, заметив наше появление на берегу, открыли сильный артиллерийский и минометный огонь.

Боеприпасы кончились, и нас осталось немного. Мы решили при помощи штыков прорваться сквозь вражеское кольцо. Бойцы стали бросаться в воду. Но немцы не дали нам возможности выйти из воды. Всех, кто появлялся на том берегу, косили пулеметы. Люди рассыпались мелкими группами по 3, по 4 человека. Многие возвращались в подвалы, в развалины. Дальнейшее сопротивление без боеприпасов и продовольствия становилось невозможным, в то же время и в плен не хотелось попадать.

Как-то ночью я и боец Алексей Багурин вылезли из подвала. Я был ранен в ногу, но легко, только очень мешала пуля, оставшаяся в мышцах. Мы надеялись переплыть через Мухавец и под покровом темноты выбраться из крепости. Однако нас заметил немецкий часовой. На его выстрелы прибежало несколько фашистов. Случилось то, чего мы так хотели избежать... Багурина оставили в крепости для закапывания трупов, а меня на понтонной лодке переправили на тот берег Буга.

ОФ МГОВК, оп. 333, д. 36, лл. 3, 6, 7.

Ниже публикуются воспоминания начальника 17-го Краснознаменного пограничного отряда полковника запаса Александра Петровича Кузнецова, жены капитана И. Н. Зубачева — Александры Андреевны Зубачевой, сына полкового комиссара Е. М. Фомина — Юрия Ефимовича Фомина и бывшего военного врача, ныне кандидата медицинских наук, Юрия Викторовича Петрова. Их воспоминания дополняют представление о событиях на границе в канун и в начале Великой Отечественной войны, об организаторах и руководителях обороны Брестской крепости.

На границе

Ежедневно с каждой заставы ко мне поступали сводки наблюдений. Они передавались в штаб пограничного округа в Белосток.

В мае мы получили строжайший приказ (у бойцов и командиров была взята расписка) — ни в коем случае не стрелять по немецким самолетам. На участке 97-го отряда сбили один самолет, за что начальник отряда чуть не поплатился жизнью.

За месяц до войны в крепости, в стрелковых частях, провели учебную тревогу. Итоги неутешительны: медленно собирались, медленно выходили. В воротах — «пробки».

Числа 19 июня на 18-й заставе, где начальником был старший лейтенант Михайлец, задержали лавзутчика, вооруженного до зубов.

Почти со всех застав приходили сообщения: местные жители кричат с сопредельной стороны — «Немцы нападут на вас!»

18 июня меня вызвали в Белосток и приказали привести все заставы в боевую готовность. Я объехал все заставы и в 12.00 21 июня доложил об исполнении приказа. В деревнях крестьяне запасали мыло, спички, керосин. Чувствовалось напряжение. В этот день не удалось пообедать, так как срочно выехал на 11-ю заставу: загорелся дом в деревне Митьки, на самой границе. Только вернулся в Брест,

как сообщили, что такой же пожар возник напротив, на немецкой стороне. Вывод напрашивался сам.

21 июня примерно в 20.30 заместитель командующего пограничного округа комбриг Курлыкин приказал отправить 100 человек пограничников в Литву. Я пригласил на совещание заместителя по политчасти Ильина (живет сейчас во Владивостоке), начальника штаба Кудрявцева, секретаря партбюро Смыслова, заместителя командира отряда по разведке Ведякина и заместителя по тылу майора Гуценко и дал задание собрать 100 человек с застав и отправить, а принять 120 человек из Белостока.

В 24.00 прибегает майор Ведякин и докладывает, что по полученным данным в 4.00 немцы нападут на нас. Сразу же звоню в штаб, оттуда отвечают: ждите указаний. Я отдал распоряжение по комендатурам держать заставы в боевой готовности.

В 1 час. 30 мин. 22 июня мне позвонил член Военного Совета 4-й армии дивизионный комиссар Шлыков (погиб под Керчью) и спросил, как на границе. Я ответил, что напряженно. Но подробно по городскому телефону, мол, сказать не могу, пусть звонит через военную часть. Минут через 10 звонит начальник 88-го погранотряда майор Зиновский (погиб потом на фронте) и сообщает, что в районе железнодорожного моста Семятичи у него украли часового. Нашли у моста немецкую каску. Звоню своему соседу — начальнику 97-го погранотряда подполковнику Сурженко. Он отвечает, что у него тоже беспокойно. На правом фланге шумят танки. На остальном участке, где болота, тихо. Опять звоню в округ: «Что делать?». В Белостоке находился как раз начальник погранвойск СССР генерал-лейтенант Г. Г. Соколов. Но ответа я не получил. Так и ждал указаний до 4.00 22 июня.

В боях 1941 года на границе отличилась 2-я застава (начальник лейтенант Горбунов). Почти целиком погибла 4-я застава, ее начальник старший лейтенант Тихонов.

Героически дралась 11-я застава под командованием своего командира Евдокимова и начальника

штаба 3-й комендатуры Перова (Перов сейчас живет в Киеве. Евдокимов в войну партизанил).

13-я, 14-я, 15-я заставы стойко сдерживали натиск фашистов. Особенно хорошо дрались воины 20-й заставы во главе с лейтенантом Манекиным. За боевые действия на границе он был награжден орденом Красного Знамени.

Многие местные жители укрывали у себя, лечили раненых пограничников.

Во время обороны дочь Кижеватова Нюра храбро действовала с винтовкой в руках. Ей было 15 лет.

ОФ МГОБК, оп. 17, д. 35, лл. 5—6.

Память сердца

В 1928 году я вышла замуж за Ивана Николаевича Зубачева. Тогда я работала на ткацкой фабрике в городе Зарайске, Московской области, а муж мой недалеко от этого города заведовал избой-читальней. Через год его перевели на швейную фабрику в местечко Беловомут и избрали секретарем производственной партийной ячейки.

Родом из бедной крестьянской семьи, Иван Николаевич всю жизнь отдал делу служения Родине. В 1918 г. он добровольно вступил в ряды Красной Армии, стал коммунистом. С марта 1919 г. Иван Николаевич — курсант 1-х Московских пулеметных курсов. Не раз приходилось ему быть на охране Кремля, видеть Ильича. В 1923 г. Ивана Николаевича демобилизовали, и он уехал в деревню, а в 1925 г. его избрали секретарем сельской ячейки ВКП(б).

В это время против Советской власти начали активно действовать кулацкие элементы. Дни и ночи проводил Иван Николаевич на работе. В него не раз стреляли враги из-за угла, но все обходилось хорошо.

В 1929 году, как активного коммуниста, его послали учиться в Коломенскую совпартшколу. Два года, пока муж учился, я жила у его родителей (село Подлесная Слобода, Луховичский район, Мо-

сковская область). Это была бедная крестьянская семья.

После окончания школы Иван Николаевич работает инструктором Коломенского райкома партии, а в 1932 году его, как командира запаса, призвали в армию.

С этого времени он уже никогда не расставался с армией. Мы часто переезжали с места на место.

В 1940 году мой муж принимал участие в боях с белофиннами, а после окончания этой войны получил назначение в Западный особый военный округ в 44-й стрелковый полк 42-й стрелковой дивизии. Сначала его часть находилась недалеко от Каргуз-Березы, а незадолго до войны ее перевели в Брестскую крепость.

Наша семья жила на втором этаже в одном из зданий командного состава, которые стоят и теперь недалеко от Северных ворот крепости.

На границе было очень тревожно. Иван Николаевич всегда находился в части до двенадцати часов ночи. Мне кажется, что в последнее время он занимал пост заместителя командира полка по хозяйственной части. Аттестация на присвоение ему очередного воинского звания майора была отослана в Наркомат обороны.

В последний вечер перед войной муж вернулся домой поздно. Было около 11 часов.

— Шура, накрывай на стол, посидим сегодня, — обратился он ко мне, доставая графин с пивом.

Мы в этот вечер вспомнили свои детские и юношеские годы, родных и близких. А когда из кино вернулись Юра и Толя, он их обнял и с какой-то тревогой в голосе сказал:

— Вы уже большие, дети, если что-нибудь случится, не обижайте свою маму.

Уснули только в первом часу ночи. Было еще темно, когда нас разбудила артиллерийская канонада. Выбежали на террасу. Со стороны границы с визгом летят над нами снаряды и падают в районе Северного военного городка и вокзала. Вся крепость охвачена взрывами.

— Что это? — спросила я у мужа.

— Собирай быстрее детей,— сказал он мне, а сам бросился одеваться.

Я разбудила Юру и Толку, наспех набросила на них одежду, и мы сбежали по лестнице вниз.

«Спрячься в подвале, смотри детей, я иду в полк»,— сказал мне муж на прощание и побежал в крепость. Больше мне не пришлось его увидеть.

В подвале собралось много женщин и детей. Мы пробыли там два дня. А утром 24 июня нас нашли фашисты. Наставив пулеметы, они приказали нам выйти на площадь возле дома, окружив ее со всех сторон. На наших глазах фашисты расстреляли двоих красноармейцев, а затем принялись грабить квартиры. Даже приказывали снимать с детей и с себя ту одежду, которая им нравилась. Взяв все, что можно было унести, они погнали нас на восток в направлении ближайшей деревни. В пути издевались.

Весь первый год войны я с детьми жила в деревне Соя на Брестчине, а в 1942 году всех жен командиров начали свозить в Жабинку¹.

В 1943 году ко мне пришли гитлеровцы и приказали собираться ехать в Германию на работу.

— У меня маленькие дети,— показывая на 10-летнего Юру и 12-летнего Толку, заплакала я.

Фашист посмотрел на них, глумясь над моим отчаянием, со смехом сказал:

— Не маленькие, сами могут жить. Живо собирайся.

Со слезами на глазах я собралась, и меня пригнали на станцию.

¹ Во временно оккупированных районах СССР фашистские насильники чинили дикие злодеяния. Только в Брестской области за годы оккупации ими было расстреляно, повешено, сожжено и замучено 228 392 человека, в том числе 69 533 женщин и детей, 38 858 военнопленных. Угнано в рабство 30 008 человек. Осенью 1942 года по личному приказу кровавого палача Хойзингера в районе Бреста было расстреляно 44 738 советских граждан, в том числе несколько тысяч членов семей военнослужащих — участников боев на границе и в Брестской крепости в июне — июле 1941 года.

В вагоне, в который меня втолкнули, были молодые девушки. Я в сравнении с ними выглядела почти бабушкой.

— Куда ты, тетка? Удирай домой. Ты старая, тебя не задержат,— говорили мне все.

Эшелон был оцеплен полицией, и я потеряла всякую надежду вырваться из этой ловушки. Но девушки не успокаивались:

— Беги, чего стоишь. Они даже и не подумают, что ты из вагона.

Мне подали вещи, я подошла к одному из полицейских и стала просить его, чтобы отпустил меня. Говорила даже, что я совсем случайно попала сюда, что у меня дома остались маленькие дети, но ничего не действовало. Но когда пообещала ему дать литр спирта, он меня отпустил. Вечером этот полицейский пришел за обещанным. А у меня во время оккупации самогону никогда не было. Выручили из беды добрые соседи. Они дали литр крепкого самогона, которым я, как люди говорят, заткнула горло этой собаке.

После освобождения Бреста от немецко-фашистских захватчиков я с детьми осталась жить в г/п Жабинка, Брестской области.

Теперь мне назначена персональная пенсия за мужа.

Сын Анатолий работает помощником машиниста в паровозном депо города Бреста. У него растут двое детей.

Второй сын — Юра работает на Сахалине в морском торговом флоте.

Горжусь им

Мой отец Ефим Моисеевич Фомин родился 15 января 1909 года в местечке Колышки, Лиозненского района, Витебской области. Его родители рано умерли, и он жил у дяди, а с 1922 года воспитывался в детском доме города Витебска и одновременно работал в сапожной мастерской. В 1924 году отец вступил в комсомол и в том же году окончил школу I ступени. Через 2 года он переехал в город Псков. Там работал на кожзаводе «Пролетарий». В следующем году он поступил учиться в Псковскую окружную коммунистическую партийно-советскую школу II ступени. После ее окончания стал председателем райгруппкома профсоюза Нарпит. В январе 1930 года отца приняли в члены ВКП(б), и в марте этого же года он перешел на партийную работу. Работал старшим пропагандистом Псковского ГК ВКП(б) и заместителем культпропа, затем директором Псковского центрального профсоюзного рабочего клуба, а позднее — секретарем парткома МТС. В марте 1932 года по партийной мобилизации отца направили на партийно-политическую работу в РККА. В 1932 году он — ответственный секретарь коллектива ВЛКСМ в Псковском зенитном полку и в корпусном зенитном дивизионе. Через год его назначили инструктором политотдела 56-й стрелковой дивизии.

С 1935 года отец работал политруком техроты отдельного саперного батальона 1-го стрелкового корпуса. На инспекторском смотре партийно-политическая и боевая работа в его роте была оценена как отличная.

Весной 1936 года отца перевели из Пскова в Крым, в город Феодосию, на должность политрука роты 8-го стрелкового полка 3-й стрелковой дивизии, а затем инструктора в политотделе дивизии.

Осенью 1937 года он уезжает на курсы политработников в Харьков. За успехи в учебе и за хорошую общественную работу на курсах ему объявили благодарность в приказе командующего войсками Харьковского военного округа. После окончания курсов отец был утвержден в должности военного комиссара 23-й Харьковской Краснознаменной орден Ленина стрелковой дивизии, а затем заместителем командира дивизии по политической части и начальником отдела политпропаганды. Все свои знания и силы отец отдавал политическому воспитанию бойцов и командиров дивизии. В то же время он много работал над изучением произведений классиков марксизма-ленинизма, истории нашей Родины, военной истории, экономической географии СССР и зарубежных стран.

В сентябре 1939 года в составе 23-й стрелковой дивизии отец участвовал в освободительном походе Красной Армии на территории Западной Украины. Политотдел дивизии, возглавляемый им, проводил политико-воспитательную работу среди населения Западной Украины, оказывал всестороннюю помощь освобожденным братьям-украинцам.

В марте 1940 года во время войны с белофиннами 23-я дивизия была направлена в резерв Главного Военного Совета Красной Армии.

Летом 1940 года, когда Латвия, Литва, Эстония вошли в состав СССР, 23-я дивизия расположилась в городе Даугавпилсе (Латвийская ССР). Отца отозвали из Москвы, где он в это время учился на курсах при Военной академии им. Фрунзе. Он с го-

ловой ушел в работу по повышению боевой и политической подготовки дивизии. Отец мало бывал в штабе, а целыми днями с утра до ночи находился в полках, заботливо растил кадры молодых политработников.

Нередко отец сам проводил работу с политсоставом полков, вникая во все детали политического воспитания бойцов и командиров, часто выступал с докладами и лекциями перед бойцами, командирами и политработниками дивизии. Он работал над перестройкой партийно-политической работы в соответствии с указаниями партии. Пользовался заслуженным авторитетом среди всего личного состава дивизии. Об этом говорят отзывы товарищей отца по работе.

Отцу в это время было всего лишь 32 года. Он был молод для чрезвычайно ответственной и трудной работы заместителя командира дивизии по политической части и начальника политотдела. К тому же ему никак не удавалось из-за перегруженности работой поехать на учебу и закончить свое образование, хотя он неоднократно просил послать его учиться.

В марте 1941 года отца перевели в распоряжение Западного особого военного округа. 29 марта 1941 года он уехал из города Даугавпилса в Минск, а оттуда получил назначение в Брест на должность заместителя командира 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии по политической части. На новом месте отца снова ждало много работы. Он писал, что ему приходится работать круглые сутки, но он приложит все усилия и сделает полк одним из лучших в дивизии. Один из его сослуживцев, участник обороны крепости А. М. Филь, тоже рассказывал, что отец очень много сил отдавал тому, чтобы улучшить работу в полку. Жил отец в самой крепости, непосредственно в расположении своей части, в одной из комнат штаба. Когда началась война, он оказался в гуще событий.

25 июня 1941 года с матерью, Муравской Августиной Герасимовной, эвакуировались из Даугав-

пилса в Чапаевск, Куйбышевской области. Там она работала на военном заводе, а я учился в средней школе. В 1944 году мы переехали в Кировоград, на Украину. Моя мать в 1946 году была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Сейчас мама получает персональную пенсию, я — юрист. Живем в городе Киеве.

ОФ МГОВК, оп. 84, д. 58, лл. 1—5.

Без сна и отдыха

В январе 1941 года в качестве старшего ординатора хирургического отделения военного госпиталя я прибыл в Брестскую крепость. Госпиталь занимал несколько зданий. Хирургическое отделение располагалось в хорошем каменном двухэтажном помещении.

Корпусной госпиталь находился тогда в стадии формирования: после меня прибывали еще врачи, фельдшеры, административный персонал, поступало медицинское оборудование.

Я жил на частной квартире в городе и поэтому в ночь на 22 июня 1941 года, когда началась война, находился за пределами самой крепости. Вскочив с постели в 4 часа 15 минут от грохота взрывов бомб и артиллерийских снарядов и наскоро одевшись, я побежал в свой госпиталь. Однако пробраться туда уже не мог, так как этот участок находился под сильным обстрелом. За стенами крепости были видны клубы дыма и вспышки многочисленных разрывов. Из ворот крепости выбегали бойцы и командиры. Многие, будучи застигнуты ночью врасплох, были полуодеты, босые, без оружия. Немало было и раненых.

Встретив знакомых мне командиров и в числе их политработника нашего госпиталя Иориша¹, вра-

¹ Старший политрук М. Я. Иориш, заместитель начальника Брестского военного госпиталя по политической части.

чей Шелудко¹ и Файнштейна², я стал с ними отходить через город в направлении на Кобрин. На второй день мы были окружены немецкими войсками, а ночью через лес и болота нам удалось вырваться из вражеского кольца. Однако через 6 дней произошло то, что часто случалось в первые дни войны — нам отрезали путь фашистские танки и колонны моторизованной пехоты. Мы попали в плен. С колонной военнопленных в 600—700 человек я был доставлен в г. Бяла-Подляску, расположенный на западной стороне Буга, примерно в 25 км от крепости.

Отчетливо помню большое поле, обнесенное проволокой. Под открытым небом располагались тысячи советских военнопленных. Маленький домишко, стоявший посреди поля, мы превратили в примитивную операционную и перевязочную, в которой от зари до заката солнца шла непрерывная работа, прекращавшаяся только с наступлением темноты, так как ночью у нас освещения не было.

После настойчивых просьб (я знаю немецкий язык и мог объясняться без переводчика) мы получили кое-какие инструменты, перевязочные материалы и медикаменты. Для стерилизации приспособили ведра и кипятили их на плите. В конюшне, прямо на соломе и даже на навозе, размещались тяжелораненые. В те жаркие июльские дни нагноенные ран, не подвергавшихся хирургической обработке, протекало особенно бурно. Мне и моим товарищам приходилось вскрывать бесконечные затеки гноя, флегмоны, извлекать инородные тела (осколки, пули) и производить самые простые ампутации.

Мы убеждали немецких врачей и офицеров в том, что в таких условиях работать нельзя, что наши раненые нуждаются в настоящей хирургической помощи. Числа 8—10 июля мы отобрали более 100 тяжелораненых и вместе с ними были доставлены в Брест, в химгородок. Здесь был развернут

¹ Л. И. Шелудко, военврач III ранга.

² Е. Ю. Файнштейн.

так называемый «лазарет» для советских военнопленных.

В химгородке во время боев уцелело здание лазарета танковой бригады. Начальник лазарета врач Воронович со своим персоналом самоотверженно и неутомимо оказывал медицинскую и хирургическую помощь раненым, попадавшим к ним. Врач Воронович сохранил хирургический инструментарий, перевязочные материалы, кое-какие продукты питания и даже запасы белья. Лазарет был заполнен до отказа.

Прибывших раненых мы размещали в других корпусах, служивших раньше казармами для войсковой части. Мне пришлось возглавить и руководить работой хирургического отделения, вмещавшего около шестисот тяжелораненых. Без содрогания об этом времени вспоминать невозможно. Только необычайным усилием воли, стремлением спасти, облегчить участь наших родных советских людей можно объяснить то, что делал в неволе небольшой коллектив медицинских работников.

К нам поступали раненые из крепости. Среди доставленных находился и Самвел Матевосян, проявивший себя в боях внутри самой крепости отважным воином.

На 32-й день войны мне пришлось принимать в лазарет майора П. М. Гаврилова, героически сражавшегося в крепости до тех пор, пока силы окончательно не оставили его. Гаврилова привезли на носилках. От длительного голодания и ранений он настолько ослаб, что с трудом мог повернуться на бок. Я даже сейчас не могу себе представить, как нам удалось спасти его. Лицо этого человека заросло бородой, кожа покрылась грязью и копотью. Он был весь изранен, окровавленные тряпки, обрывки белья присохли к ранам, весь его внешний вид производил ужасное впечатление. И ко всему у него была еще тяжелая дистрофия. О стойкости духа майора Гаврилова и о его боевых подвигах нам рассказывали немецкие офицеры.

Как известно, майора Гаврилова удалось выхо-

дить и поставить на ноги. Когда Петр Михайлович Гаврилов выздоровел, мы хотели задержать его в госпитале. Но фашисты увезли мужественного защитника крепости в глубь Германии.

Часть раненых защитников Брестской крепости попадала в гражданскую городскую больницу, где в то время работал весьма опытный и беззаветно преданный нашей Родине врач-коммунист С. И. Ильин¹. Конечно, этим раненым была оказана наиболее полная хирургическая помощь. Об этом мы могли судить, когда их перевозили в наш лазарет.

Однако основная масса раненых поступала к нам без какой-либо хирургической обработки. Ведь в подвалах и подземельях крепости удавалось наложить только самые примитивные повязки с помощью индивидуальных пакетов. Некоторые пострадавшие не имели даже таких повязок и доставлялись с открытыми ранами.

Уговорив немецкое командование, наши врачи и фельдшеры ездили в крепость, из-под обломков зданий извлекали уцелевший инструментарий, а из подвалов доставали перевязочные материалы и медикаменты. Руководил сбором оборудования бывший начальник крепостного госпиталя врач Б. Маслов. Строго соблюдая принципы советской медицины, врачи брестского лазарета стремились организовать всю свою работу, включая и хирургическую помощь, по нашему образцу. Мне лично очень помогал тот богатый опыт, который я получил, работая хирургом медсанбата в одной из дивизий, участвовавших в боевых действиях в Финляндии в 1939—1940 годах.

Вспоминая работу в то время, я могу сказать, что в результате наших трудов и усилий удалось не только спасти жизнь многим защитникам Брестской крепости, но и восстановить им полную трудоспособность. Об этом весьма ярко и убедительно гово-

¹ В настоящее время С. И. Ильин главврач областной больницы в г. Могилеве, заслуженный врач БССР.

рят личные мои встречи с ними и те простые, сердечные письма, которые мне приходится получать. Когда читаешь их неудержимо волнующие строки, каждый раз в памяти возникают воспоминания о пережитом.

Можно ли забыть летчика Абрамова, сбитого в окрестностях Бреста и доставленного в наш лазарет с тяжелым переломом голени и другими ранениями? С первого взгляда ампутация голени казалась неизбежной, и участь калеки была бы предрешена ему на всю жизнь. Однако проведенное хирургическое лечение привело к полному заживлению ран, хорошему срастанию перелома с восстановлением функции ноги. Я смог в этом убедиться через четыре года, встретив Абрамова под Москвой. Он ходил без палочки и только едва заметно прихрамывал.

Результаты более сложной и тонкой операции, выполненной мною в брестском лазарете, можно проследить и на судьбе рядового Хваткова. Он был ранен пулей в мягкие ткани правой руки. Кость осталась цела, но плечевая артерия и срединный нерв оказались перебитыми. Образовалась большая пульсирующая гематома, причинявшая ужасные боли. Рука бездействовала, и Хватков просил, чтобы ее ампутировали. Однако мне удалось при операции очень удачно перевязать поврежденные сосуды и даже сшить срединный нерв. Рана хорошо зажила, рука осталась целой, и Хватков стал работать у нас санитаром. Почти в течение двух лет я имел возможность наблюдать, как исчезал паралич и постепенно восстанавливались движения руки и пальцев Хваткова.

Молодого офицера перевели ко мне в отделение с небольшим пулевым ранением в правой височной области. За последние дни его состояние ухудшилось, он даже потерял сознание. Осмотр раненого и консультация с невропатологом В. А. Четверухиной¹ даже при отсутствии рентгенологического ис-

¹ В настоящее время врач В. А. Четверухина-Кокарева работает в г. Ленинграде.

следования (которое в тех условиях было невозможно) убедили меня в наличии слепого проникающего ранения черепа с образованием абсцесса мозга. И действительно, при срочной операции, произведя трепанацию черепа, я обнаружил абсцесс, извлек деформированную пулю, исковерканную пуговицу и кусочек околыша фуражки, которые пулей были увлечены в полость черепа и послужили там источником нагноения. Офицер стал быстро поправляться, и рана зажила. Совершенно очевидно, что без своевременно произведенной хирургической операции гибель его была бы неизбежной.

ОФ МГОбК, оп. 95, д. 5, лл. 4—9.

Приложение

Боевые действия частей корпуса с 22/VI 1941 г. по 1/VII 1941 г.¹

Командующему 4-й армии генерал-майору Коробкову. Боевое донесение № 16, Штакор² 28, лес 2 км восточнее Журавич 8/VII 1941 г. 12. 00.

Докладываю ход боевых действий частей корпуса с 22/VI 1941 г. по 1/VII 1941 г.

1. Обстановка перед началом действий

До самых последних дней никакими конкретными данными о предстоящей провокации со стороны Германии корпус не располагал...

20 июня 1941 г. по плану боевой подготовки штабов штакор со штабами 6-й, 42-й, 75-й сд³ вышел в поле в район Жабинки для проведения командно-штабных учений. 21 июня 1941 г. в 18.00 по окончании учения штактору было приказано оставаться на КП⁴ до особого распоряжения. Штабы дивизий были отпущены к местам постоянной дислокации.

Командиры дивизий после учения мною лично были предупреждены о напряженной обстановке и о приведении частей в боевую готовность. Вместе с тем боевая учеба и работа по заданию высшего командования к этому времени не прерывалась:

¹ Боевое донесение командира 28-го стрелкового корпуса командующему 4-й армии приводится с сокращениями. Упущены: описание дислокации других частей корпуса вне крепости накануне войны, а также 2-я часть донесения, рассказывающая о действиях войск корпуса при отходе.

² Штакор — штаб корпуса.

³ Сд — стрелковая дивизия.

⁴ КП — командный пункт.

а) саперные батальоны сд и ск¹, а также по одному стрелковому батальону от стрелкового полка и часть подразделений дивизионной артиллерии работали по сооружению укрепленного района (всего 9 батальонов и 3 артдивизиона и все саперные батальоны частей корпуса);

б) школы саперных батальонов находились в лагере Булково;

в) батальоны связи сд и ск находились в лагере в 8 км северо-восточнее Бреста;

г) зенитный дивизион 28-го ск (матчасть) находился в артиллерийском лагере Крупки (Минск).

Для сбора этих подразделений по тревоге (они составляли одну третью часть всех войск корпуса) потребовалось бы не менее 1—1,5 дней. По этому вопросу никаких указаний получено не было, и без санкции армии и округа отозвать эти подразделения было нельзя.

Остальные части корпуса к началу боевых действий были дислоцированы:

6-я сд — 84-й сп без 2 сб, 125-й сп без одного сб, 131-й ап, 333-й сп без одного сб, 37-й обс, 246-й озад, птд, орб, медсанбат, 31-й автобат, пах, арт и в/х склады дивизии — крепость Брест².

42-я сд — 44-й сп без 2 батальонов, 455-й сп без 2 батальонов, 393-й озад, склады этих полков — крепость Брест.

В крепости, кроме того, были дислоцированы: 33-й инженерный полк, 17-й погранотряд, армейский госпиталь и корпусной госпиталь. В районе внешнего вала крепости в днс³ были размещены семьи начальствующего состава. За пределами внешнего вала крепости были расположены: один стрелковый батальон 44-го сп.— форт 8-й (2 км южнее крепости); один батальон 455-го сп.— форт 5-й (4 км северо-западнее Бреста); штаб 459-го сп, 3-й батальон 459-го сп, 472-й ап в районе Жабинки, Петровичи (20 км северо-восточнее Бреста); один батальон 459-го сп был на строительстве укрепрайона; 2-й батальон 459-го сп охранял штарм⁴ в городе Кобрин...

¹ Ск — стрелковый корпус.

² Сп — стрелковый полк, сб — стрелковый батальон, ап — артиллерийский полк, обс — отдельный батальон связи, озад — отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, птд — противотанковый дивизион, орб — отдельный разведывательный батальон, медсанбат — медико-санитарный батальон, автобат — автомобильный батальон, пах — полевая армейская хлебопекарня, арт и в/х склады — артиллерийские и военно-хозяйственные склады; 131-й ап — располагался вне крепости на берегу реки Западный Буг перед главным оборонительным валом в западной части Кобринского укрепления; 246-й озад в крепости не располагался.

³ Днс — дома начальствующего состава.

⁴ Штарм — штаб армии.

В мае 1941 г. я принял решение вывести 6-ю сд в лагерь (в район Южного городка) за пределы крепости, оставив в крепости только 1—2 стрелковых полка 42-й сд. Примерно в первой половине июня 1941 г. мне начальником штаба 4-й армии полковником Сандаловым было передано распоряжение командующего ЗапВО генерала армии тов. Павлова, что 6-ю сд на такое незначительное удаление (4—6 км), в лагерь, не выводить и палатки для нее отпущены не будут.

2. Начало боевых действий

В 4.15 22/VI 1941 г. противник с укороченных дистанций неожиданно открыл сосредоточенный беглый артиллерийский огонь (не менее 4—5 артподков) по районам — крепость, Северный городок и Южный городок, перенося затем отдельными орудиями и батареями огонь по городу. Одновременно подверглись интенсивной воздушной бомбардировке Северный и Южный городки, вокзал Брест и район станции Жабинка.

В первый же период артиллерийского обстрела были разрушены мосты, выводившие из крепости (через реку Мухавец). Сооружения и склады крепости, военные городки, а также район вокзала Бреста сразу же охватило огнем, причем пожар быстро распространялся вследствие продолжавшейся интенсивной бомбардировки. Всякая связь была сразу нарушена.

В этих условиях части Брестского гарнизона стали подниматься по боевой тревоге, неся большие потери в личном составе и материальной части.

Планомерный сбор и развертывание частей корпуса, предусмотренные красным пакетом, были сорваны. Склады горели и взрывались. Командный состав, живущий в днс, в большинстве своем не мог попасть к своим подразделениям.

Гарнизон крепости был артиллерийским огнем и пожаром расчленен на отдельные группы людей, одна часть которых искала укрытия от обстрела, другая — сквозь пламя пожаров и бесперывные взрывы снарядов стремилась к выходам из крепости. В результате удалось вывести разрозненные подразделения 333-го и 125-го сп, а также отдельные группы 44-го, 455-го и 84-го сп.

В итоге часть гарнизона крепости понесла потери убитыми, ранеными и без вести пропавшими; склады и большинство матчасти гарнизона крепости были уничтожены. Подавляющая часть семей начсостава осталась в городе Бресте и в крепости. В общей сложности из находившихся в крепости частей: 5 батальонов 6-й сд и 2 батальонов 42-й сд со спецподразделениями было выведено предположительно до 50%.

Сверх того, из состава гарнизонов Северного и Южного городков, а также из района Жабинка, Петровичи почти все части были развернуты и приняли участие в бою.

9 батальонов, находящихся на строительстве, вели бой совместно с гарнизоном ур¹ и частично отошли вместе с 49-й сд. Кроме того, на участке южнее Бреста вела бой 75-я сд, которая, по имеющимся данным, до сего времени оказывает сопротивление на Пинском направлении.

3. Ход боевых действий

К утру 22/VI 1941 г. части 28-го ск разворачивались на рубеже:

42-я сд — м. Чернавчицы, Курница, Велька.

6-я сд — роца 2 км южнее Черни.

Около 10.00 22/VI 1941 г. в район Жабинки вышло до 60 танков воинской части из Южного городка. Они распоряжением командующего 4-й армии были подчинены командиру 28-го ск. В 10.30 22/VI 1941 г. командир корпуса приказал наличными силами 6-й, 42-й сд при поддержке танков перейти в контрнаступление и ударом с северо-востока овладеть Брестом, отрезая пути отхода противника через Буг. Этот маневр был сорван активными действиями авиации и танков противника, и осуществить его не удалось...

Части, оказывая упорное сопротивление, продолжали медленно отходить на восток. К 8.00 23/VI 1941 г. вели бой за Кобрин...².

*Командир 28-го стрелкового корпуса генерал-майор
ПОПОВ.*

*Начальник штаба 28-го стрелкового корпуса полковник
ЛУКИН.*

Исполнил: полковник Лукин.

9/VII 1941 г.

¹ Ур — укрепленный район.

² Архив МО СССР, ф. 318, оп. 4631, д. 8 с оперативными документами 28-го стрелкового корпуса, лл. 50—54.

Содержание

Предисловие	5
Бои на Тереспольском укреплении	38
Мясников М. И. Пограничники	41
Черный А. С. Рядом с другими	49
Клыпа П. С. Безымянный герой	54
Защита Волынского укрепления	55
Кюнг Н. Ф. На подступах к крепости	59
Губарь И. Л. Под огнем врага	67
Ткачева П. Л. На территории госпиталя	71
Бои на Кобринском укреплении	74
Фурсов В. И. Боевое крещение	79
Ландышев Г. А. Выполняя приказ	83
Сиваков П. Е. Так сражались мои друзья	89
Хидиров Турсун. За свободу Отчизны	95
Никитин А. М. Кровавый рассвет	99
Исполатов Н. М. В крепость пришла война	105
Горбатков К. Г. Не выпуская из рук оружия	115
Пискун М. Г. Защищая вновь обретенную Родину	121
Костякова Е. С. Я видела стойкость защитников	125
Никифоров В. П. Раненые не покидают строя	131
Зайцев В. К. В кольце врагов	135
Дубинин М. С. Твердые духом	139
Соколов Н. И. Суровое испытание	145
Никитина-Аршинова А. А. Самоотверженность	167
Коломиец Я. И. Незабываемые дни	171
Макаров Г. С. До последнего патрона	177
Сухолуцкий С. М. Рассказ рядового	181

<i>Касаткин К. Ф.</i> А мальчик бредет по дороге...	189
<i>Казьмин В. П.</i> Глазами очевидца	193
<i>Терехов С. П.</i> С верой в победу	199
<i>Черняев И. Ф.</i> Наш политрук	205
<i>Семенюк Р. К.</i> Верность знамени	209
<i>Гаврилов П. М.</i> Люди нестигаемой воли	215
Оборона Цитадели	227
<i>Мельников И. П.</i> В обороне	235
<i>Филь А. М.</i> Наши командиры	239
<i>Забирко Ф. Е.</i> На боевом посту	249
<i>Солозобов В. С.</i> До последнего дыхания	253
<i>Милькевич С. Е.</i> Дорогой ценой	261
<i>Абдуллаев Даниял.</i> Дорогие воспоминания	265
<i>Кочин Л. А.</i> Презирая смерть	269
<i>Дурасов А. И.</i> В упорной борьбе	277
<i>Жигунов А. В.</i> Боевое крещение	287
<i>Матевосян С. М.</i> Сила советского характера	291
<i>Ковтун З. С.</i> Ничто не страшило нас	297
<i>Кувалин С. М.</i> Мы продолжали сражаться	299
<i>Тарасов Н. А.</i> Сквозь шквал огня	307
<i>Нуриджанян С. Б.</i> В те дни...	317
<i>Журавлев Ф. Ф.</i> Высокий подвиг	323
<i>Долотов И. И.</i> Под знаменем Ленина	327
<i>Морозов Н. М.</i> Отбивая атаки	343
<i>Виноградов А. А.</i> На переднем крае	351
<i>Гноевой А. З.</i> В крепости над Бугом	359
<i>Махнач А. И.</i> Не померкнет слава боевая	363
<i>Лаенков Ф. И.</i> Пережитое	373
<i>Хваталин И. Ф.</i> Отважные сердцем	377
<i>Кошкаров П. П.</i> Воля к борьбе	387
<i>Романов А. Д.</i> Их подвигов не перечислить	413
<i>Белоусов Н. С.</i> Стойкость и бесстрашие	425
<i>Демин С. Т.</i> За погибших товарищей	433
<i>Кузнецов И. П.</i> Не падая жизни	437
<i>Семененко А. И.</i> Бессмертие	441
<i>Оскирко И. П.</i> За кровь и муки	445
<i>Бессонов А. П.</i> Настоящие люди	449
<i>Санин А. С.</i> Наши держались	457
<i>Гуревич М. П.</i> Сила народная	465
<i>Алексеев И. А.</i> Это не должно повториться	469
<i>Еремеев Г. Т.</i> Они защищали Родину	473

<i>Клопов К. В.</i> Лицом к лицу	483
<i>Тимофеенко В. И.</i> Священный долг	487
<i>Конгровская Н. М.</i> Во имя жизни	491
<i>Сачковская В. И.</i> За мир и счастье	499
<i>Котельников П. П.</i> Вместе со взрослыми	507
<i>Коновалов К. И.</i> Никогда не забыть	515
<i>Бобренок С. Т.</i> Они были первыми	519
<i>Клыпа П. С.</i> Дни и ночи	551
<i>Хлебников Е. Г.</i> Их не забудем	561
<i>Петлицкий А. Л.</i> Есть огонь!	565
<i>Караванов А. И.</i> На западном рубеже	571
<i>Кузнецов А. П.</i> На границе	575
<i>Зубачева А. А.</i> Память сердца	578
<i>Фомин Ю. Е.</i> Горжусь им	582
<i>Петров Ю. В.</i> Без сна и отдыха	586
<i>Приложение</i>	592

**Героическая оборона. Минск, Госиздат
БССР, 1963.**

9(С)27

Редактор *М. Фельгин*
Оформление *Б. Аракчеева* и *С. Ковалева*
Художественный редактор *И. Славянин*
Технический редактор *Г. Домовская*
Корректоры *А. Королева, А. Ткачева*

АТ 01550. Сдано в набор 21/II 1963 г.
Подп. к печати 19/VI 1963 г. Тираж
100 000 экз. Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л.
18,75. Усл. печ. л. 30,75. Уч.-изд. л. 27,7.
Зак. 1453. Цена 86 коп., в цельнотканевом
переплете 91 коп.

Полиграфический комбинат им. Я Коласа
Главиздата Министерства культуры БССР,
Минск, Красная, 23.

86 к.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВА